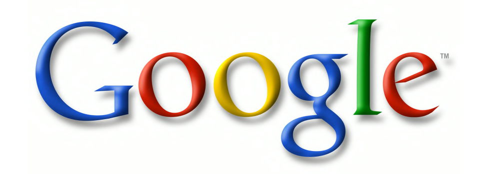

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

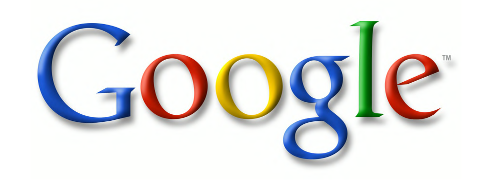
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, иреждe чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использоваиия

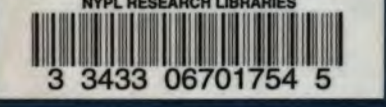
Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ипринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

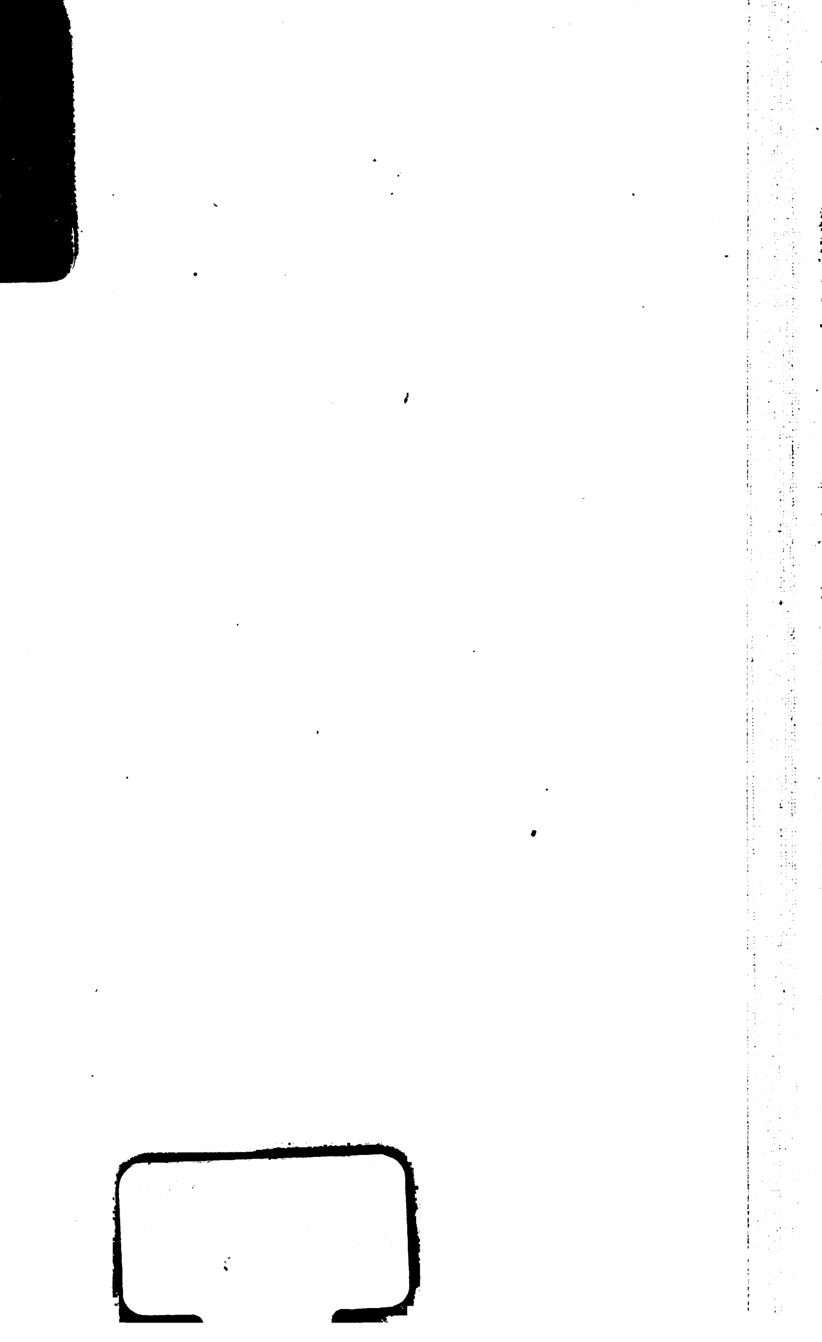
Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 06701754 5

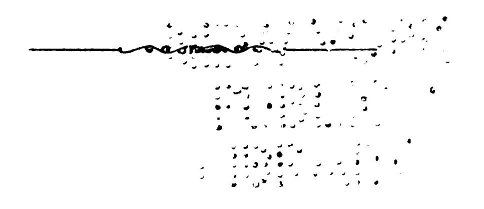

С. СТЕПНЯКЪ
(С. М. Кравчинскій)

Андрей Кожуховъ

Изданіе Фанни Степнякъ

ЖЕНЕВА
Типографія „Союза Русскихъ Соціальдемократовъ“.
1898

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
793580 A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Изданія Фанни Степнякъ.

Домикъ на Волгѣ, повѣсть . . . . 1 ф.

Новообращенный, драма. . . . . 1 ф.

Готовится къ печати:

Штундистъ Павелъ Руденко, романъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЫ.

Сергѣй Михайловичъ Кравчинскій написалъ этотъ романъ по англійски, подъ заглавіемъ: „The Career of a Nihilist“. Напечатанъ онъ былъ въ 1889 году. Впослѣдствіи авторъ глубоко жалѣлъ, что не писалъ его на родномъ языкѣ, и завѣтной мечтой его было увидѣть въ русскомъ переводѣ свое любимое произведеніе, надъ которымъ онъ съ такимъ увлеченіемъ работалъ цѣлыхъ полтора года. Первыя четыре главы III части романа были переведены при жизни и подъ редакціей автора и помѣщены въ № 2 журнала „Соціаль-Демократъ“ (Женева, 1890 г.). Онѣ воспроизведены безъ перемѣны. Остальная работа была сдѣлана подъ редакціей Петра Алексѣевича Кропоткина, и ему я обязана возможностью представить, наконецъ, это произведеніе русской читающей публикѣ. Онъ много положилъ труда и времени, чтобы довести печатаніе этого романа до конца, и я не могу не выразить ему тутъ моей горячей благодарности.

Я думаю, что романъ „Андрей Кожуховъ“ будетъ цѣннымъ вкладомъ въ русскую литературу. Вдаваться здѣсь въ его оцѣнку было бы неумѣстно, но русскимъ читателямъ, вѣроятно, будетъ интересно прочесть предисловіе, написанное Георгомъ Брандесомъ къ датскому переводу этого романа, и узнать, какъ великій литературный критикъ нашего времени оцѣнилъ автора и его главное литературное произведеніе. Я, конечно, не позволяю себѣ никакихъ измѣненій въ этомъ предисловіи, и воспровожу его здѣсь въ точномъ переводѣ.

Теперь я приступаю къ печатанію новаго романа Сергѣя Михайловича, подъ названіемъ „Штундистъ Павелъ Руденко“. Написанъ онъ былъ, къ счастью, по русски.

8кп/
x349

СЕРГѢЙ СТЕПНЯКЪ.

Друзья Степняка знали, что его настоящее имя не Степнякъ. Онъ былъ С. М. Кравчинскій, и родился онъ въ дворянской семьѣ на югѣ Россіи, въ 1852 году. Его отецъ былъ бѣлоруссъ, а мать украинка. Съ дѣтства ему удалось близко ознакомиться въ деревнѣ съ положеніемъ русскаго крестьянина. Онъ полюбилъ его, и эта любовь осталась на всю жизнь. Онъ учился въ военномъ училищѣ и сталъ артиллерійскимъ офицеромъ, но скоро вышелъ въ отставку, чтобы вполнѣ отдаться распространенію здравыхъ понятій среди простого народа при помощи тайной пропаганды. Работалъ онъ въ предмѣстьяхъ Петербурга и въ деревняхъ по Волгѣ и, чтобы не пугать крестьянъ своею барскою одеждою, сталъ, подобно другимъ своимъ товарищамъ, подеищикомъ рабочимъ. Впослѣдствіи, когда объ этомъ разговаривали, онъ не упускалъ случая замѣтить: „Рогачевъ, который могъ ломать подковы, былъ сильнѣе меня, но я могъ выстаивать дольше“.

Онъ обладалъ желѣзною волею, которая вдохновляла и другихъ его энергіей, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ идеализирующій умъ поэта; онъ скоро сталъ, поэтому, всеобщимъ любимцемъ, и всѣ объ немъ заботились, какъ бы онъ не попался. Чтобы этого не случилось, его послали заграницу, но такъ какъ жажда дѣятельности скоро заставила его вернуться, то друзья выискали всякіе предлоги и употребили всякія хитрости, чтобы вторично услать его. Въ 1875 году онъ отправился въ Герцеговину и принялъ тамъ участіе въ возстаніи противъ турецкаго правительства. Онъ описывалъ свои военныя похожденія съ большимъ юморомъ: какъ турки, сидя со своею флегмою на шканцахъ, часто и не думали прятаться за укрѣпленія, такъ какъ бунтовщики стрѣляли довольно плохо; а такъ какъ сами они стрѣляли не лучше первыхъ, то война продолжалась безъ страстности и вражды, покуда кто-нибудь случайно не будетъ убитъ. Въ 1877 году онъ присоединился къ итальянскимъ революціонерамъ въ ихъ попыткѣ сдѣ-

лать набѣгъ на Беневенто, но они были разбиты и арестованы, и онъ провелъ около года въ итальянской тюрьмѣ. Онъ, очевидно, съ того времени сталъ думать о какомъ-нибудь революціонномъ предпріятіи, въ которомъ стоило бы ему принять участіе; я думаю также, что онъ понялъ впослѣдствіи, какъ необдуманъ былъ ихъ походъ: онъ неохотно разговаривалъ объ немъ.

Когда умеръ Викторъ Эммануилъ въ 1878 году, Степнякъ былъ выпущенъ на свободу, основалъ русскую газету въ Женевѣ и съ первымъ же ея номеромъ поѣхалъ въ Петербургъ. Онъ больше не хотѣлъ, съ тѣхъ поръ, держаться вдали отъ дѣятельности въ самой Россіи. Въ Петербургѣ онъ нашелъ образцовую тайную организацію и скоро сталъ душой ея. Радикальная и интеллигентная часть русской молодежи убѣдилась, послѣ первыхъ своихъ опытовъ, что никакого улучшенія условій невозможно добиться легальнымъ путемъ. Ея вожаки отдавались безусловно своему дѣлу, смотрѣли смерти безстрашно въ глаза и ставили свою жизнь на карту ради всякаго акта, который, по ихъ мнѣнію, могъ бы подвинуть впередъ дѣло. Степнякъ, который по своей натурѣ любилъ опасности, искалъ случая показать свою смѣлость и силу воли. Первый террористическій актъ былъ порученъ ему. Это было убійство генерала Мезенцова, начальника тайной полиціи, на которомъ хотѣли отомстить возмутительное обращеніе съ политическими заключенными въ Петербургѣ и Харьковѣ. Исполнительный Комитетъ послалъ генералу его смертный приговоръ, и два дня спустя, 16-го августа 1878 года, Степнякъ нанесъ ему ударъ кинжаломъ въ сердце на людной площади Петербурга. Моментально вслѣдъ за тѣмъ онъ вскочилъ въ элегантный экипажъ, стоявшій наготовѣ, и ускакалъ. Онъ никогда не жалѣлъ объ этомъ актѣ. Разъ, вечеромъ, въ ноябрѣ 1895 года, онъ написалъ слѣдующія слова молоденькой дѣвушкѣ, просившей его автографа для своего альбома: „Оставайся вѣрной самой себѣ, и ты никогда не будешь знать угрызеній совѣсти, которыя составляютъ единственное дѣйствительное несчастье въ жизни“.

Степнякъ оставался затѣмъ преспокойно въ Петербургѣ, какъ будто ничего не случилось, хотя за его голову была назначена высокая цѣна. Онъ продолжалъ ходить по „горячей мостовой“ Петербурга. Только пять мѣсяцевъ спустя удалось его друзьямъ отправить его заграницу. Онъ, однако, собирался вернуться черезъ три недѣли. Но съ тѣхъ поръ онъ не видалъ Россіи; какъ только онъ попалъ въ Швейцарію, его друзья стали указывать ему на тысячи трудностей, сопряженныхъ для нихъ съ его возвращеніемъ. Онъ выучился итальянскому языку, а впослѣдствіи англійскому, съ такимъ совершенствомъ, что могъ говорить и писать на нихъ, какъ на русскомъ. Французскій онъ уже зналъ раньше. Его первая книга, „Подпольная Россія“, съ предисловіемъ ветерана-революціонера, Петра Лаврова, гдѣ онъ представлялъ его европейской публикѣ, была первоначально написана по итальянски.

Степнякъ переѣхалъ въ Англію и сталъ писателемъ на англійскомъ языкѣ и главнымъ истолкователемъ въ Англіи русскихъ дѣлъ и внутренней русской жизни. Онъ написалъ: „Русскіе крестьяне“, „Подцарская Россія“, „Русская туча на востокѣ“, „Что такое нигилизмъ“ и т. д. и, наконецъ, „Царь-журавль и царь-чурбанъ“, — свою послѣднюю работу, въ двухъ томахъ, которая вышла изъ печати за нѣсколько дней до его смерти. Онъ читалъ лекціи по англійски, въ Англіи и въ Сѣверной Америкѣ, съ такой легкостью, что могъ говорить, сколько хотѣлъ, не утомляя своихъ слушателей. Разсказываютъ, что однажды въ Ньюкастлѣ онъ говорилъ два часа и десять минутъ подрядъ, и что когда онъ умолкъ, его слушатели пожалѣли, что лекція уже кончилась.

Изъ его книгъ есть одна, которую слѣдуетъ прочесть съ самымъ большимъ вниманіемъ, и которая даетъ истинную психологію героизма. По англійски она озаглавлена „The Career of a Nihilist“. Эта книга — не только совершенно вѣрный жизни и въ высшей степени увлекательный романъ, но она содержитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, такой тонкій и проницательный анализъ, какого

не встрѣчается во всей европейской литературѣ, внутреннихъ мотивовъ, двигавшихъ интеллигентную русскую молодежь въ тотъ періодъ, при Александрѣ II, когда нигилизмъ достигъ полнаго своего разцвѣта и когда смѣлые акты молодежи, къ несчастію не принесшіе непосредственной пользы, совершались съ героизмомъ и подавлялись съ жестокостью.

Въ то время молодые люди, мужчины и женщины, показали Европѣ, что русскій народъ вовсе не состоитъ только изъ рабовъ, довольныхъ своимъ рабствомъ, и такимъ образомъ, подняли этотъ народъ въ глазахъ Европы. Но ихъ кровавые акты только ухудшили скверное политическое положеніе.

Эта книга Степняка въ сущности содержитъ облеченную въ романическую форму автобіографію. Онъ выступаетъ въ обоихъ герояхъ, Андреѣ и Георгѣ. И его книга показываетъ, съ какими внутренними муками и пожертвованіемъ всякаго права на личное счастье нигилисты шли въ то время на свои кровавыя дѣла.

Домъ Степняка, въ Woodstock Road, какъ замѣтилъ „Times" въ некрологѣ, былъ мѣстомъ, гдѣ встрѣчались прогрессивные писатели и художники всякаго рода и всѣхъ націй, и вмѣстѣ съ тѣмъ средоточіемъ для колоніи русскихъ изгнанниковъ, живущихъ въ Лондонѣ. Въ Англіи онъ былъ внѣ опасности. Такъ, напримѣръ, въ ноябрѣ 1895 года, когда на обѣдѣ, дававшемся въ The Authors' Club въ честь одного иностраннаго писателя, ему пришлось сидѣть между почетнымъ гостемъ и человѣкомъ, занимавшимъ высокое положеніе въ англійскомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, председатель, подозрѣвавшій, что этотъ господинъ могъ принимать участіе въ переговорахъ съ русскимъ посольствомъ на счетъ возможной выдачи Степняка, чувствовалъ нѣкоторую неловкость относительно того, какъ сойдетъ эта встрѣча. Но оба сосѣда черезъ нѣсколько минутъ сами разговорились въ высшей степени любезно, и все отлично сошло между ними. Этотъ фактъ прекрасно иллюстрируетъ независимый образъ мыслей англичанъ.

Дѣйствительно, Англія въ наше время представляетъ

убѣжище для изгнанниковъ, — единственное убѣжище въ Европѣ. Только помѣшанному могло бы придти въ голову укрываться въ странахъ, въ родѣ Пруссіи или Австріи. Франція, въ настоящую минуту — вздыхательница по Россіи. Швейцарія слишкомъ мала, чтобы отстаивать свою независимость. Остается одна Англія, и изгнанники питаютъ чувство благодарности къ англійской странѣ.

Но не слѣдуетъ думать, чтобы ихъ не тянуло на родину. Разъ вечеромъ, два года тому назадъ, когда Степнякъ провожалъ меня до станціи Turnham Green, и довольно шумный разговоръ шелъ между нами на платформѣ, я невольно замѣтилъ: „Хорошо вамъ, однако — что̀ и говорить — дышать англійскимъ воздухомъ и свободно разговаривать, не имѣя за собою шпіона". Его отвѣтъ былъ: „Чего бы я только не далъ, чтобы вдохнуть глотокъ русскаго воздуха!"

Ему не удалось подышать русскимъ воздухомъ. Мѣсяцъ спустя, его уже не было въ живыхъ. Онъ погибъ трагически на желѣзной дорогѣ, 23-го декабря 1895 года, когда, погруженный въ книгу, онъ переходилъ рельсы вблизи своего дома и не дослышалъ свистка приближавшагося поѣзда, котораго нельзя было видѣть съ того мѣста, гдѣ онъ находился, вслѣдствіе заворота дороги; поѣздъ набѣжалъ на него и раздавилъ.

Его смерть была скорбною вѣстью для друзей свободы во всемъ мірѣ.

Георгъ Брандесъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. — ВСЕ ДЛЯ ДѢЛА.

ЧАСТЬ I.

ЭНТУЗІАСТЫ

ЭНТУЗІАСТЫ

ГЛАВА I.

НАКОНЕЦЪ!

Елена наскоро окончила свой скромный обѣдъ въ маленькомъ женевскомъ ресторанѣ — излюбленномъ сборномъ пунктѣ русскихъ эмигрантовъ — и отказалась отъ кофе. Она обыкновенно позволяла себѣ эту роскошь, съ тѣхъ поръ, какъ ей посчастливилось раздобыть урокъ русскаго языка, но сегодня она торопилась. У нея въ карманѣ лежало давно ожидаемое письмо изъ Россіи, только что переданное ей старымъ сѣдымъ часовщикомъ, который получалъ на свое имя всю ея заграничную корреспонденцію, и она горѣла нетерпѣніемъ передать драгоцѣнное посланіе своему другу Андрею. Хотя оно и относилось непосредственно къ нему, но навѣрное содержало извѣстія общаго характера.

Перекинувшись нѣсколькими словами съ однимъ изъ товарищей по изгнанію, дѣвушка прошла между рядами столиковъ, за которыми сидѣли рабочіе въ блузахъ, и вышла на улицу. Было только половина восьмаго; она увѣрена была, что застанетъ Андрея дома; онъ жилъ по близости, и черезъ пять минутъ она была у его двери; ея красивое, нѣсколько холодное лицо слегка раскраснѣлось отъ быстрой ходьбы.

Андрей былъ одинъ и читалъ какую то статистическую книгу, дѣлая изъ нея выписки для своей еженедѣльной статьи въ русской провинціальной газетѣ.

Онъ повернулъ голову и поднялся, протягивая руку гостьѣ.

— Вотъ вамъ письмо, сказала Елена, здороваясь съ нимъ.

— А, воскликнулъ онъ. Наконецъ-то!

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-шести или семи, съ серьезнымъ, добрымъ лицомъ и правильными чертами. Лобъ его носилъ отпечатокъ раннихъ заботъ и глаза имѣли задумчивое выраженіе, но это не нарушало впечатлѣнія рѣшимости и спокойствія, производимаго его сильною, хорошо сложенною фигурою.

Легкій румянецъ покрылъ его лобъ въ то время, какъ пальцы его тонкой мускулистой руки съ нервной торопливостью распечатывали конвертъ. Онъ развернулъ большой листъ бумаги, покрытый далеко отстоявшими другъ отъ друга строками, написанными мелкимъ, неровнымъ почеркомъ. Елена выказывала не менѣе нетерпѣнія, чѣмъ онъ самъ; она подошла къ нему и положила руку на плечо, чтобы тоже заглянуть въ письмо.

— Сядьте лучше, Лена, сказалъ молодой человѣкъ. Вы заслоняете свѣтъ вашими локонами.

Бѣдно обставленная комнатка плохо освѣщалась небольшой лампой подъ зеленымъ абажуромъ. Только ножки нѣсколькихъ простыхъ стульевъ и нижняя часть коммода изъ краснаго дерева были освѣщены надлежащимъ образомъ. Желтые обои, съ развѣшанными на нихъ, дешевой олеографіей швейцарскаго генерала Дюфура, стереотипнымъ пейзажемъ, фотографіей умершаго мужа хозяйки и ея собственнымъ школьнымъ дипломомъ, подъ стекломъ и въ золотой рамкѣ — все это погружено было въ полумракъ, очень выгодный для картинъ, но лишавшій возможности читать.

Андрей подвинулъ еще одинъ стулъ къ круглому обѣденному столу, покрытому книгами и газетами, и повернулъ лампу такъ, чтобы она освѣщала часть стола, служившую ему пюпитромъ. Елена сѣла подлѣ него и придвинулась такъ близко, что волосы ихъ соприкасались, но оба они были слишкомъ поглощены чтеніемъ,

чтобы обращать на это вниманіе. Съ чисто женскимъ проворствомъ Елена быстро пробѣжала страницу и первая высказала свое мнѣніе.

— Въ письмѣ ничего нѣтъ! сказала она. Все это вздоръ! Нечего даже терять время на чтеніе.

Этотъ странный совѣтъ не возбудилъ, однако, удивленія со стороны Андрея и онъ спокойно отвѣтилъ.

— Обождите минутку. Я узнаю почеркъ Жоржа, а онъ обыкновенно вставляетъ кое что интересное. Во всякомъ случаѣ, прочесть не долго. „Дорогой Андрей Анемподистовичъ, спѣшу извѣстить васъ“.... гмъ.... гмъ.... „въ виду сильныхъ морозовъ“.... гмъ.... гмъ.... „овцы и телята“... гмъ.... гмъ.... бормоталъ Андрей, быстро пробѣгая строчки глазами.

— А вотъ тутъ что-то о домашнихъ дѣлахъ. Давайте, прочтемъ.

„Что касается домашнихъ дѣлъ“ — Андрей читалъ тономъ канцелярскаго чиновника, дѣлающаго рапортъ, — „извѣщаю васъ, что сестра Катя вышла замужъ за.... она его встрѣтила прошлой осенью въ.... мужъ оказался человѣкомъ безъ принциповъ и чувства чести... хуже того.... она въ отчаяніи.... Я бы никогда не думалъ, что она.... Отецъ крайне огорченъ.... сѣдые волосы... Мы надѣемся только, что все-облегчающее время, утѣшитель страждущихъ....“

Патетическое изліяніе было прервано веселымъ смѣхомъ Елены, или Лены, какъ ее называлъ ея другъ.

— Сейчасъ видно, сказала она, что поэтъ писалъ.

Ничуть не обиженный такой неумѣстной веселостью, Андрей продолжалъ читать, быстро бормоча сквозь зубы конецъ письма.

— Да, вы были правы, не стоило читать, сказалъ онъ наконецъ, не обнаруживая, однако, никакой досады. Затѣмъ онъ обернулся, какъ бы ища чего-то.

— Вотъ, сказала она, взявши съ камина маленькую, черную склянку, стоявшую рядомъ со спиртовой машинкой, на которой онъ готовилъ свой утренній чай.

Онъ тщательно расправилъ письмо и, обмакнувъ въ

склянку, переданную ему Леной, кисточку, нѣсколько разъ провелъ ею по лежавшей передъ нимъ страницѣ.

Черныя строчки, написанныя обыкновенными чернилами, быстро исчезли, какъ бы растворясь въ ѣдкой жидкости; на мгновеніе бумага осталась совершенно бѣлой. Потомъ на ней что-то ожило и задвигалось; изъ сокровенныхъ ея нѣдръ появились, какъ бы выброшенныя изъ глубины, спѣша и толпясь, одна за другой буквы, слова, фразы, — здѣсь, тамъ, повсюду. Это была безпорядочная ватага, напоминавшая разбуженныхъ утреннимъ сигналомъ солдатъ, когда они спѣшатъ оставить палатки и занять мѣсто въ строю.

Наконецъ, движеніе прекратилось; буквы остановились на своихъ мѣстахъ; кое-гдѣ еще какое нибудь запоздавшее слово или буква старались порвать застилавшій ихъ тонкій покровъ и незамѣтно проскальзывали на свои мѣста, рядомъ съ другими, болѣе проворными товарищами; но въ верхней части страницы все пришло въ порядокъ. Вмѣсто прежнихъ фиктивныхъ словъ стояли густыя строчки, написанныя мелкимъ почеркомъ и готовыя открыть, наконецъ, вѣрно сохраненную тайну Андрею и Ленѣ. Оба наклонились надъ столомъ, взволнованные долгимъ ожиданіемъ.

— Я буду читать вамъ! воскликнула Лена. И прежде чѣмъ Андрей успѣлъ возразить, или какъ нибудь иначе защитить свою собственность, нетерпѣливая дѣвушка вырвала письмо и начала:

„Дорогой братъ! Наши друзья поручили мнѣ отвѣтить на твое письмо и сказать, что мы всей душой сочувствуемъ плану твоего возвращенія въ Россію. Мы чувствовали потребность въ твоемъ присутствіи среди насъ, гораздо чаще, чѣмъ ты думаешь, но не рѣшались вызывать, зная слишкомъ хорошо, съ какими это связано опасностями для тебя. Мы рѣшили позвать тебя только въ случаѣ крайней необходимости, и вотъ теперь этотъ моментъ наступилъ. Ты знаешь, конечно, по газетамъ о нашихъ недавнихъ побѣдахъ, но ты, вѣроятно, не знаешь, какой дорогой цѣной онѣ намъ достались. Наша организація понесла тяжелыя потери; нѣсколько нашихъ лучшихъ товарищей погибло; жан-

дармы полагаютъ, что они окончательно насъ раздавили, но мы, конечно, выпутаемся. Теперь есть болѣе, чѣмъ когда либо, желающихъ присоединиться къ намъ, но все это народъ неопытный. Мы не можемъ болѣе обойтись безъ тебя. Пріѣзжай, мы всѣ тебя ждемъ — старые друзья, которые никогда тебя не забывали, и новые, не менѣе насъ желающіе привѣтствовать тебя. Пріѣзжай, какъ можно скорѣе!"

Лена остановилась. Она глубоко радовалась за Андрея, съ которымъ была въ большой дружбѣ. Поднявши голову, она взглянула на него глазами, полными симпатіи; но увидѣла только его коротко остриженные, черные волосы, жесткіе, какъ лошадиная грива. Онъ отодвинулъ свой стулъ и, перегнувшись черезъ спинку его, оперся подбородкомъ на руку и казался всецѣло поглощеннымъ созерцаніемъ неровностей еловаго пола. Ленѣ некогда было задаваться вопросомъ, избѣгаетъ ли онъ ея взгляда, или просто боится свѣта лампы; она продолжала читать дальше.

Въ письмѣ говорилось довольно пространно о разныхъ отвлеченныхъ вопросахъ; въ немъ сообщалось о значительныхъ перемѣнахъ въ практической программѣ и въ ближайшихъ цѣляхъ партіи.

„Все это", заключалъ авторъ письма, „можетъ быть, удивитъ и возмутитъ тебя въ первую минуту, но я не сомнѣваюсь, что очень скоро ты, какъ практикъ, согласишься съ нами...."

Тутъ Ленѣ пришлось перевернуть страницу и ее сразу остановила безсмысленная болтовня фиктивнаго письма; она на минуту забыла, что его нужно смыть для того, чтобы обнаружился настоящій текстъ. Первыя слова, которыя она нечаянно прочла, произвели на нее впечатлѣніе фарса, врывающагося въ серьезную драму.

Она взяла склянку и провела по остальнымъ страницамъ; въ нѣсколько секундъ онѣ тоже преобразились, на подобіе первой, но видъ ихъ былъ нѣсколько иной. Обыкновенное письмо прерывалось кое-гдѣ длинными шифрованными мѣстами, содержавшими, очевидно, особенно важныя извѣстія. Шифръ служилъ гарантіей на

тотъ случай, если полиція обнаружитъ особую подозрительность и, не довольствуясь чтеніемъ письма, употребитъ химическія средства для изслѣдованія скрытаго содержанія.

Сначала шифрованныя мѣста попадались только изрѣдка и группы сплоченныхъ цифръ поднимались надъ ровными строками обычнаго писанія, подобно кустарникамъ среди ровнаго поля; но мало по малу эти кучки цифръ густѣли все болѣе и болѣе, пока, наконецъ, посрединѣ третьей страницы онѣ не превратились въ цѣлый лѣсъ, какъ въ таблицахъ логариѳмъ, безъ всякихъ знаковъ препинанія.

— Вотъ вамъ, Андрей, пріятное времяпрепровожденіе! сказала Лена, указывая на количество шифра. Я увѣрена, что Жоржъ нарочно для васъ постарался!

— Хороша услуга, нечего сказать! отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Онъ терпѣть не могъ заниматься разборомъ шифрованныхъ писемъ и часто говорилъ, что это для него своего рода тѣлесное наказаніе.

— Знаете, продолжалъ онъ, вѣдь намъ придется поработать часовъ шесть надъ этой прелестью.

— Вовсе уже не такъ много, лѣнтяй вы этакій! Вдвоемъ мы соорудимъ это гораздо скорѣе.

— Я отвыкъ отъ этой работы. Напишите мнѣ, пожалуйста, ключъ, чтобы освѣжить память.

Она сейчасъ же исполнила его просьбу и, вооружившись, каждый, листомъ бумаги, они терпѣливо усѣлись за работу. Это была не легкая задача. Жоржъ пользовался двойнымъ шифромъ, употреблявшимся организаціей; первоначальныя цифры письма нужно было, при помощи ключа, превратить въ новый рядъ цифръ, а тѣ, въ свою очередь, превращались чрезъ посредство другого ключа уже прямо въ слова. Это давало возможность употреблять много различныхъ знаковъ для обозначенія каждой отдѣльной буквы азбуки и дѣлало шифръ недоступнымъ для самыхъ проницательныхъ полицейскихъ экспертовъ. Но если въ шифрованномъ письмѣ попадалась какая нибудь ошибка, оно остава-

лось иногда загадкой даже для того, кому было адресовано.

Жоржъ, какъ подобаетъ поэту, далеко не былъ образцомъ аккуратности и по временамъ доводилъ своихъ друзей до отчаянія; не было никакой возможности найти въ иныхъ частяхъ письма что либо, кромѣ нечленораздѣльныхъ звуковъ, лишенныхъ всякаго намека на человѣческій смыслъ. И, какъ нарочно, подобныя трудности постоянно попадались, повидимому, на самыхъ интересныхъ и важныхъ мѣстахъ. Если Жоржъ, работавшій въ эту минуту на далекой родинѣ, не почувствовалъ сильнаго припадка икоты, то это было никакъ не по винѣ его друзей, не перестававшихъ бранить его.

Безъ помощи Лены Андрей не разъ пришелъ бы въ отчаяніе. Но у дѣвушки былъ большой навыкъ въ разборѣ шифровъ, и она имѣла талантъ угадывать недостающее. Когда Андрей терялъ терпѣніе и предлагалъ отказаться отъ прочтенія того или другого мѣста, она брала оба листа въ руки и по какому-то особенному вдохновенію догадывалась, въ чемъ состояла ошибка Жоржа. Болѣе двухъ часовъ употребили они на чтеніе отдѣльныхъ шифрованныхъ мѣстъ. Въ нихъ заключались подробности поѣздки Андрея въ Россію, давались имена и адреса людей, къ которымъ онъ долженъ былъ обратиться на границѣ и потомъ въ Петербургѣ.

Андрей тщательно переписалъ всѣ адреса на маленькую бумажку и положилъ ее въ кошелекъ съ тѣмъ, чтобы выучить на память до отъѣзда. Теперь имъ оставалось разобрать только одинъ кусокъ письма, состоявшій изъ сплошнаго шифра; тутъ рѣчь шла, очевидно, о чемъ-то другомъ — вѣроятно, очень опасномъ и компрометирующемъ, такъ какъ Жоржъ не полѣнился зашифровать каждое слово.

Какую же роковую тайну скрывалъ этотъ непроницаемый лѣсъ цифръ? Андрей вглядывался въ знаки, пытаясь угадать ихъ значеніе, но лѣсъ ревниво оберегалъ тайну, дразня нѣмой монотонностью своихъ рядовъ, при всемъ капризномъ разнообразіи цифръ.

Отдохнувши нѣсколько минутъ, они сѣли за работу съ удвоенной энергіей, разбирая одно за другимъ шифрованныя слова. Андрей выписывалъ букву за буквой добытые результаты; когда у него оказывалось достаточно словъ для цѣлой фразы, онъ прочитывалъ ее Ленѣ. Но первыя же разобранныя слова такъ взволновали его, что онъ не былъ въ состояніи ждать окончанія фразы.

— Что-то случилось съ Борисомъ, я въ этомъ увѣренъ! воскликнулъ онъ. Посмотрите сюда!

Лена быстро взглянула на листъ, лежавшій передъ Андреемъ и потомъ на свой собственный. Нечего было сомнѣваться; дѣло касалось Бориса, одного изъ самыхъ способныхъ и вліятельныхъ членовъ ихъ партіи, и начало фразы не обѣщало ничего хорошаго — оно было даже хуже, чѣмъ предполагалъ Андрей. Лена догадалась о значеніи двухъ слѣдующихъ буквъ, но не высказала своего предположенія вслухъ и продолжала диктовать: пять, три.

— Семь, девять, вторилъ Андрей, ища въ ключѣ соотвѣтствующей буквы.

— Скорѣе! нетерпѣливо сказала Лена. Вы развѣ не видите, что это *а*?

Андрей записалъ зловѣщее *а*.

Слѣдующая буква оказалась *р*, что было еще хуже...

Послѣдовала третья, четвертая, пятая буквы, и послѣднія сомнѣнія исчезли. Не обмѣниваясь ни словомъ больше, они продолжали расшифровывать съ лихорадочной торопливостью, и черезъ нѣсколько минутъ, передъ ними, чернымъ на бѣломъ, стояла фраза: „Борисъ недавно арестованъ въ Дубравникѣ".

Они взглянули другъ на друга совершенно растерянные. Аресты, подобно смерти, кажутся всегда нелѣпыми, невѣроятными, даже когда ихъ можно было предвидѣть.

— Въ Дубравникѣ! На кой чертъ ему вздумалось ѣхать въ этотъ проклятый Дубравникъ?

— Посмотримъ, что будетъ дальше, сказала Лена; можетъ быть, узнаемъ. Вѣроятно, есть какія нибудь подробности объ арестѣ.

Они опять принялись за свою томительно медленную работу, разобравъ минутъ въ десять, которыя показались имъ часомъ, слѣдующую пару строчекъ. Въ нихъ сообщалось, что Борисъ и еще двое изъ его товарищей были арестованы послѣ отчаяннаго сопротивленія. Этого краткаго извѣщенія было достаточно, чтобы увидѣть всю безнадежность положенія Бориса. Онъ — обреченный человѣкъ, какова бы ни была его роль въ этой стычкѣ. По новому закону, всякое участіе въ подобныхъ дѣлахъ наказывалось смертью. Борисъ же не принадлежалъ къ людямъ, способнымъ стоять сложа руки, когда другіе сражаются.

— Бѣдная Зина! вздохнули оба. Зина была жена Бориса.

Послѣ короткой паузы Лена опять взялась за рядъ цифръ, который скоро превратился въ имя женщины, вызвавшей у нихъ сочувственный вздохъ.

— Зина, Зина! Неужели?... воскликнулъ Андрей.

Первой его мыслью было, что она тоже арестована.

Черезъ пять минутъ томительной неизвѣстности оказалось, что онъ ошибся.

„Зина“, говорилось дальше въ письмѣ, „поѣхала въ Дубравникъ зондировать почву и посмотрѣть, нельзя-ли устроить побѣгъ Бориса“.

— А, вотъ они что замышляютъ! Я такъ радъ, сказалъ Андрей. Тѣмъ скорѣе надо мнѣ ѣхать.

За сообщеніемъ объ участи Бориса слѣдовалъ списокъ другихъ жертвъ, попавшихся въ руки полиціи; говорилось также о предстоящихъ процессахъ и о томъ, что предвидятся суровые приговоры, судя по тайнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ оффиціальныхъ лицъ.

Грустныя извѣстія о заключенныхъ товарищахъ передавались краткимъ, дѣловымъ тономъ, какъ составляются реляціи объ убитыхъ и раненыхъ послѣ сраженія.

Трагизмъ подпольной борьбы просачивался капля по каплѣ. Не было возможности проглотить сразу горькую чашу; каждая особенно печальная вѣсть вызывала у читающихъ невольныя восклицанія, но они спѣшили дальше, сдерживая чувства.

Чтеніе шло теперь гораздо быстрѣе. Шифръ Жоржа становился правильнѣе, разбирать его сдѣлалось легче. Послѣ печальнаго перечня потерь и жертвъ, перешли къ болѣе пріятной темѣ; въ краткихъ словахъ, но съ свойственнымъ ему энтузіазмомъ, Жоржъ разсказывалъ о быстрыхъ успѣхахъ движенія вообще, указывая на широкое броженіе умовъ, развивавшееся рѣшительно всюду. Его слова дѣйствовали, какъ звукъ трубы, призывающей къ новой битвѣ отъ покрытаго трупами поля сраженія. или какъ видъ залитаго солнцемъ пейзажа по выходѣ изъ катакомбъ. Ихъ охватилъ эгоизмъ жизни съ ея правами и волненіями и, несмотря на тяжелое впечатлѣніе письма, они окончили его бодрѣе, чѣмъ можно было ожидать.

— Да, я увѣрена, что скоро заварится каша, воскликнула радостно Лена, хотя она была правовѣрной народницей, и все, на что намекалъ Жоржъ, шло въ разрѣзъ съ ея программой.

Она встала и принялась ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, чтобы расправить онѣмѣвшіе члены. Затѣмъ взяла письмо, осторожно посушила его надъ лампой и зажгла спичку съ очевиднымъ намѣреніемъ сжечь его.

— Подождите, остановилъ ее Андрей быстрымъ движеніемъ.

— Почему? развѣ вы не списали адресовъ?

— Списалъ, но мнѣ хотѣлось бы сохранить письмо еще на время.

— Зачѣмъ? Чтобы оно попалось въ чужія руки? рѣзко отвѣтила дѣвушка.

Андрей возразилъ, что такого рода предосторожности излишни въ Швейцаріи, но Лену трудно было убѣдить. Какъ большая часть женщинъ, принимающихъ участіе въ конспираціяхъ, она строго исполняла всѣ правила.

— Но, быть можетъ, вы согласитесь на компромиссъ, сказала она, смягчаясь. Оторвавъ первую половину письма, касавшуюся Андрея, она тщательно зачеркнула въ ней нѣсколько шифрованныхъ мѣстъ.

— Вѣдь вы хотите эту часть, неправда-ли? спросила она.

— Хорошо, я согласенъ на сдѣлку. Эта часть письма мнѣ дѣйствительно всего интереснѣе, и я жертвую остальнымъ, сказалъ Андрей, въ то время какъ Лена стала на колѣни передъ каминомъ и принялась сжигать оставшіяся страницы письма и бумагу, на которой они разбирали шифръ. Успокоивши свою совѣсть, она сѣла на прежнее мѣсто.

— Итакъ, вы уѣзжаете, Андрей! задумчиво проговорила она.

Чувствовалась какая-то необычная теплота въ звукѣ ея голоса и во взглядѣ ея честныхъ и смѣлыхъ голубыхъ глазъ, обращенныхъ на товарища. Остающіеся не могутъ глядѣть безъ волненія на человѣка, покидающаго безопасное убѣжище, чтобы снова рисковать жизнью въ странѣ царскаго произвола.

— Вы скоро ѣдете? спросила она.

— Да, отвѣтилъ Андрей. Деньги и паспортъ будутъ здѣсь, надѣюсь, дня черезъ три-четыре. Я успѣю собраться. Хотѣлъ бы я знать, открыто-ли его имя? прибавилъ онъ внезапно.

— Чье имя? спросила дѣвушка, поднимая глаза.

— Какъ чье? Бориса.

Тяжелая утрата не переставала мучить Андрея, несмотря на его внѣшнее спокойствіе и бодрость.

— Не думаю, чтобы они могли такъ скоро узнать, отвѣтила она. Борисъ никогда прежде не бывалъ въ Дубравникѣ. Къ тому же Жоржъ упомянулъ бы о такомъ важномъ обстоятельствѣ.

— Дай Богъ, чтобы было по вашему, сказалъ Андрей. Это бы значительно облегчило побѣгъ. Во всякомъ случаѣ, я скоро узнаю обо всемъ.

Они стали говорить о дѣлахъ. Лена, очевидно, была опытна въ дѣлѣ контрабандной переправы черезъ русскую границу. Она дала нѣсколько очень полезныхъ совѣтовъ Андрею, хотя тотъ и былъ старше ея на нѣсколько лѣтъ.

— Когда вы попадете въ водоворотъ, не забывайте насъ, сказала она со вздохомъ. Пишите иногда, мнѣ или Василію. Я тоже хочу вернуться. Устройте это, если возможно.

— Съ удовольствіемъ. Да кстати, гдѣ же это Василій? Почему вы не привели его съ собой?

— Его не было въ ресторанѣ. Я послала ему записку, прося зайти сюда. Вѣроятно, его не было дома. Онъ, навѣрное, въ оперѣ; сегодня даютъ „Роберта", иначе онъ былъ бы давно здѣсь.

Лена опустила руку въ карманъ и вынула старомодные, тяжеловѣсные золотые часы. Она ихъ очень любила, какъ подарокъ отца, генерала николаевскихъ временъ; часы были съ ней въ Сибири, и она привезла ихъ съ собой въ изгнаніе. Для измѣренія времени они служили лишь изрѣдка, а гораздо чаще спокойно лежали у закладчиковъ, когда ей, или ея товарищамъ, нужны были деньги. Всѣ они были такъ близки другъ съ другомъ, что понятіе частной собственности само собою исчезало между ними. Тотъ фактъ, что часы находились въ рукахъ ихъ законной владѣлицы, указывалъ на сравнительное процвѣтаніе маленькой эмигрантской группы въ настоящую минуту.

— Однако, какъ поздно, сказала Лена. Уже первый часъ, надо торопиться домой, чтобы завтра поспѣть на урокъ.

— Мнѣ тоже нужно рано встать, чтобы засѣсть за литературу, сказалъ Андрей.

— Кстати, замѣтила Лена, вы должны передать кому нибудь изъ нашихъ свою работу, когда уѣдете.

— Непремѣнно. Она, какъ нельзя лучше, подойдетъ Василію. Съ его скромными привычками, онъ отлично проживетъ на восемьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ.

— Конечно проживетъ, подхватила Лена съ видимой досадой.

— Хватитъ даже на то, чтобы водить васъ въ концерты и оперу.

Лена покраснѣла, хотя давно должна была привыкнуть къ подобнаго рода шуткамъ. Андрей вѣчно дразнилъ ее этимъ поклонникомъ, но она легко краснѣла, какъ всѣ блондинки.

— Василій, во всякомъ случаѣ, человѣкъ съ твердыми принципами, а не сибаритъ, какъ вы, сказала она съ

улыбкой. Но теперь, прощайте, мнѣ некогда ссориться съ вами.

Онъ взялъ лампу, чтобы посвѣтить ей на лѣстницѣ и подождалъ у дверей, пока она перешла черезъ улицу къ своему дому. Потомъ онъ медленно воротился въ свою одинокую комнату.

Спасенная страница письма соблазнительно лежала на столѣ. Лена угадала правду: прося у нея письмо, онъ хотѣлъ наединѣ насладиться дружескими словами своихъ далекихъ товарищей; но догадавшись о его намѣреніи, Лена испортила ему все удовольствіе. Онъ положилъ письмо въ карманъ, чтобы прочесть его на слѣдующій день; теперь же рѣшился пойти спать и отворилъ дверь алькова въ глубинѣ своей узкой и низенькой комнаты, которая, благодаря этому увеличенію, приняла видъ пустой коробки отъ сигаръ или гроба.

Приготовивъ постель, онъ, однако, почувствовалъ, что напрасно трудился, такъ какъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы заснуть.

Три длинныхъ, длинныхъ года прошли съ тѣхъ поръ, какъ Андрей Кожуховъ, замѣшанный въ первыхъ попыткахъ пропаганды среди крестьянъ, а потомъ и въ дальнѣйшей борьбѣ, вынужденъ былъ, по настоянію друзей, поѣхать „провѣтриться". Съ тѣхъ поръ онъ скитался по разнымъ странамъ, тщетно ища работы для своего безпокойнаго ума. Еще въ концѣ перваго года добровольной ссылки имъ овладѣла такая тоска по родинѣ, что онъ сталъ просить товарищей, центръ которыхъ былъ тогда въ Петербургѣ, чтобы они позволили ему вернуться и занять мѣсто въ ихъ рядахъ. Ему отказали наотрѣзъ. Былъ моментъ затишья; полиціи не за кѣмъ было охотиться; а такъ какъ она еще отлично помнила имя Кожухова, то его появленіе могло поднять всю шайку на ноги; стѣсненный во всѣхъ своихъ движеніяхъ, онъ былъ бы только въ тягость товарищамъ, такъ какъ имъ пришлось бы заботиться о его безопасности. Онъ долженъ былъ понимать это самъ. Если его возращеніе станетъ нужнымъ, они сообщатъ ему. А пока, ему слѣдуетъ сидѣть смирно и заняться

революціонной литературой, или принять участіе въ заграничномъ соціалистическомъ движеніи.

Андрей попробовалъ и то, и другое, но успѣхъ не соотвѣтствовалъ усердію. Онъ пытался писать для нѣсколькихъ русскихъ изданій, печатавшихся заграницей. Но природа лишила его всякаго литературнаго таланта.

Онъ чувствовалъ въ себѣ пламенную душу, полную энтузіазма, и далеко не былъ равнодушенъ къ красотѣ и поэзіи. Но настоящія слова для выраженія чувствъ ему не давались, и то, что глубоко волновало его сердце, выходило на бумагѣ безцвѣтно и безлично. Статьи, которыя онъ изрѣдка писалъ въ разныя газеты, были небезполезны — и только. Еще меньшимъ успѣхомъ увѣнчались другія его попытки найти себѣ дѣло заграницей. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ языкъ не представлялъ уже для него никакихъ препятствій для сближенія съ иностранными соціалистами, но служить двумъ господамъ сразу онъ не могъ.

Вся его душа переполнена была русскими заботами, русскими надеждами, русскими воспоминаніями. Онъ чувствовалъ себя случайнымъ гостемъ на швейцарскихъ митингахъ, и тоска по родинѣ все сильнѣе и сильнѣе охватывала его. Онъ собирался снова писать друзьямъ, когда получилась живая вѣсть отъ нихъ въ лицѣ Елены Зубовой, помогавшей ему сегодня одолѣть письмо. Только что убѣжавши изъ Сибири, она явилась въ Петербургъ и предложила свои услуги организаціи; но ей посовѣтовали уѣхать на время заграницу. Вмѣстѣ съ множествомъ поклоновъ она передала Андрею совѣтъ друзей, сидѣть смирно и быть благоразумнымъ. Въ данную минуту въ нихъ обоихъ не нуждались въ Россіи: пріѣздъ Лены служилъ тому нагляднымъ доказательствомъ.

Андрею оставалось только покориться. Время притупило острую тоску первой разлуки съ родиной. Онъ понемногу свыкся съ мелкими заботами и огорченіями эмигрантской жизни и сталъ цѣнить глубокое наслажденіе безпрепятственнаго доступа ко всѣмъ сокровищ-

ницамъ европейской мысли. Такимъ образомъ онъ провелъ три года спокойнаго, безмятежнаго существованія, оживляемаго только лихорадочнымъ ожиданіемъ извѣстій изъ Россіи.

Ожиданія его не были напрасны. Послѣ короткаго перерыва, слабо тлѣвшее революціонное движеніе разгорѣлось съ удвоенной силой. Андрей обрадовался новому предлогу для возвращенія и написалъ друзьямъ съ энергіей и краснорѣчіемъ, такъ рѣдко всрѣчавшимися, къ сожалѣнію, въ его болѣе обработанныхъ литературныхъ произведеніяхъ. Теперь не было больше причинъ для отсрочки и, дѣйствительно, черезъ нѣсколько недѣль онъ получилъ отвѣтъ въ письмѣ Жоржа.

— Наконецъ-то! повторялъ онъ, медленно шагая взадъ и впередъ по своей комнаткѣ и обдумывая предстоящую поѣздку. Въ его голосѣ не слышалось радости, а странное спокойствіе съ оттѣнкомъ меланхоліи. Арестъ Бориса? Да, но это не все. Мысль о возвращеніи на родину потеряла долю своей прелести. Его самого удивляло и даже огорчало это спокойное настроеніе; судя по своему былому страстному томленію по родинѣ, онъ заранѣе предвкушалъ тотъ восторгъ, которымъ наполнитъ его душу призывъ друзей.

Теперь, когда, наконецъ, ожиданіе его исполнилось, ему все показалось такъ просто и естественно, что онъ почти забылъ о тысячахъ верстъ и многихъ опасностяхъ, еще стоявшихъ между нимъ и его цѣлью. Однообразныя впечатлѣнія эмигрантской жизни исчезли, онъ мысленно былъ опять въ Петербургѣ, среди знакомой обстановки, какъ будто онъ только вчера съ нею разстался. Онъ принялся хладнокровно обдумывать важные вопросы, содержавшіеся въ письмѣ Жоржа и разсердился на друга за предположеніе, что такъ легко переубѣдить его. Нѣтъ, до этого еще далеко! Онъ вполнѣ одобрялъ послѣдніе террористическіе факты, но не соглашался съ ихъ объясненіемъ. Стремленіе организаціи сосредоточить всю власть въ рукахъ исполнительнаго комитета ему очень не нравилось. Онъ рѣшилъ, прежде всего, растолковать Жоржу всю опас-

ность такой системы. Его мысль оживилась, онъ постепенно разгорячился подъ вліяніемъ своего воображаемаго спора и сталъ быстрѣе шагать по комнатѣ.

Громкій стукъ внезапно прервалъ его монологъ и вернулъ къ сознанію дѣйствительности. Стучалъ нижній жилецъ, потерявшій всякое терпѣніе отъ бѣшенаго шаганія Андрея. Съ помощью метлы онъ телеграфировалъ о своемъ неудовольствіи безпокойному сосѣду верхняго этажа.

— А, проговорилъ Андрей, это господинъ Корнишонъ. Бѣднягѣ хочется спать, и ему нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до судебъ русской революціи!

Чтобы выразить желаніе извиниться, Андрей моментально остановился и не двигался съ мѣста, пока стукъ не прекратился. Спать ему не хотѣлось, и такъ какъ онъ зналъ, что не сможетъ усидѣть смирно на одномъ мѣстѣ, то рѣшился воспользоваться прелестной весенней ночью и пойти прогуляться. Онъ затушилъ лампу, заперъ дверь и, по обыкновенію, положилъ ключъ подъ коврикъ передъ дверью.

ГЛАВА II.

ВЪ УЕДИНЕНІИ.

Хорошо зная домъ, Андрей спустился по темной лѣстницѣ и вышелъ на свѣжій воздухъ. Ночь была ясная и тихая, полный мѣсяцъ свѣтилъ съ небеснаго свода. Андрей пошелъ внизъ по своей узенькой улицѣ, и, повернувши налѣво, прошелъ черезъ маленькій скверъ, гдѣ возвышалось нѣсколько гигантскихъ вязовъ; преданіе гласитъ, что подъ ними любилъ отдыхать Жанъ Жакъ Руссо. Продолжая идти по тому же направленію, Андрей черезъ нѣсколько минутъ очутился на открытой площади противъ Ботаническаго сада, рѣшетка котораго отдѣлялась своими золоченными остріями на темномъ фонѣ экзотическихъ растеній. Мягкій вѣтерокъ навѣвалъ прохладу. Жадно вдыхая бодрящій ночной ароматъ, онъ чувствовалъ себя совершенно обновленнымъ. Имъ овладѣло особое чувство радости: онъ радовался окружающей природѣ, своему спокойствію духа, своему физическому здоровью и силѣ, придававшей особую эластичность его членамъ. Ему хотѣлось двигаться, идти куда-нибудь — но куда?

Спящій городъ съ его рядами промышленныхъ дворцовъ — роскошныхъ отелей — тянулся по берегу Роны, налѣво отъ Андрея. Онъ любилъ этотъ мощный потокъ съ его голубовато-зелеными или черными, какъ вороново крыло, пѣнящимися волнами, быстро несущимися между каменистыхъ береговъ. Въ жаркіе солнечные дни онъ часами стоялъ, наблюдая волшебную игру свѣта на подвижной мозаикѣ рѣчнаго дна, просвѣчивающаго сквозь темные пучки водорослей.

Но чтобы попасть туда, нужно было пройти мимо

всѣхъ этихъ дворцовъ — этихъ пріютовъ прозаичной, корыстолюбивой мелкоты, уснувшей послѣ дневной сутолоки. Въ такую ночь они были ему невыносимы, и онъ направился въ противоположную сторону, вдоль озера. Это любимое мѣсто прогулокъ женевцевъ съ ихъ семьями было теперь совершенно пустынно. Ничьи шаги, ничей докучный шумъ не нарушали величественнаго покоя ночи. Озеро было тихо, ровный ритмическій плескъ его волнъ убаюкивалъ Андрея, не прогоняя свѣтлыхъ видѣній, тѣснившихся въ его взволнованномъ мозгу.

Открывалась новая страница его жизни. Черезъ нѣсколько дней онъ будетъ за тысячи верстъ отсюда, на родинѣ, въ совершенно иномъ мірѣ, среди совершенно иной обстановки. Сколько перемѣнъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ Петербургъ! Не болѣе полудюжины его старыхъ товарищей остались въ организаціи. Только двое изъ нихъ находились теперь въ столицѣ. Всѣ остальные были новые люди, завербованные въ его отсутствіи.

Поладитъ-ли онъ съ ними, смогутъ-ли они работать сообща безъ частыхъ столкновеній? Не бѣда! Онъ сильно вѣрилъ въ свое умѣнье приспособляться къ практическимъ условіямъ. Въ прежнее время онъ особенно любилъ попадать въ совершенно незнакомыя мѣста, гдѣ всѣ и все было для него ново. Онъ чувствовалъ возрожденіе прежней страсти къ борьбѣ и опасности и хладнокровную отвагу, свойственную тѣмъ, кого пораженіе дѣлаетъ еще непреклоннѣе и настойчивѣе.

Презрительная улыбка показалась у него на губахъ при мысли о полицейскомъ хвастовствѣ, упомянутомъ въ письмѣ Жоржа. Глупцы! Они думаютъ, что все идетъ къ концу, между тѣмъ какъ теперь только начинается настоящее дѣло! Онъ зналъ по репутаціи самыхъ выдающихся изъ новыхъ членовъ; съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ встрѣчался еще на собраніяхъ тайныхъ студенческихъ обществъ; съ тѣхъ поръ они сдѣлались, вѣроятно, совсѣмъ молодцами. Какое счастье, что судьба соединила его съ такими людьми! Въ послѣднее

время Андрей мучился мыслью, что долгое пребываніе заграницей, можетъ быть, порвало крѣпкія узы, связывавшія его съ близкими людьми на родинѣ. Теперь онъ чувствовалъ, что эти братскія узы такъ же прочны, какъ и прежде. Глубокая симпатія, сказавшаяся въ письмѣ друзей, нашла горячій откликъ въ его сердцѣ. Какъ можно было опасаться столкновеній или недоразумѣній съ людьми, которые такъ заботились о томъ, чтобы сберечь человѣка, лично совершенно чужаго для большинства изъ нихъ, между тѣмъ какъ сами они были подъ огнемъ?

Онъ ни на минуту не допустилъ мысли, что заслуживаетъ такихъ заботъ. Хотя онъ едва достигъ зрѣлости, но раннее вступленіе въ жизнь и интенсивность пережитыхъ ощущеній дали ему опытность человѣка на десять лѣтъ старше его.

Въ двадцать-семь лѣтъ онъ былъ положительнымъ человѣкомъ, давно уже пережившимъ всякія иллюзіи. Заботливость друзей не пробудила въ немъ тщеславія. Они, въ своемъ великодушіи, просто не цѣнили сами своихъ даровъ. Онъ принялъ ихъ, какъ хорошее предзнаменованіе, съ благодарностью и съ чистою, свѣтлою радостью. Вотъ скала, на которой зиждется ихъ церковь, и врата адовы не одолѣютъ ея!

Онъ замедлилъ шаги и лишь только теперь замѣтилъ, что очутился далеко за городомъ. Луна садилась и смотрѣла ему прямо въ лицо; дорога повернула вправо, постепенно поднимаясь въ гору. Онъ замѣтилъ узкій проходъ между двумя каменными стѣнами виноградниковъ. Путь этотъ велъ, вѣроятно, въ какое нибудь пустынное мѣсто, такъ какъ вымощенная камнями дорога успѣла поростн травой.

Андрей вошелъ въ этотъ тѣнистый проходъ и сталъ подниматься вверхъ; подъемъ становился все круче, по мѣрѣ того какъ онъ шелъ впередъ; крыша какой-то постройки неожиданно покрыла дорогу своею тѣнью. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ волнистую черную линію черепицъ, выдѣлявшуюся на синевѣ неба. Стѣны ветхой

постройки были испещрены узкими перекрестными прощелинами; это былъ, очевидно, хлѣвъ. Корова, занятая своей жвачкой, замычала, почуявъ приближеніе чужаго человѣка, но когда онъ прошелъ мимо, успокоилась и принялась за прежнее занятіе. Немного дальше, потянулись виноградники со своими толстыми лозами, свѣшенными со стѣнъ, а затѣмъ, черезъ сотню шаговъ, дорога свернула, извиваясь широкой полосой между двумя длинными стѣнами, придававшими ей видъ порожняго водопровода. Узкая каменная лѣстница, поднимавшаяся на холмъ, выдѣлилась тѣнями своихъ зигзаговъ. Когда Андрей взобрался по ея ступенькамъ наверхъ, онъ увидѣлъ передъ собой открытое пространство, заросшее орѣшникомъ. Тропинка, соединявшая, вѣроятно, нижнюю дорогу съ другою, шедшею выше, блестѣла, какъ струя воды, на освѣщенномъ луной изумрудномъ лугу.

Андрей пустился по ней; его привлекала ивовая роща на вершинѣ холма. Но вскорѣ дорожка исчезла въ мягкой травѣ, застилавшей все кругомъ. Всмотрѣвшись пристально, Андрей замѣтилъ на нѣкоторомъ разстояніи другую дорогу, поднимавшуюся на небольшой, зеленый холмикъ направо. Онъ взобрался на него и былъ очень пораженъ, очутившись около самой обыкновенной садовой скамьи, съ удобной спинкой; непріятно напоминала она о вторженіи человѣка въ этотъ чудный, пустынный уголокъ. Скамейки нельзя было замѣтить издали: длинныя вѣтви плакучей ивы, подъ которой она стояла, окутывали ее своей тѣнью.

Отодвинувъ гибкія вѣтви, Андрей проникъ подъ манящій зеленый сводъ и усѣлся. Поднявъ голову и взглянувъ передъ собою, онъ вскочилъ съ крикомъ восторга и удивленія. Передъ его глазами разстилалось только одно озеро; но съ этого мѣста, и именно въ эту минуту, оно приняло такой фантастическій видъ, что онъ едва узналъ его. Онъ стоялъ на террасѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ края обрыва, скрывавшаго все пространство, отдѣлявшее его отъ воды. Бѣлое, широко раскинувшееся озеро было прямо подъ его ногами, какъ будто бы волшебная сила подняла почву, на ко-

торой онъ стоялъ, — деревья, скамью, все вокругъ, и держала ихъ въ воздухѣ надъ громаднымъ протяженіемъ сверкающей воды, блестѣвшей слишкомъ ярко для обыкновенной воды. Цѣлое море расплавленнаго серебра тянулось направо и налѣво, такъ далеко, какъ только глазъ могъ услѣдить, и все пространство наполнено было потокомъ свѣта, отраженнымъ гладкою поверхностью. Андрей подошелъ ближе къ краю площадки, чтобы лучше оглядѣться вокругъ; но иллюзія сразу исчезла. Верхушки домовъ и деревьевъ у его ногъ выступили изъ темноты, густыя и мрачныя, оттѣняя сверкающій блескъ воды. Далекая набережная съ маленькими скамейками и аккуратно подстриженными платанами, бѣлыя пристани, врѣзавшіяся въ озеро, какъ лапы какого-то страннаго морскаго чудовища, освѣщенные газомъ мостъ и городъ, низкій швейцарскій берегъ, исчезавшій въ туманной синевѣ, гдѣ берегъ и небо соединялись въ одно цѣлое, и сторожевые огни на горахъ, принимавшіе видъ неподвижныхъ золотыхъ звѣздъ на небѣ — все это было очень красивой панорамой; но она лишилась прежняго волшебнаго вида. Андрей вернулся на то же мѣсто, не чувствуя больше досады противъ людей, поставившихъ здѣсь скамейку. Онъ былъ очень чувствителенъ къ красотамъ природы, хотя любилъ ее по своему, припадками, эгоистично, какъ оно часто бываетъ съ людьми, занятыми всецѣло поглощающимъ ихъ дѣломъ.

Сегодня онъ въ послѣдній разъ любовался этими красотами, прощался съ ними, отправляясь на призывъ долга. Сердце его переполнено было чувствомъ глубокаго спокойствія, какого онъ не испытывалъ уже много лѣтъ и величавая тишина картины громко говорила его сердцу. Ему казалось, что никогда онъ такъ полно, такъ чисто и возвышенно не наслаждался, какъ теперь.

А между тѣмъ мысли, продолжавшія бродить въ его головѣ, независимо отъ созерцанія, далеко не гармонировали съ спокойствіемъ окружавшей его природы.

Есть какое-то особое удовольствіе въ мысли о страданіяхъ, когда они уже не причиняютъ прямой боли и сдѣлались воспоминаніемъ прошлаго.

Андрей думалъ о своей эмигрантской жизни, и воспоминанія его съ странной настойчивостью останавливались на самой темной сторонѣ пережитаго.

Онъ не дѣлилъ со своими друзьями и товарищами горькой чаши, выпавшей на ихъ долю, а между тѣмъ онъ чувствовалъ теперь, что все-таки ему достались самыя горькія капли. Выброшенный изъ активной жизни, онъ долженъ былъ глядѣть, сложа руки — на что? Даже не на борьбу своихъ друзей, а на хладнокровное избіеніе лучшихъ изъ нихъ. Первая вспышка революціоннаго движенія была потушена съ громадными потерями. Глубокій упадокъ духа охватилъ тѣ слои общества, откуда пополнялся главный контингентъ революціонеровъ. Разбросанные же остатки могучей арміи, вѣрные своему знамени, сражались до конца. Лишь весьма немногіе оставляли родину, чтобы искать убѣжища заграницей; остальные, десятками и сотнями, мужчины и женщины, гораздо лучшіе, чѣмъ онъ, погибали на посту.

Но почему же онъ оставался въ живыхъ?

Какъ много разъ, изнемогая отъ страданій, задавалъ онъ себѣ этотъ вопросъ!

Ужасное видѣніе воскресло внезапно въ его памяти. Ночь. Тускло освѣщенная камера въ одной изъ тюремъ на югѣ Россіи. Обитатель ея — молодой студентъ — лежитъ на тюфякѣ изъ соломы. Его руки и ноги туго связаны веревками, голова и тѣло носятъ слѣды тяжелыхъ побоевъ. Его только что избили тюремщики за непокорность. Подъ жгучимъ страданіемъ звѣрскаго оскорбленія онъ замышляетъ единственное, доступное ему мщеніе — ужасное самоубійство. Огонь будетъ его орудіемъ. Среди глухой ночи онъ съ усиліемъ приподнимается съ постели, схватываетъ губами горячее стекло лампы; оно обжигаетъ ему ротъ, но онъ отвинчиваетъ зубами горѣлку и выливаетъ керосинъ на свой тюфякъ. Когда солома пропиталась керосиномъ, онъ бросаетъ на нее горящій фитиль и ложится самъ на пылающую постель. Не издавая ни стона, онъ лежитъ, въ то время, какъ пламя лижетъ и жжетъ его тѣло. Когда

сторожа, привлеченные запахомъ дыма, врываются въ камеру, они находятъ заключеннаго полусожженнымъ, умирающимъ.

Это не былъ кошмаръ, а такъ оно было въ дѣйствительности. Цѣлыми мѣсяцами ужасное видѣніе преслѣдовало Андрея и теперь предстало передъ нимъ такъ же ясно, какъ будто онъ видѣлъ его наканунѣ.

И въ то время, когда эти ужасы происходили тамъ, на родинѣ, что же онъ дѣлалъ? Онъ оставался въ возмутительной безопасности, читая умныя книжки, наслаждаясь красотами природы и произведеніями искусства. И его совѣсть — строгій, неумолимый инквизиторъ — настойчиво шептала ему на ухо: „да развѣ въ самомъ дѣлѣ одни только настоянія друзей удерживаютъ тебя здѣсь? Развѣ тебѣ такъ сильно хочется полѣзть опять въ петлю, или обмѣнять женевскую комнатку на темный царскій казематъ?“

При его неестественномъ образѣ жизни, что̀, кромѣ пустыхъ словъ, могло быть отвѣтомъ на эти мучительные вопросы? Не всегда удавалось ему успокоить ими своего страшнаго судью; онъ зналъ тоску сомнѣній и муки самообвиненій. Бывали минуты, когда весь его прежній революціонный пылъ казался ему лишь юношескимъ увлеченіемъ и любовью къ сильнымъ ощущеніямъ, — когда онъ считалъ жизнь свою загубленной, и себя самого — глинянымъ чурбаномъ, который хочетъ сдѣлаться плитой въ мраморномъ храмѣ; карликомъ въ панцырѣ великана; онъ чувствовалъ себя въ эти минуты разбитымъ, уничтоженнымъ, глубоко несчастнымъ.

Андрей окончательно утратилъ власть надъ своими мыслями. Онъ вызвалъ эти воспоминанія, какъ Фаустъ подвластныхъ ему духовъ — для времяпрепровожденія, какъ своего рода интеллектуальную забаву. Но они одолѣли его и держали теперь въ страшныхъ тискахъ, совершенно покоривъ себѣ. Ни слѣда удовольствія не было видно въ его опущенной головѣ, или въ нервномъ движеніи руки, когда онъ проводилъ ею по лбу, какъ бы прогоняя нахлынувшія воспоминанія.

Но теперь все это погрузится въ небытіе и забвеніе, исчезнетъ, какъ безобразныя ночныя видѣнія передъ брезжущимъ утромъ. Въ эту торжественную минуту, наканунѣ перехода черезъ роковой порогъ, который ему, навѣрное, не придется переступить въ другой разъ, онъ могъ вполнѣ опредѣлить свои силы. Онъ почувствовалъ, что длинные годы томительнаго бездѣйствія не оставили слѣда на его душѣ; она оставалась въ бездѣйствіи, какъ мечъ въ ножнахъ. Теперь мечъ вынутъ изъ ноженъ, и Андрей разсматриваетъ его строгимъ, пытливымъ взоромъ. На немъ нѣтъ ржавчины; онъ чистъ, обостренъ, готовъ для боя, какъ всегда.

Устремленный впередъ взоръ Андрея засвѣтился боевой отвагой. Онъ всталъ со скамейки, его тянуло идти дальше. Ничто не удерживало его здѣсь больше. Красоты природы утратили всякую притягательную силу. Машинально онъ пошелъ обратно по прежней дорогѣ, при сѣромъ свѣтѣ занимавшагося дня. Лицо его было блѣдно, но спокойно и нѣсколько мрачно, въ то время какъ все трепетало въ его порывисто дышавшей груди. Широко-раскрытыми глазами онъ вглядывался въ темноту, но едва-ли видѣлъ что нибудь; если бы острые шипы какого нибудь кустарника въѣлись въ его тѣло, онъ и этого бы не замѣтилъ. Охваченный сильнымъ волненіемъ, онъ почти не сознавалъ дѣйствительности.

Такое чувство не было ему совершенно ново. Онъ иногда знавалъ нѣчто подобное, но никогда еще съ такой всепоглощающей силой. Онъ испытывалъ восторгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ непонятную грусть, какъ будто душа его была полна рыданіями, а сердце исходило слезами; но самыя рыданія были мелодичны, а слезы радостны.

Изъ этой бури ощущеній — какъ крикъ орла, парящаго въ вѣчно спокойныхъ небесахъ, высоко надъ сферой облаковъ и бурь — выростало въ его душѣ торжествующее, упоительное сознаніе титанической силы человѣка, котораго ничто не можетъ заставить ни на волосъ уклониться отъ пути — ни опасность, ни страданія, ни что бы то ни было въ мірѣ! Онъ зналъ теперь, что

будетъ хорошимъ солдатомъ въ легіонѣ сражающихся за благо родины, потому что эта сила даетъ человѣку власть надъ сердцами другихъ; она дѣлаетъ его рвеніе заразительнымъ; она вливаетъ въ его слово — простую вибрацію воздуха — такую мощь, которая способна перевертывать, пересоздавать человѣческія души.

Роща, пройденная имъ, осталась далеко позади, и онъ давно уже шелъ по открытой дорогѣ; прежде ему никогда еще не случалось попадать въ эту часть города. Ржаное поле привлекло его вниманіе; оно было очень невелико — всего въ нѣсколько квадратныхъ саженъ — и выглядѣло среди громадныхъ зеленыхъ пастбищъ, какъ дамскій носовой платокъ, оброненный на коврѣ въ гостиной; но глазъ иностранца, привыкшій видѣть въ Швейцаріи только горы и виноградники, невольно привлеченъ былъ неожиданнымъ видомъ поля.

Андрею не трудно было сообразить, что дорога, по которой онъ шелъ, приведетъ обратно на его квартиру; но ему не хотѣлось возвращаться домой такъ рано. Ему нужно было отрезвиться, прежде чѣмъ показаться среди людей, и онъ рѣшилъ отправиться въ маленькій лѣсокъ на берегу Арвы, изъ котораго видна была южная часть города. Онъ направился туда, шагая какъ можно скорѣе, чтобы утомиться; но его сильныя, молодыя мышцы, крѣпкія и упругія какъ сталь, могли выдержать какое угодно напряженіе. Въ эту ночь, душевное возбужденіе удвоило и закалило противъ усталости его физическія силы. За то длинная прогулка освѣжила его голову. Онъ окончательно пришелъ въ себя, взобравшись на вершину La Bâtie, и чувства его спокойно потекли по обычному руслу, какъ рѣка, вошедшая въ берега послѣ наводненія.

Мѣсяцъ, тѣмъ временемъ, закатился. Оставалось еще часа два до восхода солнца, но приближеніе утра уже чувствовалось во всемъ. Воздухъ становился рѣзче, мракъ ночи разсѣивался, свѣжій вѣтеръ дулъ съ горъ. На западной части горизонта быстро поднимались громадныя массы тяжелыхъ свинцовыхъ облаковъ и сто-

яли на готовѣ, какъ рабочіе, передъ тѣмъ какъ взяться за дневной трудъ. Звѣзды угасли на потускнѣвшемъ небѣ. Млечный путь, потухая на одномъ концѣ, имѣлъ видъ разбитой арки гигантскаго моста. Весь востокъ подернуло нѣжнымъ, прозрачнымъ цвѣтомъ, представлявшимъ нѣчто среднее между блѣдно-желтымъ, зеленымъ и жемчужно-бѣлымъ, неописуемой нѣжности и чистоты. Звѣзды застѣнчиво удалились вглубь, уступая мѣсто новому, ослѣпительному явленію. Только одна оставалась во всей своей красѣ, сіяя на волшебно прекрасномъ фонѣ, искрясь и мерцая, какъ глазъ, вспыхивающій и потухающій подъ дрожащими рѣсницами. Это Венера, звѣзда поэтовъ. Но развѣ она не была въ тоже время и его звѣздой, звѣздой его Россіи, лежащей тамъ, по направленію восходящаго солнца и готовящейся возстать отъ вѣковой ночи къ свѣтлому, радостному утру?

Андрей направился домой. Давно пора было кончить прогулку. Онъ достаточно освѣжился и незачѣмъ было терять время. Завтра ему нужно рано встать. Лена, навѣрное, зайдетъ послѣ урока. Ему предстоитъ еще много работы, чтобы приготовиться къ немедленному отъѣзду.

Онъ надвинулъ шапку на лобъ и сбѣжалъ съ холма. Дорога шла зигзагами между кустарниковъ, покрывавшихъ темный, заросшій спускъ. Вскорѣ лѣса исчезли и, глядя съ верхушки отлогой дороги, Андрей увидѣлъ совершенно обнаженный спускъ. Онъ былъ очень крутъ, но почва была мягкая и глинистая. Какъ хорошо было бы спуститься какъ камень, перепрыгивая съ кочки на кочку, и остановиться сразу у подошвы! Какой-то демонъ-искуситель подговаривалъ его попробовать. Онъ приблизился къ краю и собрался сдѣлать первый, небольшой прыжокъ. Но быстро промелькнувшая мысль заставила его отказаться отъ довольно опасной забавы. Что если онъ вывихнетъ себѣ ногу? Что станется съ его поѣздкой? Нѣтъ, теперь ему не слѣдуетъ рисковать. Онъ отступилъ назадъ и пошелъ осторожно по проложенной дорожкѣ.

Переходя черезъ Арву, онъ миновалъ рядъ домовъ въ одномъ изъ предмѣстій и попалъ на большую площадь, мѣсто ученія рекрутовъ и народныхъ празднествъ. Самый городъ начинался дальше. Звуки занимавшагося дня слышались уже тамъ и сямъ. Среди улицы прогуливалась лошадь въ хомутѣ, но безъ повозки, какъ это часто бываетъ въ Швейцаріи; нигдѣ не видно было ея хозяина. Животное выступало съ такой забавной увѣренностью и сознательностью, что Андрей похлопалъ его по шеѣ и спросилъ, какъ ему скорѣе всего дойти до дома?

Лошадь равнодушно прошла мимо, не уклонившись ни на шагъ, съ видомъ самодовольнаго, солиднаго господина, идущаго по своимъ дѣламъ. „Ну да, подумалъ Андрей, идя дальше, развѣ французская лошадь можетъ понимать по русски? Мнѣ слѣдовало обратиться къ ней на ея родномъ языкѣ“. Онъ чувствовялъ себя бодрымъ и веселымъ, какъ послѣ холодной ванны, и готовъ былъ забавляться пустяками.

Черезъ двадцать минутъ онъ былъ на противоположномъ концѣ города и взбирался по своей лѣстницѣ. Подойдя къ двери, онъ былъ удивленъ, замѣтивъ слабый свѣтъ, виднѣвшійся изъ-подъ нея, и найдя ее незапертой. Ему помнилось, что, уходя, онъ потушилъ лампу и заперъ дверь. Загадка, впрочемъ, скоро объяснилась. Войдя въ комнату, онъ увидѣлъ при слабомъ освѣщеніи человѣка, лежавшаго на его кровати. Лампа стояла у изголовья. Андрей поднялъ ее и освѣтилъ спящаго.

— А, Васька! сказалъ онъ, узнавъ прежде всего розоватые панталоны своего друга — единственный въ своемъ родѣ экземпляръ, купленный Васькой, или иначе Василіемъ Вербицкимъ, по ошибкѣ въ какой-то темной лавкѣ. Потомъ его старое пальто и, наконецъ, его добродушное загорѣлое лицо, на половину закрытое густыми каштановыми волосами.

Василій получилъ записку Лены поздно вечеромъ и тотчасъ же пошелъ разспросить о письмѣ. Не заставъ Андрея, онъ рѣшился ждать его возвращенія и заснулъ

въ ожиданіи. На полу около кровати лежала книга, взятая для сокращенія времени.

Не желая будить пріятеля, Андрей оглянулся вокругъ, чтобы устроиться гдѣ нибудь самому для спанья. Ему оставалось только импровизировать походную кровать. Онъ разостлалъ на полу большой листъ неразрѣзанной газеты. Зимнее пальто пригодилось вмѣсто тюфяка, а неизбѣжный студенческій плэдъ какъ одѣяло. Но гдѣ достать подушку? Василій лежалъ на двухъ небольшихъ шерстяныхъ валикахъ, которыми хозяйка снабдила своего жильца вмѣсто подушекъ. Андрей справедливо разсудилъ, что гостю его достаточно одного валика. Онъ безъ церемоній засунулъ руку подъ голову пріятеля и вытащилъ другой. Потревоженный среди сна, Василій сначала пробормоталъ какіе-то непонятные звуки эгоистическаго протеста. Но онъ, очевидно, согласился тотчасъ же, что былъ неправъ, потому что промычалъ что-то въ примирительномъ тонѣ, не открывая, однако, глазъ и, опустивши голову на оставшійся валикъ, не двигался больше.

Андрей раздѣлся, положилъ около себя часы, чтобы встать во время, и, какъ только голова его коснулась подушки, моментально заснулъ сномъ праведника.

ГЛАВА III.

НА ГРАНИЦѢ.

САМУИЛЬ ЗЮСЕРЪ, по прозванію „Рыжій Шмуль", глава контрабандистовъ и шинкарь въ Ишкахъ, деревнѣ на литовской границѣ, услуживалъ своимъ покупателямъ съ обычнымъ проворствомъ. Его быстрый глазъ никогда не упускалъ минуты, когда кому нибудь хотѣлось пить, и его опытная рука никогда не наливала въ стаканъ одной каплей пива больше, чѣмъ нужно было, чтобы стаканъ казался полнымъ и былъ по возможности не наполненнымъ. Но его мысли были въ эту минуту далеко: онѣ слѣдили за курьерскимъ поѣздомъ изъ Петербурга, проходившимъ послѣднія мили до границы.

Онъ утромъ получилъ телеграмму отъ Давида Стерна, студента еврея, который присоединился къ „гоямъ" (христіанамъ), бунтующимъ противъ начальства, и теперь для нихъ „держитъ границу". На заранѣе условленномъ языкѣ Давидъ извѣщалъ, что пріѣдетъ вечернимъ поѣздомъ, вмѣстѣ съ тремя спутниками, которыхъ нужно будетъ переправить за русскіе предѣлы.

Три человѣка, по десяти рублей съ каждаго, — не дурной заработокъ. Но Рыжій Шмуль разсчитывалъ получить больше за свои хлопоты. Теперь было время рекрутскаго набора, и особыя предосторожности были приняты на границѣ, чтобы мѣшать молодымъ сынамъ Израиля бѣжать отъ военной службы. Честный контрабандистъ имѣлъ право разсчитывать на прибавку въ подобное время. Но нужно дѣйствовать осторожно съ такимъ скрягой, какъ Давидъ. Человѣкъ онъ, конечно,

хорошій, ума палата, настоящая еврейская голова, которая вездѣ сдѣлала бы честь своей націи. Онъ, вѣроятно, былъ генераломъ, или чѣмъ-то въ этомъ родѣ у „гоевъ"; молодецъ хоть куда, и знаетъ, гдѣ раки зимуютъ. Онъ, навѣрное, пойдетъ въ гору, и честному контрабандисту можно на него положиться. Онъ умѣетъ держать языкъ за зубами и никогда не обманетъ, но за то торгуется за каждый грошъ, какъ цыганъ на конной ярмаркѣ.

Рыжій Шмуль имѣлъ много случаевъ изучить своего страннаго кліента. Каждые три-четыре мѣсяца молодой человѣкъ появлялся на границѣ, приводя съ собой партіи „гоевъ", которымъ нужно было уѣзжать изъ Россіи, или въѣзжать въ нее. Кромѣ того, приходилось ввозить контрабандой книги — очень выгодное занятіе, такъ какъ книги лучше оплачиваются, чѣмъ табакъ или шелкъ. Давидъ имѣлъ много связей съ разными людьми на границѣ, но Рыжій Шмуль пользовался его наибольшимъ довѣріемъ.

Что все это значило; кто были эти странные люди, пріятели Давида, чего они добивались — этого Рыжій Шмуль не могъ рѣшить. Подстрекаемый еврейскимъ любопытствомъ, онъ пробовалъ прочесть нѣкоторыя изъ революціонныхъ брошюръ, проходившихъ черезъ его руки. Но, при своемъ недостаточномъ знаніи русскаго языка, онъ мало понялъ и потерялъ охоту къ дальнѣйшимъ разслѣдованіямъ. Разъ такой умный человѣкъ, какъ Давидъ, принимаетъ въ этомъ участіе, значитъ дѣло выгодное: иначе, какъ бы могъ онъ платить такъ аккуратно и такъ хорошо? Такъ какъ ввозъ этихъ книгъ былъ запрещенъ, подобно ввозу многихъ другихъ товаровъ, то тутъ шла, очевидно, контрабанда высшаго сорта, нужная для господъ, а зачѣмъ именно — этого Шмуль не понималъ. Да и на что ему знать, разъ хорошо платятъ? У него достаточно своихъ дѣлъ.

Свистъ локомотива далъ знать о приближеніи петербургскаго поѣзда.

— Вотъ они, подумалъ Шмуль, подавая съ заискивающей улыбкой рюмку коньяку полицейскому чиновнику.

Шинокъ Шмуля стоялъ довольно далеко отъ вокзала. Большинство проѣзжихъ заходило погрѣться и закусить въ болѣе близкія и удобныя заведенія, но кой-кто попадалъ и къ нему. Онъ сталъ готовиться къ пріему гостей: вытеръ два деревенскихъ дубовыхъ стола, стоявшихъ по обѣ стороны комнаты, осмотрѣлъ приготовленную баттарею бутылокъ, наполнилъ нѣсколько рюмокъ, стоявшихъ на стойкѣ, и сталъ за прилавокъ.

Шинокъ началъ наполняться народомъ. Нѣсколько арендаторовъ изъ окрестныхъ деревень вошли въ комнату, громко обсуждая новости, слышанныя на ярмаркѣ. Два жандарма, только-что смѣненные съ караула на станціи, зашли выпить рюмку водки и усѣлись на почетное мѣсто. Нѣсколько постоянныхъ посѣтителей пришли и ушли, а Давида все еще не было. Прошло около часа со времени прихода поѣзда, а онъ не показывался. Шмуль слишкомъ мало зналъ объ опасностяхъ, угрожающихъ революціонерамъ, чтобы тревожиться. Онъ рѣшилъ, что Давида, вѣрно, гдѣ-нибудь задержали и что онъ пріѣдетъ завтра, въ пятницу, т. е. наканунѣ шабаша. Такъ какъ въ этотъ день работа кончалась рано, то предпріимчивый шинкарь началъ уже помышлять о томъ, какъ бы ему воспользоваться неаккуратностью Давида; но, обернувшись направо, онъ вдругъ увидѣлъ его самого. Давидъ спокойно сидѣлъ за столомъ, около жандармовъ, и также мало обращалъ вниманія на нихъ, какъ и они на него. Да и въ самомъ дѣлѣ, какое подозрѣніе могъ возбудить этотъ бѣдно одѣтый молодой еврей, безцѣльно глядящій въ пространство съ терпѣливымъ видомъ скромнаго потребителя, который не торопится покидать теплую, уютную комнату и пріятную компанію?

Это былъ коренастый человѣкъ, низкаго роста, лѣтъ двадцати-пяти, или около того, съ пріятнымъ правильнымъ лицомъ еврейскаго типа, и большими темно-карими глазами, глядѣвшими грустно и привѣтливо.

Шмуль снабдилъ его кружкой пива, когда дошла до

него очередь, и не обращалъ больше никакого вниманія на новаго посѣтителя. Молодой человѣкъ заплатилъ за свое пиво и, выпивъ его, не торопясь, вышелъ такъ же спокойно, какъ и вошелъ.

Очутившись на улицѣ, Давидъ повернулъ за уголъ и вошелъ въ кухню черезъ черный ходъ. При тускломъ свѣтѣ сальной свѣчки онъ не замѣтилъ, какъ наткнулся на что-то мягкое и бѣлое — молодую, проворную козу, которая быстро вскочила съ пола и пробѣжала мимо его ногъ, поднимая густое облако пыли. Курица, сидѣвшая на шесту, испугалась со сна, потеряла равновѣсіе и съ громкимъ кудахтаньемъ спрыгнула и спряталась въ противоположномъ углу комнаты.

Молодой человѣкъ быстро прошелъ черезъ кухню, гдѣ его появленіе надѣлало столько суматохи, и очутился въ темномъ корридорѣ. Онъ зажегъ восковую спичку и поднялся по деревянной лѣстницѣ въ маленькую, грязную комнатку, гдѣ Рыжій Шмуль имѣлъ обыкновеніе обдѣлывать самыя важныя изъ своихъ дѣлъ.

Его хозяинъ былъ уже тамъ. Оставивъ жену за прилавкомъ, вмѣсто себя, онъ поспѣшилъ къ своему гостю, какъ только тотъ вышелъ изъ шинка.

— Какъ поживаете, ребъ Шмуль? спросилъ Давидъ на еврейскомъ жаргонѣ. Вы не ждали меня такъ скоро?

— Я совсѣмъ не ждалъ васъ, панъ Давидъ, т. е. не сегодня. Я полагалъ, что вы пріѣдете завтра.

— У меня тутъ были кой-какія дѣла, сказалъ молодой человѣкъ, усаживаясь въ кресло, покрытое засаленной матеріей неопредѣленнаго цвѣта.

Тощій и длинный Шмуль пріютился на высокомъ деревянномъ стулѣ, у котораго не доставало одной ножки.

— Ваши спутники съ вами? спросилъ онъ.

— Да.

— Всѣ трое?

— Всѣ трое. Двое мужчинъ и одна дама. Я оставилъ ихъ у Ѳомы. Намъ нужно быть по ту сторону завтра утромъ. Вы все приготовили, надѣюсь?

— Да, все устроено. Они будутъ на той сторонѣ въ восемь часовъ. Но....

Шмуль нерѣшительно замолчалъ и сталъ почесывать лѣвую сторону носа, вопросительно поглядывая на Давида.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ тотъ, взглянувъ на него.

— Видите-ли, времена плохія теперь, да и солдаты стали жадны. Мнѣ очень, очень трудно было уговорить ихъ, сказалъ Шмуль, поднимая глаза къ потолку, и мнѣ пришлось заплатить имъ больше, чѣмъ....

— Если это правда, Шмуль, то вы совершенно напрасно это сдѣлали, небрежнымъ тономъ замѣтилъ Давидъ.

— Почему напрасно? Развѣ мнѣ не слѣдовало угодить вамъ?

— Не въ томъ дѣло. Нужно держаться установленныхъ цѣнъ. Это торговое правило. Чѣмъ больше вы дадите, тѣмъ больше съ васъ будутъ требовать. Помните это, другъ мой, и держитесь своихъ цѣнъ. Это правило.

— Вамъ хорошо говорить, панъ Давидъ! обидчиво сказалъ контрабандистъ, разыгрывая роль угнетенной невинности. Но какже мнѣ было не уступить? Вѣдь они — господа, а не я.

— Умный человѣкъ долженъ умѣть убѣдить ихъ, невозмутимо отвѣтилъ Давидъ. Представьте себѣ, прибавилъ онъ съ веселымъ выраженіемъ своихъ большихъ глазъ, что вы попросили бы у меня прибавки къ условленной цѣнѣ. Я не говорю, что вы это сдѣлали бы, но предположимъ это на минуту. Я бы только отвѣтилъ вамъ, что рыба ищетъ гдѣ глубже, а покупатель — гдѣ дешевле. Въ дѣлахъ нужно соблюдать выгоду. Граница велика, а солдатъ много. Если человѣкъ не держится условленной цѣны, зачѣмъ вамъ держаться человѣка? Не правда-ли?

Давидъ добродушно улыбнулся и сталъ набивать свою короткую деревянную трубку.

Онъ, конечно, сейчасъ догадался, къ чему Шмуль ведетъ разговоръ, и твердо рѣшился не уступать. Разсчетливость въ тратѣ революціонныхъ денегъ онъ счи-

талъ священнымъ долгомъ для члена партіи. Но онъ не имѣлъ обыкновенія обходиться сурово съ людьми, если не было для этого необходимости.

— А какъ поживаетъ ваша семья? Я забылъ спросить раньше. Всѣ здоровы, надѣюсь?

— Здоровы, благодарю васъ, угрюмо отвѣчалъ Шмуль, замышляя болѣе рѣшительную аттаку на Давида; ему вовсе не хотѣлось упускать такого удобнаго случая.

— Ничего новаго въ деревнѣ? продолжалъ Давидъ, беззаботно покуривая трубку.

— Да, есть, отвѣтилъ контрабандистъ кислымъ тономъ и принялся разсказывать о томъ, какія строгости пошли теперь на границѣ.

— Вы знаете, что Ицка вернулся? спросилъ Давидъ, выпуская изо рта облако дыма.

У Шмуля упало сердце. Ицка, или Исаакъ Перлгланцъ, былъ очень ловкій контрабандистъ, пользовавшійся хорошею репутаціею среди своихъ собратьевъ. Давидъ иногда велъ дѣла съ Ицкой, и Шмуль опасался, что тотъ хочетъ его вытѣснить.

— Развѣ? отозвался онъ слабымъ голосомъ. Я этого не зналъ.

Онъ взглянулъ испытующимъ взоромъ на своего собесѣдника. Но Давидъ сидѣлъ совершенно невозмутимо.

— Мнѣ Ѳома сказалъ. Вотъ все, что я знаю, отвѣчалъ онъ.

„Все пропало", подумалъ Шмуль. „Онъ знаетъ обо всемъ и его невозможно обойти".

— У вашихъ друзей много багажа? спросилъ Шмуль дѣловымъ тономъ, какъ будто между ними никогда не было ни тѣни недоразумѣній.

— Нѣсколько узловъ. Вашъ мальчикъ можетъ снести все.

— Такъ я его пошлю завтра къ Ѳомѣ. Деньги на той сторонѣ?

— Да, но помните, что отъ нихъ вы не должны брать ничего. Только маленькую записку, что они благополучно переправились.

Шмуль грустно кивнулъ головой въ отвѣтъ. Это

было тоже одной изъ его претензій на молодаго человѣка. Давидъ былъ очень строгъ, даже жестокъ въ этомъ отношеніи: Шмуль слишкомъ хорошо это зналъ.

Обиженный контрабандистъ откинулъ назадъ длинные пейсы, свѣшивавшіеся у него до ушей, и торопливо освѣдомился о погодѣ въ Петербургѣ, чтобы измѣнить непріятное направленіе своихъ мыслей.

Но его дурное расположеніе духа смѣнилось пріятнымъ ожиданіемъ, когда Давидъ спросилъ его, будетъ-ли онъ здѣсь черезъ мѣсяцъ.

— Я отправляюсь заграницу, объяснилъ молодой человѣкъ, и мнѣ нужно будетъ переправить сюда много вещей.

Шмуль почмокалъ губами. Это было вознагражденіемъ за испытанное имъ пораженіе.

Онъ не сталъ предлагать вопросовъ. Давидъ этого не любилъ и никому не сообщалъ больше, чѣмъ самъ считалъ нужнымъ.

— Вы не забудете меня, надѣюсь? сказалъ Шмуль.

— Конечно, нѣтъ. Только вы должны быть на мѣстѣ. Я вамъ напишу заранѣе, чтобы вы могли пріѣхать.

Послѣ этого они стали толковать о накладныхъ, о провозѣ и т. п., и Шмуль не выказывалъ уже никакихъ знаковъ протеста. Они разстались по пріятельски, и контрабандистъ остался съ двойственнымъ чувствомъ эстетическаго наслажденія дѣловитостью Давида и досады на крушеніе своихъ плановъ.

„Ловкій молодецъ, что и говорить! Только праотецъ Яковъ могъ бы обойти его“, разсуждалъ онъ про себя, запирая ставни и двери въ шинокъ. „Но все-же ему слѣдовало бы быть помягче съ однимъ изъ своихъ соплеменниковъ, у котораго семья на шеѣ, и помочь ему заработать честный грошъ“.

Онъ съ грустью вспомнилъ о золотомъ времени, лѣтъ шесть-семь тому назадъ, когда переправа заграницу оплачивалась въ двадцать пять и даже пятьдесятъ рублей съ человѣка; бывали простаки, которые платили по ста. Давидъ свелъ цѣну до мизерныхъ десяти рублей, безъ всякихъ прибавокъ. Правда, что съ тѣхъ поръ,

какъ Давидъ взялся за дѣло, въ десять разъ больше „гоевъ“ пріѣзжаетъ и уѣзжаетъ изъ Россіи. Это было нѣкоторымъ утѣшеніемъ. Но Шмуль не могъ не помечтать о томъ, какъ хорошо было бы, еслибы движеніе шло также оживленно, какъ теперь, а цѣны оставались бы прежнія. Его глазамъ представился такой блестящій рядъ цифръ, что сердце его сначала затрепетало отъ радости, а потомъ заныло отъ тоски.

Тѣмъ временемъ Давидъ пришелъ къ дому Ѳомы, гдѣ его спутники расположились на ночь. Хозяинъ самъ отворилъ ему дверь, и Давидъ освѣдомился о своихъ друзьяхъ. Все обстояло благополучно. Они поужинали, какъ онъ распорядился, и теперь отправились спать; мужчины заняли переднюю комнату, а Марина, дочь хозяина, отправилась съ барышней наверхъ. Давидъ поблагодарилъ его и присоединился къ пріятелямъ. Въ подобныхъ случаяхъ онъ всегда предпочиталъ останавливаться у Ѳомы, хотя у него ничего не было, кромѣ простыхъ наръ для спанья. Но Ѳома былъ мѣстнымъ сотскимъ, и его изба была вполнѣ безопаснымъ мѣстомъ для ночлега.

Очутившись въ комнатѣ, Давидъ осмотрѣлъ все кругомъ съ тщательностью полицейскаго чиновника. Ставни были закрыты, чтобы прохожіе не могли заглянуть вовнутрь. Весь багажъ, въ томъ числѣ его собственный холщевый сакъ-вояжъ, былъ сложенъ въ углу. Его спутники, утомленные длиннымъ путешествіемъ, спали на нарахъ вдоль стѣнъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ соломенную подушку и импровизированное одѣяло. Для него готова была такая же постель, какъ для другихъ, но, не смотря на усталость, онъ проголодался и сталъ устраивать себѣ какое-то подобіе ужина. Отрѣзавъ ломоть отъ лежавшаго на столѣ большаго хлѣба, онъ вынулъ изъ сакъ-вояжа кусокъ сыру, бережно завернутаго въ бумагу, и, какъ бывалый солдатъ въ походѣ, удовлетворился этой скромной ѣдой.

Поднявшись первымъ, какъ только утреннее солнце стало пробиваться въ комнату, онъ наскоро одѣлся и

открылъ ставни. Разбуженные его веселымъ голосомъ, спутники тоже торопились вставать.

Острогорскій, старшій изъ нихъ, былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, небольшаго роста, сутуловатый, и выглядѣлъ поблекшимъ, болѣзненнымъ ученымъ. Сосланный много лѣтъ тому назадъ за какой-то незначительный проступокъ въ захолустный приволжскій городокъ, онъ бѣжалъ теперь изъ мѣста своего изгнанія, намѣреваясь окончательно поселиться заграницей.

Его спутникъ, Зацѣпинъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати - трехъ, бывшій поручикъ пѣхотнаго полка, былъ такъ серьезно скомпрометированъ, что организація послала его заграницу „провѣтриться".

— Торопитесь, ребята, тормошилъ ихъ Давидъ. Вѣдь вамъ предстоятъ сегодня великіе подвиги, и времени терять не слѣдуетъ. Я пойду распорядиться насчетъ завтрака.

Выйдя на дворъ, онъ увидѣлъ третьяго члена компаніи, Анну Вуличъ, девятнадцатилѣтнюю дѣвушку, замѣшанную въ качествѣ сочувствующей въ какіе-то университетскіе безпорядки, не имѣвшіе политическаго характера. Ей отказали въ выдачѣ заграничнаго паспорта, и Давидъ охотно присоединилъ ее къ ближайшей группѣ, отправлявшейся заграницу. Онъ всегда радъ былъ помочь перебраться черезъ границу всякому, кто въ этомъ нуждался.

Анна присматривала за самоваромъ, а Давидъ занялся завтракомъ, который вышелъ настолько обильнымъ, насколько позволяла кладовая Ѳомы. Это было вопросомъ чести для Давида. Равнодушный къ своему личному комфорту, онъ доходилъ иногда до смѣшнаго въ заботахъ о ввѣренныхъ ему людяхъ. Онъ не только заботился объ ихъ безопасности, но и о томъ, чтобы они были хорошо накормлены и довольны во всѣхъ отношеніяхъ.

Тѣмъ временемъ первые горячіе лучи солнца свѣтили уже въ маленькія окна избы, освѣщая комнату и лица путешественниковъ.

Давидъ самъ заварилъ чай. У него всегда былъ большой запасъ въ сакъ-вояжѣ, потому что чай, покупаемый

въ небольшой лавкѣ, нехорошъ и дорогъ. Скромный завтракъ прошелъ очень оживленно. Всѣ были возбуждены и веселы, какъ люди, полные любопытства и ожиданія общей для всѣхъ опасности. Они не могли отдѣлаться отъ представленія, что переправа черезъ границу царскихъ владѣній — дѣло серьезное. Давидъ увѣрялъ ихъ, что нѣтъ ничего проще. Сотни людей переходятъ границу тайкомъ, просто для того, чтобы не тратиться. Политически нелегальные, если только нѣтъ никакихъ особенностей въ ихъ внѣшности, могутъ переходить такъ же легко, какъ и всѣ другіе.

— А все-таки многіе были арестованы, сказала Анна Вуличъ, краснѣя.

Она немного волновалась, такъ какъ это было ея первымъ рискованнымъ шагомъ. Но она была очень самолюбива и боялась, что ея замѣчаніе покажется другимъ признакомъ трусости.

— Конечно, были, сказалъ Давидъ съ негодованіемъ. А по чьей винѣ, если не по ихъ собственной? Можно утонуть въ ведрѣ воды, если засунуть туда голову.

Какъ истый сангвиникъ по темпераменту, Давидъ былъ склоненъ къ преувеличеніямъ. По его словамъ выходило, что граница самое удобное мѣсто для прогулокъ взадъ и впередъ. Онъ серьезно сердился на увальней, портящихъ репутацію границы и дающихъ пищу глупымъ разсказамъ объ ея опасностяхъ.

Разговоръ о пограничныхъ приключеніяхъ былъ прерванъ Острогорскимъ, который первый обратилъ вниманіе на то, что контрабандистъ запоздалъ. Десять часовъ уже пробило, а его еще не было. Давидъ зашелъ въ шинокъ, но Шмуля не оказалось дома. Что-нибудь да случилось. Острогорскій, раздражительный по природѣ, сталъ волноваться.

— Неужели намъ придется еще разъ переночевать здѣсь? спросилъ онъ съ желчной улыбкой.

Давидъ спокойно объяснилъ, что этого опасаться нечего. Если контрабандистъ не явится къ одиннадцати часамъ, онъ устроитъ дѣло иначе.

Одинъ Зацѣпинъ не ворчалъ и не приставалъ съ

вопросами. Онъ вѣрилъ Давиду, какъ солдатъ полководцу, и по природѣ былъ чуждъ сомнѣній.

Когда Шмуль показался въ дверяхъ, Давидъ встрѣтилъ его цѣлымъ градомъ упрековъ. Контрабандистъ сталъ извиняться: остановка вышла не по его винѣ; по случайности, караульный, съ которымъ онъ условился, не былъ назначенъ на утреннюю службу и на него можно разсчитывать только вечеромъ.

Дѣло осложнялось. Въ этотъ день была пятница; черезъ нѣсколько часовъ начинался шабашъ, и тогда самая заманчивая награда не заставитъ еврея-контрабандиста нарушить субботній отдыхъ.

Давидъ былъ взбѣшенъ.

— Не сердитесь, панъ Давидъ, успокоивалъ контрабандистъ, вамъ не придется пережидать субботы. У меня есть два паспорта для господъ, а моя дочь встрѣтитъ насъ по пути къ переправѣ и передастъ свой барышнѣ. Мы можемъ отправиться тотчасъ же.

Давидъ объяснилъ по русски, что́ случилось, и передалъ паспорта двумъ мужчинамъ. Паспорта были не настоящіе заграничные, а простыя свидѣтельства, выдаваемыя пограничнымъ жителямъ, у которыхъ есть дѣла по обѣ стороны границы и которымъ нужно постоянно ѣздить взадъ и впередъ.

Оба путешественника развернули паспорта, чтобы прочесть имена, на которыя имъ придется отвѣчать въ случаѣ необходимости. Чтеніе документа произвело необычайное дѣйствіе на Зацѣпина.

— Посмотрите, что за ерунду вы мнѣ принесли! крикнулъ онъ Шмулю. Вѣдь это женскій паспортъ!

— Да, отвѣтилъ Шмуль, такъ что-же за бѣда?

Спутники Зацѣпина съ любопытствомъ и изумленіемъ взяли у него бумагу, чтобы удостовѣриться въ ея содержаніи.

Не могло быть никакого сомнѣнія. На паспортѣ было написано крупными буквами и нѣсколько пожелтѣлыми чернилами: Сара Гальперъ, вдова купца Соломона Гальпера, 40 лѣтъ отъ роду.

— Надо перемѣнить паспортъ, сказалъ онъ контрабандисту. Не могу же я сойти за вдову!

— Почему нѣтъ? Съ Божьей помощью сможете, сказалъ Шмуль, поднявъ руки вверхъ, какъ крылья херувима, и мигая глазами. Зацѣпинъ, который не имѣлъ такой вѣры въ Божій промыселъ, настаивалъ на своемъ; тогда Давидъ, котораго потѣшала досада пріятеля, вмѣшался наконецъ.

— Это не имѣетъ никакого значенія, сказалъ онъ. Вы сами въ этомъ убѣдитесь.

Зацѣпинъ пожалъ плечами: какъ могъ онъ сойти за вдову сорока лѣтъ, было выше его пониманія; но разъ Давидъ посвященъ въ эту тайну, значитъ, все обстояло благополучно.

Путешественники приготовились къ отъѣзду. Они должны были ѣхать съ пустыми руками, потому что на границѣ было правиломъ, что люди и товаръ должны переправляться отдѣльно; на товаръ, годный для продажи, пошлина больше, чѣмъ на обыкновенныя человѣческія созданія, не имѣющія рыночной цѣны. Острогорскій, имѣвшій съ собой только небольшой чемоданъ съ рукописями, не могъ взять даже его. Давидъ долженъ былъ позаботиться обо всемъ. Онъ взялся доставить вещи другой дорогой и обѣщалъ присоединиться къ нимъ на той сторонѣ черезъ короткое время.

У воротъ они встрѣтили сына Шмуля, который передалъ Вуличъ паспортъ своей сестры.

— Теперь все готово, сказалъ Давидъ. Они пожали другъ другу руки и разстались.

Зацѣпинъ и контрабандистъ шли впереди. Остальные двое слѣдовали на нѣкоторомъ разстояніи, чтобы не обращать на себя вниманія. Черезъ двадцать минутъ они очутились у грязнаго маленькаго ручья, который и курица перебредетъ въ сухую погоду. Вдоль береговъ его тянулась плоская, голая равнина съ глинистой почвой, проглядывавшей промежъ жидкой травы. По обѣ стороны стояли кучки мужчинъ и женщинъ. Плоскодонный плотъ, похожій на старую стоп-

танную туфлю, плавалъ въ желтой водѣ. Сѣдой полицейскій, съ краснымъ суровымъ лицомъ стоялъ на носу съ обнаженнымъ тесакомъ.

Какъ только плотъ подошелъ къ берегу и пассажиры высадились, наши путешественники, по знаку своего провожатаго, вскочили на него и за ними набилась дюжина мужчинъ и женщинъ, до того, что они чуть не толкали другъ друга въ воду.

— Довольно, закричалъ полицейскій, отталкивая напиравшую толпу.

И, обращаясь къ умѣстившимся на плоту, сказалъ повелительнымъ тономъ.

— Ваши паспорта!

Это была граница. По лѣвую сторону грязнаго ручейка была Россія, по правую — Германія.

Всѣ вынули паспорта, которые были собраны въ кучку и переданы столпу порядка и закона. Поднявъ палецъ кверху, онъ поспѣшно пересчиталъ число головъ и потомъ число документовъ. Такъ какъ оба сходились, онъ передалъ ихъ обратно ближайшему изъ пассажировъ и крикнулъ: „готово!“

Паромщикъ, у котораго не было ни шеста, ни руля, оттолкнулъ свое судно отъ Россіи и въ слѣдующую минуту ударился о Германію. Пассажиры Давида высадились на берегъ. Все было кончено. Они были въ Европѣ, внѣ власти царя.

— Какъ это все просто! воскликнула, улыбаясь, Вуличъ. Они почувствовали большое облегченіе и, громко разговаривая, направились въ деревню, гдѣ должны были ждать Давида.

Еслибы они не были такъ заняты собой, то замѣтили бы прилично-одѣтаго молодаго человѣка, съ темными глазами и блѣднымъ лицомъ, который, проходя по улицѣ, остановился, пріятно пораженный звуками чистой русской рѣчи.

Это былъ Андрей, прибывшій уже пять дней тому назадъ на мѣсто, указанное въ письмѣ Жоржа. Ожидая

съ часа на часъ пріѣзда Давида, который долженъ былъ его встрѣтить здѣсь, онъ умиралъ со скуки.

Онъ сразу догадался, что эти трое были изъ компаніи Давида. Ему хотѣлось заговорить съ ними, но онъ удержался. „Вдругъ они окажутся чужіе. Осторожность никогда не мѣшаетъ. Если они пріятели Давида, то и самъ Давидъ, вѣроятно, недалеко“.

———

ГЛАВА IV.

Новыя впечатлѣнія.

Вернувшись въ гостинницу, Андрей позвалъ слугу и сказалъ ему ломаннымъ нѣмецкимъ языкомъ, что будетъ цѣлый день дома, на случай, если кто нибудь спроситъ о немъ.

Окна его комнаты выходили на большой зеленый сквэръ, къ которому вело нѣсколько улицъ. Онъ сталъ наблюдать за прохожими и около одиннадцати часовъ замѣтилъ издалека неуклюжую фигуру Давида, быстро шагавшаго въ тяжеломъ сѣромъ пальто, которое онъ носилъ круглый годъ.

Андрей сбѣжалъ съ лѣстницы; пріятели встрѣтились у входныхъ дверей и крѣпко расцѣловались.

— Признайся, ты, вѣрно, здорово бранилъ меня за то, что я заставилъ тебя такъ долго ждать? спросилъ Давидъ, ласково хлопая Андрея по плечу.

— Бранилъ, но не очень. Я боялся, не приключилось ли чего съ тобой.

— Вотъ пустяки! Что можетъ статься *со мной?* Я просто захлопотался, собирая небольшую партію для переправы черезъ границу. Двухъ зайцевъ однимъ ударомъ. Оно и дешевле, и скорѣе.

— Я, кажется, видѣлъ твою партію на переправѣ, часъ тому назадъ.

— Возможно. Зацѣпинъ между ними; ты долженъ съ нимъ познакомиться.

Они были уже въ комнатѣ Андрея. Давидъ снялъ пальто, бросилъ его на кресло и усѣлся.

— Ну, а теперь разскажи мнѣ про нашихъ, сказалъ Андрей, становясь противъ него. Какъ поживаетъ Жоржъ

и всѣ другіе? Что слышно о Борисѣ? Есть-ли письма отъ Зины?

— Да, было одно письмо. Надежды пока очень мало, судя по ея намекамъ. Да она сама скоро будетъ въ Петербургѣ и разскажетъ тебѣ обо всемъ.

— Развѣ ты не ѣдешь со мной въ Петербургъ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Давидъ. Я ѣду въ Швейцарію и останусь тамъ нѣсколько времени. Ты слыхалъ, что эквилибристы хотятъ издавать собственную подпольную газету въ Петербургѣ?

— Эквилибристы! воскликнулъ Андрей. Да неужели?

Эквилибристами называлось тайное общество, прозванное такъ въ насмѣшку другими кружками за умѣренность и отсутствіе рѣшительности. Между ними и партіей *Земли и Воли*, къ которой принадлежали Давидъ и Андрей, были довольно холодныя отношенія.

— На этотъ разъ они въ самомъ дѣлѣ что-то затѣваютъ, отвѣтилъ Давидъ. Когда они узнали, что я ѣду въ Швейцарію, то дали мнѣ денегъ для покупки шрифта.

— Это не дурно, замѣтилъ Андрей. Я мѣняю о нихъ свое мнѣніе.

— А я остаюсь при прежнемъ, возразилъ Давидъ. Посмотримъ еще, что они сдѣлаютъ со своимъ шрифтомъ. Я не вѣрю въ нихъ.

Онъ осмотрѣлся кругомъ, ища спичекъ, чтобы закурить свою трубку. Андрей подалъ ему сигару.

— Такъ зачѣмъ же ты взялся исполнять ихъ порученіе? спросилъ онъ.

— Это моя обязанность, отвѣтилъ Давидъ. Моя служба состоитъ въ томъ, чтобы очищать дороги отъ всякихъ преградъ и держать ихъ свободными для желающихъ пользоваться. Удастся-ли затѣя эквилибристовъ, или нѣтъ, — не мое дѣло. Да и помимо того, прибавилъ онъ, возня-то небольшая. Это дастъ мнѣ возможность пробыть нѣсколько лишнихъ дней съ друзьями въ Швейцаріи, вотъ и все.

— Я радъ за нихъ, во всякомъ случаѣ. Ты писалъ о своемъ пріѣздѣ?

— Нѣтъ, я этого никогда не дѣлаю. Гораздо пріят-

нѣе пріѣхать невзначай. Какъ они всѣ поживаютъ? Ты мнѣ ничего не сказалъ о нихъ.

— Да нечего говорить. Жизнь все та же, и такая же скучная, отвѣтилъ Андрей.

Давидъ съ досадой ударилъ себя по колѣну.

— Что за нелѣпый народъ наши революціонеры! воскликнулъ онъ. Живутъ въ свободной странѣ среди большаго соціальнаго движенія и чувствуютъ себя, какъ рыба на сушѣ. Да неужели-же свѣтъ клиномъ сошелся на одной Россіи?

Со своимъ еврейскимъ космополитизмомъ онъ часто спорилъ на эту тему съ товарищами.

— Ты правъ, ругая насъ, возразилъ Андрей съ готовностью самообличенія, подъ которой такъ часто скрывается полу-одобреніе. Мы наименѣе космополитическая нація, хотя многіе и утверждаютъ противное. Ты одинъ между нами заслуживаешь имя гражданина міра.

— Это лестно, но не особенно пріятно, замѣтилъ Давидъ.

Андрей не продолжалъ спора и сталъ разспрашивать о томъ, что̀ петербуржцы думаютъ относительно Бориса. Онъ принималъ дѣло очень близко къ сердцу. Борисъ былъ его лучшимъ другомъ, самымъ близкимъ послѣ Жоржа.

— Ничего нельзя рѣшить до пріѣзда Зины, сказалъ Давидъ. Но я боюсь, что вообще ничего не удастся сдѣлать теперь.

— Ничего? Почему-же?

— Нѣтъ силъ, отвѣтилъ Давидъ, вздыхая. Мы теперь, нѣкоторымъ образомъ, на мели сидимъ. Вотъ увидишь самъ, когда пріѣдешь.

Онъ сталъ высчитывать потери и финансовыя затрудненія партіи.

Андрей слушалъ, ходя взадъ и впередъ съ опущенной головой. Дѣло обстояло хуже, чѣмъ онъ ожидалъ. Но мысль о безнадежности положенія возмущала его и не укладывалась въ головѣ. О томъ, что его самого когданибудь арестуютъ, онъ привыкъ думать спокойно: такой

уже обычный жребій бойцовъ. Но позволить „этимъ подлецамъ“ (какъ онъ называлъ всѣхъ этихъ представителей власти) заморить товарища безъ всякой попытки отнять у нихъ добычу — было бы слишкомъ большимъ униженіемъ.

— Какой вздоръ говорить о недостаткѣ силъ въ нашей партіи! воскликнулъ онъ, остановившись противъ Давида. Наши силы вокругъ насъ; если мы не можемъ найти помощниковъ, то, значитъ, мы сами ничего не стоимъ.

— Выше головы не прыгнешь, возразилъ Давидъ. У насъ нашлось бы нѣсколько человѣкъ, способныхъ организовать освобожденіе; но какъ быть безъ денегъ?

— Не бѣда, сказалъ Андрей. Самое лучшее средство пополнить кассу и возбудить въ людяхъ энергію, это — затѣять какое-нибудь живое дѣло.

— Иногда это удается, отвѣтилъ Давидъ. Поговори съ Зиной. Всѣмъ намъ хочется попытаться что-либо сдѣлать.

Онъ всталъ и началъ прощаться.

— Мнѣ пора идти къ моимъ путешественникамъ, сказалъ онъ. Да, какже устроить тебѣ свиданіе съ Зацѣпинымъ? Хочешь пойти къ нему, или чтобы онъ сюда пришелъ?

Андрей спросилъ, кто были другіе, и предложилъ сейчасъ же отправиться въ гостинницу. Онъ радъ былъ познакомиться со всей компаніей.

Когда Давидъ вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣли его кліенты, онъ былъ встрѣченъ шумной оваціей.

Андрей былъ имъ представленъ подъ первымъ вымышленнымъ именемъ, которое попалось Давиду на языкъ. Острогорскій и Вуличъ были чужими для партіи, и ихъ не было надобности посвящать въ тайну возвращенія Андрея на родину. Зацѣпину же нетрудно было догадаться, кто передъ нимъ.

Компанія распалась на двѣ группы. Андрей и Зацѣпинъ продолжали сидѣть за столомъ; Давидъ же отвелъ двухъ другихъ къ окну на противоположномъ концѣ комнаты. Острогорскій и молодая дѣвушка все еще не могли надивиться простотѣ своего бѣгства.

— Даже жалко, что не пришлось испытать никакого сильнаго ощущенія, сказала Анна. Острогорскій тоже выразилъ свое удивленіе. Онъ былъ въ говорливомъ настроеніи и разсказывалъ о слухахъ, доходившихъ до него изъ достовѣрныхъ источниковъ, что людей переносили въ полночь на спинѣ, въ мѣшкахъ, что приходилось прятаться по нѣсколько дней въ кладовыхъ, прежде чѣмъ контрабандисты могли найти возможность переправы. Давидъ смѣялся и замѣтилъ, что сомнѣвается только насчетъ мѣшковъ, а все остальное могло быть правдой. Въ прежнія времена, когда контрабандисты могли дѣлать все по своему, они часто нарочно выкидывали такія штуки, чтобы пустить пыль въ глаза своимъ кліентамъ и показать, что громадныя цѣны, которыя имъ переплачивали, были честно заработаны.

Андрей тѣмъ временемъ спокойно разговаривалъ съ Зацѣпинымъ, разспрашивая его о разныхъ людяхъ, съ которыми онъ встрѣчался, о городахъ, въ которыхъ живалъ. Ихъ оставили наединѣ съ обычной непринужденностью, господствующею въ революціонной средѣ; это продолжалось однако лишь до тѣхъ поръ, пока Зацѣпинъ не выразилъ громко своего мнѣнія о какой-то группѣ радикаловъ, съ которыми ему пришлось познакомиться въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ.

— Болтуны они, и только! Виляютъ между соціализмомъ и политикой, заявилъ онъ съ обычной рѣзкостью. Хотятъ усѣсться на двухъ стульяхъ, да только теперь это не годится

Это замѣчаніе долетѣло до ушей Острогорскаго, который былъ страстнымъ спорщикомъ. Медленными шагами маленькій человѣчекъ приближался къ разговаривавшимъ, заложивъ руки за спину, и его исхудалое лицо казалось придавленнымъ книзу большимъ тяжелымъ носомъ. У него уже было дорогой нѣсколько стычекъ съ Зацѣпинымъ, но онъ жаждалъ еще сразиться. Съ легкой саркастической улыбкой на тонкихъ губахъ, онъ попросилъ позволенія предложить Зацѣпину вопросъ: что именно не годится по его мнѣнію для нынѣшняго времени: сидѣть на двухъ стульяхъ, или оставаться соціалистомъ.

Зацѣпинъ рѣзко отвѣтилъ, что сказалъ то, что хотѣлъ сказать, и что всѣ, называющіе себя революціонерами и уклоняющіеся въ тоже время отъ участія въ настоящемъ революціонномъ дѣлѣ, не болѣе какъ болтуны, если не хуже!

Съ этимъ Острогорскій былъ совершенно согласенъ, но у него было свое собственное опредѣленіе настоящаго дѣла. Пренія заинтересовали Вуличъ, и она подвинулась къ краю дивана, поближе къ спорящимъ. Сперва она слушала; потомъ вмѣшалась, и разговоръ сдѣлался общимъ. Одинъ Давидъ оставался на своемъ мѣстѣ и лѣниво болталъ ногами, сидя на подоконникѣ.

Начавшійся споръ становился все горячѣе и шумнѣе. И неудивительно, такъ какъ скоро стало очевидно, что изъ пяти присутствующихъ революціонеровъ-соціалистовъ каждый былъ въ чемъ нибудь не согласенъ со всѣми остальными, и ни одинъ не былъ склоненъ къ уступкамъ. Зацѣпинъ былъ отъявленнымъ террористомъ, отличавшимся простотой и прямолинейностью своихъ воззрѣній на всѣ вопросы, какъ практики, такъ и теоріи, а также счастливымъ отсутствіемъ малѣйшаго сомнѣнія въ чемъ бы то ни было. Анна Вуличъ тоже была террористкой, — въ теоріи, конечно, — хотя не шла такъ далеко, какъ Зацѣпинъ, съ которымъ она, кромѣ того, совершенно расходилась въ вопросѣ о соціалистической пропагандѣ среди рабочаго класса. Острогорскій и Давидъ, оба склонялись къ эволюціонному соціализму, но рѣзко расходились между собою по вопросамъ о соціалистическомъ государствѣ въ будущемъ и политической дѣятельности въ настоящемъ. Что касается Андрея, то онъ не могъ вполнѣ согласиться ни съ однимъ изъ четырехъ, но, пробывши такъ долго внѣ революціоннаго теченія, онъ не имѣлъ, казалось, опредѣленной системы и немного колебался. Онъ возражалъ то одному изъ спорящихъ, то его противнику; а въ слѣдующую минуту оба набрасывались на него и кричали ему въ оба уха свои различныя возраженія, доказывавшія его непослѣдовательность. За-

цѣпина очень сердило такое поведеніе Андрея. Человѣкъ съ такимъ прошлымъ долженъ бы имѣть болѣе здравыя понятія и, безъ пустыхъ околичностей, тотчасъ же пристать къ настоящему дѣлу.

Стоя спиной къ потухшему камину и опираясь на него своей сильной правой рукой, Зацѣпинъ твердо отстаивалъ свою позицію. Онъ долженъ былъ защищаться противъ всѣхъ остальныхъ, старавшихся внушить ему ту мысль, что вѣра въ одинъ терроръ слишкомъ узка для соціалиста.

— Ну, такъ я вамъ объявляю, кричалъ онъ громовымъ голосомъ, что я *не* соціалистъ!

Онъ дѣлалъ удареніе на каждомъ словѣ, чтобы придать имъ больше силы.

— Именно! воскликнулъ торжествующимъ фальцетомъ Острогорскій. Слѣдовательно, вы — буржуа, сторонникъ угнетенія рабочаго класса капиталистами. Quod erat demonstrandum!

Онъ отвернулся отъ своего противника и началъ ходить взадъ и впередъ, напѣвая сквозь зубы какую-то арію, чтобы показать безполезность дальнѣйшаго разговора.

— Нѣтъ, я не буржуа! выкрикивалъ ему вслѣдъ нимало не смущенный Зацѣпинъ. Соціализмъ — не для нашего времени, вотъ что я говорю. Мы должны бороться съ деспотизмомъ и завоевать политическую свободу для Россіи. Вотъ и все. А о соціализмѣ я забочусь, какъ о выѣденномъ яйцѣ.

— Извините, Зацѣпинъ, вмѣшался Андрей, — но это нелѣпо. Вся наша нравственная сила заключается въ томъ, что мы соціалисты. Отбросьте соціализмъ, и наша сила пропадетъ.

— А какое будете вы имѣть право звать рабочихъ присоединиться къ вамъ, если вы не соціалисты? вскричала, вскакивая съ мѣста, Вуличъ.

— Толкуйте! протянулъ Зацѣпинъ, презрительно махнувъ рукой. Все это метафизика.

Метафизикой онъ называлъ все то, что не заслуживало по его мнѣнію ни минуты вниманія.

— Наша ближайшая задача, продолжалъ онъ, покрывая своимъ громкимъ голосомъ всѣ остальные голоса, — побороть политическій деспотизмъ, это необходимо для всѣхъ. Кто любитъ Россію, тотъ долженъ присоединиться къ намъ, а кто не присоединяется, тотъ измѣнникъ народному дѣлу!

При этомъ онъ посмотрѣлъ въ упоръ на Острогорскаго, чтобы не было никакого сомнѣнія, къ кому относились его слова.

— Что выиграетъ народъ отъ буржуазной конституціи, за которую вы боретесь? взвизгнулъ маленькій человѣчекъ, набрасываясь на своего крупнаго противника съ видомъ пѣтуха, наскакивающаго на гончую собаку. Вы забываете народъ, потому что вы сами буржуа. Да, вотъ вы что такое.

— Посмотрите, господа, сказалъ Давидъ, показывая на улицу, вонъ пожарный насосъ. Не горячитесь, а то хозяинъ гостинницы обдастъ насъ холодной водой.

Никто не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія. Его шутка не произвела впечатлѣнія на спорящихъ, и онъ снова погрузился въ молчаніе.

Пренія продолжались въ томъ же родѣ, но по мѣрѣ того, какъ спорящіе уставали, они становились спокойнѣе. За это время всѣ нѣсколько разъ мѣняли мѣста. Теперь Зацѣпинъ стоялъ у стола рядомъ съ Острогорскимъ, который держалъ его за пуговицу сюртука.

— Дайте мнѣ сказать два слова, чтобы убѣдить васъ, Зацѣпинъ! говорилъ онъ сладкимъ, вкрадчивымъ голосомъ. Исторія Европы доказываетъ намъ, что всѣ большія революціи.... и онъ продолжалъ пространно развивать свой тэзисъ.

Зацѣпинъ слушалъ, весь выпрямившись, слегка наклонивъ голову и нахмуривъ лобъ; судя по его физіономіи, можно было съ вѣроятностью заключить, что сѣмя мудрости Острогорскаго падало на каменистую почву.

— Господа, прервалъ Давидъ, взглянувъ на часы. Осталось меньше двухъ часовъ до вашего поѣзда. Пора

подумать и о хлѣбѣ насущномъ. Давайте пообѣдаемъ. Съ этимъ, я надѣюсь, всѣ согласятся.

Онъ спустился внизъ, а Острогорскій вышелъ изъ дому, чтобы размѣнять русскія деньги.

Андрей обрадовался возможности изложить свои взгляды, которые, казалось ему, будутъ приняты всѣми, лишь бы ихъ поняли, такъ какъ въ его старательно выработанной передъ отъѣздомъ программѣ было мѣсто для всего и для всѣхъ. Зацѣпинъ вниматально слушалъ.

— Это никуда не годится! отрѣзалъ онъ, наконецъ, безъ малѣйшаго колебанія, энергично встряхнувъ головой.

— Почему же? спросилъ Андрей.

Зацѣпинъ отвѣтилъ не сразу. Онъ собирался съ мыслями, пріискивая слова, которыя бы ясно ихъ выразили. Его полемическій жаръ остылъ. Андрей былъ товарищъ и намѣревался дѣйствовать. Съ нимъ слѣдовало говорить о сути дѣла, а не просто препираться. Онъ вдругъ покраснѣлъ, и на лицѣ его выразилось негодованіе.

— Вы предлагаете, чтобы мы шли рука объ руку съ либералами, сказалъ онъ, мрачно глядя на Андрея. Но что если они захотятъ, чтобы мы притихли? Развѣ мы согласимся? Клянусь, нѣтъ! Мы будемъ колоть, стрѣлять и взрывать, и пусть всѣ трусы убираются къ черту.

Онъ такъ ударилъ кулакомъ по столу, что чуть не разбилъ его.

— Нѣтъ, Андрей, добавилъ онъ болѣе спокойнымъ тономъ, вашъ эклектизмъ не годится.

— А вы что скажете? спросилъ Андрей дѣвушку.

— Я думаю, что мы должны разсчитывать только на себя и идти своей дорогой. Тѣ, кому дороги наши цѣли, пойдутъ за нами, отвѣтила она, краснѣя отъ возбужденія.

Въ этомъ отвѣтѣ не было ничего такого, чего бы онъ не слыхалъ отъ сотни людей. Но серьезный тонъ, которымъ эти слова были сказаны, обнаруживалъ болѣе,

нежели простую искренность и поразилъ опытное ухо Андрея. До этой минуты онъ отдавался непосредственному удовольствію первой встрѣчи съ настоящими русскими и обращалъ мало вниманія на робкую дѣвушку, принимавшую слабое участіе въ разговорѣ. Теперь же въ немъ проснулся инстинктъ ловца людей, и онъ внимательнѣе всмотрѣлся въ нее Ея свѣжее, молодое лицо глядѣло умно и серьезно, а блестящіе каріе глаза были большею частью опущены внизъ. Ея маленькая, энергическая фигурка была одѣта въ простое, черное платье, обычный костюмъ революціонерокъ.

За обѣдомъ онъ сталъ разспрашивать ее объ ея занятіяхъ и планахъ и узналъ, что она — членъ тайнаго студенческаго кружка для самообразованія. Ему не трудно было догадаться, что она руководила кружкомъ. Она ѣхала въ Швейцарію, съ цѣлью закончить свое образованіе. Андрей совѣтовалъ ей направиться въ Женеву, гдѣ ей легко будетъ устроиться, и далъ ей письмо къ Ленѣ.

Поѣздъ отходилъ въ четыре часа. Давидъ далъ отъѣзжающимъ всѣ нужныя указанія и много полезныхъ совѣтовъ. Но его материнская заботливость исчезла. Они уже не находились подъ его опекой, и вся его внимательность и предупредительность перенеслась теперь на Андрея. Они вдвоемъ направились въ гостинницу и рѣшено было, что Давидъ переселится туда же. Они должны были провести въ городѣ субботній день, и Давидъ сказалъ, что велитъ Шмулю быть готовымъ къ утру въ воскресенье.

— Не раньше? спросилъ Андрей.

— Раньше нельзя, если имѣть дѣло съ евреями, объяснилъ Давидъ. Но по эту сторону живетъ одинъ человѣкъ; я могу его повидать, если хочешь.

Андрей попросилъ такъ и сдѣлать, и Давидъ вскорѣ явился съ извѣстіемъ, что нѣкій Шмидтъ (контрабандистъ-нѣмецъ) можетъ перевести ихъ черезъ границу въ эту же ночь, если имъ угодно. Андрей съ радостью согласился: ему хотѣлось, какъ можно скорѣе попасть въ Петербургъ. Давидъ тоже спѣшилъ, такъ

какъ у него было много дѣла на рукахъ. Въ виду этого тотчасъ же послали за Шмидтомъ, который не замедлилъ явиться.

Шмидтъ былъ толстый и круглый человѣкъ съ добродушнымъ и честнымъ нѣмецкимъ лицомъ, одѣтый какъ фермеръ. Онъ вѣжливо поздоровался съ Андреемъ и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о погодѣ. Затѣмъ прямо перешелъ къ дѣлу и сказалъ, что все готово.

Къ сожалѣнію, оказалось, что у молодаго человѣка было слишкомъ много багажу. Революціонеръ, пріѣзжающій на родину, долженъ быть хорошо одѣтъ и имѣть довольно много вещей, въ противоположность оставляющимъ отчизну. Давидъ протестовалъ противъ всякихъ задержекъ, чтобы не опоздать на поѣздъ.

Послѣ этого послѣдовали быстрые и короткіе переговоры по нѣмецки между Давидомъ и Шмидтомъ, за которыми Андрей не могъ услѣдить. Онъ понялъ, однако, что все кончилось къ обоюдному удовольствію. Нѣмецъ взвалилъ себѣ на плечи чемоданъ Андрея, и они направились всѣ вмѣстѣ къ его дому.

Это былъ маленькій двухъ-этажный домикъ съ хорошенькимъ палисадникомъ. Фрау Шмидтъ, степенная дама среднихъ лѣтъ, въ бѣломъ чепцѣ, вышла къ нимъ и предложила закусить.

— Гдѣ Гансъ? спросилъ Шмидтъ.

Гансъ только что вернулся съ вечернихъ занятій въ школѣ и переодѣвался у себя въ комнатѣ.

На зовъ отца сошелъ внизъ краснощекій, бѣлокурый мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, не болѣе, въ широкихъ панталонахъ и коротенькой, узкой курточкѣ, швы которой трескались подъ напоромъ молодаго, развивающагося тѣла.

— Возьми шляпу и сведи этихъ господъ къ сѣрому камню за березой на томъ холмикѣ. Понимаешь?

— Да, папа.

— Живо! прибавилъ Шмидтъ вслѣдъ сыну.

— Хорошо, папа.

Шмидтъ пожелалъ гостямъ добраго пути, проводилъ ихъ до калитки садика и повторилъ наставленія сыну.

Гансъ въ нихъ не нуждался. Онъ былъ серьезный мальчикъ, понимавшій свое дѣло, и уже обѣщалъ сдѣлать честь профессіи, которая переходила въ ихъ родѣ отъ отца къ сыну. Безъ лишнихъ разговоровъ онъ повелъ за собой путешественниковъ, причемъ его круглое лицо свѣтилось важностью и сознаніемъ собственнаго достоинства.

Оба друга слѣдовали за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи. Они вышли изъ деревни и продолжали идти нѣсколько времени вдоль ручейка, черезъ который пріятели Давида переправлялись незадолго передъ тѣмъ. Потомъ ручей повернулъ направо, и имъ пришлось идти по открытому болотистому мѣсту, гдѣ не было и слѣда проложенной дороги. Мальчикъ не выказывалъ, однако, ни малѣйшаго колебанія и продолжалъ идти ровными шагами, слегка балансируя короткими, толстыми руками, и ни разу не оборачивая головы.

Солнце уже сѣло, и пурпурный отблескъ неба придавалъ красоту даже унылому пейзажу восточной Пруссіи. Безграничная равнина разстилалась по всѣмъ направленіямъ, но Андрей подмѣтилъ уже издали соломенныя крыши русской деревни, представляющія такой рѣзкій контрастъ съ просторными домиками, крытыми красною черепицею, на нѣмецкой сторонѣ. Не могло быть никакого сомнѣнія. За этими кустами была Россія, печальная родина, такъ сильно манившая къ себѣ Андрея. Черезъ нѣсколько минутъ онъ ступитъ на эту, пропитанную слезами землю, для которой готовъ рисковать жизнью.

— Я очень жалѣю, милый Давидъ, обратился онъ къ своему спутнику, что намъ такъ мало пришлось побыть вмѣстѣ. Мнѣ бы хотѣлось еще о многомъ поговорить съ тобой.

— Я приблизительно черезъ мѣсяцъ вернусь въ Петербургъ. Ты не уѣдешь до тѣхъ поръ, надѣюсь?

— Нѣтъ, я едва успѣю осмотрѣться за это время. Вѣдь многое измѣнилось тамъ, вѣроятно. Но скажи, пожалуйста, многіе изъ нашихъ раздѣляютъ взгляды Зацѣпина?

— Нѣтъ, этого тебѣ бояться нечего. Онъ одинъ изъ немногихъ чудаковъ этого рода. У остальныхъ — другія фантазіи, и Жоржъ — ихъ пророкъ. Ты, конечно, читалъ его вещи?

— Читалъ.

— И тебѣ нравятся?

— Да, очень. Почему ты спрашиваешь?

— Я такъ и думалъ. А что касается меня, то если бы мнѣ предстоялъ выборъ, я предпочелъ бы Зацѣпина.

— Не далеко бы ты съ нимъ ушелъ, замѣтилъ Андрей.

— Да. Онъ ничего не видитъ дальше злобы сегодняшняго дня, но онъ человѣкъ этого дня, и его дѣло то самое, что всѣ мы дѣлаемъ. Ясно, чего можно ждать отъ него, чего нельзя. Но вашъ братъ, русскій, терпѣть не можетъ имѣть дѣло съ положительными, осязательными вещами; вамъ непремѣнно нужна какая-нибудь фантастическая безсмыслица, чтобы морочить ею свою голову. Это у васъ въ крови, я полагаю.

— Не будь такъ строгъ къ намъ, замѣтилъ Андрей, улыбаясь выходкѣ своего пріятеля. Если даже вѣра Жоржа въ Россію и въ высокія добродѣтели нашихъ крестьянъ и преувеличена, то что за бѣда? Развѣ ты не повторяешь того же самаго относительно твоихъ излюбленныхъ нѣмецкихъ рабочихъ вообще, и берлинскихъ въ частности?

— Это совершенно иное дѣло, сказалъ Давидъ. Это не вѣра, а предвидѣніе будущаго, основанное на твердыхъ фактическихъ данныхъ.

— Тѣхъ же щей, да пожиже влей, сказалъ Андрей. Нельзя не идеализировать того, къ чему сильно привязанъ. Со всей твоей философіей ты ничуть не благоразумнѣе насъ. Все дѣло въ томъ, что у насъ различныя пристрастія. Мы сильно привязаны къ нашему народу, а ты нѣтъ.

Давидъ не сразу отвѣтилъ. Слова Андрея затронули въ немъ больное мѣсто.

— Да, я не привязанъ къ вашему народу, сказалъ онъ наконецъ, медленнымъ, грустнымъ голосомъ. Да и какъ бы я могъ привязаться къ нему? Мы, евреи,

любимъ свой народъ, это все, что у насъ осталось на землѣ; по крайней мѣрѣ, я люблю его глубоко и горячо. За что же мнѣ любить вашихъ крестьянъ, когда они ненавидятъ мой народъ и варварски поступаютъ съ нимъ? Завтра они, можетъ быть, разгромятъ домъ моего отца, честнаго рабочаго, какъ они громили тысячи другихъ, работающихъ въ потѣ лица евреевъ. Я могу жалѣть вашихъ крестьянъ за ихъ страданія, все равно,какъ бы жалѣлъ абиссинскихъ или малайскихъ рабовъ, или вообще всякое угнетенное существо; но они не близки моему сердцу, и я не могу раздѣлять вашихъ мечтаній и нелѣпаго преклоненія передъ народомъ. Что же касается такъ-называемаго общества, высшихъ классовъ — что, кромѣ презрѣнія, могутъ внушить эти поголовные трусы? Нѣтъ, въ вашей Россіи нечѣмъ дорожить. Но я знаю революціонеровъ и люблю ихъ даже больше, чѣмъ мой собственный народъ. Я присоединился къ нимъ, люблю ихъ, какъ братьевъ, и это единственная связь, соединяющая меня съ вашей страной. Какъ только мы покончимъ съ царскимъ деспотизмомъ, я уѣду навсегда и поселюсь гдѣ-нибудь въ Германіи.

— И ты полагаешь, сказалъ Андрей нерѣшительнымъ тономъ, что тамъ будетъ лучше? Ты забываешь грубость нѣмецкой толпы, да одной-ли только толпы...

— Да, отвѣтилъ Давидъ съ грустнымъ выраженіемъ въ своихъ большихъ, красивыхъ глазахъ, мы, евреи, — чужіе среди всѣхъ націй. Но всетаки нѣмецкіе рабочіе цивилизованы и прогрессируютъ также въ нравственномъ отношеніи, и Германія единственная страна, гдѣ мы чувствуемъ себя не совсѣмъ чужими.

Онъ опустилъ голову и замолчалъ.

Андрей былъ глубоко взволнованъ горемъ своего друга. Онъ приблизился къ нему и тихонько положилъ ему руку на плечо. Ему хотѣлось ободрить его. Онъ хотѣлъ сказать ему, что варварство русскихъ крестьянъ происходитъ только отъ ихъ невѣжества, что у нихъ большій запасъ человѣчности и терпимости, чѣмъ у какой бы то ни было націи въ мірѣ, что когда они будутъ хоть на половину такъ образованы, какъ нѣмцы,

всѣ средневѣковые предразсудки безслѣдно исчезнутъ у нихъ.

Но Андрею помѣшалъ высказать все это краснощекій представитель конкуррирующей расы, который въ эту минуту подошелъ къ нимъ со словами:

— Спокойной ночи!

— А, Гансъ! сказалъ Давидъ, ты уже идешь домой?

— Да. Мама будетъ безпокоиться. Я долженъ спѣшить.

Давидъ вынулъ изъ жилетнаго кармана нѣсколько зильбергрошей для мальчика и, потрепавъ его по розовой щекѣ, отпустилъ домой.

— А какъ-же съ границей? Намъ придется перебираться однимъ? спросилъ Андрей.

— Граница? Мы уже перешли ее.

— Когда?

— Полъ-часа тому назадъ.

— Странно! Я никого не замѣтилъ, даже ни одного часового.

— Часовой, вѣроятно, зашелъ за тотъ холмикъ, или въ какое-нибудь другое мѣсто, откуда онъ не могъ бы насъ видѣть, ни мы его.

— Какъ это мило съ его стороны, сказалъ Андрей, улыбаясь.

— Это обычный пріемъ, отвѣтилъ Давидъ. Никто не можетъ быть въ претензіи на часового за то, что въ извѣстный моментъ онъ стоитъ въ извѣстномъ пунктѣ своего района. А за пару грошей, если онъ только увѣренъ, что его не выдадутъ, онъ всегда готовъ постоять подольше тамъ, гдѣ его попросятъ.

— А если бы мы опоздали, и онъ замѣтилъ бы насъ, выйдя изъ своей засады?

— Онъ бы повернулся и побѣжалъ назадъ къ прежнему мѣсту, вотъ и все. Но намъ нельзя терять времени. Пройдемъ прямо въ деревню, чтобъ насъ не замѣтили жандармы; мы вѣдь уже въ царскихъ владѣніяхъ.

Въ домѣ Ѳомы Андрей съ радостью увидѣлъ свой чемоданъ, доставленный уже аккуратнымъ нѣмцемъ. Они пришли на станцію, какъ разъ за пять минутъ передъ тѣмъ, какъ, пыхтя и грохоча, въ нее вкатилъ заграничный поѣздъ. Это былъ курьерскій поѣздъ, что тоже было съ руки: съ пассажирами курьерскаго поѣзда обходятся всегда съ большимъ почтеніемъ, чѣмъ съ простыми смертными, ѣздящими въ почтовыхъ поѣздахъ.

Андрей выбралъ купэ, въ которомъ былъ одинъ только молодой человѣкъ, спавшій въ углу, укутавши плэдомъ свою бѣлокурую голову. Жандармъ, ходившій взадъ и впередъ по платформѣ, вѣжливо помогъ ему втащить чемоданъ. Онъ пожалъ еще разъ руку Давиду, поѣздъ тронулся, и Андрей почувствовалъ себя окончательно въ Россіи.

ГЛАВА V.

Два друга.

Быстро впередъ мчится черная змѣя съ раскаленными глазаии, то извиваясь и распуская свой длинный сіяющій хвостъ, то влетая, какъ стрѣла, въ темный туннель, пыхтя и завывая въ своей борьбѣ съ пространствомъ. Но еще быстрѣе красноокой змѣи несутся мысли путешественника, стремящагося на встрѣчу своей судьбѣ.

Послѣ цѣлаго дня волненій, Андрей очутился наединѣ съ собою и задумался о предстоявшей ему роли въ дѣлѣ, ему хорошо знакомомъ много лѣтъ тому назадъ, но теперь для него совершенно новомъ. Утренняя встрѣча съ русскими и несвязный, шумный споръ оставили на немъ слѣдъ. Эти люди привезли съ собой струю русскаго воздуха, и Андрей почуялъ въ немъ нѣчто новое, смутившее его. Онъ почувствовалъ, что къ революціонному движенію примѣшалось какое-то побочное теченіе, нѣсколько узкое и исключительное, но сильное и неудержимое. Станетъ-ли онъ содѣйствовать союзу этого движенія съ болѣе умѣренными, но за то и болѣе многочисленными элементами общества? Или же придется поплыть по новому теченію, чтобы не лишиться возможности дѣйствовать немедленно и энергично? Это выяснится только на мѣстѣ.

У него вдругъ заныло сердце при мысли о Борисѣ. Уму и разсудительности этого человѣка онъ довѣрялъ больше всего, и всегда съ полной готовностью слѣдовалъ его совѣтамъ. При одной мысли, что никогда больше не придется говорить съ нимъ, — быть можетъ, никогда больше не свидѣться, самая поѣздка въ Петер-

бургъ, казалось, утратила всю свою привлекательность для Андрея.

— Что, если и Жоржа арестовали тѣмъ временемъ? промелькнуло у него въ головѣ.

Возможно и это. Андрею въ ту минуту казалось, что несчастія никогда не приходятъ въ одиночку. Онъ настолько встревожился, что рѣшилъ послать телеграмму Жоржу, давая ему знать, на условномъ языкѣ, о своемъ пріѣздѣ. Такъ онъ и сдѣлалъ на первой же большой станціи — и почувствовалъ облегченіе, какъ будто бы телеграмма могла предотвратить опасность!

Онъ былъ теперь совершенно увѣренъ, что Жоржъ выѣдетъ ему на встрѣчу на вокзалъ, и охотно вступилъ въ разговоръ со своимъ попутчикомъ, — тѣмъ самымъ, котораго онъ принялъ наканунѣ ночью за молодаго человѣка со свѣтлыми вьющимися волосами. Къ утру, когда путешественникъ проснулся, и его можно было ближе разглядѣть, оказалось, что онъ былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, безъ всякихъ кудрей на совершенно лысой головѣ. Опасаясь сквозниковъ, онъ надѣлъ на ночь вязанный желтый колпакъ, который Андрей и принялъ впотьмахъ за волосы.

Скука длиннаго путешествія располагаетъ къ болтовнѣ. Старикъ оказался словоохотливымъ. Онъ не смогъ просидѣть двѣнадцати часовъ лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, не разспросивъ его, женатъ-ли онъ, или холостъ, помѣщикъ-ли, купецъ или чиновникъ, или же занимается какой-нибудь изъ свободныхъ профессій. За то онъ съ готовностью распространялся и о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Они разговорились. Андрей выдалъ себя за коммерсанта. Его собесѣдникъ оказался столоначальникомъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и возвращался домой послѣ зимы, проведенной заграницей. Отъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ чужихъ странъ, они перешли къ разговору о родинѣ, и старикъ показался Андрею однимъ изъ самыхъ недовольныхъ русскими порядками людей. Онъ не уважалъ властей, видѣлъ однѣ только глупости въ дѣйствіяхъ и мѣрахъ правительства, начиная съ освобожденія кре-

стьянъ. Онъ не вѣрилъ въ прочность существующихъ учрежденій и не считалъ ее желательной, потому что все было плохо и нуждалось въ измѣненіи. Государственная служба плохо оплачивается, помѣщики раззорены, крестьяне голодаютъ и входятъ въ неоплатные долги; все идетъ прахомъ.

То обстоятельство, что человѣкъ, которому онъ высказывалъ свои чувства и взгляды, былъ для него совершенно чужимъ, имени котораго онъ не спрашивалъ и которому не назвалъ себя, ничуть не ослабляло экспансивности стараго господина. Но за станцію до Петербурга ихъ tête-à-tête былъ прерванъ двумя другими пассажирами, вошедшими въ вагонъ. Старикъ счелъ болѣе разумнымъ не компрометировать себя въ ихъ присутствіи и сдѣлался молчаливымъ и даже нѣсколько грустнымъ. Когда поѣздъ вошелъ подъ стеклянную крышу вокзала, онъ принялъ суровый оффиціальный видъ, какъ бы мысленно входя въ канцелярію своего департамента.

Андрей высунулся изъ окна, ища глазами Жоржа. Платформа была запружена публикой — мужчинами, женщинами и дѣтьми, пришедшими встрѣчать родственниковъ или друзей. Артельщики пробивали себѣ дорогу въ толпѣ, крича и жестикулируя. Не видя Жоржа, Андрей рѣшилъ, что тотъ ждетъ его на улицѣ.

Съ чемоданомъ въ рукахъ, онъ медленно пробирался къ выходу, когда сильный ударъ по плечу и хорошо знакомый голосъ заставили его повернуть голову. Это былъ Жоржъ. За три года, онъ изъ юноши превратился въ взрослаго человѣка, съ бѣлокурой бородой, покрывавшей ему щеки и подбородокъ. Кромѣ того, онъ былъ одѣтъ съ элегантностью, составлявшею полный контрастъ съ его прежнимъ, нигилистическимъ костюмомъ.

— Какимъ ты сталъ, однако, франтомъ, сказалъ Андрей, цѣлуя пріятеля. Я бы совсѣмъ не узналъ тебя.

— Ничего не подѣлаешь! Мы теперь люди серьезные и должны соблюдать приличія. Есть у тебя багажъ?

— Ничего, кромѣ этого, отвѣтилъ Андрей, показывая свой довольно тяжеловѣсный чемоданъ.

Они молча вышли изъ вокзала и наняли извощика на квартиру Жоржа. Кое-какъ усѣвшись на узкомъ сидѣніи, Андрей началъ нетерпѣливые разспросы.

— Что у васъ слышно? Всѣ-ли здоровы?

— Всѣ наши здоровы, отвѣтилъ Жоржъ.

Это, конечно, означало, что никто изъ нихъ не былъ арестованъ въ послѣднее время; разспросы о здоровьи сами по себѣ были слишкомъ маловажнымъ сюжетомъ, чтобы имъ стоило интересоваться революціонерамъ.

— Я, значитъ, пріѣхалъ въ хорошую погоду, замѣтилъ Андрей.

— Не совсѣмъ, уклончиво отвѣтилъ Жоржъ, но объ этомъ послѣ.

Онъ указалъ глазами на извощика. Извощичьи дрожки въ Петербургѣ — не всегда подходящее мѣсто для обсужденія политическихъ новостей.

Андрей кивнулъ головой въ знакъ согласія и съ восторгомъ сталъ всматриваться въ знакомыя улицы.

— Какъ пріятно опять трястись на этихъ адскихъ дрожкахъ! сказалъ онъ. Ничего подобнаго нѣтъ заграницей, увѣряю тебя.

Онъ чувствовалъ себя совершенно счастливымъ при видѣ чуднаго города, связаннаго для него съ дорогими воспоминаніями, и радовался мысли, что онъ снова на своемъ мѣстѣ. Сомнѣнія, одолѣвавшія его дорогой, совсѣмъ разсѣялись. Онъ почувствовалъ себя единицей въ той самой таинственной организаціи, которая подкапывается подъ власть царя у самаго его носа и скрывается чуть-ли не въ складкахъ жандармскихъ и полицейскихъ шинелей. Вотъ они, эти царскіе мирмидоны, съ саблями и револьверами за поясомъ, строго поглядывающіе на проѣзжавшихъ мимо нихъ двухъ пріятелей. Но Андрей хорошо зналъ, что они скорѣе арестуютъ половину обитателей столицы, чѣмъ увидятъ что-нибудь подозрительное въ двухъ столь веселыхъ и беззаботныхъ молодыхъ людяхъ, какъ онъ съ Жоржемъ. Комичность положенія окончательно притупила сознаніе дѣйствительной опасности.

Жоржъ жилъ на Гагаринской улицѣ, гдѣ занималъ

маленькую квартиру въ двѣ комнаты съ передней. Въ ней было достаточно мѣста для двоихъ, и друзья рѣшили провести вмѣстѣ съ недѣлю, или больше, пока Андрей пріищетъ себѣ подходящее помѣщеніе. У революціонеровъ правило — не жить вмѣстѣ, если того не требуютъ „дѣловыя“ соображенія, иначе арестъ одного велъ бы совершенно напрасно къ гибели другого.

Когда Андрей уничтожилъ всѣ слѣды длиннаго путешествія, Жоржъ повелъ его на „конспиративную квартиру“, гдѣ всегда можно было застать двухъ, трехъ членовъ организаціи. Потомъ они зашли вмѣстѣ на минутку къ друзьямъ, жившимъ по близости, а дѣла отложили до слѣдующаго дня.

Такимъ образомъ, имъ удалось вернуться домой рано. Они хотѣли подольше побесѣдовать наединѣ: имъ нужно было позондировать другъ друга относительно многаго. Андрею необходимо было разспросить, а Жоржу — разсказать о новыхъ людяхъ и новыхъ условіяхъ, среди которыхъ пріѣзжему придется дѣйствовать. Они долго и серьезно говорили, и Андрей то возражалъ, то слушалъ, стараясь воспользоваться свѣдѣніями своего друга.

— Довольно о политикѣ на сегодня, сказалъ онъ наконецъ, когда всѣ задѣтые вопросы были подробно обсуждены за пять часовъ оживленной бесѣды. Разскажи мнѣ теперь все про себя самого.

Жоржъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивши руки за спину, все еще размышляя о серьезныхъ вопросахъ.

— Съ чего начать? Вѣдь это длинная исторія, сказалъ онъ.

— Съ самаго начала. Я вѣдь ничего о тебѣ не знаю, кромѣ того, что напечатано тобой, а это, согласись, очень мало.

— Въ такомъ случаѣ ты знаешь почти все, отвѣтилъ Жоржъ.

— Но развѣ ты не написалъ еще чего-нибудь, кромѣ напечатаннаго? Чего-нибудь въ другомъ родѣ? спросилъ Андрей.

Онъ намекалъ на стихи, которые Жоржъ писалъ въ

промежуткахъ между болѣе прозаичными и трудными обязанностями публициста революціонной партіи.

— Очень мало, отвѣтилъ Жоржъ, — почти ничего, послѣ того маленькаго сборника; ты его знаешь. Въ послѣднее время я много работалъ въ кружкахъ молодежи.

— Да? И какое ты вынесъ впечатлѣніе? Мнѣ многіе говорили заграницей, что молодежь становится очень практичной и филистерской.

— Вѣчныя жалобы близорукихъ и малодушныхъ людей! Въ большой книгѣ жизни они ничего не видятъ, кромѣ запачканныхъ полей! съ жаромъ отвѣтилъ Жоржъ.

Онъ разсказалъ о своихъ собственныхъ наблюденіяхъ, которыя привели его къ совершенно другимъ, скорѣе черезъ-чуръ радужнымъ заключеніямъ, и назвалъ для примѣра, нѣсколькихъ изъ своихъ молодыхъ друзей.

— Ты долженъ съ ними познакомиться, сказалъ онъ. Я не сомнѣваюсь, что ты согласишься со мной.

Въ немногихъ словахъ онъ охарактеризовалъ каждаго изъ нихъ, сдѣлавъ это, однако, наскоро, какъ бы торопясь перейти къ особенно интересному сюжету.

— Тутъ есть одна дѣвушка, съ ней мнѣ очень хочется тебя познакомить, — продолжалъ онъ, подсаживаясь къ Андрею на диванъ. Ее зовутъ Татьяна Григорьевна Рѣпина, дочь извѣстнаго адвоката и совершенно исключительная дѣвушка.

— У тебя положительный талантъ, замѣтилъ Андрей, находить необыкновенныя и исключительныя натуры, особенно между дѣвушками.

— Бываетъ и такъ, что невозможно ошибиться. Что касается Рѣпиной, то она — несомнѣнно замѣчательная личность.

— Сколько ей лѣтъ? спросилъ Андрей.

Это было слабымъ пунктомъ въ панегирикѣ Жоржа, и онъ это зналъ.

— Ей девятнадцать лѣтъ, отвѣтилъ онъ съ напускной небрежностью. Но что же изъ этого?

— Она красива, я полагаю?

Жоржъ не отвѣтилъ. Характерная поперечная складка появилась на его лбу, придавая ему выраженіе досады, доходящей до боли.

— Не сердись, поспѣшилъ извиниться Андрей, взявъ его за руку. Я не хотѣлъ сказать ничего дурнаго. Вѣдь говорятъ же, что лицо — зеркало души, прибавилъ онъ, не съумѣвши подавить въ себѣ желанія пошутить.

Жоржъ не умѣлъ сердиться, и первое дружеское слово успокоило его. Онъ живо повернулся, усѣлся съ ногами на диванъ, чтобы смотрѣть прямо въ лицо Андрею, и началъ пространную и краснорѣчивую рѣчь о нравственныхъ и умственныхъ качествахъ Тани.

Больше всего его поражала въ дѣвушкѣ способность къ сильному энтузіазму, соединенная съ хладнокровіемъ и точностью практическаго дѣятеля. У нея были задатки вождя, и ея силу не уменьшаетъ присущая ей женская подвижность и грація.

Все это Жоржъ доказывалъ съ большимъ усердіемъ и трогательной убѣжденностью.

Андрей слушалъ его съ скептической, но сочувствующей улыбкой. Онъ былъ увѣренъ, что по крайней мѣрѣ девять-десятыхъ того, что говорилъ Жоржъ, было плодомъ его богатаго воображенія. У Жоржа было очень нѣжное сердце, но ему не доставало среднихъ нотъ въ гаммѣ симпатій. Въ сношеніяхъ съ людьми онъ быстро доходилъ до высшихъ степеней восторга, или до полнаго равнодушія. Онъ часто ошибался въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ, хотя и претендовалъ на знаніе людей. Онъ и въ самомъ дѣлѣ зналъ ихъ по-своему, хотя на его мнѣнія нельзя было полагаться. Но Андрей, обладавшій нормальною гаммою симпатій, любилъ своего друга, больше всего именно за эту необузданность чувствъ. Онъ съ радостью констатировалъ, что Жоржъ очень мало перемѣнился.

— Да, сказалъ онъ, смѣясь, познакомь меня непремѣнно съ твоей молодой пріятельницей. Если одна десятая того, что ты говоришь о ней — правда, то она

— цвѣтъ своего поколѣнія. Гдѣ ты съ ней видаешься? На студенческихъ собраніяхъ, или въ домѣ у отца?

— Мы аккуратно встрѣчаемся на собраніяхъ, но я и Зина бываемъ иногда у Рѣпиныхъ. Онъ не боится принимать у себя нелегальныхъ. Я думаю, что тебѣ лучше всего увидѣться съ Татьяной Григорьевной у нея на дому.

Андрей согласился съ Жоржемъ. Ему хотѣлось также познакомиться съ Рѣпинымъ, и онъ выразилъ удовольствіе, что такой тузъ на ихъ сторонѣ.

— Въ этомъ я не увѣренъ, сказалъ Жоржъ. Я никакъ не могу точно опредѣлить его взглядовъ. Зина знаетъ его лучше и очень высокаго мнѣнія о немъ. Несомнѣнно только, что Рѣпинъ бывалъ намъ очень полезенъ въ затруднительныхъ случаяхъ.

Жоржъ привелъ нѣсколько примѣровъ весьма значительныхъ денежныхъ пожертвованій со стороны Рѣпина.

— Онъ, вѣроятно, очень богатый человѣкъ, замѣтилъ Андрей.

— Да, онъ человѣкъ состоятельный, отвѣтилъ Жоржъ. Но едва-ли онъ одинъ даетъ всѣ эти деньги. Таня богата сама по себѣ. У нея будетъ большое состояніе, когда она достигнетъ совершеннолѣтія: какое-то наслѣдство по матери, кажется, — я хорошенько не помню. Конечно, прибавилъ онъ мягкимъ, мечтательнымъ голосомъ, она сама — гораздо большее пріобрѣтеніе для партіи, чѣмъ всѣ ея деньги!

Андрей быстро повернулъ голову къ Жоржу, но не могъ заглянуть ему въ глаза. Они глядѣли въ пространство, какъ бы созерцая что-то вдалекѣ.

Андрей произнесъ многозначительное „гмъ!“ и рѣшилъ воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы познакомиться съ этой необыкновенной дѣвушкой. Конечно, думалъ онъ, Жоржъ и она могутъ быть большими друзьями, и ничего больше. У такого энтузіаста, какъ Жоржъ, границы дружбы особенно растяжимы. Но все-таки, въ тонѣ и въ выраженіи лица, когда онъ говорилъ о дѣвушкѣ, сквозило что-то сильнѣе обыкновенной дружбы. Андрею захотѣлось видѣть ихъ вмѣстѣ, чтобы

рѣшить кое-какія сомнѣнія и даже опасенія. Правда, онъ не вполнѣ раздѣлялъ мнѣнія нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей, утверждавшихъ, что революціонеръ долженъ отказаться отъ любви; но все-таки онъ считалъ, что гораздо лучше держаться подальше отъ „этихъ глупостей". Если Жоржъ теперь попался, то не съ чѣмъ его поздравить, тѣмъ болѣе, что его избранница — свѣтская дѣвушка и вращается, очевидно, въ совершенно другомъ обществѣ.

ГЛАВА VI.

Смѣшанная компанія.

Рѣпинъ отвѣтилъ на вопросъ своей дочери, что очень радъ будетъ видѣть Андрея у себя. Но прошло цѣлыхъ три недѣли, прежде чѣмъ Андрею удалось воспользоваться этимъ приглашеніемъ.

Зина, тѣмъ временемъ, вернулась изъ Дубравника съ такими неблагопріятными вѣстями, что всѣ, не исключая ея самой и Андрея, должны были согласиться, что на время, по крайней мѣрѣ, всякую попытку освобожденія Бориса надо оставить. Такъ какъ Зина хотѣла переговорить съ Рѣпиными — они живо интересовались этимъ дѣломъ — то и предложила Андрею пойти къ нимъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ, въ квартирѣ адвоката должна была собраться вечеромъ цѣлая компанія „нелегальныхъ".

Андрей жилъ теперь отдѣльно, на Пескахъ, не далеко отъ Зины, такъ что имъ легко было отправиться вмѣстѣ. Жоржъ, поэтому, былъ освобожденъ отъ обязанности сопровождать своего друга, что показалось ему совершенно достаточнымъ предлогомъ, чтобы отправиться раньше другихъ. Ровно въ шесть часовъ, когда онъ зналъ, что семья Рѣпиныхъ только-что кончила послѣобѣденный кофе, онъ уже нажималъ пуговицу электрическаго звонка въ ихъ элегантной квартирѣ на Конюшенной улицѣ. Онъ едва успѣлъ спросить, дома-ли господа, какъ раздались быстрые шаги въ сосѣдней комнатѣ, и сама Таня, улыбаясь, вышла, привѣтствуя его дружескимъ пожатіемъ руки. Она была граціозной брюнеткой, съ большими черными глазами подъ рѣзко-очерченными бровями и красивымъ,

хотя нѣсколько большимъ, ртомъ. Ея живое, оригинальное лицо было не то, чтобы очень красивое, но очаровательное, когда она улыбалась.

— Только вы! сказала она съ шутливымъ разочарованіемъ.

— Только я, Татьяна Григорьевна, отвѣтилъ Жоржъ, но не приходите въ отчаяніе, остальные скоро явятся.

Она провела его въ столовую, гдѣ они застали ея отца, — человѣка лѣтъ пятидесяти-пяти, высокаго, съ сѣдой бородой, и молодаго человѣка, лѣтъ тридцати, въ бархатной жакеткѣ и съ длинными каштановыми волосами, съ видомъ художника. Это былъ Николай Петровичъ Криволуцкій, профессоръ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ и большой другъ Рѣпина.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, Криволуцкій возобновилъ прерванный разговоръ о приближающемся столкновеніи между реакціонной и либеральной партіей Императорскаго Общества Пчеловодства, секретаремъ котораго онъ состоялъ. Рѣпинъ и онъ были, повидимому, очень заинтересованы этимъ предметомъ, и Рѣпинъ отъ души хохоталъ, слушая о продѣлкахъ, на которыя пускались реакціонеры, чтобы обезпечить себѣ большинство при слѣдующихъ выборахъ предсѣдателя.

Таня и Жоржъ изъ вѣжливости показали видъ, что ихъ тоже интересуетъ этотъ разговоръ, но скоро начали говорить о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Таня спросила, о чемъ была рѣчь на послѣднемъ студенческомъ собраніи, на которое она не попала. Жоржъ разсказалъ, и въ свою очередь освѣдомился, приготовила-ли она свой рефератъ для слѣдующаго собранія.

— Да, я написала. Но вышло такъ плохо, что я, вѣроятно, вовсе не рѣшусь читать. Жаль, что я не выбрала чего-нибудь полегче.

— Всякое начало трудно, сказалъ Жоржъ. Но, быть можетъ, работа вышла лучше, чѣмъ вы думаете. Покажите ее мнѣ.

— Съ удовольствіемъ; но я увѣрена, что и вамъ она не понравится.

Она повела его въ свою комнату, гдѣ на изящномъ письменномъ столикѣ лежала аккуратно переписанная, тщательно сшитая тетрадка съ широкими полями. Она передала ее молодому человѣку.

Жоржъ вынулъ карандашъ изъ кармана и усѣлся читать, съ дѣловымъ видомъ человѣка, привыкшаго къ просмотру рукописей.

Вытянувшись на стулѣ, нѣмая какъ рыба, Таня съ забавнымъ напряженіемъ не сводила глазъ съ Жоржа. Ей не хотѣлось, чтобы онъ счелъ ее глупой, но ея первый опытъ былъ такъ плохъ, что она ничего другого и ждать не могла.

Они были знакомы всего нѣсколько мѣсяцевъ, но уже очень подружились. Молодая дѣвушка никогда не вела такой полной и многосторонней жизни, какъ со времени встрѣчи съ Жоржемъ. Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Зина, только-что убѣжавшая изъ тюрьмы, появилась у нихъ въ домѣ, она взволновала молодое воображеніе Тани, открывъ ей совершенно новый міръ. Но тогда она была совсѣмъ дѣвочкой, и таинственный міръ, въ которомъ жила Зина, не т. пугалъ, не то интересовалъ ее. Теперь она знала его лучше, и ей нравились пріятели Зины. На одномъ изъ собраній она познакомилась съ Жоржемъ, и онъ скоро занялъ главное мѣсто въ ея умственной жизни.

Слушая его, дѣвушка чувствовала приливъ новыхъ силъ. Жоржъ не льстилъ ей и, конечно, не сказалъ ей ни одного комплимента. Никто изъ ихъ поколѣнія, такъ горячо защищавшаго права женщинъ, не позволилъ бы себѣ этого, да и всякая дѣвушка сочла бы комплименты за пошлость. Жоржъ не смущалъ ея разговорами о ней самой. Такіе разговоры онъ берегъ для своихъ близкихъ друзей, которымъ онъ прожужжалъ уши подробнымъ анализомъ всѣхъ необыкновенныхъ качествъ открытой имъ дѣвушки. Но онъ былъ такъ преисполненъ ею, что это давало себя знать, о чемъ бы онъ ни говорилъ. Разсказывая Танѣ про Андрея и про радость ихъ встрѣчи, онъ не могъ скрыть, что много разъ бесѣдовалъ о ней со своимъ другомъ. Когда рѣчь за-

ходила о кружкѣ, къ которому они съ Таней оба принадлежали, то, незамѣтно для него самого, вводились тонкіе намеки на скрытыя качества дѣвушки и ея революціонные таланты.

Хотя Таня протестовала и старалась не вѣрить словамъ Жоржа, но не могла не радоваться и не чувствовать благодарности за то, что такой замѣчательный человѣкъ, какъ ея новый знакомый, такого высокаго мнѣнія о ней. Жоржъ представлялся ей въ ореолѣ доблестнаго рыцаря, сражающагося за благородное дѣло и рискующаго для него свободой и жизнью. Она не сомнѣвалась, что установившіяся между ними отношенія — чисто дружескаго характера. При своей красотѣ и, вдобавокъ, богатствѣ, Таня имѣла много поклонниковъ; но ничего похожаго на ихъ поведеніе она не примѣтила въ Жоржѣ. Онъ обращался съ нею, какъ съ товарищемъ, безъ всякаго намека на ухаживаніе. Иногда дѣлалъ ей замѣчанія, и всегда говорилъ прямо въ глаза, когда считалъ ее неправой. Оттого ей такъ пріятно было въ его обществѣ, и тѣмъ болѣе она цѣнила его тонкія, сдержанныя похвалы.

Она вздохнула съ облегченіемъ, когда Жоржъ, прочтя написанное, сказалъ ей, что рефератъ не дуренъ. Нѣсколькими отмѣтками карандашомъ онъ указалъ, гдѣ слѣдуетъ сдѣлать небольшія перестановки и сокращенія.

Посреди ихъ разговора вошли Зина и Андрей.

При видѣ Зины, молодая дѣвушка сейчасъ же забыла про свой рефератъ, про Жоржа и про все на свѣтѣ, въ порывѣ страстнаго сочувствія горю своего несчастнаго друга. Она знала, какъ сильно Зина любила Бориса, и теперь видѣла ее въ первый разъ послѣ ея неудачной поѣздки въ Дубравникъ.

Съ вопросительнымъ и испуганнымъ взглядомъ большихъ, выразительныхъ глазъ, Таня бросилась къ подругѣ и стала цѣловать ее съ дѣвичьей экспансивностью. Но красивое лицо молодой женщины оставалось спокойнымъ и не обнаруживало никакихъ знаковъ волненія. Глядя въ эту минуту на нихъ обѣихъ,

можно было подумать, что Таня потеряла близкаго человѣка, а Зина пришла утѣшать ее. Глубокіе, сѣрые глаза Зины встрѣтили взволнованный и полный состраданія взглядъ Тани совершенно твердо. Ея изящный лобъ, оттѣненный волнистой линіей волосъ, былъ безоблаченъ, радостная улыбка говорила, какъ ей пріятно видѣть Таню.

Таня почувствовала успокоеніе. Ей такъ хотѣлось успокоиться. Грусть и сожалѣнія не вяжутся съ оптимизмомъ юности.

— Григорій Александровичъ, надѣюсь, дома? спросила Зина.

— Да, папа разговариваетъ съ Криволуцкимъ. Мы сбѣжали сюда, чтобы не мѣшать имъ своей болтовней, сказала Таня. Теперь, когда насъ такъ много, мы смѣло можемъ нагрянуть на нихъ.

Жоржъ представилъ ей Андрея.

— Это мой товарищъ, Татьяна Григорьевна. Прошу любить и жаловать, сказалъ онъ.

— Непремѣнно постараюсь, отвѣтила молодая дѣвушка, протягивая Андрею руку съ поразившею его граціозностью.

Оказалось, что Рѣпинъ и Криволуцкій уединились въ кабинетъ и сидѣли тамъ въ облакахъ дыма.

Андрей, для удобства, былъ представленъ подъ именемъ Петрова, хотя, конечно, его настоящее имя извѣстно было и Рѣпину, и Криволуцкому, который нарочно пришелъ, чтобы познакомиться съ нимъ.

Пожилой адвокатъ радушно принялъ Андрея. Между старыми эмигрантами было нѣсколько друзей юности Рѣпина, и ему хотѣлось узнать, какъ имъ живется на чужбинѣ.

Андрей нѣкоторыхъ изъ нихъ зналъ лично, а о другихъ слыхалъ отъ общихъ друзей. Русскихъ эмигрантовъ заграницей немного, и болѣе старые изъ нихъ, къ числу которыхъ принадлежали друзья Рѣпина, были извѣстны всѣмъ. Они много работали, каждый въ своемъ направленіи, раздѣленные большею частью политическими несогласіями. Одни были бодры и здоровы, дру-

гіе нѣтъ. Вотъ все, что можно было сообщить объ ихъ довольно однообразной жизни.

— Боюсь, что здѣсь жизнь не покажется вамъ слишкомъ однообразной, сказалъ хозяинъ. Добродушная улыбка показалась на его толстыхъ губахъ и быстро исчезла, оставивъ серьезное, вдумчивое выраженіе на рѣзко очерченномъ умномъ лицѣ стараго адвоката.

Разговоръ сдѣлался общимъ. Рѣпинъ бывалъ въ Швейцаріи во времена Герцена и вспоминалъ о пріятныхъ впечатлѣніяхъ, которыя вынесъ оттуда.

— Какой тяжелый контрастъ для васъ, сказалъ онъ, послѣ долгой привычки къ полной свободѣ вдругъ очутиться въ этой несчастной странѣ, гдѣ слова нельзя сказать, не рискуя попасть въ лапы жандармамъ.

— Контрастъ, конечно, большой, согласился Андрей. Но я лично мало страдаю отъ него; мнѣ, во всякомъ случаѣ, пріятнѣе жить здѣсь, чѣмъ тамъ.

Рѣпинъ недовѣрчиво покачалъ головой. Онъ былъ тронутъ, почти пристыженъ, при видѣ этого молодаго человѣка, полнаго силъ и энергіи, пріѣхавшаго съ другого конца Европы въ этотъ ужасный городъ, полный шпіоновъ и полиціи, чтобы поплатиться жизнью за прекрасную мечту. Онъ посмотрѣлъ на него и его друзей, и снова покачалъ головой.

— Не говорите этого, сказалъ онъ. Жить подъ вѣчными опасеніями; не имѣть ни минуты покоя и сознанія безопасности втеченіе дня; просыпаться ночью при каждомъ необычномъ шорохѣ, съ мыслью, что вотъ-вотъ наступилъ вашъ послѣдній часъ, — это должно быть ужасно!

Рѣпинъ произнесъ свои слова такимъ убѣжденнымъ тономъ, и грустная картина, нарисованная имъ, была такъ далека отъ дѣйствительности, что тѣ, которыхъ она касалась, разразились веселымъ смѣхомъ.

— Простите, извинился Андрей, но вы рисуете это слишкомъ сильными красками.

Рѣпинъ ничуть не обидѣлся, а скорѣе заинтересовался, какъ наблюдатель человѣческой природы. Не-

удержимый взрывъ чистосердечнаго хохота былъ убѣдительнѣе всякихъ доказательствъ.

— Неужели вы хотите меня увѣрить, что опасности, окружающія васъ на каждомъ шагу, вамъ ни по чемъ? спросилъ онъ, озираясь вокругъ съ изумленіемъ.

Зина сидѣла въ самомъ концѣ полукруга, образовавшагося около Рѣпина, и онъ дольше всего остановилъ свой взглядъ на ней, какъ будто общій вопросъ касался главнымъ образомъ ея.

— Слишкомъ часто повторяются эти опасности, Григорій Александровичъ. Человѣкъ привыкаетъ ко всему, къ несчастію! сказала она, и тѣнь грусти промелькнула по ея лицу.

Непростительная оплошность была главной причиной трагедіи въ Дубравникѣ, за которую поплатился Борисъ.

Но эта тѣнь исчезла также натурально, какъ и появилась, и ея сѣрые глаза смотрѣли опять ясно и твердо.

Хотя сознаніе ея недавней и тяжелой утраты не оставляло ея ни на минуту, но невозможно было предположить, чтобы ея внѣшнее спокойствіе было только маской. Каждый звукъ ея голоса, каждая черта ея красиваго лица дышали такой искренностью, что даже ея стоицизмъ долженъ былъ быть естественнымъ, а не напускнымъ. Это было тоже результатомъ давно пріобрѣтенной привычки. Въ мірѣ, въ которомъ жила Зина, всегда, изъ трехъ человѣкъ у одного, по крайней мѣрѣ, сердце разрывалось на части вслѣдствіе такихъ несчастій. Жизнь сдѣлалась бы невозможной, и ихъ работа прекратилась бы окончательно, если бы они не владѣли своими нервами.

Зина не была въ разговорчивомъ настроеніи въ этотъ вечеръ, но она принимала участіе въ бесѣдѣ съ той же простотой и естественностью, съ какой она исполняла обычныя обязанности повседневной жизни. Она поддержала Андрея, когда онъ постарался дать хозяину болѣе правильное понятіе о жизни „нелегальнаго“ и смѣялась, когда Жоржъ взялся доказывать, что въ

Россіи только „нелегальные“ и пользуются, — иногда, по крайней мѣрѣ, — полнымъ покровительствомъ законовъ.

— Возьмите себя, напримѣръ, обратился онъ къ Рѣпину. Увѣрены-ли вы, что сегодня же ночью полиція не заберется къ вамъ въ домъ? Вы прогнали проворовавшагося конторщика, и онъ можетъ отомстить вамъ, обвинивъ васъ въ укрывательствѣ террористовъ; вы что-нибудь сказали противъ правительства, и объ этомъ донесли въ Третье Отдѣленіе; вы много лѣтъ тому назадъ написали что-нибудь въ томъ же родѣ пріятелю, котораго теперь арестовали и у котораго нашли ваше письмо. Развѣ всего этого за вами не водилось?

Рѣпинъ повинился въ своихъ проступкахъ.

— Въ такомъ случаѣ, съ вашей стороны безразсудно спать спокойно, продолжалъ Жоржъ, потому что васъ могутъ арестовать сегодня-же ночью, а завтра вы уже очутитесь по дорогѣ въ Архангельскъ или въ другое, болѣе отдаленное и неудобное мѣсто.

Адвокатъ съ улыбкой отвѣтилъ, что онъ надѣется, что ничего подобнаго съ нимъ не случится, но что, конечно, поручиться нельзя.

— А мы можемъ! воскликнулъ Жоржъ съ шутливымъ торжествомъ. Всѣ наши грѣхи смываются, когда мы бросаемъ въ огонь наши старые паспорта и являемся съ новыми. Если только паспортъ хорошъ и держать ухо востро, то можно жить припѣваючи. Я скоро буду праздновать четвертую годовщину моей нелегальной жизни.

— Ты, значитъ, прожилъ двойной срокъ, на счетъ кого-нибудь другого, сказалъ Андрей. Разсчитано, что нелегальные живутъ среднимъ числомъ не больше двухъ лѣтъ.

— Можно три протянуть, если не лѣниться мѣнять паспорта, замѣтилъ Жоржъ больше для собственнаго назиданія, потому что никто не разслышалъ его глубокомысленнаго замѣчанія. Позвали къ чаю, и всѣ поднялись и прошли въ столовую.

— Зинаида Петровна, сказалъ Рѣпинъ, мнѣ нужно

кое о чемъ спросить васъ. Подождите минуту. Таня, прибавилъ онъ, пришли намъ чаю сюда.

Онъ хотѣлъ узнать всѣ подробности о положеніи дѣла ея мужа, и спросить, не можетъ-ли онъ быть чѣмъ-нибудь полезенъ.

Зина догадывалась, о чемъ онъ думаетъ. Ей нечего было сообщить Рѣпину о своемъ дѣлѣ, — не двигалось съ мѣста — но ей хотѣлось потолковать съ адвокатомъ наединѣ. Нужно было заняться дѣломъ сестеръ Поливановыхъ. Ихъ согласны были выпустить на поруки послѣ двухъ лѣтъ тюремнаго заключенія, такъ какъ не было никакихъ доказательствъ ихъ вины. Необходимо было тотчасъ же найти двухъ хорошихъ поручителей, потому что дѣвушки, какъ сообщали, очень слабаго здоровья. Зина надѣялась, что Рѣпинъ возьметъ на себя ручательство за одну и постарается найти поручителя для другой. Кромѣ того, она хотѣла спросить его, нельзя-ли разузнать у прокурора, что сталось съ осужденными въ послѣднемъ политическомъ процессѣ. Ихъ отправили неизвѣстно куда.

Изъ столовой доносились веселые голоса и смѣхъ молодежи. Жоржъ заспорилъ съ Криволуцкимъ о любимомъ предметѣ профессора, утверждавшаго, что пока вся масса русскаго крестьянства не превратится въ пролетаріатъ, подвластный игу капиталистовъ, до тѣхъ поръ нѣтъ надежды на рабочее движеніе въ Россіи.

Жоржъ велъ споръ, а остальные двое слушали: Таня — съ сосредоточеннымъ вниманіемъ новичка, стараясь вникнуть въ глубокомысленныя разглагольствованія профессора; Андрей — съ любопытствомъ, наблюдая этотъ новый типъ ученаго доктринерства. Отъ времени до времени онъ предлагалъ вопросы Криволуцкому, предоставляя, однако, своему другу главную роль въ спорѣ. Жоржъ былъ блестящій полемистъ, и его замѣчательная память позволяла ему запоминать всѣ подробности длинныхъ рѣчей своего оппонента. Андрей вставилъ нѣсколько словъ, но интересъ къ разговору быстро охладѣлъ у него; въ нёмъ не было этой, распространенной

среди русскихъ, страсти къ спорамъ, въ которую выливается ихъ, не находящая себѣ нормальнаго выхода, энергія.

Онъ обрадовался, когда Зина, окончившая конфиденціальный разговоръ съ адвокатомъ и очевидно довольная его результатами, появилась въ дверяхъ. Рѣпинъ слѣдовалъ за ней.

— Ну что, какъ обстоятъ дѣла? спросилъ онъ споривших. Порѣшили уже судьбы Россіи, или что-нибудь осталось еще подъ сомнѣніемъ?

Поперечная складка — признакъ неудовольствія — появилась на лбу у Жоржа, прежде чѣмъ онъ могъ сдержать свою досаду. Онъ не любилъ этого шутливаго тона. Андрей, напротивъ, былъ очень доволенъ и объяснилъ Рѣпину, въ какой слѣпой переулокъ загналъ Россію его ученый другъ.

Явились новые гости, — Орестъ Пудовиковъ, литераторъ, со своей женой, — и дали иное направленіе разговору. Но Андрей не принялъ въ немъ участія. Онъ присоединился къ Зинѣ и Танѣ.

— Помогите мнѣ удержать ее съ нами еще немного, обратилась къ нему Таня.

Теперь, когда Зина собиралась уходить, дѣвушкѣ пришло въ голову, что ея спокойствіе было результатомъ самообладанія, а не покорности судьбѣ. Она упрекала себя за безсердечное отношеніе къ горю Зины и искала возможности загладить свою вину, хотя и не знала, какъ это сдѣлать.

— Развѣ вамъ пора уходить, Зина? спросилъ Андрей. Вѣдь еще очень рано.

— Мнѣ еще нужно зайти въ Басковъ переулокъ.

— Вы можете сдѣлать это завтра утромъ. Посидите еще немного, упрашивала Таня, взявши Зину за талію и ласкаясь къ ней съ граціей котенка.

Зина засмѣялась короткимъ, тихимъ смѣхомъ, придававшимъ ей большую прелесть. Какъ можно было остаться! Она должна была, ровно въ половинѣ одиннадцатаго, встрѣтиться въ Басковомъ переулкѣ съ тюремнымъ сторожемъ, который приносилъ письма отъ

политическихъ заключенныхъ, находящихся въ одномъ изъ казематовъ.

— Нѣтъ, голубушка, сказала она, цѣлуя оживленное личико Тани, просительно поднятое къ ней, я не могу отложить этого на завтра, иначе я сама бы посидѣла еще съ вами. Я зайду въ субботу днемъ, прибавила она, а теперь я должна бѣжать.

Она ушла, улыбнувшись имъ еще разъ на прощаньи въ дверяхъ. Казалось, что ея присутствіе приподнимало на болѣе высокій уровень все окружающее. Видъ мужественно переносимаго, глубокаго личнаго горя настраиваетъ души на болѣе возвышенный тонъ. Таня и Андрей почувствовали себя сближенными общимъ чувствомъ симпатіи къ Зинѣ.

— Вы давно знакомы съ Зинаидой Петровной? спросилъ Андрей.

— Я въ первый разъ встрѣтилась съ нею, когда она убѣжала изъ тюрьмы. Но только съ тѣхъ поръ, какъ она поселилась въ Петербургѣ, я хорошо съ ней познакомилась и поняла, какая это женщина, восторженно сказала Таня.

— Мнѣ нельзя будетъ такъ часто видаться съ вами Татьяна Григорьевна. Но я пришелъ сюда съ надеждой, что уйду, если возможно, вашимъ другомъ, сказалъ Андрей, довѣрчиво глядя ей въ глаза. Вы не обидитесь моей самоувѣренностью?

— Совершенно напротивъ, отвѣтила дѣвушка серьезно.

— Спасибо. Такъ давайте же прежде всего, поговоримъ толкомъ, сказалъ Андрей.

Онъ оглянулся вокругъ и, найдя удобный уголокъ, предложилъ ей сѣсть въ кресло, а самъ помѣстился на стулѣ около нея.

— Вы для меня далеко не чужая, продолжалъ Андрей. Могу сказать, что я былъ почти знакомъ съ вами раньше, чѣмъ мы встрѣтились. Жоржъ очень много говорилъ о васъ, — и очень краснорѣчиво, увѣряю васъ.

Таня слегка покраснѣла, почувствовавъ досаду на

себя, и разсердилась на Андрея. Ея доброе чувство къ новому гостю исчезло сразу.

— Я вамъ отомщу за вашъ комплиментъ, сказала она, потому что я слышала о васъ, навѣрное, гораздо больше, чѣмъ вы обо мнѣ, и отъ многихъ людей. Такъ что мои свѣдѣнія разностороннѣе вашихъ.

— Тѣмъ лучше, сказалъ Андрей, это мнѣ дастъ право требовать возмездія.

Дѣвушку не могло смягчить такое хладнокровіе собесѣдника. Она наморщила слегка свой чистый, гладкій лобъ, на которомъ ни заботы, ни горе еще не наложили слѣдовъ. Она привыкла встрѣчать покорную почтительность у молодыхъ людей, и не собиралась дѣлать исключенія для человѣка, въ сущности совершенно чужаго. Она пожалѣла, что съ самаго начала не поставила себя съ нимъ на болѣе оффиціальную ногу.

— Вы недовольны собой, Татьяна Григорьевна, за свою доброту ко мнѣ и думаете, что я злоупотребляю ею? сказалъ Андрей, читая ея мысли у нея на лицѣ. Чтожъ, можетъ быть, вы и правы, продолжалъ онъ, не давая ей времени отвѣтить. Но вы должны быть снисходительны къ намъ. Жизнь революціонера коротка, и возможность дружеской бесѣды рѣдко выпадаетъ на его долю. Намъ простительно, если мы стараемся какъ можно полнѣе воспользоваться этими минутами, отбрасывая иногда условныя формальности. Сегодня наши пути пересѣклись на мгновеніе, и кто знаетъ, встрѣтятся-ли они еще разъ. Позволите-ли вы мнѣ говорить откровенно, безъ всякихъ стѣсненій, какъ бы я говорилъ съ товарищемъ?

Ледъ былъ сломанъ. Подъ спокойнымъ тономъ страннаго гостя дѣвушка почувствовала нѣчто глубоко-симпатичное и грустное, оно тронуло ея отзывчивое сердце и растопило поверхностный слой ея свѣтскости. Ей сдѣлалось стыдно своей подозрительной сдержанности: съ такимъ человѣкомъ она была совершенно неумѣстна.

— Да! воскликнула она горячо, глядя ему въ лицо. Говорите, какъ хотите.

Андрей самъ удивился, что ея согласіе было ему такъ пріятно. Въ дѣвушкѣ было что-то, о чемъ Жоржъ, вѣроятно, забылъ упомянуть, но что особенно ему нравилось и привлекало его, независимо отъ той роли, которую она могла играть въ жизни его друга.

Онъ сталъ разспрашивать ее про ея теперешнія занятія, политическіе взгляды, сомнѣнія и планы будущаго. Его вопросы волновали и тревожили ее, но были ей вмѣстѣ съ тѣмъ пріятны, и она не пыталась противиться странному вліянію этого человѣка. Послѣ первой четверти часа она почувствовала себя легко съ нимъ; они разговаривали, какъ давнишніе близкіе знакомые.

Жоржъ подошелъ, было, къ нимъ, не будучи въ состояніи противиться притягательной силѣ Тани, но скоро оставилъ ихъ опять наединѣ. Ему такъ хотѣлось, чтобъ они подружились, что онъ готовъ былъ принести себя въ жертву и дать имъ возможность поговорить толкомъ. Онъ довольствовался тѣмъ, что глядѣлъ на дѣвушку издали, быстро опуская глаза, когда встрѣчалъ слегка-насмѣшливые взгляды Андрея.

За четверть часа до двѣнадцати, когда начинаются особенно „безпокойные" часы, Андрей и Жоржъ ушли, и вся компанія разошлась.

Таня ушла къ себѣ въ комнату, полная пріятныхъ впечатлѣній вечера. Она сняла свое элегантное платье — слишкомъ элегантное и дорогое для дѣвушки съ ея взглядами. Жоржъ нѣсколько разъ горячо упрекалъ ее за любовь къ нарядамъ. Сидя передъ большимъ туалетнымъ зеркаломъ, она стала заплетать свои длинные черные волосы на ночь. Въ общемъ, она была очень довольна своимъ новымъ знакомствомъ. Очевидно, желаніе такого человѣка, какъ Кожуховъ, сдѣлаться ея другомъ, льстило ея юному самолюбію.

— Какъ смѣшно онъ смотрѣлъ на меня, прося позволенія обращаться со мной, какъ съ товарищемъ! воскликнула она и громко разсмѣялась, показывая въ зеркалѣ два блестящихъ ряда маленькихъ бѣлыхъ зубокъ и пару сверкающихъ черныхъ глазъ.

Но когда она стала припоминать подробности ихъ необычайнаго разговора, ея чувства приняли другое направленіе. Кожуховъ былъ первый выдающійся революціонеръ, съ которымъ она встрѣтилась. Жоржъ былъ въ сущности крупнѣе его, но онъ былъ исключительной личностью, и къ нему нельзя было примѣнять обычную мѣрку. Почему же Кожуховъ такъ заинтересовался ею? Лично для него она ничего не значила; но онъ былъ конспираторъ и хотѣлъ убѣдиться, стоитъ-ли привлекать ее въ партію? Она была для него возможною полезностью, и онъ пришелъ оцѣнивать ее. Вотъ и все! Эта мысль огорчила Таню и возбудила досаду на самое себя. Она не могла себѣ простить, что сама помогала его разслѣдованіямъ. Онъ засталъ ее врасплохъ; въ другой разъ она проучитъ его. Образъ Жоржа пробудилъ въ ея сердцѣ раскаяніе и нѣжность. Она начала цѣнить его горячую привязанность и деликатную заботливость, по сравненію съ этимъ Кожуховымъ.

Едва закрылась дверь дома Рѣпина за выходившими пріятелями, какъ Жоржъ схватилъ Андрея подъ руку и взволнованнымъ голосомъ спросилъ:

— Ну, скажи, какъ тебѣ понравилась Татьяна Григорьевна?

— Ничего, понравилась, послѣдовалъ спокойный отвѣтъ.

Жоржъ опустилъ руку друга и отвернулъ голову съ молчаливой досадой. И это было наградой за его самопожертвованіе втеченіе цѣлаго вечера! Онъ былъ разочарованъ и даже обиженъ. Ну, можно-ли быть такимъ увальнемъ? Досада Жоржа, однако, скоро улеглась, и онъ сталъ находить оправданія своему другу. Нельзя же требовать отъ человѣка, чтобы онъ изучилъ характеръ послѣ часоваго разговора! Но такъ какъ самъ Андрей, очевидно, не собирался бесѣдовать о дѣвушкѣ, то Жоржъ, чтобъ утѣшиться, взялъ эту задачу на себя. Рессурсы его были велики, и онъ могъ внести пріятное разнообразіе въ сюжетъ.

Андрей былъ очень хорошимъ слушателемъ, понимая съ полуслова и возражая мало. Это обстоятельство было одной изъ первыхъ причинъ ихъ дружбы. Теперь онъ слушалъ Жоржа съ обычной внимательностью, однако ни въ чемъ не соглашался съ нимъ.

— Сила характера! прервалъ онъ Жоржа. Я сомнѣваюсь, есть-ли у нея характеръ, — конечно, въ томъ смыслѣ, какъ ты это понимаешь.

Жоржъ улыбнулся такой грубой ошибкѣ своего друга.

— Я вижу, ты совсѣмъ не знаешь ея! сказалъ онъ.

— Возможно, хотя мнѣ кажется, что знаю, отвѣтилъ Андрей.

— Тебя, вѣроятно, обманула мягкость манеръ, свойственная ей, какъ свѣтской барышнѣ.

— Ты считаешь ее свѣтской барышней? Мнѣ она показалась, напротивъ, очень простой и естественной, — настоящая русская дѣвушка, и больше ничего!

— Больше ничего! Значитъ, она тебѣ совсѣмъ не понравилась? А ты сказалъ, что понравилась.

Андрей засмѣялся.

— Ты ошибаешься, мой другъ, сказалъ онъ веселымъ голосомъ. И чтобы доказать тебѣ, что она мнѣ въ самомъ дѣлѣ нравится, я теперь же заявляю тебѣ, что, если она такъ же полюбитъ тебя, какъ ты ее, я безъ колебанія даю вамъ отеческое благословеніе.

Андрей въ первый разъ такъ прямо заговорилъ съ Жоржемъ о его сердечныхъ дѣлахъ. Ему нужно было видѣть его съ Таней вмѣстѣ, чтобы убѣдиться кое въ чемъ. Онъ зналъ, что часто „эти глупости", какъ онъ называлъ любовь вообще, могутъ раздуться въ нѣчто серьезное, благодаря доброжелательному вмѣшательству и поощренію со стороны. Но теперь, послѣ того, какъ онъ видѣлъ ихъ вмѣстѣ, всякое сомнѣніе исчезло, и не къ чемубыло воздерживаться отъ откровеннаго разговора.

Молодой философъ не подозрѣвалъ, что „глупость" пустила корни въ его собственномъ сердцѣ, и что един-

ственнымъ средствомъ для него уберечься отъ ея губительнаго яда было бы — никогда больше не видать тѣхъ черныхъ сверкающихъ глазъ, чистаго лба и обворожительной улыбки.

Но такъ какъ некому было дать этотъ совѣтъ, и въ сердцѣ его царило удивительное спокойствіе, то Андрей и не собирался бѣжать отъ искушенія. Онъ даже перестать думать о Танѣ, потому что въ ту минуту его вниманіе отвлеклось въ совершенно другую сторону.

Втеченіе нѣкотораго времени онъ слышалъ за собою неотступные, подозрительные шаги. Они всегда раздавались на одинаковомъ разстояніи и были неровные, — то слишкомъ смѣлые, то слишкомъ осторожные, какъ измѣна. По всей вѣроятности, за ними слѣдомъ шелъ шпіонъ. Андрей ничего не сказалъ о своемъ подозрѣніи Жоржу, опасаясь, что тотъ, какъ человѣкъ впечатлительный, повернетъ сейчасъ же голову и испортитъ этимъ все дѣло. Взявши друга подъ руку, Андрей ускорилъ шаги, какъ бы въ пылу оживленнаго разговора. Человѣкъ, слѣдовавшій за ними, зашагалъ быстрѣе. Андрей повторилъ опытъ, пошелъ медленнѣе, и результатъ оказался тотъ же. Несомнѣнно, что за ними шелъ шпіонъ, да вдобавокъ еще глупый. Андрей былъ увѣренъ, что онъ присталъ, когда они уже далеко отошли отъ дома Рѣпиныхъ. Это былъ, вѣроятно, безцѣльно шатающійся шпіонъ, привлеченный какими-нибудь подозрительными словами, сказанными слишкомъ громко, когда они проходили мимо него. Дѣло было несерьезное; но всетаки слѣдовало отдѣлаться отъ непріятеля, тѣмъ болѣе, что они приближались теперь къ квартирѣ Жоржа.

— За нами шпіонъ, тихо сказалъ Андрей своему спутнику, только не обращай на него вниманія. Мы разойдемся на углу Косаго переулка, и я его беру на себя. До меня вѣдь дальше.

— Хорошо, отвѣтилъ Жоржъ, кивнувъ головой.

Они скоро дошли до угла. Жоржъ пошелъ своей до-

рогой, но Андрей, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился закурить папиросу. Всѣ сомнѣнія исчезли, когда онъ увидѣлъ въ лицо своего провожатаго. Верзило, съ большими красными руками, рыжими волосами и бородой, носилъ на лицѣ печать своей профессіи въ характерно-напряженномъ и испуганномъ выраженіи, которое онъ тщетно старался скрыть подъ напускной непринужденностью.

Шпіону пришлось выбирать, за кѣмъ идти, и онъ колебался издали втеченіе нѣсколькихъ секундъ. Андрей былъ старше и претендовалъ на то, что имѣетъ болѣе серьезный и внушительный видъ, чѣмъ Жоржъ. Онъ былъ увѣренъ, что выборъ остановится на немъ. Такъ бы оно, по всей вѣроятности, и случилось, но спичка Андрея долго не зажигалась. Онъ простоялъ еще нѣсколько секундъ, и шпіонъ, озадаченный выжиданіемъ, круто повернулъ направо и рѣшительно пошелъ по улицѣ вслѣдъ за Жоржемъ. Андрей предвидѣлъ эту возможность и немедленно послѣдовалъ за нимъ. Имѣть одного непріятеля впереди, а другого позади, на пустынной улицѣ — непріятное положеніе. Самый ловкій шпіонъ не выдержалъ бы болѣе трехъ минутъ, и въ самомъ дѣлѣ, несчастный остановился сейчасъ же, какъ бы для того, чтобы прочесть театральную афишу. Андрей прошелъ мимо него, спокойно куря папироску Спустя нѣсколько десятковъ шаговъ, онъ опять услыхалъ за собой шаги. Этого онъ и ожидалъ. Такъ какъ онъ шелъ гораздо медленнѣе, чѣмъ Жоржъ, съ видомъ человѣка, высматривающаго извощика, то другъ его былъ уже далеко и вскорѣ исчезъ за угломъ.

Теперь Андрей намѣревался дать за собой слѣдить нѣсколько времени по пустыннымъ улицамъ, потомъ взять извощика тамъ, гдѣ другого не было бы по близости, и поѣхать въ отдаленный конецъ города, оставивъ шпіона ни съ чѣмъ. Но онъ былъ избавленъ отъ лишняго расхода. Шаги его преслѣдователя затихали, и черезъ нѣкоторое время совсѣмъ замолкли. Убѣдившись, что его накрыли, шпіонъ самъ отказался отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Догадка Андрея, что весь

инцидентъ не имѣетъ серьезной подкладки, подтвердилась. А всетаки, почемъ знать?

Вернувшись домой, онъ тщательно заперъ двери на засовъ, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ, и осмотрѣлъ заряженный револьверъ и кинжалъ, которые всегда носилъ на поясѣ подъ сюртукомъ.

ГЛАВА VII.

Первое отличіе Тани.

Случайное замѣчаніе Жоржа объ опасностяхъ, угрожающихъ сну Рѣпина, оказалось худымъ предзнаменованіемъ. Не успѣли два опасные гостя скрыться изъ виду, какъ нагрянула полиція.

Рѣпинъ не былъ трусомъ, но онъ весь похолодѣлъ при видѣ ненавистныхъ синихъ мундировъ въ своей квартирѣ. Его первой мыслью было, что обоихъ молодыхъ людей арестовали на улицѣ, и что обыскъ у него былъ лишь слѣдствіемъ ихъ ареста. Но первыя же слова жандармовъ успокоили его. Незваный визитъ былъ результатомъ смутныхъ подозрѣній, объ источникѣ которыхъ онъ никакъ не могъ догадаться. Совпаденіе же съ приходомъ двухъ революціонеровъ было, очевидно, случайное. Рѣпинъ вздохнулъ свободно. За себя ему нечего было бояться.

Жандармы обыскали весь домъ, но не нашли ничего компрометирующаго. Въ три часа утра они ушли. Въ виду высокаго общественнаго положенія Рѣпина, онъ не былъ арестованъ, и ему пришлось только отправиться въ участокъ и отвѣчать тамъ на глупые и наглые вопросы.

Его оставили въ покоѣ, но, не добившись ничего, полиція продолжала зорко слѣдить за домомъ. Это могло бы имѣть непріятныя послѣдствія для всѣхъ, если бы шпіоны замѣтили посѣщенія Зины или Жоржа. Необходимо было немедленно извѣстить ихъ о случившемся, а потому, на слѣдующее же утро, Таня была командирована въ революціонный лагерь, чтобы предупредить друзей объ опасности.

Она двинулась въ путь съ волненіемъ молоденькой дѣвушки, которой въ первый разъ поручаютъ серьезное дѣло. Такъ какъ за ихъ домомъ слѣдили, то было болѣе, чѣмъ вѣроятно, что каждаго изъ его обитателей будутъ сопровождать при выходѣ на улицу. Она страшно боялась, вмѣсто предупрежденія, привести къ друзьямъ шпіона. Какъ избѣжать зоркаго ока полиціи? Полная фантастически преувеличенныхъ понятій всѣхъ непосвященныхъ о вездѣсущности и сверхъестественной ловкости полиціи, она не знала, какъ убѣдиться, слѣдятъ-ли за нею, или нѣтъ. Одѣвшись нѣсколько иначе, чѣмъ обыкновенно, она вышла на улицу въ ту минуту, когда подозрительный человѣкъ, стоявшій на углу, зашелъ въ портерную. Но, кто знаетъ? Можетъ быть, у того окна, черезъ дорогу, стоитъ другой шпіонъ за занавѣской и, замѣтивъ ее, дастъ знакъ своему товарищу, когда тотъ вернется изъ портерной. Она быстро прошла улицу, чтобы убѣжать отъ призраковъ, созданныхъ ея собственной фантазіей, но они преслѣдовали ее. Могла-ли она быть увѣренной, что эта почтенная старая дама, идущая по одному направленію съ нею, не шпіонка? Гарантіи, конечно, не было никакой. Дама повернула за уголъ и пошла по Невскому, ни разу даже не взглянувъ на дѣвушку. Все это прекрасно; но, быть можетъ, это только хитрость, и предполагаемая шпіонка дала знакъ кому-нибудь, и за Танею продолжаютъ слѣдить. Или же, если дама не шпіонка, то, можетъ быть, за нею слѣдуетъ на нѣкоторомъ разстояніи настоящій шпіонъ, котораго она не замѣтила.

Бѣдная дѣвушка совсѣмъ растерялась, и у нея голова пошла кругомъ, когда вдругъ она вспомнила, что одна изъ ея кузинъ живетъ на Литейной, въ домѣ, гдѣ есть проходной дворъ въ Моховую улицу. Даже въ разгарѣ уличнаго движенія, мало кто пользуется этимъ проходомъ; въ этотъ же утренній часъ въ немъ, навѣрно, никого нѣтъ. Если она пройдетъ черезъ него, не имѣя за собой провожатаго, тогда ей несомнѣнно удалось спастись отъ страшныхъ соглядатаевъ Третьяго Отдѣленія. Средство оказалось такое простое, что

она даже удивилась, какъ оно раньше не пришло ей въ голову. Она взяла извощика на Литейную и съ радостью убѣдилась, что никто не поѣхалъ вслѣдъ за нею. Что же касается пѣшеходовъ, то она отважилась думать, что на нихъ нечего обращать вниманія. Она начала оправляться отъ своихъ суевѣрныхъ опасеній и стала обдумывать дальнѣйшіе шаги. Первою ея мыслью было отправиться на квартиру Жоржа. Революціонеры обыкновенно скрываютъ свои частные адреса, по принципу, сообщая ихъ только товарищамъ по дѣлу; но Жоржъ сдѣлалъ исключеніе для Тани. Она знала его адресъ и была нѣсколько разъ въ его берлогѣ; она могла найти его домъ и добраться до квартиры, никого не спрашивая. Но застанетъ-ли она Жоржа? Она обѣщала извощику на чай, и черезъ десять минутъ очутилась у желанныхъ проходныхъ воротъ. Въ эту минуту проходъ не былъ совершенно пустъ; двѣ прачки какъ-разъ входили въ него съ громадною корзиною бѣлья. Но Таня уже достаточно оправилась отъ своихъ страховъ, чтобы не заподозрить этихъ женщинъ въ сношеніяхъ съ Третьимъ Отдѣленіемъ. Остальную дорогу она прошла пѣшкомъ.

На ея звонокъ, дверь была отворена сейчасъ же. Жоржъ былъ дома. Онъ не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія при видѣ неожиданной гостьи.

— Какой добрый вѣтеръ пригналъ васъ къ моему берегу, Татьяна Григорьевна? Мои лучшіе друзья собрались подъ моимъ кровомъ, и васъ одной не доставало.

Его радостное словообиліе не позволило Танѣ проронить слова, прежде чѣмъ онъ открылъ дверь изъ передней въ комнату, служившую одновременно кабинетомъ, гостинной и столовой. Тамъ сидѣлъ Андрей и высокая, незнакомая Танѣ, дама.

Это была Лена Зубова, только-что вернувшаяся изъ Швейцаріи.

Дѣвушекъ познакомили другъ съ другомъ. Чтобы извиниться въ томъ, что она помѣшала людямъ, — всегда,

какъ ей казалось, занятымъ важными дѣлами, — Таня сейчасъ же объяснила причину своего прихода.

Вѣсть объ обыскѣ у Рѣпина поразила всѣхъ. Но, услыхавъ, что ничего не было найдено, и что онъ не былъ арестованъ, они успокоились.

— Васъ можно поздравить съ первымъ политическимъ опытомъ, сказалъ Андрей.

— Онъ могъ оказаться послѣднимъ для насъ, замѣтилъ Жоржъ. Онъ разсказалъ Ленѣ, какъ близки они были вчера къ тому, чтобы быть арестованными у Рѣпина.

— Если бы мы остались еще на нѣсколько минутъ, насъ навѣрное схватили бы.

— Тоже случилось бы, если бы полиція ускорила шаги и явилась немного раньше, сказалъ Андрей. Наше будущее записано въ книгѣ судебъ, и избѣжать его невозможно, прибавилъ онъ полушутя, полусерьезно.

Жоржъ отвѣтилъ, что человѣку никогда не мѣшаетъ самому помогать судьбѣ.

Оба они поблагодарили Таню, что она пришла предупредить ихъ.

Ленѣ, первой, пришло въ голову спросить, какъ Танѣ удалось уйти изъ дома, за которымъ, навѣрное, слѣдили.

— Увѣрены-ли вы, что васъ не прослѣдили сюда? спросила она.

Таня не могла сказать навѣрное, но ей казалось, что нѣтъ.

Затѣмъ она откровенно разсказала про всѣ свои сомнѣнія и опасенія и про маленькую хитрость, пущенную ею въ ходъ, чтобы отрѣзать дорогу возможнымъ преслѣдователямъ.

Лена захлопала въ ладоши.

— Да вы прекрасно исполнили свою роль, Татьяна Григорьевна, сказала она. Никто изъ насъ лучше бы не сдѣлалъ.

— Неужели? спросила дѣвушка, краснѣя. Я этого не подозрѣвала.

— Тѣмъ лучше, сказалъ Жоржъ. У васъ, значитъ, врожденный талантъ къ конспираціямъ.

Онъ былъ въ восторгѣ, что Таня дала это маленькое доказательство своего присутствія духа и находчивости, и ему было особенно пріятно, что его друзья оцѣнили ея поведеніе.

Исполнивъ свое порученіе, Таня встала и начала прощаться. Ея свѣтскій тактъ подсказалъ ей, что не слѣдовало оставаться дольше.

Жоржъ посмотрѣлъ на нее съ выраженіемъ глубокаго разочарованія. Уйти, не обмѣнявшись съ нимъ почти ни словомъ! Это было слишкомъ жестоко съ ея стороны. О внѣшней сторонѣ событій прошлой ночи достаточно было разсказать другимъ; ему же самому хотѣлось еще разспросить дорогую дѣвушку о ея внутреннихъ ощущеніяхъ при первомъ столкновеніи съ полиціей. Но Таня стѣснялась оставаться.

— У васъ, навѣрное, какія-нибудь дѣла, сказала она ему шопотомъ. Я не хочу мѣшать.

— О, нѣтъ, останьтесь, пожалуйста, настаивалъ Жоржъ. У насъ не дѣловое собраніе. Вамъ нечего торопиться.

Андрей повторилъ увѣреніе Жоржа и тоже сталъ ее упрашивать. Теперь домъ ея отца небезопасенъ, и, Богъ знаетъ, когда они снова увидятся.

Андрей почти не разговаривалъ съ Таней, предоставивъ ее попеченію Жоржа и, повидимому, не обращалъ на нее вниманія. Его, казалось совершенно поглощалъ разсказъ Лены объ Аннѣ Вуличъ, подтвердившій его первыя впечатлѣнія на границѣ. Но сознаніе присутствія Тани не оставляло его ни на минуту и наполняло тихою радостью все его существо, дѣйствуя, подобно солнечному свѣту или красивому пейзажу, между тѣмъ какъ мысли отвлечены чѣмъ-нибудь совершенно инымъ.

Когда, получасомъ позже, Таня поднялась, говоря, что отецъ будетъ безпокоиться, и ушла, Андрею показалось, что въ комнатѣ сразу потемнѣло и чего-то недостаетъ.

— Какое у нея милое лицо! замѣтила Лена, когда дѣвушка ушла.

Андрей улыбнулся.

— Я не знаю. Спросите мнѣнія Жоржа на сей счетъ, сказалъ онъ, указывая по направленію своего друга, вышедшаго провожать гостью на лѣстницу. Я въ этомъ не судья.

Андрей соскрытничалъ, на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, потому что внутренно онъ былъ совершенно согласенъ съ Леной.

Сегодня лицо Тани было дѣйствительно прелестное. Но какое ему дѣло до этого?

Жоржъ вернулся, и они возобновили разговоръ, прерванный приходомъ Тани.

Около двѣнадцати часовъ къ нимъ присоединились Зина и Василій Вербицкій, пріѣхавшій изъ Женевы вмѣстѣ съ Леной. Андрей исполнилъ данное имъ обѣщаніе и постарался объ ихъ скоромъ возвращеніи.

Зина пришла, сильно взволнованная, и даже на невозмутимомъ лицѣ Василія видны были слѣды возбужденія.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ Жоржъ.

Зина показала имъ письмо изъ Дубравника, полное ужасающихъ подробностей объ обращеніи съ политическими заключенными. Оно дошло до апогея въ неслыханномъ до того фактѣ: по приказанію прокурора, молодая дѣвушка, имя которой сообщалось, была раздѣта дó-нага въ присутствіи тюремщиковъ и жандармовъ, прежде чѣмъ ее заперли въ камеру, подъ тѣмъ предлогомъ, что тюремныя правила требуютъ точнаго описанія примѣтъ всякаго заключеннаго.

Извѣстіе это было встрѣчено гробовымъ молчаніемъ. Веселье товарищеской бесѣды исчезло. Мрачный духъ мщенія носился надъ ними, и каждый изъ присутствовавшихъ былъ поглощенъ одними и тѣми же злыми мыслями.

— Этого нельзя оставить безнаказаннымъ!

— Нужно сдѣлать примѣрную расправу! воскликнули Лена и Жоржъ почти одновременно.

Андрей ничего не сказалъ, потому что считалъ лишнимъ говорить о томъ, что было совершенно очевидно.

— Такъ именно и рѣшили наши въ Дубравникѣ, сказала Зина. Они только просятъ въ своемъ письмѣ послать имъ опытную женщину для конспиративной квартиры. Потомъ имъ нуженъ человѣкъ съ хладнокровной головой и твердой рукой.

— Я готовъ къ ихъ услугамъ, поспѣшно сказалъ Андрей.

— Нѣтъ, вмѣшался Василій своимъ медленнымъ, лѣнивымъ голосомъ. Я сказалъ Зинѣ, еще до прихода сюда, что поѣду.

Зина подтвердила его слова, прибавивъ, что гораздо лучше ѣхать Василію. Вопросъ о первенствѣ не игралъ, конечно, никакой роли, но Андрей завязалъ уже коекакія дѣловыя сношенія въ Петербургѣ и занялся настоящимъ дѣломъ; Василій-же только-что пріѣхалъ и, какъ нельзя болѣе, подходилъ для предстоящаго дѣла въ Дубравникѣ.

Ея голосъ оказался рѣшающимъ.

— Хорошо, пусть будетъ такъ, согласился Андрей. Но если вамъ понадобится кто-нибудь на подмогу, черкните мнѣ слово.

Выборъ женщины рѣшался самъ собою. Зина была уже раньше въ Дубравникѣ, и всѣ права, и всѣ необходимыя качества были на ея сторонѣ.

Такимъ образомъ, оба волонтера были выбраны. Вопросъ долженъ былъ еще обсуждаться на ближайшемъ засѣданіи комитета, который имѣлъ рѣшающій голосъ. Но это было одной формальностью. Они знали заранѣе, что никакихъ возраженій не послѣдуетъ.

— Кстати, обратилась Зина къ Ленѣ, не займете-ли вы мое мѣсто во время моего отсутствія?

Лена отвѣтила, что была бы очень рада взяться сейчасъ же за какое-нибудь дѣло.

Зина стала посвящать ее въ подробности, и въ результатѣ обнаружилась работа довольно внушительныхъ размѣровъ: — пропаганда среди молодежи, пропаганда

между рабочими и тайная переписка съ заключенными въ крѣпости.

— Не знаю, справлюсь-ли я со всѣмъ этимъ, нерѣшительно сказала Лена, особенно съ перепиской, — я совсѣмъ не знаю, какъ это ведется.

Жоржъ обѣщалъ взять на себя эту обязанность и предложилъ ей свою помощь, временно, и въ остальномъ дѣлѣ.

— Вы скоро пустите корни повсюду, сказалъ онъ весело. Завтра мы зайдемъ къ моему пріятелю, молодому студенту, члену одного изъ кружковъ; черезъ него вы познакомитесь съ остальными. Въ другомъ кружкѣ вы уже имѣете знакомую.

— Кого?

— Татьяну Рѣпину, которую вы только-что видѣли.

— Это очень пріятно, сказала Лена.

— Таня была здѣсь? Что-нибудь случилось? спросила Зина.

Извѣстія изъ Дубравника заставили забыть незначительный инцидентъ обыска у Рѣпина.

Зина, однако, была поражена имъ болѣе, чѣмъ остальные.

— Рѣпинъ знаетъ о причинѣ обыска?

— Нѣтъ, ему ничего не сказали, и ни онъ, ни мы не можемъ понять, откуда это стряслось, отвѣтилъ Жоржъ.

— А мнѣ кажется, что я знаю, сказала Зина.

— Неужели?

— Оно въ связи съ арестами въ Дубравникѣ. Въ письмѣ оттуда есть отдаленный намекъ, но я его не поняла сначала. Они упоминаютъ объ арестѣ адвоката Новаковскаго, — кажется, хорошаго знакомаго Рѣпина, и прибавляютъ, чтобы я предупредила „Пандекта номеръ первый“. Я никакъ не могла догадаться, къ кому относится это прозвище. Теперь ясно, что они имѣли въ виду Рѣпина. Всегда такъ выходитъ при излишкѣ усердія въ конспираціяхъ.

— Но вы бы не успѣли его предупредить, если бы даже тотчасъ догадались, сказалъ Андрей. Приказаніе

объ обыскѣ у Рѣпина было дано, очевидно, по телеграфу. Кромѣ того, ему ничего дурнаго не сдѣлали, и намъ незачѣмъ особенно огорчаться.

— Правда. Но я боюсь, что дѣло на этомъ не кончится. Новаковскій серьезно замѣшанъ. Это можетъ открыться каждую минуту, и у Рѣпина еще разъ сдѣлаютъ обыскъ, но уже съ болѣе серьезными послѣдствіями. Нужно предупредить его, чтобы онъ не убаюкивалъ себя обманчивой безопасностью.

Такъ какъ неблагоразумно было бы идти въ домъ адвоката, то и рѣшили, что кто-нибудь зайдетъ къ Криволуцкому и передастъ ему письмо для Рѣпина.

ГЛАВА VIII.

Размышленія Рѣпина.

Зина и Вербицкій отправились въ назначенное время въ Дубравникъ, и черезъ нѣсколько дней получилось письмо объ ихъ благополучномъ прибытіи. Еще черезъ десять дней пришло другое письмо, съ извѣстіемъ отъ Зины, что дѣло идетъ на ладъ и что „счеты скоро будутъ сведены". Но эти счеты свести не удалось, ни тогда, ни позже. Случилось такъ, что прокуроръ, по распоряженію котораго учинено было гнусное издѣвательство, зналъ о грозившемъ ему смертномъ приговорѣ. Охваченный паническимъ ужасомъ, онъ, оставилъ городъ подъ предлогомъ внезапной болѣзни. Черезъ мѣсяцъ, до революціонеровъ дошло извѣстіе о его добровольной отставкѣ.

Какъ ни были злы на него революціонеры въ Дубравникѣ, имъ пришлось оставить его въ покоѣ. У террористовъ было ненарушимымъ правиломъ, что съ той минуты, какъ оффиціальное лицо добровольно сходитъ со сцены и перестаетъ быть вреднымъ, его ни въ какомъ случаѣ нельзя убивать изъ одной мести. Нѣсколькимъ трусамъ удалось такимъ образомъ избѣжать назначенной имъ кары.

Группа людей, собравшаяся для мщенія, не была, однако, распущена. Такъ какъ они уже были на мѣстѣ, имѣли конспиративную квартиру, часовыхъ и все остальное наготовѣ, то было предложено предпринять болѣе трудное дѣло: освбождить трехъ революціонеровъ — Бориса и его товарищей, Левшина и Клейна, сидѣвшихъ въ ожиданіи суда въ Дубравниковской тюрьмѣ. Зина написала объ этомъ петербуржцамъ, и они отъ души

одобрили новый планъ, обѣщая помочь товарищамъ деньгами и, если нужно, людьми.

Андрей ждалъ каждый день, что его позовутъ въ Дубравникъ, но не удивлялся, когда проходили недѣли за недѣлями, а онъ все еще оставался на старомъ мѣстѣ. Было условлено, что Зина, завѣдывавшая приготовленіями, не будетъ звать его до приближенія момента рѣшительнаго дѣйствія, а онъ зналъ по опыту, какъ трудно организовать такого рода попытки.

Въ Петербургѣ было пусто и скучно, какъ это обыкновенно бываетъ въ лѣтніе мѣсяцы. Палящій зной короткаго лѣта гонитъ изъ душнаго, пропитаннаго міазмами города всѣхъ, кто только имѣетъ возможность вздохнуть свѣжимъ воздухомъ. Рабочій и интеллигентный классъ спѣшатъ въ деревню, одни — для работы, другіе — для отдыха, и этимъ ослабляется движеніе во всѣхъ отрасляхъ общественной и интеллектуальной жизни въ столицѣ. Революція, какъ и все остальное, отдыхаетъ во время жаркаго сезона, и ея горючіе элементы разсѣиваются широко и далеко по всей странѣ.

Въ этомъ году, впрочемъ, лѣто было оживленнѣе обыкновеннаго, главнымъ образомъ благодаря пропагандѣ между фабричными рабочими, которыхъ въ столицѣ довольно много, и лѣтомъ, и зимою. Андрей посвятилъ этому дѣлу всю свою энергію, пока его услугъ не требовалось ни для чего другого. Въ прежніе годы онъ усердно занимался пропагандой между рабочими. У него было въ этой средѣ много знакомыхъ, и нѣкоторые изъ нихъ были еще въ Петербургѣ; теперь они привѣтствовали его, какъ стараго пріятеля. Недѣли въ двѣ Андрей вполнѣ свыкся съ людьми и съ дѣломъ. Рабочіе любили его за простоту и серьезное отношеніе къ занятіямъ, и слушали съ удовольствіемъ его простыя, понятныя рѣчи. Съ своей стороны, Андрей чувствовалъ себя хорошо среди рабочихъ и предпочиталъ пропаганду между ними всякой другой работѣ. Въ этомъ онъ представлялъ полную противоположность Жоржу, который находилъ болѣе подходящую для себя

сферу среди студентовъ и образованныхъ людей, гдѣ его блестящія качества производили больше эффекта.

Было свѣтлое, жаркое воскресенье въ первой половинѣ августа. Андрей возвращался съ рабочаго собранія на Выборгской сторонѣ, находившейся въ его вѣдѣніи. Дойдя до Литейнаго моста, онъ взглянулъ на свои никелевые часы. Было ровно шесть, и онъ сталъ размышлять, перейти-ли ему черезъ мостъ и вернуться къ себѣ на квартиру, или же сѣсть на конку, которая въ часъ времени подвезетъ его почти къ самымъ дверямъ дачи Рѣпина на Черной Рѣчкѣ. День и часъ были самыми подходящими для визита. Но всетаки онъ не сразу рѣшился. Онъ навѣстилъ Рѣпиныхъ два раза на прошлой недѣлѣ, и несомнѣнно было бы благоразумнѣе не показываться опять такъ скоро. Туча, собиравшаяся два мѣсяца тому назадъ надъ головой Рѣпина, теперь разсѣялась. Новаковскаго выпустили, такъ какъ полиція въ Дубравникѣ не напала, къ счастью, на слѣды компрометирующихъ его связей. Рѣпина больше не трогали, и домъ его былъ настолько безопасенъ, насколько это возможно въ Россіи. Но посѣщенія „нелегальныхъ" составляютъ опасность сами по себѣ и не должны повторяться слишкомъ часто.

Андрей рѣшилъ быть благоразумнымъ и пойти домой, хотя его комната представлялась ему въ эту минуту пустой и мрачной. Онъ направился къ мосту и даже перешелъ черезъ него, стараясь сосредоточиться на мысли о томъ, что онъ будетъ дѣлать дома. Но все это было чистымъ лицемѣріемъ, такъ какъ онъ отлично зналъ, что домой не пойдетъ. Когда, дойдя до противоположнаго конца моста, онъ увидѣлъ приближающуюся къ нему дачную конку, и на ней одно свободное мѣсто, на задней площадкѣ около кондуктора, онъ поспѣшилъ вскочить, сообразивши вполнѣ правильно, что сегодня воскресенье, и слѣдующія конки могутъ быть биткомъ набиты.

„Не нужно быть через-чуръ осторожнымъ; это портитъ характеръ, уговаривалъ онъ самого себя. Въ загородныхъ мѣстахъ полиція вообще небрежна, все

793580 A

дѣлается спустя рукава, и бояться совершенно нечего. Лишній пріѣздъ не имѣетъ ровно никакого значенія, особенно въ воскресенье, когда всегда бываютъ гости изъ города".

Собраніе, съ котораго Андрей только что возвращался, было очень удачное. На немъ сообщили объ образованіи новой вѣтви на одной изъ очень большихъ фабрикъ, по сосѣдству; перспектива была самая блестящая, и онъ охотно смотрѣлъ на все глазами оптимиста.

Черезъ открытое окно онъ могъ видѣть пассажировъ, сидящихъ вплотную, какъ сельди въ боченкѣ, съ дѣтьми на колѣняхъ. Большинство ѣдущихъ было въ праздничныхъ платьяхъ и съ праздничнымъ выраженіемъ на лицахъ. Прикащики, мелочные торговцы, мелкіе чиновники, не имѣющіе средствъ жить лѣтомъ на дачѣ, пользовались хорошей погодой для прогулки. Андрей помнилъ, что по воскресеньямъ бываетъ музыка въ паркѣ. Танѣ нужно будетъ имѣть провожатаго, такъ какъ отецъ ея занимается по вечерамъ. Если Криволуцкій не вздумаетъ помѣшать имъ, они проведутъ чудный вечеръ.

Со времени ихъ перваго знакомства, два мѣсяца тому назадъ, не проходило недѣли безъ того, чтобы онъ не видѣлъ Тани, — сначала случайно, а потомъ — благодаря комбинаціямъ, которыя всегда, какъ-то, складывались въ его пользу. Съ переѣздомъ же Рѣпиныхъ на Черную Рѣчку, они видались еще чаще. Сравнительная свобода дачниковъ отъ полиціи допускала ослабленіе крайней осмотрительности, необходимой въ городѣ. Большинство своихъ свободныхъ вечеровъ Андрей проводилъ или у Рѣпиныхъ, или у Лены Зубовой, которая взяла на лѣто комнату по сосѣдству; Таня была ея постоянной гостьей.

Онъ былъ настолько старше Тани, благодаря своему жизненному опыту, что эта девятнадцатилѣтняя дѣвушка казалась ему почти ребенкомъ. Но у нихъ было много общаго во вкусахъ, складѣ ума и въ какомъ-то, почти интуитивномъ взаимномъ пониманіи, придававшемъ ея обществу особую прелесть въ его глазахъ.

Онъ не боялся, чтобы эта близость съ очаровательной дѣвушкой стала опасной для его душевнаго спокойствія. За Таню же нечего было безпокоиться, — въ немъ самомъ не было ничего такого, что могло бы плѣнить ея воображеніе. Многія женщины „очень любили его", но всегда выходили замужъ за кого-нибудь другого. Такова была его судьба, и онъ охотно мирился съ нею. Женская любовь, — большое, но очень опасное счастье; революціонеру лучше обходиться безъ него.

Притомъ же Таню любилъ Жоржъ, который былъ для него болѣе, чѣмъ братомъ, и вначалѣ ему казалось, что она отвѣчаетъ Жоржу взаимностью. Это исключало всякую возможность смотрѣть на нее иначе, какъ на сестру. Черезъ нѣсколько времени онъ, правда, началъ сомнѣваться относительно ея чувствъ къ Жоржу. Но между ними уже установились братскія, непринужденныя отношенія, и они закрѣцлялись все болѣе и болѣе по по мѣрѣ сближенія. Онъ съ интересомъ наблюдалъ за ростомъ и развитіемъ молодой души, съ ея страстными порывами и робкими колебаніями, съ ея надеждами и тревогами.

Этому интересу, а не какому-нибудь другому, болѣе сильному чувству, приписывалъ онъ почти болѣзненное стремленіе видѣть ее, грусть, находившую на него, когда что-нибудь лишало его этой радости, и постоянное направленіе мыслей все въ одну и ту же сторону. Такое душевное настроеніе удивило, но не испугало Андрея, когда онъ недавно обратилъ на него вниманіе. И, странное дѣло, именно мысль о любви другого ослѣпляла его насчетъ своей собственной любви. Его трезвое отношеніе къ молодой дѣвушкѣ представляло такой контрастъ съ экзальтированностью его друга, что казалось невозможнымъ, чтобы они оба находились подъ вліяніемъ одного и того же чувства.

Жоржъ рѣже бывалъ на Черной Рѣчкѣ, чѣмъ Андрей. Онъ былъ очень занятъ газетнымъ дѣломъ, такъ какъ большинство другихъ сотрудниковъ разъѣхалось. Но Андрей надѣялся встрѣтиться съ нимъ въ это воскресенье, такъ какъ не видалъ его цѣлую недѣлю.

Войдя въ хорошенькій домикъ Рѣпина, построенный въ русскомъ стилѣ, Андрей засталъ адвоката одного. Тани не было дома. Рѣпинъ сказалъ, что Лена зашла за нею, а Жоржъ ждалъ ихъ въ паркѣ. Они пойдутъ гулять и вернутся, вѣроятно, только поздно вечеромъ. Сильно разочарованный, Андрей собирался уже уходить, но хозяинъ задержалъ его.

— Отдохните немного и закурите сигару. Я теперь не работаю.

Передъ нимъ лежала новая книжка журнала и ножъ изъ слоновой кости; читая, онъ разрѣзывалъ листы.

— Откуда вы теперь, и что слышно въ вашихъ краяхъ? спросилъ Рыпинъ. Не собираетесь-ли взорвать насъ? Вы, пожалуй, прилаживали уже фитиль?

— Ничего столь ужаснаго не предвидится, отвѣтилъ Андрей. Я только-что съ нашего собранія рабочихъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Развѣ вы занимаетесь пропагандой? удивился Рѣпинъ.

— Да, особенно въ этомъ году.

Рѣпинъ очень заинтересовался.

— И ваши усилія приносятъ какіе-нибудь результаты? спросилъ онъ недовѣрчиво.

— Конечно! отвѣтилъ Андрей. Зачѣмъ же иначе было бы работать?

— О, люди часто всего упорнѣе ведутъ самыя безнадежныя дѣла! возразилъ Рѣпинъ.

Дворянинъ по рожденію, воспитанный въ помѣщичьей дореформенной обстановкѣ, Рѣпинъ, какъ всѣ люди его поколѣнія, считалъ, что пропасть между интеллигенціею и народомъ непроходима. Какъ защитникъ по нѣкоторымъ процессамъ, онъ зналъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ рабочихъ и крестьянъ, стоявшихъ въ братскихъ отношеніяхъ съ ихъ товарищами изъ интеллигенціи, и это поразило его, какъ нѣчто совершенно новое. Но одна ласточка, или даже полдюжины ласточекъ, не дѣлаютъ весны. Онъ, все еще, не довѣрялъ возможности сліянія и радъ былъ что-нибудь услыхать объ этомъ отъ человѣка, очевидно хорошо знакомаго съ вопро-

сомъ. Онъ слушалъ Андрея съ большимъ вниманіемъ, кивая своей сѣдой головой въ знакъ одобренія.

— Да, это хорошее начало, сказалъ онъ наконецъ, и самая важная часть вашей работы; единственная, въ сущности, которую я безусловно одобряю. Я вамъ очень благодаренъ за ваши свѣдѣнія.

Они часто обсуждали вдвоемъ разные революціонные и политическіе вопросы. Изо всѣхъ пріятелей его дочери, бывавшихъ у нихъ въ домѣ, старый адвокатъ больше всѣхъ любилъ Андрея и охотнѣе всего бесѣдовалъ съ нимъ. Они, конечно, ни въ чемъ не соглашались, но гораздо меньше расходились и лучше понимали другъ друга, чѣмъ всѣ остальные, такъ какъ положительность Андрея сглаживала значительную разницу лѣтъ между ними.

— Теперь мнѣ пора идти, сказалъ Андрей, поднимаясь. Я пройдусь по парку, авось набреду на нихъ. Во всякомъ случаѣ, передайте мой привѣтъ Татьянѣ Григорьевнѣ.

Онъ торопливо вышелъ.

Оставшись одинъ, Рѣпинъ раскрылъ книгу, но не могъ больше читать въ этотъ вечеръ. Собственныя его мысли отвлекали его вниманіе отъ мыслей автора. Онъ задумался о своей дочери и о трагической дилеммѣ, въ которую его ставили ея очевидныя симпатіи къ революціонному дѣлу.

Рѣпинъ не былъ сторонникомъ революціи въ томъ видѣ, какъ она велась у него на глазахъ. Человѣкъ болѣе ранней эпохи, онъ былъ горячимъ послѣдователемъ и активнымъ сторонникомъ большаго либеральнаго движенія шестидесятыхъ годовъ, связанныхъ съ именемъ Герцена. Онъ оставался вѣренъ прежнимъ традиціямъ. Когда революціонеры стали рѣшительно бороться противъ политическаго деспотизма въ Россіи, онъ долженъ былъ признать въ нихъ борцовъ за его собственное дѣло. Будучи слишкомъ старъ, чтобы раздѣлять ихъ надежды, или одобрять ихъ крайнія средства, онъ, однако, не считалъ возможнымъ уклониться отъ всякой отвѣтственности и обязательствъ въ начав-

шейся борьбѣ. Онъ слишкомъ близко видѣлъ ужасъ деспотизма, чтобы не признавать даже самый дикій видъ возмущенія естественнымъ, простительнымъ и даже нравственно оправданнымъ. Онъ не питалъ ни злобы, ни отвращенія къ тѣмъ, кто не умѣлъ подавить страстей изъ-за политическихъ соображеній. Онъ даже чувствовалъ къ нимъ нѣкоторое уваженіе.

Одно важное обстоятельство, случившееся три года тому назадъ, придало положительную форму его неопредѣленнымъ симпатіямъ. Рѣпинъ былъ приглашенъ въ защитники по одному изъ политическихъ процессовъ, когда обвиняемые имѣли еще право выбирать себѣ адвокатовъ. Тогда онъ познакомился со своей кліенткой, Зиной Ломовой, блестящей двадцатилѣтней дѣвушкой, и съ нѣкоторыми изъ ея товарищей. Его теоретическія убѣжденія окрѣпли, благодаря теплымъ личнымъ симпатіямъ, которыя онъ почувствовалъ къ этой благородной и отважной молодежи. Когда, черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ драконовскаго приговора, — крайне несправедливаго, по его мнѣнію, — Зинѣ удалось бѣжать, и она неожиданно явилась къ нему съ визитомъ въ Петербургѣ, онъ встрѣтилъ ее съ распростертыми объятіями и предложилъ ей свою помощь во всемъ, что ей понадобится. Зина прожила нѣсколько дней у него на квартирѣ, и при помощи Рѣпина возобновила сношенія съ тѣми изъ своихъ прежнихъ товарищей, которые жили въ столицѣ въ качествѣ нелегальныхъ.

Черезъ нее Рѣпины познакомились, между прочимъ, съ Борисомъ Маевскимъ, за котораго Зина вскорѣ вышла замужъ. Домъ адвоката былъ сборнымъ пунктомъ петербургской интеллигенціи, и революціонеры не могли найти лучшаго мѣста, гдѣ, за отсутствіемъ свободной прессы, можно было бы слѣдить за настроеніемъ и взглядами публики, представляющей собою общественное мнѣніе Петербурга.

Нѣкоторые изъ революціонеровъ подружились съ его дочерью, на которую, очевидно, смотрѣли, какъ на будущаго члена партіи.

Старый адвокатъ хорошо понималъ, что ихъ виды не

безосновательны, и что скоро наступитъ день, когда горячо-любимая имъ дочь будетъ увлечена на дно пропасти, поглотившей уже такъ много жертвъ. Онъ не пожалѣлъ бы своей жизни, чтобы спасти ее; но какъ? Запретить ей видѣться съ революціонерами и прервать всякія сношенія съ ними? Но заставить ее избѣгать этихъ людей — было для него такъ же невозможно, какъ и самому отказать имъ въ помощи, изъ-за того, что онъ самъ подвергается опасности. Да и къ чему приведутъ запрещенія и искусственныя мѣры, когда зараза въ воздухѣ? Много родителей пробовали этимъ путемъ уберечь своихъ дѣтей, и чего же они добились? Дѣти порывали съ ними всякія связи и уходили изъ дому, раздраженные и озлобленные. Будь, что будетъ, но дочь его никогда не увидитъ въ немъ врага. Онъ никогда не стѣснялъ ея свободы, разсчитывая лишь своимъ нравственнымъ вліяніемъ удержать ее отъ безразсуднаго и отчаяннаго шага. Онъ одно время льстилъ себя надеждой, что ему удастся удержать ее въ границахъ и противодѣйствовать внѣшнимъ теченіямъ. Но, за послѣдніе дни, онъ замѣтилъ въ ней перемѣну, сильно его тревожившую. Онъ чувствовалъ, что ужасный моментъ, котораго онъ такъ боялся, приближается, и теперь, сидя передъ раскрытой книгой, онъ глубоко страдалъ, сознавая свою безпомощность.

ГЛАВА IX.

Новообращенная.

Андрей раздумалъ и рѣшился идти прямо на квартиру Лены, вмѣсто того, чтобы разыскивать ихъ всѣхъ въ паркѣ. Они, навѣрно, вернутся домой ужинать, сообразилъ онъ, если уже не вернулись. Онъ былъ увѣренъ, что застанетъ ихъ, и ускорилъ шаги, чтобы не потерять ни одной минуты предстоявшаго удовольствія.

Но въ этотъ день все складывалось противъ него. Оказалось, что они еще не вернулись, и никто не могъ ему объяснить, когда они будутъ дома. Всетаки онъ рѣшился еще разъ попытать счастья и остался дожидаться ихъ прихода.

Лена занимала большую комнату въ среднемъ этажѣ, скудно обставленную, но съ хорошимъ видомъ изъ окна. Большая акація покрывала его своей тѣнью, и тонкіе листья дерева едва шевелились въ неподвижномъ воздухѣ.

Андрей открылъ окно, и въ комнату ворвался ароматъ сада и окружающихъ полей: домъ стоялъ на окраинѣ деревушки. За нимъ тянулась широкая равнина, покрытая кустарниками и пересѣченная узкой дорожкой; она вела къ группѣ небольшихъ дачъ, живописно выдѣлявшихся на свѣтло-зеленомъ фонѣ небольшой березовой рощи. Бѣлыя ночи уже миновали, но вечерніе сумерки были еще ясные и длинные.

Андрей прождалъ не болѣе четверти часа, какъ хлопнула входная дверь, и онъ услышалъ на лѣстницѣ смѣхъ Жоржа, а затѣмъ голосъ, заставившій сильно забиться его сердце.

Таня, съ раскраснѣвшимся смуглымъ лицомъ и съ

вѣнкомъ изъ васильковъ въ волосахъ, была красивѣе обыкновеннаго. На ней было легкое платье изъ чечунчи, драпировавшее мягкими складками ея стройную фигуру. На лѣвой рукѣ у нея висѣла соломенная шляпа съ широкими полями, которую она сняла, разгоряченная длинной прогулкой.

Андрей поднялся ей на встрѣчу съ счастливою улыбкою.

— Вы хорошо прогулялись, я вижу! сказалъ онъ, глядя на ея раскраснѣвшееся лицо.

— Да, сказала она, бросаясь въ кресло, мы отлично прогулялись, и Жоржъ смѣшилъ насъ все время своими разсказами. Какъ жаль, что вы не пришли раньше!

— Ради его разсказовъ? Но, можетъ быть, я ихъ уже слышалъ? Оно постоянно такъ случается со старыми товарищами, какъ мы съ нимъ, если они вдвоемъ часто ходятъ въ гости.

Онъ обратился къ Жоржу.

— Какъ поживаешь, дружище? Давно мы съ тобой не видѣлись. Поди, въ пароксизмѣ творчества?

— Я все время корпѣлъ надъ бумагой, если ты *это* думаешь? отвѣтилъ Жоржъ.

— И теперь празднуешь увѣнчаніе зданія?

— Да, я кончилъ работу на этотъ мѣсяцъ, и праздную временную передышку. Такое удовольствіе пойметъ только тотъ, кто самъ испыталъ, что значитъ литературная каторга.

Таня прислушивалась къ разговаривавшимъ, лѣниво развалясь въ креслѣ и облокотившись на его ручку обоими локтями.

— Какъ вамъ не стыдно ворчать, Жоржъ? сказала она. Вы, менѣе, чѣмъ кто-либо, имѣете основаніе жаловаться на судьбу.

— Неужели? воскликнулъ молодой человѣкъ. Я этого не подозрѣвалъ. Скажите, пожалуйста, чѣмъ я такъ счастливъ? Обѣщаюсь заранѣе употребить всѣ усилія, чтобы согласиться съ вами. Это будетъ большимъ утѣшеніемъ.

Въ эту минуту Лена открыла дверь и внесла под-

носъ со стаканами; за нею слѣдовала горничная съ самоваромъ.

Съ помощью гостей столъ былъ освобожденъ отъ разбросанныхъ на немъ книгъ и газетъ, скатерть постлана, и все приготовлено къ чаю.

— Таня, голубушка, сказала Лена, распоряжайтесь, пожалуйста, чаемъ. Въ качествѣ хозяйки я должна занимать своихъ гостей пріятными разговорами, что само по себѣ составляетъ тяжелую обязанность.

Она сѣла въ кресло, оставленное Таней и, закуривъ папироску, стала глядѣть въ окно, не обращая никакого вниманія на своихъ гостей, которые, она рѣшила, развлекутся гораздо лучше, если ихъ предоставить самимъ себѣ.

— Татьяна Григорьевна, я все еще въ пріятномъ ожиданіи. Вы не отвѣтили на мой вопросъ, сказалъ Жоржъ, когда кончилась возня съ чаемъ.

— Какой вопросъ? спросила Лена.

— Почему я наисчастливѣйшій изъ смертныхъ? объяснилъ Жоржъ.

— Развѣ? Я этого не знала, замѣтила Лена.

— Вы искажаете мои слова, Жоржъ. Я просто сказала, что вамъ не слѣдуетъ жаловаться на судьбу.

— А почему, скажите на милость, именно я долженъ быть лишенъ этого присущаго моимъ ближнимъ утѣшенія.

— Почему? протянула Таня тономъ, означавшимъ, что онъ самъ слишкомъ хорошо знаетъ, почему... Потому что, быстро вставила она, вспомнивъ что-то, вы сами мнѣ сказали, что когда на васъ находитъ тоскливое настроеніе, вамъ стоитъ излить его въ стихотворную форму, и на душѣ у васъ становится легко и отрадно.

Таня засмѣялась. Жоржъ, думала она, напрашивается на комплиментъ, напустивъ на себя непонятливость, и ей хотѣлось подразнить его.

— Я не подозрѣвалъ, что вы такая коварная, Татьяна Григорьевна, сказалъ Жоржъ. Въ другой разъ

буду осторожнѣе и представлю вамъ только казовую сторону моего ремесла.

Онъ отлично помнилъ разговоръ, на который намекала Таня. Это было по поводу появленія небольшаго томика его стиховъ, надѣлавшаго шуму въ ихъ средѣ. Танѣ очень понравились стихи, и у нихъ произошелъ разговоръ о художественныхъ ощущеніяхъ и настроеніяхъ. Его слова, конечно, были переданы ею неточно, съ намѣреніемъ уязвить его. Но онъ не вздумалъ поправлять Таню, онъ стѣснялся говорить объ этомъ сюжетѣ.

Лена, курившая во время разговора, отложила теперь папироску въ сторону. Она заинтересовалась нравственной стороной вопроса.

— Мнѣ кажется, сказала она, люди, искренно преданные великому дѣлу, должны равнодушно относиться къ своей роли въ немъ, — велика-ли она, мала-ли; блестящая, или скромная. Стремленіе играть видную роль — тоже тщеславіе и эгоизмъ въ другой формѣ.

Таня возразила, что она этимъ не хотѣла сказать, что нужно добиваться выдающейся роли; но что разъ она выпала кому-нибудь на долю, то сознаніе такого положенія должно бы доставлять удовольствіе.

— Но развѣ вамъ не кажется, сказалъ Андрей, поддерживая мысль Лены, что можно такъ слиться съ дѣломъ, которому вы служите, что не останется ни мѣста, ни желанія, ни времени, даже для разныхъ соображеній о своемъ собственномъ „я“ или о той долѣ участія въ общемъ дѣлѣ, которая принадлежитъ тому или другому изъ товарищей.

— Нѣтъ, подумавъ, отвѣтила Таня, качая головой. Я не достигла этого предѣла. Боюсь, никогда его и не достигну. Сознаніе моего ничтожества терзало бы меня, и я завидовала бы болѣе одареннымъ, чѣмъ я. Какую гордость и восторгъ долженъ испытывать человѣкъ, сознающій, что внесъ новую и цѣнную лепту въ общее дѣло!

Она посмотрѣла на Жоржа. Это былъ взглядъ, просившій о поддержкѣ, потому что изъ всѣхъ присутство-

вавшихъ онъ одинъ не высказался противъ нея. Но Андрей, уловившій этотъ взглядъ, истолковалъ его иначе. Онъ, было, хотѣлъ настаивать на только-что высказанномъ мнѣніи, механически слѣдуя доводамъ, сложившимся въ его головѣ. Но онъ не могъ произнести ни слова, подавленный сознаніемъ, что если заговоритъ, то скажетъ неправду. Онъ чувствовалъ въ эту минуту, что въ глубинѣ души также завидуетъ тѣмъ, которые, неизвѣстно по какимъ заслугамъ, владѣютъ сердцами людей. Сознаніе своей посредственности наполнило его сердце горечью, доселѣ неизвѣданной. Онъ замолчалъ, не будучи въ состояніи бороться противъ этого ощущенія.

Наступила короткая пауза въ разговорѣ, на которую никто не обратилъ вниманія; но ему она показалась мучительно длинной и тяжелой.

— Посмотрите, Андрей, какъ красива эта группа бѣлыхъ домовъ въ ярко-красномъ освѣщеніи заката, сказала Лена со своего мѣста у окна. Это мнѣ напоминаетъ Alpenglüh въ швейцарскихъ горахъ.

Андрей обрадовался перемѣнѣ разговора и подошелъ къ окну.

— Да, очень красиво! произнесъ онъ, всматриваясь въ пейзажъ съ напряженнымъ вниманіемъ ученика, старающагося запомнить очертанія карты, по которой его будутъ экзаменовать. Видъ изъ окна былъ прекрасенъ: на голубомъ сводѣ неба еле виднѣлись блѣдныя очертанія неполнаго мѣсяца, какъ бы нарисованнаго едва замѣтной акварелью; бѣлые домики, залитые краснымъ отблескомъ, выступали на зеленомъ фонѣ рощи; заходившее солнце золотило края перистыхъ облаковъ, сгущаясь въ ярко-багровый цвѣтъ на линіи горизонта.

Но воспринимательныя способности Андрея притупились, и онъ обернулся къ сидѣвшимъ за чайнымъ столомъ.

Таня уронила вѣнокъ изъ васильковъ и Жоржъ поднялъ его, упрашивая ее опять надѣть его на голову, потому что онъ ей очень къ лицу. Дѣвушка засмѣялась и покраснѣла, но исполнила его желаніе, и Андрей по-

чувствовалъ сильную досаду на обоихъ за такое ребячество.

— Послушайте, Андрей, прервала Лена его унылое раздумье, у меня къ вамъ просьба.

Она указала ему на стулъ и самымъ дѣловымъ тономъ попросила его сѣсть.

— Можете-ли вы, продолжала она, удѣлить мнѣ одинъ или два вечера въ недѣлю?

— Для чего? встрепенулся Андрей.

— Для пропаганды въ кружкахъ молодежи. Вы будете намъ очень полезны.

— Какая вамъ будетъ польза отъ меня? Вы знаете, я не гожусь для такой работы и буду играть на вашихъ собраніяхъ самую печальную роль. Пригласите Жоржа: ему и книги въ руки.

— Это правда, охотно согласилась Лена, и я уже къ нему обращалась, но у него всѣ вечера заняты.

Прямота и даже нѣкоторая рѣзкость во взаимныхъ отношеніяхъ революціонеровъ — явленіе самое обыкновенное, въ особенности, когда рѣчь идетъ о „дѣлахъ". Въ словахъ Лены не было ничего такого, чего бы и онъ не сказалъ ей при подобныхъ обстоятельствахъ, но сегодня онъ рѣшительно былъ не въ духѣ.

— Я, значитъ, понадобился вамъ на затычку? сказалъ онъ обидчиво.

Лена сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Не говорите глупостей, Андрей! Скажите прямо, есть у васъ время, или нѣтъ?

— Я очень занятъ моими рабочими, отвѣчалъ Андрей угрюмо. Но скажите, — прибавилъ онъ, стараясь принять болѣе миролюбивый и въ то же время болѣе дѣловой тонъ, — почему бы вамъ не продолжать дѣла безъ меня, какъ вы его вели до сихъ поръ?

— Я бы сама этого хотѣла, отвѣчала Лена, да только нѣкоторые изъ членовъ нашего кружка попались въ послѣднихъ арестахъ, — Миртовъ, между прочимъ.

— А! Понимаю! воскликнулъ Андрей, мѣняя тонъ. Такъ Миртовъ былъ однимъ изъ вашей группы?

Лена кивнула головой.

— Я никогда съ нимъ не встрѣчался, сказалъ Андрей, но только слыхалъ объ немъ. Судя по тому, *какъ* онъ былъ арестованъ, онъ удивительно хорошій человѣкъ. Знаете-ли вы, что ждетъ его?

— Пока, ничего нельзя сказать, отвѣчала Лена. Все зависитъ отъ каприза жандармовъ. Его случай — совершенно исключительный.

Повысивъ голосъ, она спросила Жоржа, который разговаривалъ съ Таней, нѣтъ-ли новыхъ извѣстій о Миртовѣ изъ крѣпости.

— Мы получили отъ него нѣсколько строчекъ, отвѣчалъ Жоржъ. Его положеніе гораздо хуже, чѣмъ можно было ожидать. Полиція нашла у него статью, въ рукописи, для подпольной печати и множество нашихъ памфлетовъ и брошюръ. Боюсь, онъ человѣкъ обреченный.

— Кто этотъ Миртовъ? шопотомъ спросила Таня.

— Очень скромный молодой человѣкъ, студентъ, отвѣчалъ Жоржъ. Онъ былъ арестованъ въ прошлый понедѣльникъ по ошибкѣ, вмѣсто Тараса. Вы, вѣроятно, знаете, кто такое Тарасъ?

— Еще бы! отвѣтила Таня.

Тарасъ Костровъ былъ наиболѣе популярный и выдающійся изъ вожаковъ революціи.

— Такъ вотъ этотъ самый Тарасъ, подъ именемъ Захарія Волкова, помѣщика изъ Касимова, поселился въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Миртовъ. Когда онъ отдалъ свой паспортъ въ прописку, полиція возымѣла нѣкоторыя сомнѣнія въ подлинности предполагамаемаго Захарія Волкова. Приказали сдѣлать обыскъ. Полицейскіе явились въ понедѣльникъ ночью, но по ошибкѣ позвонили къ Миртову, который жилъ этажемъ ниже. Миртовъ еще не ложился и, какъ разъ, писалъ свою злополучную статью. Онъ самъ отворилъ двери, и когда его спросили, онъ-ли Захарій Волковъ, онъ моментально догадался, въ чемъ дѣло, и рѣшился спасти Тараса, пожертвовавъ собой. Онъ отвѣтилъ утвердительно, произведенъ былъ обыскъ, все было захвачено, а его арестовали и отправили въ крѣпость.

— И Тарасъ спасенъ? спросила Таня въ большомъ волненіи.

— Да. Всѣ жильцы узнали о ночномъ переполохѣ и объ обыскѣ у предполагаемаго Волкова. Тарасъ, конечно, не сталъ дожидаться, чтобы полиція исправила свою ошибку.

— Ну, а Миртовъ, спросила Таня. Узнала-ли полиція, кто онъ?

— Да, и даже очень скоро. Писемъ онъ не держалъ у себя. Но за то на одной изъ забранныхъ книгъ жандармы открыли его имя, написанное цѣликомъ: Владиміръ Миртовъ. Они рѣшили, что это одинъ изъ его товарищей, одолжившихъ ему книгу, и распорядились объ обыскѣ у Владиміра Миртова. Само собою разумѣется, когда пришли жандармы, то оказалось, что розыскиваемый человѣкъ арестованъ два дня тому назадъ по ошибкѣ, вмѣсто другого, ускользнувшаго тѣмъ временемъ изъ ихъ рукъ.

— Что же они тогда сдѣлали? спросила Таня.

— Что имъ оставалось дѣлать? Они вымещали, какъ могли, свою злобу на томъ, кто былъ у нихъ въ рукахъ. Имъ не удалось открыть, кто именно жилъ подъ именемъ Захарія Волкова, но они догадались, что упустили крупную птицу. Да, Миртовъ зналъ, что́ его ожидало, и онъ не пожертвовалъ бы собой для перваго встрѣчнаго.

— Они были близкими друзьями? спросила Таня.

— Кто?

— Да Миртовъ и Тарасъ?

— Нѣтъ. Не особенно. Они были просто знакомые. Миртовъ даже не долюбливалъ Тараса за его диктаторскія замашки. Его поступокъ не былъ вызванъ личными мотивами. Въ этомъ-то и состоитъ его величіе! закончилъ Жоржъ, и въ голосѣ его задрожали ноты восторга и удивленія.

Послѣдовало торжественное молчаніе, лучше всякихъ словъ выражавшее высокое настроеніе души. И Андрей, и Лена, и Жоржъ, всѣ были подъ обаяніемъ геройскаго поступка, исключительнаго даже въ лѣтописяхъ револю-

ціонной партіи. Всѣ на минуту прониклись различными чувствами: сожалѣніемъ о преждевременной утратѣ такого человѣка, преклоненіемъ передъ его героизмомъ, гордостью членовъ партіи, вербующихъ въ свои ряды людей, готовыхъ на величайшія жертвы для дѣла.

Но для Тани тутъ было нѣчто большее. Для нея это была одна изъ тѣхъ случайностей, которыя, попадаясь на перепутьи жизни, разъ навсегда формируютъ нравственный обликъ человѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ она познакомилась съ Зиной, а потомъ съ Жоржемъ, она искренно и горячо сочувствовала ихъ дѣлу. Но пропасть раздѣляетъ сочувствующаго, готоваго сдѣлать кое-что, иногда и очень много, для дѣла, и настоящаго служителя идеи, идущаго ради нея на всевозможныя жертвы, просто потому, что иначе онъ поступать не въ силахъ. Таня не перешагнула еще этой пропасти. До сихъ поръ она была на другой сторонѣ, съ другими людьми. Она, можетъ быть, и осталась бы тамъ, если бы наканунѣ этого дня прекратила дальнѣйшія сношенія съ этимъ міромъ, гдѣ такъ много вращалась за послѣднее время. Ея душа еще ни на одну минуту не извѣдала тѣхъ глубоко-потрясающихъ ощущеній, послѣ которыхъ нѣтъ возврата въ трусливую, малодушную, безплодную среду.

Событіе, или книга; живое слово, или заразительный примѣръ; печальная повѣсть настоящаго, или яркій просвѣтъ будущаго, — все можетъ послужить поводомъ для роковаго кризиса. У иныхъ онъ сопровождается сильнымъ душевнымъ потрясеніемъ; у другихъ, глубочайшіе источники сердца открываются, какъ-бы во снѣ, нѣжнымъ прикосновеніемъ дружеской руки. Такъ или иначе, но всѣ, отдавшіеся на жизнь и смерть служенію великому дѣлу, должны пережить такой рѣшающій моментъ, потому что цѣлое море самыхъ сильныхъ впечатлѣній не можетъ замѣнить его живительной силы.

Такой кризисъ теперь наступилъ для Тани. Когда Жоржъ замолкъ, и она поняла все, ея сердце вдругъ наполнилось острымъ, всепоглощающимъ чувствомъ жалости. Она, какъ будто, выросла въ эту минуту, и

изъ молодой дѣвушки обратилась въ взрослую женщину, съ вполнѣ созрѣвшими въ ея дѣвичьемъ сердцѣ материнскими инстинктами, и этотъ юноша, котораго она никогда не видѣла, сталъ ея собственнымъ ребенкомъ, оторваннымъ врагами отъ ея груди. Живая краска залила ея лобъ; нѣчто быстрое, чего она не могло разобрать, но что не было, къ ея удивленію, ни ненавистью, ни жаждою мщенія, освѣтило ей, какъ молніей, глаза, — и все было кончено. Великое дѣло свершилось. Здѣсь, въ этомъ загородномъ глухомъ уголкѣ, въ этой бѣдной комнатѣ, разсказъ о благородномъ поступкѣ нашелъ откликъ въ молодой душѣ и навсегда привлекъ ее къ великому дѣлу.

Когда дѣвушка заговорила, она не произнесла ни торжественныхъ клятвъ, ни другихъ рѣшительныхъ заявленій. Она не могла сдѣлать ничего подобнаго, если бы даже по природѣ своей не была чужда всего показнаго, всего сенсаціоннаго. Ни тогда, ни послѣ, втеченіи предстоявшихъ ей долгихъ лѣтъ геройскихъ трудовъ и страданій, не могла она сказать, когда свершилось ея обращеніе. Она сама не понимала, что происходило въ ту минуту въ ея сердцѣ, и внезапное чувство, охватившее ее, выразилось въ нѣсколько странной формѣ.

— Я не вижу ничего особенно великаго въ томъ, что сдѣлалъ Миртовъ, сказала она тихимъ, дрожащимъ голосомъ, какъ бы стыдясь своей смѣлости.

Жоржъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Между крупнымъ дѣятелемъ и человѣкомъ, играющимъ второстепенную роль въ дѣлѣ — выборъ ясенъ, продолжала Таня, не поднимая глазъ. Миртовъ исполнилъ свой долгъ, вотъ и все.

Лена одобрительно кивнула головой. Она была совершенно согласна съ Таней.

Жоржъ смотрѣлъ на нее съ восторженнымъ удивленіемъ. Ничего подобнаго онъ не разсчитывалъ услышать отъ нея, а ужъ онъ-ли, какъ ему казалось, не зналъ ея?

— А вы, вы также поступили бы на его мѣстѣ? спросилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Еслибъ оказалась такой же догадливой, — да! отвѣтила Таня, не колеблясь, и глядя ему прямо въ лицо.

Она только-что отвѣтила на этотъ вопросъ самой себѣ, что и вызвало ея первое, неловкое замѣчаніе о поступкѣ Миртова. Теперь же она только повторила свой отвѣтъ вслухъ и, опершись на руку своей красивой головой, она снова погрузилась въ думы, устремивъ мечтательный взглядъ впередъ.

Андрей, который не могъ оторвать глазъ отъ нея, нашелъ, что она дьявольски хороша въ эту минуту, и ужасъ охватилъ его, какъ при приближеніи какого-то несчастія. Но почему же лицо его вдругъ подернуло, какъ отъ внезапной боли? Причиной былъ этотъ несносный Жоржъ, который не могъ забыть о своихъ комплиментахъ, даже въ такой неподходящій моментъ.

— Если *нравственная* сила имѣетъ какую-нибудь цѣну, началъ Жоржъ взволнованнымъ голосомъ, то лучшій, величайшій изъ нашихъ дѣятелей оказался бы самонадѣяннымъ глупцомъ, согласившись на такой обмѣнъ съ вами.

Онъ былъ, однако, потрясенъ и говорилъ отъ души, и Андрей былъ несправедливъ къ своему другу, придавая его словамъ такое легкомысленное объясненіе. Въ эту минуту Жоржъ былъ неспособенъ думать о дѣвушкѣ иначе, какъ о дорогомъ товарищѣ. Онъ привѣтствовалъ пробужденіе прекрасной души, и то, что онъ говорилъ, было въ сущности правдой, но высказывался онъ, по своему обыкновенію, въ нѣсколько преувеличенныхъ выраженіяхъ.

Что касается Тани, то на нее слова Жоржа произвели отрезвляющее дѣйствіе. Его преувеличенія показались ей забавными, и она готовилась уже пошутить на его счетъ. Но, посмотрѣвъ ему въ лицо, она внутренно попрекнула себя за свое намѣреніе и даже почувствовала къ нему нѣжность. Она крѣпко пожала ему руку.

— Какой вы добрый, Жоржъ! Но довольно объ этомъ, сказала она.

— Что съ вами? обратилась Лена въ то же время къ своему сосѣду. Вы такъ поблѣднѣли.

— Неужели? пробормоталъ Андрей. Должно быть, это отраженіе зеленыхъ деревьевъ.

Но то не было отраженіемъ зеленыхъ деревьевъ; оно-то, скорѣе, скрывало мертвенную блѣдность его лица. Въ этотъ самый моментъ острое чувство ревности сорвало повязку съ его глазъ. Онъ увидѣлъ, какъ при свѣтѣ молніи, что собственно онъ испытывалъ по отношенію къ Танѣ со дня ихъ первой встрѣчи. Да онъ любилъ эту дѣвушку, любилъ ея лицо, ея платье, любилъ самую землю, которой она касалась! И въ то же время мучительное сознаніе, точно ножомъ, рѣзнуло его по сердцу: если она полюбитъ кого-нибудь, то непремѣнно этого медоточиваго краснобая, который теперь былъ положижтельно ненавистенъ Андрею. Непреодолимая, бѣшеная ревность охватила его; ему стоило большихъ усилій усидѣть на стулѣ и не потерять самообладанія. Онъ боялся, что выдастъ себя, если останется дольше.

— Мнѣ пора идти, сказалъ онъ глухимъ голосомъ. Ему стало душно въ комнатѣ.

— Развѣ такъ поздно? удивилась Таня.

Взглянувъ на свои элегатные маленькіе часики, она рѣшила, что и ей нужно уходить.

— Вы проводите меня, надѣюсь? обратилась она къ Андрею и Жоржу.

Андрей молча поклонился. Конечно, онъ пойдетъ ее провожать. Онъ хочетъ быть съ ней и слышать ея бесѣды съ Жоржемъ. Въ немъ кипѣла жажда самоистязанія, ему доставляло особое наслажденіе вонзать все глубже и глубже острый ножъ въ свою рану. Онъ ни за что на свѣтѣ не отказался бы отъ этого мучительнаго наслажденія. Да онъ бы и не могъ, если бы захотѣлъ. Онъ потерялъ свою независимость. Онъ больше не принадлежалъ самому себѣ. Черные глаза Тани увлекали его за собой. Онъ не могъ уйти, пока она позволяла ему оставаться.

Жоржъ говорилъ всю дорогу съ Таней, но Андрей почти не раскрывалъ рта.

Каждое слово Жоржа злило его. Послѣ замѣчанія Тани, Жоржъ не возобновлялъ своихъ комплиментовъ, но они чувствовались въ тонѣ, какимъ онъ говорилъ, въ его взглядахъ, въ жестахъ, и все это въ высшей степени раздражало Андрея.

Они попрощались съ Таней у ея дверей и направились домой. Такъ какъ было еще не очень поздно, а ночь была дивная, то Жоржъ предложилъ идти пѣшкомъ.

Андрей согласился. Ему было все равно.

— Ну, развѣ я не былъ правъ, когда говорилъ.... началъ, было, Жоржъ, сводя разговоръ на обычную тему.

— Оставь, пожалуйста! прервалъ Андрей, Мнѣ это надоѣло.

Онъ впалъ въ прежнее угрюмое молчаніе, отвѣчая короткими, односложными звуками на вопросы Жоржа. Онъ былъ сердитъ, раздраженъ, несчастенъ. Сдѣланное имъ сегодня роковое открытіе ставило его въ новыя отношенія къ Жоржу и причиняло ему острую боль.

Поведеніе Жоржа представлялось ему крайне предосудительнымъ. Андрей не вѣрилъ въ серьезную привязанность его къ Танѣ. Какъ могъ онъ любить дѣвушку, которую даже не далъ себѣ труда понять? Все это была его фантазія, пустой фейерверкъ, порожденный богатымъ поэтическимъ воображеніемъ. Жоржъ сдѣлалъ бы лучше, еслибъ довѣрялъ свои изліянія перу и бумагѣ, чѣмъ вбивать ихъ въ голову молодой, неопытной дѣвушкѣ.

Все это Андрей высказалъ бы своему другу еще вчера. Но теперь, когда онъ убѣдился, какъ онъ самъ жестоко запутался, говорить въ такомъ тонѣ было невозможно. Отнынѣ ему оставалось напустить на себя личину двоедушія. Ихъ отношенія, до сихъ поръ столь откровенныя и прямыя, сразу пріобрѣли отпечатокъ неискренности. Это было для него тяжелѣе полнаго разрыва.

Наконецъ, они должны были распрощаться.

— Я зайду къ тебѣ завтра утромъ, сказалъ Жоржъ.

Не уходи изъ дому, мнѣ хочется прочесть тебѣ коечто изъ моихъ новыхъ вещей.

„Гимнъ въ честь Тани, бьюсь объ закладъ“, подумалъ Андрей, но, совладавъ съ собой, сказалъ:

— Развѣ ты не можешь послать прямо въ типографію?

Это было уже слишкомъ! Жоржъ почувствовалъ себя задѣтымъ за живое, и поперечныя складки появились на его лбу подъ шляпой.

— Конечно, не могу, или вѣрнѣе, не хочу, сказалъ онъ полу-обиженнымъ, полу-удивленнымъ тономъ. Я никогда не довѣряю собственнымъ сужденіямъ о своихъ вещахъ.

— Ладно, значитъ до завтра! сказалъ Андрей.

Это касалось, нѣкоторымъ образомъ, дѣла, и онъ счелъ своею обязанностью исполнить просьбу товарища.

„Что это сегодня съ Андреемъ?“ подумалъ Жоржъ, направляясь домой. „Я никогда не видалъ его въ такомъ состояніи“.

Онъ, вѣроятно, догадался бы въ чемъ дѣло, если бы, при своей тонкой наблюдательности, связалъ въ одно цѣлое нѣкоторыя недомолвки и намеки; но сегодня его душа была слишкомъ полна восторженныхъ ощущеній, чтобы дать ему погрузиться въ холодный анализъ. Слова Тани еще раздавались въ его ушахъ, и лицо, и поза, въ которой она ихъ произнесла, стояли передъ его глазами. Теперь онъ вполнѣ понялъ, что̀ скрывалось за этими словами; и онъ былъ ослѣпленъ тѣмъ, что увидѣлъ. Ему стало стыдно за свою самонадѣянность: онъ думалъ, что самъ поведетъ эту дѣвушку къ самопожертвованію для великаго дѣла.... и онъ — ничто въ сравненіи съ нею! Ему казалось, что только сегодня онъ узналъ, что такое любовь къ женщинѣ. Онъ весь отдался этому новому чувству, погружаясь въ упоительный міръ сновъ, прекрасныхъ, какъ юность, и плѣнительныхъ, какъ дѣйствительность. А надъ ними царила черноокая дѣвушка, задумчиво опершись чудной головой на свою руку.

Очаровательный образъ улыбался ему и наполнялъ

его сердце надеждой. И это нѣжное пожатіе руки!... Кто знаетъ, если не теперь, то, быть можетъ, со временемъ въ ея сердцѣ проснется болѣе глубокое чувство въ отвѣтъ на его горячую привязанность? Зачѣмъ долѣе сдерживать себя и умалчивать о своей любви? Онъ достаточно долго колебался. Могъ-ли онъ сомнѣваться въ себѣ теперь, когда вся душа его превратилась въ одинъ порывъ любви и преклоненія передъ нею?

Онъ рѣшилъ высказать ей все при слѣдующемъ свиданіи.

ГЛАВА X.

Стихи Жоржа.

На слѣдующее утро Жоржъ былъ уже въ комнатѣ своего друга, съ пучкомъ рукописей въ карманѣ. Досада и огорченія Андрея улеглись за ночь, проведенную безъ сна, и, не смотря на усталость, онъ казался довольно бодрымъ. Онъ встрѣтилъ гостя ласково и даже съ нѣсколько преувеличеннымъ радушіемъ. Ничего не подозрѣвавшій Жоржъ приписалъ это желанію загладить вчерашнее.

Обдумывая ночью новое положеніе, въ какое онъ былъ поставленъ своимъ безуміемъ, Андрей окончательно рѣшилъ вопросъ о своихъ отношеніяхъ къ Жоржу. Съ такой тайной въ груди онъ не могъ оставаться съ нимъ въ прежней, тѣсной дружбѣ, — это было бы низостью; а между тѣмъ, онъ скорѣе откусилъ бы себѣ языкъ, чѣмъ покаяться во всемъ Жоржу. Разъ нельзя было сказать правду, — единственное, что ему оставалось дѣлать, это — прекратить интимность съ Жоржемъ и отнынѣ поддерживать лишь просто товарищескія отношенія. Такое рѣшеніе было въ высшей степени тяжело Андрею, но ничѣмъ нельзя было помочь дѣлу, и пришлось на томъ помириться. Жоржъ былъ его единственнымъ другомъ, какъ дружба понимается въ томъ мірѣ, гдѣ они вращались. Теперь, у него этого друга не будетъ, — вотъ и все.

Андрей не часто отступалъ отъ разъ принятаго рѣшенія, но выполнить это послѣднее рѣшеніе ему было очень тяжело. Его чувства не могли сразу привыкнуть къ новымъ отношеніямъ, предписаннымъ всесильнымъ авторитетомъ разума. Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ,

когда его другъ вынулъ свою рукопись и приступилъ къ чтенію.

Жоржъ принесъ съ собою не политическія статьи или памфлеты, которые, по его выраженію, онъ писалъ „въ потѣ лица своего", а плоды досуговъ. Это были стихи, частью лирическіе, частью небольшія поэмы, каждая на особенный сюжетъ, но такъ тѣсно связанныя общей мыслью, что взятыя какъ цѣлое, всѣ стихотворенія казались разрозненными строфами одной поэмы. Въ ней воспѣвалась заря русской революціи, — тотъ періодъ, когда, полная энтузіазма и вѣры, привиллегированная молодежь потокомъ ринулась „въ народъ", проповѣдывать евангеліе соціализма, братства и всеобщаго счастья.

Написанные въ разныя времена и въ разныхъ настроеніяхъ, стихи Жоржа были отрывочны и неровны. Юморъ перемѣшивался съ паѳосомъ, короткія строфы слѣдовали за длинными поэмами. Но эта неправильность и кажущееся отсутствіе единства давали возможность автору отразить болѣе полно всѣ стороны доблестной эпохи, представляющей такой богатый матеріалъ для поэтической обработки.

Въ началѣ шла группа коротенькихъ стихотвореній съ общимъ названіемъ: „Подъ родительскимъ кровомъ". Они изображали внутреннюю жизнь молодой отзывчивой души, страстно жаждущей правды и справедливости и тревожно ищущей выхода изъ унизительныхъ компромисовъ спокойной, богатой жизни посреди голодающихъ милліоновъ. Слѣдующій отдѣлъ, озаглавленный: „Среди полей широкихъ", былъ самый длинный и разнообразный. Въ него вошли воспоминанія о тяжелыхъ трудахъ и чистыхъ радостяхъ первыхъ пропагандистовъ. Къ трудностямъ ихъ образа жизни, какъ простыхъ рабочихъ, авторъ относился легко: тонъ этого отдѣла былъ веселый. Исторія приключеній пропагандистовъ, то трогательныхъ, то комичныхъ, переплеталась съ описаніями деревенской жизни и природы.

Заключительная поэма была самая грустная, и въ художественномъ отношеніи, лучшая изъ всѣхъ. Это

была лебединая пѣсня молодого пропагандиста, наканунѣ его перехода изъ „временной могилы“ — тюремной камеры — въ вѣчную. Пѣсня, написанная въ минорномъ тонѣ, — мягкая и нѣжная, какъ и время, отраженное ею. Художественное чутье Жоржа не позволило ему сдѣлать героя выразителемъ взглядовъ и чувствъ автора. Онъ былъ настоящимъ человѣкомъ своего времени, — однимъ изъ первыхъ пропагандистовъ, еще не озлобленныхъ долгими годами преслѣдованій. Забывая о злѣ, причиненномъ ему, онъ не жаловался и не сожалѣлъ о жизни, скошенной въ пору расцвѣта. Онъ находилъ утѣшеніе въ мысли, что если ему при жизни помѣшали работать для народа, то хоть смертью своею онъ сослужитъ ему службу. Правдивость и искренность Жоржа выступили во всей силѣ въ поэмѣ. Трогательный образъ героя, сраженнаго съ такой безграничной жестокостью, дѣйствовалъ на душу гораздо сильнѣе, чѣмъ самое горячее воззваніе къ возмущенію и мести.

Андрей слушалъ, какъ очарованный, боясь проронить слово. Онъ находился подъ обаяніемъ мелодичныхъ строфъ Жоржа, которыя укротили обуявшаго его злаго духа, и боялся нарушить магическія чары.

Эти пѣсни изъ недавняго прошлаго были для него болѣе, чѣмъ художественными произведеніями; онѣ воскрешали передъ нимъ его собственную жизнь. Онъ и Жоржъ были пропапандистами въ свое время, и прежде чѣмъ сдѣлаться террористами, сами пережили эти чувства. Молодой человѣкъ, умирающій въ тюрьмѣ, воплощалъ, для нихъ, многихъ изъ дорогихъ и незабвенныхъ товарищей, погибшихъ такимъ же образомъ и за то же дѣло. Благородныя и чистыя чувства, вызванныя волшебствомъ поэзіи, успокоили разгоряченный мозгъ Андрея и расположили его лучше къ самому Жоржу. Въ нравственномъ обликѣ обоихъ было слишкомъ много общаго.

Чтеніе продолжалось не болѣе часа. Когда Жоржъ кончилъ, Андрей искренно и горячо выразилъ свое одобреніе. Ничего лучшаго, по его мнѣнію, Жоржъ до сихъ поръ не написалъ. Послѣ нѣсколькихъ критиче-

скихъ замѣчаній и совѣтовъ, Андрей свободно и непринужденно продолжалъ дружескую бесѣду. Жоржу не приходилось болѣе объяснять себѣ поведеніе своего друга, потому что тотъ держался естественно и просто, какъ всегда.

Андрей, однако, отказался пойти прогуляться съ Жоржемъ. Ему необходимо было написать шифрованное письмо, а онъ еще не садился за работу.

Онъ долго стоялъ у окна, на одномъ и томъ же мѣстѣ, послѣ ухода Жоржа, все еще находясь подъ вліяніемъ прослушанныхъ стиховъ. Въ самомъ дѣлѣ, они были очень хороши; талантъ Жоржа быстро развивался, и въ немъ были задатки настоящимъ поэта. Счастливецъ! На немъ была печать избранниковъ. И, вдобавокъ, онъ былъ человѣкомъ съ сердцемъ; его произведенія не могли быть плодомъ одного лишь воображенія. Нужно было глубоко и интенсивно чувствовать все то, что онъ выражалъ въ такихъ задушевныхъ словахъ.

Авторъ отступилъ по немногу на второй планъ. Андрей сталъ думать о человѣкѣ, и его сердечная рана, закрывшаяся было на минуту, раскрылась снова. Но теперь поведеніе Жоржа уже не представлялось ему въ такомъ свѣтѣ, какъ наканунѣ. Такой правдивый, искренній и честный человѣкъ не могъ быть фатомъ. Онъ былъ несправедливъ къ Жоржу. Но какъ объяснить его удивительное непониманіе дѣвушки? Его нелѣпыя преувеличенія? — „Ну, чтожъ, это въ его натурѣ, и ничего съ нимъ не подѣлаешь. Такова его манера относиться ко всему. И всетаки онъ искренно ее любитъ. Развѣ каждый не можетъ любить по своему? И она отвѣтила ему взаимностью. Отчего же нѣтъ? Всякая молодая дѣвушка предпочтетъ поэтическую, восторженную любовь Жоржа неинтересному прозаическому чувству, какое столь же неинтересный и прозаическій человѣкъ, какъ онъ, можетъ предложить“.

„Прочность, постоянство, положительность!“ съ горечью повторялъ Андрей.

Если бы любовь была матеріей, изъ которой дѣлаютъ

платье и обувь, то у него оказалось бы не мало шансовъ на успѣхъ. Но женщины не съ этой точки зрѣнія смотрятъ на любовь, и онѣ совершенно правы. И почему же чувство Жоржа должно непремѣнно оказаться легкомысленнымъ? Конечно, онъ не имѣлъ представленія о настоящей Танѣ, преклоняясь вмѣсто нея кумиру, облаченному въ мишурныя одежды собственнаго издѣлія. Но если онъ никогда и не откроетъ истинной Тани — что за бѣда? Если даже этотъ фантастическій плащъ, съ теченіемъ времени, износится, онъ выкроитъ вмѣсто него новый. Ему это ни по чемъ, и обоимъ имъ такое занятіе доставитъ лишь новое развлеченіе.

Андрей сидѣлъ теперь у стола. Опершись на него локтемъ, онъ уныло разсматривалъ голыя стѣны, обклеенныя дешевыми обоями, и механически старался найти линію, которая раздѣляла бы бы на двѣ симметрическія части безобразный зеленый квадратъ узора. Онъ такъ и не нашелъ ея и перевелъ усталый вглядъ на свой письменный столъ.

Два мѣсяца! Да, всего два мѣсяца прошло со дня ихъ первой встрѣчи. Но онъ успѣлъ узнать ее, какъ будто былъ знакомъ съ нею два года. Онъ сталъ читать въ ея душѣ, почти съ перваго ихъ разговора. Теперь онъ зналъ ее лучше, чѣмъ она сама, и находилъ качества, которыхъ она, изъ скромности, не согласилась бы признать, и недостатки, противъ которыхъ она протестовала бы съ негодованіемъ. И ему трудно было бы рѣшить, чтó ему милѣе въ ней? Онъ любилъ ее такою, какою она была, и не могъ себѣ представить лучшаго существа, разъ оно отличалось бы отъ Тани.

Онъ сталъ припоминать всѣ подробности ихъ короткаго знакомства. Ничто не ускользнуло изъ его памяти: почти каждое слово, ею сказанное, и выраженіе ея лица, возставали передъ нимъ. Никакой надежды. Дружба! Молодыя дѣвушки охотно награждаютъ этимъ чувствомъ друзей любимаго человѣка. Она уже любила Жоржа, раньше ихъ встрѣчи. Онъ нарочно обманывалъ себя, сомнѣваясь въ этомъ хоть на одну минуту. Но, если бы она тогда и не любила, какъ могла бы она колебаться въ выборѣ, теперь?..

Да; все, что есть лучшаго въ жизни, принадлежитъ этимъ баловнямъ судьбы, потому что имъ и безъ того дано многое.

„Что-жъ, пусть будетъ такъ, сказалъ Андрей, и мрачный огонекъ сверкнулъ въ его глазахъ. Цвѣты попадаются и на самыхъ печальныхъ жизненныхъ путяхъ. Пусть ихъ срываютъ другіе и мирно наслаждаются ими; мы же, скромные труженики, удовольствуемся одними терніями и плакаться не будемъ.“

Онъ вздохнулъ и рѣшительно усѣлся за работу. На нѣсколько часовъ онъ переселился въ міръ чиселъ, нашептывая цифры, совѣщаясь съ ключомъ, дѣлая разныя исчисленія, работая съ злостнымъ прилежаніемъ, не поднимая головы. Необходимо было доставить письмо заблаговременно на конспиративную квартиру, потому что человѣкъ, отправлявшійся въ Дубравникъ, уѣзжалъ въ тотъ же день.

На конспиративной квартирѣ онъ засталъ Лену, которая исполняла тамъ свое дежурство.

— Получились вѣсти изъ Дубравника, касающіяся васъ, сказала она.

Она вынула изъ ящика письмо Зины, еще влажное отъ химическаго реактива.

— Вотъ, а тутъ ваше имя, сказала она, указывая на группу цифръ на послѣдней страницѣ.

Андрей прочиталъ слѣдующее: „Дѣло мое осложняется, и Андрей хорошо сдѣлаетъ, если пріѣдетъ“.

Ничего болѣе подходящаго нельзя было придумать, и Андрей тотчасъ же рѣшилъ принять это приглашеніе.

— Что вы на это скажете? спросила Лена сдержанно. Поѣдете?

— Конечно! отвѣтилъ Андрей.

— Я такъ и думала, сказала дѣвушка, нахмурившись.

Андрей зналъ, что Лена не одобряетъ его рѣшенія, и зналъ почему.

— Я долженъ ѣхать, сказалъ онъ, какъ бы извиняясь. Хотя Зина и не настаиваетъ, но я знаю, что она не стала бы звать меня, еслибъ не серьезная необходимость.

— И вы бросите пропаганду между рабочими, когда она у васъ такъ хорошо шла, и все остальное? сердито продолжала Лена, не слушая его. Всегда такъ случается съ нашими революціонерами изъ привиллегированныхъ. Они ждутъ перваго предлога, чтобы броситься въ террористическое предпріятіе.

Лена была „народница“ по убѣжденіямъ или, точнѣе, чистая „пропагандистка“. Соціалистическая пропаганда между крестьянами и рабочими была, по ея мнѣнію, единственная форма дѣятельности, на которой революціонеры должны сосредоточить свою энергію. Не слѣдовало обращать вниманія на преслѣдованія правительства, которыя только отвлекаютъ отъ соціализма въ сторону политической борьбы.

Она очень цѣнила Андрея, какъ одного изъ лучшихъ пропагандистовъ, и сердилась за то, что онъ оставляетъ свою работу, быть можетъ, на всегда. Ничего нѣтъ легче, какъ сломать себѣ шею въ такомъ дѣлѣ, какое затѣвалось въ Дубравникѣ. Она горячо нападала на него, упрекая въ непослѣдовательности.

Андрей добродушно протестовалъ.

— Я охотно продолжалъ бы свою работу здѣсь, говорилъ онъ, но съ нашей стороны было бы постыдно не попытаться освободить товарищей.

— Нѣтъ ничего постыднаго для партіи, если она примѣняетъ свои силы наиболѣе производительно для дѣла, возразила Лена.

— Такъ, по вашему, Борисъ и его товарищи настолько безполезны для дѣла, что ихъ не стоитъ освобождать? рѣзко спросилъ Андрей.

— Они не хуже лучшаго изъ членовъ нашей партіи, возразила Лена, но намъ все время придется слоняться около тюремъ, если мы вздумаемъ освобождать всѣхъ, кто этого заслуживаетъ.

— Самое лучшее, значитъ, оставить ихъ гнить въ тюрьмѣ, не правда-ли? иронически замѣтилъ Андрей.

— Остающіеся въ живыхъ не имѣютъ права рисковать собою, чтобы откапывать мертвецовъ. У нихъ —

— болѣе важное дѣло на рукахъ, отвѣтила Лена, нисколько не смутившись.

— Такъ что вы посовѣтовали бы рудокопамъ, когда ихъ товарищи засыпаны обрушившейся шахтой, продолжать свою работу и не освобождать погребенныхъ, потому что оно связано съ рискомъ? подсказалъ Андрей.

— Оставьте, ради Бога, рудокоповъ въ покоѣ, потому что они ничего не доказываютъ! воскликнула Лена. Сравненіе — не аргументъ. Мы не вѣримъ въ наше дѣло, въ этомъ вся суть. Еслибы мы вѣрили въ него, у насъ хватило бы выдержки не отвлекаться въ сторону.

— Нѣтъ, покорно благодарю, презрительно усмѣхнулся Андрей, не завидую такой телячьей выдержкѣ и не претендую на нее.

Онъ очень разсердился на Лену за ея, какъ онъ называлъ, узкое доктринерство. Лена тоже, въ свою очередь, злилась. Съ самаго утра, по прочтеніи письма Зины, она кипѣла негодованіемъ при одной мысли, что Андрей броситъ свое дѣло. Они чуть-чуть не поссорились, но въ концѣ концовъ помирились.

— Зачѣмъ попусту тратить время на ссоры? сказалъ Андрей. Вы очень хорошо знаете, что я поѣду въ Дубравникъ, что́ бы вы ни говорили. Такъ какъ мнѣ не удастся повидать васъ до отъѣзда, то лучше намъ попрощаться теперь.

Они расцѣловались, хотя Лена все еще дулась на Андрея за его легкомысліе. Но онъ старался смягчить ее, увѣряя, что скоро вернется. Черезъ мѣсяцъ, или около того, онъ явится съ тремя освобожденными товарищами, которыхъ уговоритъ присоединиться къ ея кружку.

Прежде чѣмъ оставить Петербургъ, Андрей привелъ въ порядокъ всѣ свои дѣла, передавъ свой рабочій кружокъ опытному товарищу. Все уладилось такъ быстро, что черезъ два дня онъ уже ѣхалъ въ Дубравникъ и чувствовалъ себя бодрѣе, чѣмъ когда-либо, за послѣднее время.

ЧАСТЬ II.

ПОДЪ ОГНЕМЪ

ПОДЪ ОГНЕМЪ

ГЛАВА I.

Снова Давидъ.

Никто изъ петербуржцевъ не зналъ адреса конспиративной квартиры въ Дубравникѣ. Андрея, поэтому, направили къ двумъ сестрамъ, Маріи и Екатеринѣ Дудоровымъ; у нихъ онъ могъ узнать про Зину.

Не безъ затрудненій добрался онъ до темнаго переулка, гдѣ онѣ жили, и нашелъ ихъ мрачный, не оштукатуренный домъ изъ краснаго кирпича.

На самомъ верху безконечной каменной лѣстницы, съ провалившимися ступеньками, Андрей остановился передъ выкрашенной въ желтую краску дверью.

Квартира, онъ догадывался, была тутъ, потому что выше уже помѣщались одни чердаки.

На его звонокъ отворила дверь высокая, бѣдно-одѣтая дѣвушка, съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица; на видъ ей можно было дать не то двадцать лѣтъ, не то и всѣ тридцать.

— Что вамъ угодно? холодно спросила она, не поднимая глазъ на посѣтителя.

— Сестры Дудоровы здѣсь живутъ? спросилъ Андрей.

— Войдите, сказала дѣвушка.

Андрей вошелъ въ комнату, поразившую даже его привычный глазъ нигилиста своею бѣдностью. За всю мебель, еслибы ее продать, едва можно было выручить нѣсколько рублей.

Комната была раздѣлена на двѣ половины ситцевой

занавѣской. Передняя часть, въ которой очутился Андрей, служила гостинной, а за занавѣской помѣщалась спальня.

— Что вамъ угодно? повторила дѣвушка тѣмъ же холоднымъ тономъ.

— Мнѣ нужно видѣть г-жу Дудорову, сухо отвѣтилъ Андрей.

— Меня или Машу? спросила дѣвушка.

— А, значитъ, вы Катерина Дудорова? сказалъ Андрей. Я имѣю письмо къ вамъ обѣимъ отъ Лены Зубовой. Моя фамилія — Кожуховъ.

Болѣзненное лицо дѣвушки просіяло.

— Какъ я рада! воскликнула она. Садитесь. Я сейчасъ позову сестру.

Она торопливо вышла, и Андрей сѣлъ у непокрытаго стола изъ простаго дерева. Связки рукописей, различныхъ форматовъ и почерковъ, были разбросаны по столу. Въ одномъ концѣ сложены были переписанные на чисто листы.

Андрей зналъ отъ Лены, которой сестры Дудоровы приходились дальними родственницами, что имъ досталось отъ отца маленькое наслѣдство. Но онѣ отдали все, до послѣдней копѣйки, на общее дѣло. Теперь онѣ, очевидно, зарабатывали себѣ хлѣбъ перепиской и другого рода работой. На одномъ изъ стульевъ Андрей замѣтилъ богатое вышиванье — вещь, слишкомъ роскошную и слишкомъ безполезную для личнаго употребленія въ этомъ, болѣе чѣмъ скромномъ, жилищѣ.

Черезъ минуту вбѣжала Маша, извѣщенная сестрой о прибытіи интереснаго гостя изъ Петербурга. Она была старшая, но выглядѣла моложе, благодаря своему оживленному лицу, съ вздернутымъ носикомъ и блестящими карими глазами.

— Мы не ожидали васъ такъ скоро, сказала она. Зина думала, что вы будете здѣсь дня черезъ три. Вы, конечно, хотите сейчасъ же отправиться къ ней?

— Да, если это вамъ удобно.

— О, да! Я черезъ минуту буду готова и провожу васъ. Это не далеко.

Она скрылась за занавѣску, и Андрей слышалъ, какъ она возилась съ переодѣваньемъ.

Сестрамъ очень хотѣлось оставить гостя у себя подольше. Имъ интересно было разспросить петербургскія новости, но онѣ не рѣшались задерживать его.

— Какъ поживаетъ Лена? спросила младшая сестра, оставшаяся съ Андреемъ.

Андрей въ нѣсколькихъ словахъ сообщилъ все, что зналъ про нее.

— Послушайте, Кожуховъ, раздался голосъ Маши изъ-за занавѣски, у насъ есть также адресъ Давида. Я могу васъ свести къ нему, если хотите.

— Давидъ здѣсь? воскликнулъ Андрей, бросая обрадованный взглядъ на занавѣску. Я этого и не подозрѣвалъ. Выходите, однако, скорѣй изъ вашей засады и давайте разговаривать по человѣчески.

— Сію секунду! раздался голосъ Маши, все еще изъ-за занавѣски.

Она вышла изъ своего убѣжища въ другомъ платьѣ. Во рту она держала нѣсколько шпилекъ.

— Давидъ былъ на румынской границѣ, чтобы устроить черезъ своихъ евреевъ перевозку книгъ, сказала Маша, наклонивъ голову и закалывая шпильками свои косы. Онъ остановился здѣсь, по дорогѣ.... право, не знаю, куда.

— Теперь я совсѣмъ готова, прибавила она, надѣвая шляпку. Къ кому же васъ вести — къ Зинѣ или къ Давиду?

Выборъ былъ затруднителенъ.

— Пойдемъ къ тому, кто ближе, сказалъ Андрей.

Оба жили недалеко, но Давидъ оказался ближайшимъ сосѣдомъ.

— Вы на долго въ Дубравникъ? спросила Маша по дорогѣ.

— Не знаю еще.... Это зависитъ отъ обстоятельствъ.... уклончиво отвѣтилъ Андрей.

Онъ не зналъ, состоитъ-ли дѣвушка членомъ мѣстной группы и посвящена-ли она въ дѣло, по которому онъ пріѣхалъ.

— А вы постоянно тутъ живете? спросилъ онъ, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Нѣтъ, мы постоянно живемъ въ деревнѣ, и скоро вернемся туда. Здѣсь же мы поселились на время, чтобы приготовиться къ экзамену на учительницъ; намъ обѣщаны мѣста въ деревенской школѣ.

— Вамъ, вѣроятно, трудно готовиться къ экзаменамъ и въ то же время заниматься перепиской и вышиваньемъ?

Маша улыбнулась.

— Приходилось гораздо труднѣе безъ работы, увѣряю васъ. Теперь намъ отлично живется, продолжала она веселымъ голосомъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы окончательно поселимся въ деревнѣ.

— Вы, я вижу, „народница“, какъ и Лена, замѣтилъ Андрей.

— Да, конечно. А вы? Судя по словамъ Лены, мы и васъ считали народникомъ.

— О, нѣтъ! Я не дохожу до такихъ крайностей.

Онъ сталъ убѣждать свою спутницу, желая обратить ее на путь истины. У нихъ завязался оживленный споръ, но безъ раздраженія и запальчивости: принципіальныя разногласія между „террористами“ и „народниками“ еще не приняли тогда остраго характера. Правда, между ними происходили иногда перепалки, но вообще, обѣ партіи, пока, работали мирно, рука объ руку, часто въ однихъ и тѣхъ же кружкахъ.

Давидъ оказался дома, и въ ту минуту, когда входили гости, игралъ съ сыномъ хозяйки — чумазымъ мальчуганомъ съ большими голубыми глазами и цѣлымъ лѣсомъ бѣлокурыхъ кудрей, который, при видѣ чужихъ, стремглавъ выбѣжалъ изъ комнаты. Какъ и всѣ евреи, Давидъ очень любилъ дѣтей, хотя и былъ, по принципу, противъ семейной жизни.

Онъ остановился въ еврейской гостинницѣ, гдѣ былъ совершенно, какъ дома. Онъ всегда жилъ тамъ, когда пріѣзжалъ въ Дубравникъ, и находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ хозяевами. Никому не приходило

въ голову требовать у него паспорта, и его знали просто подъ имечемъ Давида.

Андрей и Давидъ очень обрадовались другъ другу.

— Ты, братъ, явился какъ разъ во-время. Пріѣзжай ты однимъ днемъ позже, и намъ не удалось бы свидѣться. Я завтра-же уѣзжаю, сказалъ Давидъ.

Маша собралась уходить.

— Прощайте, сказала она Андрею. Надѣюсь, вы не забудете дороги въ нашему дому?

Исполнивъ свою миссію, она хотѣла уйти, чтобы не мѣшать имъ „конспирировать“.

Давидъ остановилъ ее.

— Подождите минутку. Мнѣ нужно узнать отъ васъ, кто изъ вашихъ одесскихъ друзей уцѣлѣлъ послѣ недавнихъ арестовъ, и застану-ли я кого-нибудь изъ нихъ въ живыхъ?

— Развѣ ты ѣдешь въ Одессу, съ изумленіемъ спросилъ Андрей.

— Да, въ Одессу.

— Но вѣдь ты былъ тамъ всего три недѣли тому назадъ. Никогда еще не встрѣчалъ я человѣка съ такой страстью къ разъѣздамъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ.

— Страсть къ разъѣздамъ! воскликнулъ съ негодованіемъ Давидъ. Я просто въ бѣшенство прихожу, какъ подумаю, какую прорву денегъ я истратилъ въ эти двѣ недѣли, не говоря уже о потери времени. И все это — по милости нашихъ нелѣпыхъ народниковъ, къ которымъ эта барышня чувствуетъ такую нѣжность, прибавилъ онъ, кивнувъ въ сторону Маши.

— Бѣдные народники! вздохнула Маша. За все имъ приходится отдуваться.

— Нѣтъ, ты выслушай, горячился Давидъ, схвативъ Андрея за рукавъ. Я имъ твердилъ множество разъ, что буду переправлять черезъ границу сколько-угодно ихъ литературы, что никакихъ тутъ нѣтъ лишнихъ хлопотъ, а наоборотъ, оно расширяетъ наши пограничныя дѣла. Съ ихъ стороны требовалось только покрывать свою долю расходовъ и держать человѣка для пріемки транс-

портовъ. Ну, этого обязательства они никогда не выполняли! прибавилъ онъ, глядя съ укоризной на Машу. И я вынужденъ былъ самъ доставлять ихъ книжки въ городъ. Тѣмъ не менѣе, я продолжалъ работать для нихъ, и все обстояло благополучно. Но вотъ, на грѣхъ, нѣсколько недѣль тому назадъ имъ удалось завербовать въ члены своей группы нѣкоего Аврумку Блюма, — круглаго дурака, долженъ сознаться, хотя онъ и еврей. Ты, кажется, испыталъ это на себѣ?

Андрей кивнулъ головой, улыбаясь.

— Не знаю, потому-ли, что народники нашли его достаточно умнымъ для себя, или по другой причинѣ, только — разъ завелся у нихъ собственный еврей, они вздумали открыть и собственную границу.

— Давидъ, Давидъ! старалась протестовать Маша.

— Нѣтъ, дайте мнѣ договорить; слово будетъ за вами, потомъ. Отправляютъ Аврумку въ Кишиневъ, снабдивъ деньгами, и онъ устраиваетъ перевозку книгъ, условившись платить... тутъ Давидъ остановился, чтобы подготовить драматическій эффектъ, — по восемьнадцати рублей съ пуда!

Онъ молча посмотрѣлъ на Андрея, потомъ на Машу, потомъ опять на Андрея.

Маша показалась ему достачно потрясенной, но на Андрея его слова не произвели никакого воздѣйствія, такъ какъ онъ не имѣлъ никакого понятія о цѣнахъ.

— Восемьнадцать рублей съ пуда! Вѣдь это неслыханное дѣло. Я никогда не плачу больше шести, возмущался Давидъ. Платить такія цѣны — чистый позоръ. Это портитъ границу. Къ контрабандистамъ потомъ приступа не будетъ....

Онъ горячился и сопровождалъ свою рѣчь странной еврейской жестикуляціей, возвращавшейся къ нему въ минуты сильнаго возбужденія.

— Само собою разумѣется, продолжалъ онъ болѣе спокойнымъ тономъ, я поднялъ шумъ, какъ только узналъ объ этомъ. Я снова взялъ перевозку на себя, и мнѣ пришлось съѣздить на границу, чтобы привести все въ порядокъ.

— И ты все уладилъ, конечно? спросилъ Андрей.

— Да, но не знаю, на долго-ли. Я не увѣренъ, что они не выкинутъ такой же штуки со мной, если найдутъ другого еврея, — скажемъ, поумнѣе Аврумки.

— Какъ вамъ не стыдно, Давидъ! вмѣшалась Маша. Вѣдь я слышала объ этой исторіи отъ одесситовъ.

— Ну и что-жъ? по вашему не такъ?

— Конечно, нѣтъ! Ваша граница — нѣмецкая; до нея очень далеко, и у нихъ нѣтъ тамъ никого изъ своихъ людей, тогда какъ румынская граница — совсѣмъ рядомъ, и въ Каменцѣ есть вѣтвь кружка. Отсюда же рукой подать до Каменца. Вотъ почему они послали Блюма попытать счастья. Никакого тутъ не было недостатка довѣрія къ вамъ и ни малѣйшаго желанія хвастнуть собственной границей.

Давидъ сдѣлалъ пренебрежительный жестъ рукой.

— Ладно, ладно! Стараго воробья на мякинѣ не проведешь. Я-то знаю, въ чемъ дѣло. Скажите лучше, гдѣ найти вашего Аврумку; мнѣ нужно сообщить ему о результатахъ моей поѣздки.

Маша дала ему адресъ.

— Теперь мнѣ пора собираться. У меня свиданіе съ Зиной.

Онъ вытащилъ свой неизмѣнный холщевый сакъ-вояжъ и сталъ въ немъ рыться. Не находя, впрочемъ, того, что ему понадобилось, онъ началъ, понемногу, выпоражнивать все содержимое на диванъ. Рубашка, губка, щетка для волосъ, маленькая подушка, томъ нѣмецкаго романа, пара носковъ, нѣсколько жестянокъ появлялись одно за другимъ. Оказалась полная экипировка человѣка, проводящаго бо́льшую часть своей жизни въ вагонѣ.

— Мой сакъ-вояжъ имѣетъ удивительную особенность: все нужное въ данную минуту всегда оказывается на самомъ днѣ, произнесъ Давидъ, когда, наконецъ, на диванѣ появилась маленькая шкатулка швейцарской рѣзной работы.

Въ ней хранились бѣлыя и черныя нитки, цѣлый ассортиментъ пуговицъ, игольникъ, наперстокъ и нож-

ницы. Тогда Давидъ взялъ пальто и усѣлся портняжничать.

— Дайте, я вамъ зашью, предложила Маша.

— Нѣтъ, я гораздо лучше сдѣлаю. Женская работа — не прочная, отвѣчалъ Давидъ.

Чтобы не сидѣть безъ дѣла, Андрей началъ складывать вещи Давида обратно въ сакъ-вояжъ. Между ними оказался маленькій зеленый мѣшочекъ, шести-семи вершковъ въ длину. Когда Андрей взялъ его въ руки, изъ него вывалился странный предметъ. Сначала онъ подумалъ, что это — дѣтская игрушка, купленная Давидомъ для одного изъ своихъ любимцевъ: къ миніатюрному пьедесталу былъ прикрѣпленъ маленькій деревянный кубикъ, и отъ него шли два толстыхъ ремня.... Но въ мѣшочкѣ лежалъ кусокъ шерстяной матеріи, бѣлой съ черными полосами, и Андрей тотчасъ же узналъ молитвенную принадлежность евреевъ. Онъ какъ-то разъ ходилъ въ еврейскую синагогу и теперь былъ увѣренъ, что не ошибся въ своей догадкѣ. Деревянный кубикъ изображалъ алтарь, который евреи прикрѣпляютъ ко лбу во время чтенія молитвъ; а полосатая шаль была — священный *талесъ*, надѣваемый на голову и плечи.

— Посмотрите, что у него тутъ такое! обратился Андрей къ Машѣ, показывая ей кубикъ и шаль.

Оба расхохотались. Имъ забавно было видѣть эти вещи у Давида, — атеиста, какъ и всѣ они.

— Это мой паспортъ въ дорогѣ, спокойно замѣтилъ Давидъ, и я никогда съ нимъ не разстаюсь. Волшебное средство, чтобы прогонять полицію и шпіоновъ, когда имъ приходитъ въ голову заподозрить меня, что я нигилистъ.

Онъ улыбнулся, откусывая нитку своими бѣлыми зубами.

— Теперь пойдемъ къ Зинѣ, прибавилъ онъ. Я готовъ предстать передъ начальствомъ.

Маша попросила кланяться Зинѣ, а также и Анютѣ.

— Кто эта Анюта? спросилъ Андрей, когда они остались вдвоемъ.

— Анна Вуличъ, твоя старая знакомая. Ты съ нею

встрѣтился на границѣ, неужели забылъ? Она говоритъ, что хорошо тебя помнитъ. Въ Швейцаріи она не зажилась и теперь исполняетъ роль горничной въ конспиративной квартирѣ.

— Ахъ, да! сказалъ Андрей. Я очень хорошо ее помню. Только благоразумно-ли съ вашей стороны поручать молодой неопытной дѣвушкѣ такую серьезную обязанность?

— Сперва я тоже думалъ; но она прекрасно выполняетъ свою роль. Выборъ, впрочемъ, сдѣланъ Зиной, а она, знаешь, мастеръ узнавать людей и привязывать ихъ къ себѣ.

ГЛАВА II.

Конспиративная квартира.

Черезъ нѣсколько часовъ, въ этотъ же день, состоялось нѣчто вродѣ военнаго совѣта въ маленькой квартирѣ Зины, въ одномъ изъ предмѣстій Дубравника. Только четверо присутствовали на немъ: Зина, Вуличъ, Давидъ и Андрей.

Вуличъ принимала мало участія въ разговорѣ. Опустившись въ глубокое кресло, такъ что ея маленькія ножки болтались въ воздухѣ, она внимательно слушала, переводя свои быстрые каріе глаза отъ одного собесѣдника къ другому.

Зина объясняла Андрею планъ побѣга и совѣтовалась съ нимъ.

— Вы только-что пріѣхали, со свѣжей головой, — вы лучше можете судить, говорила она.

Андрей, долго и молча, разсматривалъ планъ тюрьмы, наскоро сдѣланный для него Зиной.

— Ну скажите же что-нибудь, Бога ради! не вытерпѣла она. Что вы сидите, точно громомъ поражены?

— Говоря по правдѣ, вымолвилъ наконецъ Андрей, мнѣ вашъ планъ не нравится. Очень уже много совпаденій. Такіе проекты никогда не удаются. Все это слишкомъ сложно; малѣйшая проруха въ чемъ-нибудь можетъ погубить все дѣло. Кромѣ того, и по сущности этотъ планъ несостоятеленъ. Вотъ вамъ мое мнѣніе.

Все предпріятіе держалось на помощи уголовныхъ заключенныхъ, съ которыми политическимъ удалось войти въ тайныя сношенія. Одинъ бывшій разбойникъ, прозванный Беркутомъ, а другой — воръ, по имени Куницынъ, вызвались содѣйствовать побѣгу Бориса и

его друзей. Ихъ предложенiе было принято. Подкопъ, черезъ который предполагалось бѣжать, быстро подвигался впередъ, и черезъ недѣлю былъ бы готовъ. Его рыли Беркутъ и Куницынъ: ихъ камера была въ нижнемъ этажѣ, между тѣмъ какъ политическiе, за которыми надзоръ былъ гораздо строже, содержались въ верхнемъ этажѣ тюрьмы.

Когда все будетъ готово, въ назначенный часъ, ночью, политическiе отмычкой откроютъ двери своихъ камеръ и сойдутъ внизъ, къ уголовнымъ, а оттуда пройдутъ въ подкопъ.

Опасность заключалась не въ томъ, что двое уголовныхъ играли такую важную роль въ предполагавшемся побѣгѣ. Въ этомъ не было ничего необыкновеннаго. Политическiе заключенные, содержимые въ тюрьмахъ съ уголовными, часто прiобрѣтаютъ сильное и благотворное влiянiе на послѣднихъ, пробуждая въ нихъ лучшiя нравственныя чувства и иногда вербуя между ними горячихъ друзей. Беркутъ и Куницынъ были преданы Борису душою и тѣломъ, и не разъ доказали, что имъ можно довѣриться. Но въ ихъ камерѣ было еще пятнадцать арестантовъ, и они, по необходимости, были посвящены въ тайну подкопа. Конечно, они не знали, что его роютъ для политическихъ: Беркутъ и Куницынъ заявили, что сами собираются бѣжать, а арестантская братiя хорошо умѣетъ хранить свои тайны. Однако, стоило кому-нибудь напиться контрабандной водкой, и роковое слово могло сорваться въ присутствiи сторожей. Наконецъ, большую опасность представлялъ спускъ съ верхняго этажа по корридорамъ, охраняемымъ днемъ и ночью.

— Все это крайне рисковано, сказалъ Андрей въ заключенiе. Ихъ, навѣрное, арестуютъ во время странствованiй по этажамъ, если не раньше.

— Какой побѣгъ не связанъ съ большимъ рискомъ, Андрей? возразила Зина. Позвольте, я покажу вамъ, что эти странствованiя, какъ вы ихъ называете, вовсе не такъ опасны.

Она взяла новый листъ бумаги и набросала планъ

внутренности тюрьмы, которую она знала до мельчайшихъ подробностей.

Всего, политическихъ заключенныхъ въ ней содержалось въ то время девять человѣкъ. Ихъ камеры находились въ двухъ смежныхъ корридорахъ, расположенныхъ подъ прямымъ угломъ въ сѣверо-западной части зданія. Борисъ и его двое товарищей помѣщались, къ счастью, въ одномъ корридорѣ. Послѣ полуночнаго обхода, Залѣсскій, одинъ изъ заключенныхъ въ смежномъ корридорѣ, привлечетъ къ своей двери надзирателя, приставленнаго спеціально къ политическимъ, и вступитъ съ нимъ въ бесѣду. Онъ нарочно продѣлалъ это нѣсколько разъ, чтобы тотъ не заподозрилъ никакого умысла. Зина показала на планѣ, что, стоя у дверей Залѣскаго, надзиратель не можетъ видѣть, что дѣлается въ другомъ корридорѣ. Двери и замки камеры будутъ тщательно смазаны масломъ, и бѣглецы выйдутъ безъ сапогъ.

Выйдя изъ своихъ камеръ, имъ придется открыть отмычкой дверь на лѣстницу и спуститься въ этажъ къ уголовнымъ арестантамъ. На весь нижній этажъ полагается одинъ часовой, и онъ все время ходитъ кругомъ, такъ что имъ нужно будетъ уловить моментъ, когда онъ скроется изъ виду. Тогда они проберутся въ камеру Беркута и Купицына, которые ихъ будутъ ждать и укажутъ отверстіе подкопа.

— А куда выходитъ подкопъ? спросилъ Андрей.

— Сюда, отвѣтила Зина, указывая мѣсто на первомъ планѣ, за внѣшней стѣной тюрьмы.

— А часовой гдѣ?

— Здѣсь.

Она отмѣтила точку на линіи стѣны, очень близко отъ отверстія подкопа.

— Вотъ видите! воскликнулъ Андрей. Они выйдутъ подъ самымъ носомъ у часоваго.

Онъ попросилъ Давида и Вуличъ взглянуть на планъ, какъ бы призывая ихъ въ свидѣтели.

— Еслибъ вамъ поручили размѣщеніе часовыхъ, то вы бы, конечно, разставили ихъ такъ, чтобы устранить

всѣ препятствія, сказала Зина, теряя терпѣніе. Но разъ это не такъ, то необходимо примѣняться къ обстоятельствамъ и мириться съ тѣмъ, чего нельзя измѣнить.

Зина умѣла также хорошо схватывать подробности, какъ и Андрей, но разница была въ ихъ темпераментахъ. Андрей могъ быть отваженъ до безумія, въ дѣлѣ, которое принималъ горячо къ сердцу; но ему нужно было время, чтобы привести себя въ такое состояніе. Первое, что всегда бросалось ему въ глаза, это были препятствія. Зина, наоборотъ, воодушевлялась сразу и не остывала до конца. Когда они оба участвовали въ какомъ-нибудь дѣлѣ, то неизбѣжно ссорились.

— Что-жъ, попробуемъ счастья, сказалъ Андрей. Мы должны устроить, какъ можно лучше. Что касается часоваго, то мнѣ пришла въ голову идея.... Но прежде всего я долженъ самъ осмотрѣть мѣсто. Скажите, какая будетъ моя роль?

Зина объяснила ему. За тюрьмой, недалеко отъ выхода, бѣглецовъ должна ожидать коляска, которая доставитъ ихъ въ безопасное мѣсто. Василій, умѣвшій хорошо править и знавшій прекрасно городъ, предназначался кучеромъ. Но было рѣшено имѣть еще одного надежнаго человѣка на мѣстѣ, чтобы помочь бѣгущимъ сѣсть въ коляску и защитить ихъ въ случаѣ нападенія.

Андрей одобрительно кивнулъ головой.

— Это основательно, произнесъ онъ. Мало-ли что можетъ случиться!

На слѣдующій день Андрей долженъ былъ осмотрѣть мѣстность, вмѣстѣ съ Василіемъ. Этимъ совѣщаніе кончилось.

— Гдѣ бы мнѣ тебя повидать завтра? спросилъ Давидъ Андрея передъ уходомъ.

— Не имѣю понятія. Спроси Зину. Я — въ ея распоряженіи.

— Приходите завтра утромъ къ Рохальскому, сказала Зина. Мы всѣ тамъ соберемся. Тогда же вы узнаете, какъ Андрей устроился съ Василіемъ. Они будутъ жить вмѣстѣ.

Василій занималъ маленькую комнату на постояломъ

дворѣ, гдѣ помѣщалась его лошадь. Онъ выдавалъ себя за кучера и слугу небогатаго купца, который застрялъ на ярмаркѣ въ Ромнахъ и скоро долженъ пріѣхать.

Андрею приходилось съиграть роль мнимаго купца, и онъ долженъ былъ запастись платьемъ, соотвѣтствующимъ его паспорту и общественному положенію: ему нуженъ былъ длинный кафтанъ, высокіе сапоги, фуражка, жилетъ извѣстнаго покроя и т. п. Василій, тѣмъ временемъ, могъ извѣстить содержателя постоялаго двора о скоромъ пріѣздѣ своего хозяина.

Давиду поручено было немедленно сообщить Василію о пріѣздѣ Андрея. Завтра, у Рохальскаго, они окончательно условятся насчетъ слѣдующаго дня, когда Андрей водворится на постояломъ дворѣ.

Самъ Василій никогда не приходилъ къ Зинѣ на домъ, и прямыхъ сношеній между обѣими квартирами не полагалось. Убѣжище Василія было только временное, такъ какъ полиція легко будетъ напасть на его слѣдъ, едва только побѣгъ станетъ извѣстнымъ. Постоялый дворъ рѣшено было покинуть, вмѣстѣ съ лошадью и коляскою, въ ту же ночь, какъ совершится побѣгъ, Василій же и Андрей должны были скрыться въ другомъ мѣстѣ. Что касается освобожденныхъ, то они спрячутся въ домѣ у Зины, гдѣ и будутъ сидѣть безвыходно, пока полиція будетъ рыскать по городу, разыскивая ихъ. Было, слѣдовательно, весьма важно, чтобы домъ Зины не имѣлъ никакихъ сношеній съ постоялымъ дворомъ и вообще оберегался отъ всего, что могло бы возбудить подозрѣніе. Обѣ женщины жили почти въ полномъ уединеніи. Всѣ участвующіе въ затѣваемомъ предпріятіи встрѣчались на улицахъ, или въ городскомъ саду, гдѣ обмѣнивались краткими сообщеніями: если же нужно было обсудить что-нибудь сообща, они назначали свиданіе у знакомыхъ и друзей, въ родѣ Рохальскаго.

— Гдѣ же я буду ночевать? спросилъ Андрей по уходѣ Давида.

— На сегодня, пожалуй, оставайтесь здѣсь.

Андрей радъ былъ бы случаю побыть подольше въ обществѣ Зины, но счелъ неблагоразумнымъ оставаться,

— съ дѣловой точки зрѣнія. На слѣдующее утро назначено было собраніе у Рохальскаго, на которомъ онъ долженъ былъ присутствовать, и ему пришлось бы выходить изъ дома и возвращаться среди бѣла-дня. Его могутъ замѣтить и заподозрить, что въ домѣ кто-то скрывается.

— Въ такомъ случаѣ, я васъ провожу сейчасъ же къ Рохальскому, сказала Зина. Онъ съ удовольствіемъ пріютитъ васъ на ночь, и вы будете на лицо къ завтрешнему собранію.

Рохальскій былъ человѣкъ со средствами, веселаго нрава, либералъ, и поддерживалъ дружескія сношенія съ революціонерами. Онъ жилъ широко, гостепріимно, никогда не имѣлъ столкновеній съ полиціей, и домъ его считался однимъ изъ самыхъ безопасныхъ въ Дубравникѣ.

Приближаясь къ новому, большому дому, на одной изъ тихихъ улицъ аристократическаго квартала, Зина указала Андрею на рядъ освѣщенныхъ оконъ въ третьемъ этажѣ.

— Мы застанемъ его дома. У него, очевидно, гости, сказала она.

— Однако въ Дубравникѣ рано собираются по вечерамъ, да и народъ скуповатый у васъ, замѣтилъ Андрей; ни одной кареты или извощика не видать у подъѣзда.

— Кто побѣднѣе, выбрался раньше и пѣшкомъ, сказала Зина.

Когда они подошли поближе, Андрей замѣтилъ въ домѣ черезъ улицу, въ одномъ изъ оконъ перваго этажа, двухъ пожилыхъ дамъ, смотрѣвшихъ вверхъ, какъ будто по направленію квартиры Рохальскаго. Обѣ, казалось, были очень заинтересованы происходившимъ въ домѣ насупротивъ. Подозрѣніе мелькнуло въ головѣ Андрея.

— Подождите минутку, сказалъ онъ Зинѣ. Чѣмъ намъ идти вдвоемъ, пустите меня сперва на развѣдки. Мнѣ кажется, тутъ что-то неладно.

— Полноте! Домъ Рохальскаго совершенно безопасенъ, сказала Зина, направляясь къ подъѣзду.

Входныя двери были раскрыты настежь. На подъѣздѣ и по бѣлой каменной лѣстницѣ виднѣлись слѣды ногъ, показавшіеся Андрею слишкомъ большими и слишкомъ многочисленными.

Когда Зина направилась къ дверямъ, Андрей схватилъ ее подъ руку и насильно увелъ ее въ сторону.

— Очень можетъ быть, что у Рохальскаго все обстоитъ благополучно, сказалъ онъ. Вѣрнѣе всего, что вы правы. Но что вамъ стоитъ подождать минуты двѣ-три на улицѣ, пока я удостовѣрюсь?

Странное упорство овладѣло имъ. Эти незначительные симптомы, схваченные больше внѣшними чувствами, и слишкомъ слабые, чтобы принять опредѣленную форму въ умѣ, вызвали въ Андреѣ то, что суевѣрные люди называютъ предчувствіемъ. Но Зина ничего подобнаго не почувствовала, и настаивала на своемъ, приводя въ доказательство, что вчера еще была у Рохальскаго.

— Пустяки! прибавила она, выдергивая руку.

— Если вы не пустите меня одного, я совсѣмъ не пойду, рѣшительно заявилъ Андрей.

Зина пожала плечами и взглянула ему въ лицо, въ концѣ концовъ сильно пораженная его настойчивостью.

— Если въ самомъ дѣлѣ ваши подозрѣнія основательны, сказала она, то и вамъ не слѣдуетъ идти. Лучше погуляемъ взадъ и впередъ по улицѣ; авось все выяснится.

Такъ поступить, было бы всего благоразумнѣе. Но отъ людей нельзя ждать постояннаго благоразумія. Пьяница, храбро миновавшій одинъ кабакъ, тѣмъ сильнѣе рискуетъ при видѣ слѣдующаго. Человѣкъ, который можетъ поздравить себя съ первымъ осторожнымъ шагомъ, чувствуетъ тѣмъ бо́льшее искушеніе сдѣлать второй шагъ, совершенно безразсудный.

Андрей и Зина помѣнялись теперь ролями.

— Не зачѣмъ поднимать исторіи изъ-за такого пустяка. Мы можемъ такъ провести цѣлые часы на улицѣ, не убѣдившись ни въ чемъ. Подождите меня вотъ у этого угла; я вернусь черезъ минуту.

Онъ вошелъ въ подъѣздъ. Не было видно ни души.

Мертвая тишина царила во всемъ домѣ. Когда онъ поднялся до перваго этажа, дверь одной изъ квартиръ, выходящихъ на площадку, тихонько отворилась. Сморщенное, безбородое лицо, не то старика, не то женщины — Андрей не могъ разобрать — высунулось оттуда, быстро и внимательно взглянуло на него и моментально скрылось. Онъ слышалъ, какъ дверь заперли извнутри и задвинули засовы.

„Странно!“ Андрей поднялся выше, ступая какъ можно осторожнѣе, но не обнаруживая въ то же время нерѣшительности. Во что бы то ни стало, необходимо было удостовѣриться, — безопасно-ли у Рохальскаго, въ виду предстоявшаго на завтра собранія.

Онъ быстро составилъ себѣ планъ дѣйствія. Онъ пройдетъ мимо третьяго этажа и подымется до четвертаго; узнавъ, кто тамъ живетъ, спустится къ квартирѣ Рохальскаго и позвонитъ. Если ему отворитъ полиція, онъ назоветъ фамилію верхнихъ жильцовъ, какъ будто ошибся дверью. На всякій случай, Андрей отстегнулъ чехолъ своего револьвера и выдвинулъ немного кинжалъ, висѣвшій у него сбоку, чтобы имѣть оружіе подъ рукою.

Поднявшись до третьяго этажа, гдѣ виднѣлась мѣдняя дощечка на дверяхъ Рохальскаго, Андрей остановился на минутку. Онъ былъ въ нерѣшимости, идти-ли дальше, или нѣтъ? Его планъ былъ хорошъ въ теоріи, но съ нимъ онъ рисковалъ отрѣзать себѣ отступленіе. Онъ внутренно упрекалъ себя за то, что не спросилъ про верхнихъ жильцовъ у Зины, которая случайно могла знать ихъ имя. Но шумъ быстро отодвигаемыхъ засововъ за дверьми и характерное бряцаніе шпоръ и сабель, разрѣшили всѣ сомнѣнія. Полиція находилась въ квартирѣ Рохальскаго. Четверо жандармовъ стояло наготовѣ въ передней, съ инструкціей арестовать всякаго, кто явится.

Они слышали осторожные шаги Андрея и ждали только его звонка, чтобы, открывъ двери, броситься на него. Но такъ какъ онъ медлилъ, то они побоялись,

что онъ, пожалуй, уйдетъ, и рѣшили выйти изъ своей засады.

Прежде чѣмъ они успѣли открыть двери, Андрей, однако, обогнулъ выступъ лѣстницы и, какъ мячъ, покатился внизъ. Онъ не видѣлъ жандармовъ, но слышалъ ихъ крики, топотъ ихъ ногъ и бряцаніе сабель, когда они бросились за нимъ. Началась бѣшеная погоня, въ которой преслѣдователи и преслѣдуемый не видѣли, а только слышали другъ друга. Но шансы были не равны между неуклюжими солдатами, съ ихъ длинными кавалерійскими саблями, и проворнымъ молодымъ человѣкомъ, какъ Андрей, которому теперь очень пригодилась ловкость, пріобрѣтенная въ горныхъ экскурсіяхъ. Перепрыгивая по шести-семи ступенекъ заразъ, онъ опередилъ жандармовъ на цѣлый этажъ. Внезапная мысль осѣнила его при видѣ газоваго рожка. Онъ закрутилъ газъ. На слѣдующей площадкѣ онъ сдѣлалъ тоже самое и, быстрымъ движеніемъ, опрокинулъ на лѣстницу длинную деревянную скамью, стоявшую у стѣны. На лѣстницѣ воцарилась темнота, и его преслѣдователи замедлили погоню, въ чемъ Андрей убѣдился по затихавшему шуму. Затѣмъ онъ услыхалъ, къ своему удовольствію, какъ кто-то споткнулся объ его импровизированную баррикаду и тяжело упалъ съ громкими ругательствами. Шумъ почти прекратился; жандармы спускались съ большой осторожностью, опасаясь новыхъ приключеній. Андрей потушилъ газъ и въ подъѣздѣ и, выйдя на улицу, захлопнулъ за собою входную дверь, оставивъ такимъ образомъ полицію въ совершенной темнотѣ.

Зина, дожидавшаяся шаговъ за сто отъ дома, не могла слышать шума на лѣстницѣ. Андрей вернулся, по ея мнѣнію, слишкомъ скоро.

Но когда онъ сталъ подходить, хотя и ускореннымъ, но ровнымъ шагомъ, безъ всякихъ признаковъ возбужденія на лицѣ, она двинулась къ нему на встрѣчу.

Андрей остановилъ ее жестомъ.

— Жандармы! шепнулъ онъ, подходя къ ней ближе. Затѣмъ, онъ самымъ любезнымъ образомъ предложилъ

ей руку и повелъ ее по направленію къ дому, гдѣ жилъ Рохальскій. Такъ какъ жандармы могли каждую минуту выбѣжать оттуда, то лучше было встрѣтиться съ ними лицомъ, чѣмъ имѣть ихъ за спиною.

Зина не возражала. Она сразу догадалась, въ чемъ состоитъ тактика Андрея и сразу ее одобрила.

Они не успѣли сдѣлать десяти шаговъ, какъ дверь съ шумомъ распахнулась и оттуда выскочило четверо взъерошенныхъ жандармовъ, причемъ одинъ изъ нихъ закрывалъ платкомъ свой окровавленный носъ. Они растерянно смотрѣли во всѣ стороны и, не видя никого на улицѣ, кромѣ медленно идущихъ имъ на встрѣчу, прилично одѣтыхъ господина съ дамою, подбѣжали къ нимъ.

— Ваше благородіе, быстро проговорилъ одинъ изъ нихъ, не замѣтили-ли вы бѣжавшаго человѣка?

— Изъ этой двери? спросилъ Андрей, указывая на дверь Рохальскаго.

— Да, да!

— Съ рыжей бородой, въ сѣрой шляпѣ?

— Да, нѣтъ.... все равно! Куда онъ побѣжалъ?

— Сюда — Андрей указалъ на улицу за собою — онъ только-что пробѣжалъ мимо насъ и, навѣрное, завернулъ въ первую улицу направо. Вы еще его поймаете... только бѣгите пошибче.

Они помчались и скоро исчезли изъ виду.

Зина и Андрей продолжали спокойно идти подъ руку. Завернувъ за уголъ, Зина наняла проѣзжавшаго извощика и дала ему первый попавшійся адресъ, желая, какъ можно скорѣе, выбраться изъ опаснаго мѣста.

Инцидентъ кончился. Они были внѣ опасности.

— Неожиданный репримандъ! замѣтилъ Андрей, не желая распространяться при извощикѣ.

— Да, это вамъ въ наказаніе за то, что вы не хотѣли остаться у насъ! сказала Зина.

— Наказаніе! Что вы говорите, Зина? воскликнулъ Андрей. Это скорѣе награда за мое хорошее поведеніе. Подумайте только, что бы тамъ случилось завтра, въ десять часовъ, еслибъ я не пошелъ сегодня?

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! спохватилась Зина. Я и не подумала. За послѣднее время, память у меня стала совсѣмъ куриная.

Конечно, полиція устроила засаду въ квартирѣ Рохальскаго, и ихъ друзья непремѣнно попались бы въ ловушку.

Зина привстала и, повысивъ голосъ, чтобы заглушить шумъ колесъ, крикнула извощику новый адресъ.

Они скоро остановились и сошли на углу какой-то улицы.

— Теперь разскажите подробно, что случилось, сказала Зина, снова взявъ Андрея подъ руку.

Андрей передалъ въ нѣсколькихъ словахъ свое приключеніе, — свои подозрѣнія сперва, ихъ подтвержденіе и, наконецъ, бѣгство.

— Какое счастье, въ самомъ дѣлѣ, что мы пошли туда! задумчиво сказала молодая женщина. Отъ какихъ пустяковъ, подумаешь, иногда зависитъ наша судьба! Необходимо послать Давида, или кого-нибудь другаго, оповѣстить всѣхъ нашихъ и предупредить объ опасности. Мы — около гостинницы Давида, узнаете?

— Нѣтъ!

— Мы подходимъ къ ней съ другой стороны.

Она оставила его руку и вошла въ темныя ворота. Тамъ она сняла свою элегантную шляпу и завязала ее въ носовой платокъ. Она отдала Андрею зонтикъ, сняла перчатки и накинула на голову шаль, на манеръ крестьянскихъ дѣвушекъ.

Переодѣтая такимъ образомъ, съ узелкомъ въ рукахъ, она походила на молодую хорошенькую швею, идущую съ работой къ заказчикамъ.

— Подождите меня тутъ. Я вернусь черезъ четверть часа. Покажите мнѣ ваши часы.

Она сравнила ихъ со своими.

— Въ восемь часовъ безъ трехъ я буду здѣсь, — ни раньше, ни позже.

— Вы сохранили свои петербургскія привычки? съ одобреніемъ замѣтилъ Андрей.

— Да. Нѣтъ ничего несноснѣе неопредѣленнаго ожиданія.

Она исчезла въ темнотѣ.

Андрей хорошенько присмотрѣлся къ дому и, выбравъ самое прямое направленію, пошелъ впередъ, поглядывая отъ времени до времени на часы. Когда прошло менѣе половины назначеннаго срока, онъ повернулъ назадъ, стараясь идти тѣмъ же ровнымъ шагомъ. Онъ пришелъ только минутой раньше.

Бѣлое пятно появилось вдали; это былъ носовой платокъ въ рукахъ Зины. На головѣ у нея опять была шляпа. Рядомъ съ нею двигалась темная фигура: Давидъ шелъ поздравить Андрея съ избавленіемъ отъ опасности.

— Вотъ въ такихъ провинціальныхъ городахъ нашему брату иногда приходится очень жутко, смѣялся Давидъ. Хорошо, что ты на первыхъ же порахъ обжогъ себѣ пальцы.

Зина повторила еще разъ всѣ свои порученія Давиду, и онъ тотчасъ же пошелъ исполнять ихъ.

— Я начинаю трусить, сказала она, когда они остались вдвоемъ. Давидъ сообщилъ мнѣ еще объ одномъ совершенно неожиданномъ арестѣ: тоже человѣкъ съ виднымъ общественнымъ положеніемъ. Нѣтъ, я не могу васъ довѣрить такимъ господамъ. Вы остаетесь пока у меня.

— Хорошо. Идемъ.

— Да, но только намъ лучше придти домой послѣ десяти часовъ, когда все спитъ на нашей улицѣ и никто насъ не замѣтитъ.

Оставалось цѣлыхъ два часа, которые нужно было чѣмъ-нибудь наполнить.

Андрей предложилъ погулять вдоль рѣки. Они будутъ бесѣдовать и любоваться великолѣпной южной ночью.

— Нѣтъ, сказала Зина. Мы можемъ съ большею пользою провести время. Давайте, пойдемъ къ тюрьмѣ; тогда вамъ завтра не за чѣмъ будетъ ходить съ Васи-

ліемъ. Вамъ обязательно осмотрѣть мѣсто ночью, такъ какъ побѣгъ назначенъ на ночь.

Они отправились прямо къ тюрьмѣ. Большое квадратное зданіе въ два этажа выступало изъ-за высокой стѣны, отдѣлявшей его отъ остальнаго міра. Большая, унылая площадь, безъ малѣйшаго слѣда растительности, окружала острогъ, примыкая однимъ угломъ къ открытому полю.

Зина и Андрей обошли вокругъ площади, по прилегающимъ улицамъ, и очутились у начала той улицы, гдѣ предполагалось стоять каретѣ. Съ этого пункта лучше всего можно было осмотрѣть всю позицію.

— Обратите вниманіе на общій видъ, сказала Зина. Вамъ не нужно ни считать шаги, ни мѣрять разстоянія. Все это Василій продѣлалъ уже нѣсколько разъ. Онъ вамъ разскажетъ.

Мѣсто, выбранное для кареты Василія, было недурное, или, вѣрнѣе сказать, наименѣе дурное. Оно было нѣсколько далеко отъ устья подкопа; но за то окружающіе дома укрывали этотъ пунктъ отъ возможныхъ выстрѣловъ со стороны тюрьмы. Улица была хорошая. Даже въ эту, сравнительно раннюю пору тамъ никого не было. Андрей высказалъ свое мнѣніе Зинѣ.

— Слабый пунктъ вонъ тамъ, сказала она, указывая на находящійся неподалеку кабакъ. Здѣсь царствуетъ мертвая тишина въ полночь, а въ томъ несчастномъ кабакѣ засиживаются часто до двухъ часовъ ночи. Въ случаѣ тревоги, половые или глупые посѣтители могутъ выбѣжать и надѣлать хлопотъ.

— О, что касается этого, то вамъ нечего безпокоиться, сказалъ Андрей. Я беру на себя удержать ихъ, а въ случаѣ надобности расправиться съ ними, если они только вздумаютъ мѣшаться не въ свое дѣло. Я бы даже посовѣтовалъ Василію стоять ближе къ кабаку; оно выйдетъ натуральнѣе. Я же буду сторожить на углу и дамъ знакъ Василію отъѣхать въ тотъ моментъ, когда наши выйдутъ изъ подкопа.

Они опять свернули въ боковую улицу, вышли съ

другой стороны на площадь и прошлись по ней въ направленіи, параллельномъ съ тюремной стѣной.

— Вотъ камеры политическихъ, сказала Зина, указывая ему на рядъ оконъ въ верхнемъ этажѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя оставались темными, другія же были слабо освѣщены извнутри.

— Можете вы мнѣ указать окно Бориса? спросилъ Андрей взволнованнымъ голосомъ.

— Седьмое отъ угла; оно освѣщено. Онъ, вѣроятно, читаетъ теперь. Левшинъ въ пятой, а Клейнъ въ третьей камерѣ отъ угла. Въ ихъ окнахъ темно; должно быть, спятъ. Однако, неприлично такъ всматриваться въ тюремныя окна, прибавила она, толкнувъ его руку. Часовой васъ замѣтилъ.

Андрей никакъ не ожидалъ, что очутится такъ близко къ Борису — сегодня же. Мысль, что его другъ — тутъ, за этимъ окномъ, что онъ могъ бы услышать его голосъ, пожать ему руку, — эта мысль сильно взволновала Андрея. Безумное желаніе промелькнуло у него въ головѣ: ему вдругъ захотѣлось крикнуть имя Бориса, въ надеждѣ, что тотъ его узнаетъ.

Зинѣ пришлось оттащить его за руку, чтобы заставить уйти.

Они шли молча. Когда тюремная площадь осталась далеко позади, Андрей спросилъ:

— Скажите, могъ-ли бы онъ насъ увидѣть изъ своего окна днемъ?

— Нѣтъ, отвѣчала Зина. Окна прорѣзаны очень высоко въ стѣнѣ и выкрашены въ бѣлую краску, сквозь которую ничего не видно. Но я передамъ ему, что мы проходили мимо его окна сегодня вечеромъ и видѣли свѣтъ въ его камерѣ. Ему будетъ пріятно.

— Я тоже хочу написать ему, можно? спросилъ Андрей.

— Конечно! Пишите, сколько угодно. Я могу доставить ему рѣшительно все. Мы съ нимъ теперь въ дѣятельной перепискѣ. Но уговорить его сторожей было очень трудно. Знаете-ли, что меня два раза чуть-чуть

не арестовали. Мнѣ не везло, и я все нападала не на настоящихъ людей.

На возвратномъ пути они все время говорили о Борисѣ. Дома, Зина показала Андрею карточку своего маленькаго сына, Бори, полученную нѣсколько дней тому назадъ.

— Посмотрите, что за прелесть! воскликнула она съ материнскою гордостью, держа передъ Андреемъ и не выпуская изъ рукъ фотографію малютки съ пухлыми ручками, круглыми удивленными глазками и раскрытымъ ртомъ.

— Славный мальчуганъ! сказалъ Андрей. Не находите-ли вы, что онъ очень похожъ на Бориса?

— Вылитый отецъ! подтвердила Зина, очень довольная такимъ замѣчаніемъ посторонняго. И я надѣюсь, что со временемъ онъ будетъ такимъ же хорошимъ революціонеромъ. Ему всего годъ и четыре мѣсяца, но онъ уже содѣйствовалъ революціи по мѣрѣ силъ своихъ.

Зина разсказала, какъ она взяла съ собой мальчика — ему было всего девять мѣсяцевъ отъ роду — въ Харьковъ, гдѣ ей приходилось быть хозяйкой конспиративной квартиры.

— Ничто не даетъ дому такого миролюбиваго и невиннаго характера, и ничто такъ не устраняетъ подозрѣній, какъ присутствіе ребенка, прибавила она, улыбаясь. Мой Боря намъ оказался очень полезенъ. Ну, скажите, кто изъ насъ такъ рано выступалъ на революціонное поприще? Надѣюсь, что и позже, когда выростетъ, онъ будетъ молодцомъ.

Андрей выразилъ надежду, что къ тому времени Россія не будетъ нуждаться въ революціонерахъ.

— Ну, а что-же съ нимъ теперь? поинтересовался онъ.

Тѣнь пробѣжала по лицу молодой женщины.

— Я не могу держать его у себя, чтобы, въ случаѣ моего ареста, ему тоже не пришлось бы испытать тюремнаго заключенія. Для этого, онъ слишкомъ еще малъ. Онъ — у матери Бориса, въ деревнѣ. Его тамъ очень любятъ, и мнѣ часто пишутъ объ немъ. Надѣ-

юсь, что я увижу его, если удастся, послѣ нашего предпріятія.

Вуличъ давно ушла спать, а они все еще разговаривали въ гостинной, гдѣ Андрею была приготовлена постель. Зина разспрашивала его про Жоржа, Таню и Рѣпина. Замѣтивъ нѣкоторую странность въ тонѣ его голоса, когда рѣчь заходила о Танѣ, Зина спросила, въ чемъ дѣло? Они были такъ дружны, что ея вопросъ не показался ему нескромнымъ; но Андрей избѣгалъ всякихъ изліяній. Онъ не могъ говорить въ легкомъ тонѣ о своихъ чувствахъ; а толковать объ этомъ серьезно съ Зиной, въ ея положеніи, ему было стыдно.

ГЛАВА III.

Въ ожиданіи.

Втеченіе слѣдующей недѣли Андрей и Василій сдѣлали всѣ нужныя приготовленія и благополучно основались въ своей гостинницѣ. Они прожили тамъ цѣлый мѣсяцъ, а дѣло побѣга не подвинулось ни на волосъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда Андрея въ Дубравникъ случилось непріятное осложненіе. Въ камеру, гдѣ содержались Беркутъ и Куницынъ, помѣстили еще одного арестанта, нѣкоего Цуката, фальшиваго монетчика, котораго сразу заподозрили въ шпіонствѣ. Общимъ совѣтомъ уголовныхъ, рѣшено было прекратить подкопъ, до тѣхъ поръ пока имъ не удастся выжить подозрительнаго сожителя. Впродолженіе трехъ недѣль всѣ они, дружными усиліями, старались сдѣлать жизнь невыносимой непрошенному гостю. И дѣйствительно, несчастный Цукатъ взмолился къ начальству. Его перевели въ другую камеру, и тогда только подземная работа возобновилась.

Такія задержки были въ высшей степени непріятны, истощая средства и пагубно вліяя на общее настроеніе.

Главные участники въ дѣлѣ вынуждены были проводить все это время въ полномъ бездѣйствіи Было бы безуміемъ съ ихъ стороны присоединиться къ мѣстной агитаціи и пропагандѣ, которыя въ Дубравникѣ шли своимъ чередомъ, какъ и въ другихъ городахъ. Имъ необходимо было держаться въ сторонѣ отъ всего, что могло бы ихъ компрометировать. Самое тщательное изученіе ихъ будущаго поля дѣйствія и прилегающихъ улицъ было сдѣлано въ нѣсколько дней. И, покончивъ

съ этимъ, имъ пока ничего не оставалось, какъ сидѣть сложа руки и выжидать.

Въ качествѣ купца, Андрею нельзя было постоянно сидѣть дома, не возбуждая подозрѣній. Кромѣ того, ему нужно было поддерживать сношенія съ Зиной, у которой сосредоточивались всѣ необходимыя свѣдѣнія. Поэтому онъ каждое утро выходилъ „по дѣламъ“ и отправлялся въ городской садъ или другое, условленное наканунѣ мѣсто, гдѣ, въ случаѣ важныхъ новостей, его аккуратно въ одиннадцать часовъ встрѣчала Зина, или чаще Вуличъ. Молодой дѣвушкѣ, очевидно, было пріятно его общество, и Зина охотно предоставляла ей это маленькое развлеченіе.

Остальную часть дня, Андрей проводилъ дома. Исполнивъ свои обязанности, кучера и лакея, Василій присоединялся къ нему. Нельзя сказать, чтобъ имъ было очень весело. Не смотря на внѣшнее спокойствіе, они были слишкомъ взволнованы ожиданіемъ предстоящаго, чтобы находить удовольствіе въ занятіяхъ или въ чтеніи. Даже на романѣ имъ трудно было сосредоточиться. Иногда они пускались въ длинные разговоры, обсуждая съ разныхъ точекъ зрѣнія революціонныя задачи. Друзья и знакомые, текущая литература, Гамбетта и Бисмаркъ — все подвергалось обсужденію. Но оба не были охотники до разговоровъ и большую часть своего времени проводили молча, каждый сидя или лежа въ своемъ углу съ папиросой въ зубахъ.

Василій переносилъ этотъ образъ жизни замѣчательно легко. Онъ присматривалъ за лошадью, смазывалъ сбрую и по цѣлымъ часамъ глядѣлъ въ окно, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, покуривая папироску, какъ будто всю жизнь ничѣмъ инымъ не занимался. Андрей старался примириться съ вынужденнымъ бездѣйствіемъ, — боецъ долженъ умѣть выжидать. Выдержка въ приготовленіяхъ также важна для успѣха дѣла, какъ и храбрость и ловкость въ его исполненіи. Но Андрея страшно томило такое прозябаніе изо дня въ день, особенно на первыхъ порахъ, послѣ дѣятельной жизни въ Петербургѣ. Съ теченіемъ времени онъ, конечно, сталъ при-

выкать къ новымъ условіямъ и острое чувство тоски притупилось. Но всетаки, онъ съ жгучимъ нетерпѣніемъ ждалъ рѣшительнаго дня, когда товарищи, и онъ самъ, будутъ, наконецъ, свободны.

Солнце садилось. Оба друга были по обыкновенію дома. Андрей лѣниво растянулся на кушеткѣ; передъ нимъ лежала раскрытая книга, которой онъ, однако, не читалъ; Василій сидѣлъ у окна и курилъ, какъ вдругъ раздался стукъ въ дверь. Онъ вскочилъ и побѣжалъ въ переднюю, гдѣ ему полагалось пребывать. Нельзя же кучеру сидѣть въ одной комнатѣ съ хозяиномъ! Съ проворностью, которой трудно было ожидать отъ такого неуклюжаго субъекта, Василій схватилъ щетку, сунулъ лѣвую руку въ сапогъ и сталъ чистить его, съ усердіемъ настоящаго преданнаго слуги.

Но тревога оказалась напрасной. Вошла Анна Вуличъ. На этотъ разъ комедія Василія была ни къ чему. Бросивъ сапогъ и щетку, онъ послѣдовалъ за дѣвушкой въ комнату.

Вуличъ приходила изрѣдка въ гостинницу, причемъ всегда спрашивала кучера Василія. Въ этомъ ничего не было удивительнаго. Она была одѣта, какъ горничная, а Василій, въ качествѣ неженатаго молодаго человѣка, могъ имѣть свой „предметъ".

Не встрѣтивъ никого при входѣ, Вуличъ поднялась на верхъ и сама постучалась.

— Не хотите ли принять участіе въ пикникѣ подъ открытымъ небомъ? сказала она. Старшая Дудорова выдержала экзаменъ и мы празднуемъ сегодня это событіе. Соберется нѣсколько друзей и будетъ, навѣрно, очень весело.

Андрей и Василій охотно приняли приглашеніе.

— Зина будетъ? спросилъ Андрей.

— Нѣтъ-съ, *онѣ* не будутъ; но *онѣ* позволили мнѣ пойти, сказала шутливо Вуличъ, поддѣлываясь подъ тонъ настоящей горничной.

Она направилась къ кушеткѣ, съ которой поднялся Андрей, подобравъ платье, какъ при переходѣ черезъ

грязную улицу. Усѣвшись, она позаботилась, чтобы платье не касалось пола.

Комната, въ которой жили оба друга, не отличалась образцовой чистотой. Столъ, вытираемый локтями, сравнительно былъ чистъ; только на четырехъ углахъ его виднѣлась пыль, перемѣшанная съ хлѣбными крошками. Но на полу разстилался голубовато-сѣрый слой пыли, какъ первый тонкій снѣжокъ. Куски бѣлой, желтой и синей оберточной бумаги были разбросаны въ живописномъ безпорядкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, потеряли уже свой натуральный цвѣтъ отъ пыли: видно было, что уже не первый день они лежатъ все на томъ же мѣстѣ. Пестрая мозаика пола дополнялась раскиданной тамъ и сямъ яичной скорлупой, окурками папиросъ, сухими корками хлѣба; и все это хрустѣло подъ ногами, а, сдвинутое съ мѣста, подымало облака пыли.

Дѣло въ томъ, что комнаты Андрея наняты были безъ прислуги и убирать ихъ входило въ обязанность Василія. Но Василій, хотя и бѣгалъ въ лавочку, чистилъ сапоги Андрея и ставилъ самоваръ съ похвальной аккуратностью, считалъ подметаніе комнаты излишнею тратою времени и энергіи. Онъ никакъ не могъ понять, почему пыль, по которой люди спокойно ходятъ на улицѣ, такъ нестерпима на полу. Такъ какъ Андрей тоже не обращалъ на это вниманія, то комнаты подметались приблизительно разъ въ мѣсяцъ.

Пикникъ устраивался въ небольшомъ лѣсу за версту отъ города. Нужно было отправиться туда пѣшкомъ, а ужинъ предполагалось варить на открытомъ воздухѣ, поздно вечеромъ. Василій, какъ человѣкъ практическій, сообразилъ, что имъ не худо бы сперва подкрѣпиться. У него все оказалось подъ рукой, и онъ объявилъ, что состряпаетъ закуску въ одну минуту.

Оба друга рѣдко ходили обѣдать въ трактиры; оно было бы и дорого, и не совсѣмъ безопасно, въ виду разношерстныхъ посѣтителей подобныхъ мѣстъ. Поэтому, они ѣли большею частью у себя дома, импровизируя очень дешевые обѣды, безъ всякихъ хлопотъ. Кусокъ ветчины, нѣсколько яицъ, сельди и неизбѣжный

чай — вполнѣ отвѣчали ихъ неприхотливымъ вкусамъ.

Василій открылъ шкапикъ, въ которомъ хранились чайная посуда и всякая провизія. Тамъ оказалась краюха хлѣба, чай, сахаръ и немного молока. Въ обыкновенное время этого было бы достаточно, но ему хотѣлось отличиться передъ гостьей. Онъ сбѣгалъ въ лавочку и черезъ нѣсколько минутъ явился съ большимъ кускомъ сыра и съ завернутыми въ бумагу горячими сосисками.

Самоваръ, между тѣмъ, уже кипѣлъ и бурлилъ. Василій поставилъ его на столъ и заварилъ чай. Посуды у нихъ было не много: двѣ тарелки и двѣ вилки на всѣхъ. Онѣ достались Вуличъ, какъ гостьѣ, и Андрею, какъ хозяину. Василій же, въ качествѣ кучера, удовольствовался блюдцемъ и перочиннымъ ножикомъ, привѣшеннымъ къ поясу на ремешкѣ.

— Какъ хотите, а я не могу ѣсть за такимъ столомъ. На немъ хоть рѣпу сѣй! заявила Вуличъ, рисуя кончикомъ мизинца цѣлые узоры на пыльной поверхности стола.

— Только-то! Сейчасъ вытру, сказалъ Василій.

Онъ оглянулся кругомъ и увидѣлъ висящіе на стѣнѣ розоватые панталоны. Василій былъ очень бережливъ и не любилъ разставаться со своими вещами, такъ что онъ все привезъ съ собою изъ Швейцаріи, въ надеждѣ, что авось пригодится. Но такъ какъ Зина строго на строго запретила ему показываться гдѣ бы то ни было въ его необыкновенныхъ розовыхъ панталонахъ, привлекавшихъ всеобщее вниманіе, то онъ и повѣсилъ ихъ на стѣнѣ, чтобы, какъ онъ выражался, придать „жилой видъ“ комнатѣ. Однако, желаніе доставить удовольствіе гостьѣ въ ту минуту преодолѣло въ немъ бережливость. Схвативъ свои столь долго хранимые панталоны, онъ оторвалъ кусокъ и услужливо вытеръ имъ столъ, прежде чѣмъ разсмѣявшаяся дѣвушка успѣла остановить его.

— Вы настоящій дикарь, Василій! воскликнула она.

— Почему? удивился онъ. Шерстяной тряпкой лучше вытирать пыль, чѣмъ бумажной.

— Очень возможно. Но жаль, что вы не употребляете ни той, ни другой и никогда — я вижу — не берете метлы въ руки, сказала она, указывая на полъ. Вы бы постыдились держать въ такомъ безпорядкѣ комнату вашего хозяина!

Василій только пожалъ плечами.

— Что комната! Это пустяки, вмѣшался Андрей. Вы лучше разслѣдуйте, не окончательно-ли мы впадаемъ въ варварство.

И онъ разсказалъ, какъ Василій, съ тѣхъ поръ какъ сталъ кучеромъ, мылъ лицо только по воскресеньямъ и пріучился обходиться безъ полотенецъ, вытирая лицо объ подушку, а руки оставляя сохнуть на воздухѣ.

— Лицо и руки скорѣе грубѣютъ отъ этого, объяснилъ Василій равнодушнымъ тономъ.

Онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ прихлебывалъ свой чай, не обращая болѣе никакого вниманія на шутки своего друга, какъ будто рѣчь шла не о немъ.

Послѣ чая, Василій и Вуличъ ушли, Андрей же оставался нѣкоторое время дома. Неблагоразумно было бы выйти втроемъ. Онъ нагналъ ихъ на площади, недалеко отъ гостинницы.

Уже темнѣло, когда они подошли къ дубовой рощѣ на восточной окраинѣ города. Въ лѣсу было пусто, такъ какъ день былъ будничный. Свѣжій вечерній вѣтерокъ донесъ до нихъ звуки пріятнаго, хотя и не очень сильнаго баритона, пѣвшаго какую-то пѣсню.

— Я знаю, чей это голосъ. Это Ватажко поетъ! воскликнула Вуличъ.

Она схватила Андрея подъ руку и ускорила шаги. Дочь юга, она страстно любила музыку и сама недурно пѣла.

Слѣдуя по направленію голоса, они скоро вышли на небольшую зеленую лужайку на опушкѣ лѣса, окруженную съ трехъ сторонъ густою стѣною деревьевъ. Съ четвертой стороны тянулись кустарники, которые скрывали лужайку изъ виду, но не мѣшали любоваться окрестностями Дубравника и полей, разстилавшихся направо и налѣво.

Пѣвецъ сидѣлъ подъ деревомъ. Онъ былъ товарищемъ Вуличъ по женевскому университету и еще совсѣмъ молодой человѣкъ, казавшійся вдвое старше своихъ лѣтъ, благодаря обильной растительности на щекахъ и подбородкѣ.

Молодая женщина, невысокаго роста, въ темносинемъ платьѣ, стояла возлѣ него и слушала пѣніе. Бѣлокурые волосы, обрамлявшіе короткими локонами ея миловидное личико, нѣжный и очень бѣлый цвѣтъ кожи, свѣтлоголубые глаза, — все вмѣстѣ придавало ей видъ не то херувима, не то барашка.

Она отрекомендовалась Войновой.

— Варя? Ахъ, простите за фамильярность! Варвара Алексѣевна? спросилъ Андрей.

— Да, Варвара Алексѣевна, или Варя, что мнѣ больше нравится, привѣтливо сказала молодая женщина.

Ее хорошо знали, эту Варю Войнову. И друзья ея были правы, называя ее матерью всѣхъ страждущихъ. Будучи женой доктора либеральныхъ убѣжденій, она посвятила себя всецѣло заботамъ о политическихъ заключенныхъ, дѣлая все, чтобы облегчить ихъ участь, какъ будто они были членами ея родной семьи.

— Хорошо, что я съ вами обоими познакомилась, сказала она съ улыбкой Андрею и Василію, котораго она тоже видѣла теперь въ первый разъ. Когда ваша очередь придетъ, я буду съ большимъ усердіемъ хлопотать о васъ.

Они поблагодарили ее за обѣщаніе, но выразили надежду, что еще не такъ скоро попадутъ въ число ея кліентовъ.

Сестры Дудоровы собирали въ лѣсу хворостъ, чтобы разложить костеръ. Привлеченныя новыми голосами, онѣ подошли, въ сопровожденіи молодого человѣка въ сѣрой блузѣ, съ свѣтлыми, какъ ленъ, волосами, съ безцвѣтными глазами и пуговкой-носомъ на очень смѣшномъ лицѣ. Въ объятіяхъ у него была вязанка хвороста, которую онъ тутъ же бросилъ на траву.

— А, Бочаровъ, вскричала Вуличъ. Идите сюда, я васъ познакомлю съ друзьями.

Бочаровъ принадлежалъ къ революціонной организаціи въ Дубравникѣ. Онъ былъ „легальный“, т. е. жилъ подъ своимъ именемъ, съ настоящимъ паспортомъ. Однако, въ послѣднее время у него пошли непріятности съ полиціей.

Всѣ усѣлись на траву, и Андрей выразилъ удивленіе, что Бочаровъ такъ свободно разгуливаетъ; между тѣмъ какъ, говорятъ, полиція очень слѣдитъ за нимъ.

— Это правда, сказалъ Бочаровъ серьезнымъ тономъ. Но я вошелъ въ соглашеніе съ приставленнымъ ко мнѣ шпіономъ, и мы отлично уладились. Разъ въ недѣлю онъ является ко мнѣ на квартиру, и я сообщаю ему названія мѣстъ, которыя я якобы посѣщалъ, и онъ оставляетъ меня въ покоѣ.

Вуличъ замѣтила, что такая привиллегія, должно быть, дорого ему стоитъ.

— О, нѣтъ! воскликнулъ Бочаровъ. Стану я платить! Ни копѣйки не стоитъ. Я заставилъ его сдаться безусловно. Въ одинъ прекрасный день, недѣли двѣ тому назадъ, когда мнѣ страшно надоѣло имѣть его постоянно за собою по пятамъ, я съ утра запасся кускомъ хлѣба и колбасой и сталъ ходить съ мѣста на мѣсто, не останавливаясь ни на минуту. Такъ я проходилъ весь день, до вечера, а онъ все ходилъ за мною. Усталъ я, признаться, порядкомъ, но ему досталось еще хуже того, такъ какъ онъ съ утра ничего не ѣлъ, а я, отъ времени до времени, стращалъ его: погоди, говорю, негодяй, я тебя заставлю высунуть языкъ. Будешь ходить за мною до самой зари и не посмѣешь отстать, потому что, предупреждаю тебя, я иду на свиданіе къ важному революціонеру. Онъ, молча, нахмурившись, продолжалъ слѣдовать за мною, пока наконецъ не выдержалъ и взмолился: „послушайте, господинъ, вѣдь я тоже, говоритъ, человѣкъ, а не собака. Вы бы постыдились. У меня жена и дѣти, ихъ кормить надо...“ Кто бы могъ предположить, что у этихъ мерзавцевъ есть жены и дѣти? Однако, я смягчился и предложилъ ему компро-

миссъ, который онъ тотчасъ же принялъ; и вотъ я опять свободный человѣкъ.

Новый гость, прибывшій позже другихъ, присоединился къ компаніи въ эту минуту, извиняясь, что дѣла помѣшали ему придти раньше. Его звали Мироновъ, и одно время онъ былъ волостнымъ писаремъ въ деревнѣ. Сестры Дудоровы и вообще всѣ революціонеры въ Дубравникѣ были о немъ очень высокаго мнѣнія, какъ о человѣкѣ близко стоявшемъ къ народу. Такъ что онъ былъ, нѣкоторымъ образомъ, героемъ дня.

Его, между прочимъ, нарочно пригласили, чтобы познакомить съ Андреемъ и Василіемъ, съ которыми онъ тотчасъ же вступилъ въ разговоръ, съ развязностью человѣка, сознающаго себя знаменитостью и твердо убѣжденнаго въ томъ, что онъ для всякаго представляетъ интересъ.

— Мироновъ! Вотъ Войнова страстно желаетъ познакомиться съ вами, вскричала, смѣясь, старшая Дудорова.

— Вовсе нѣтъ! протестовала Войнова.

— Да, да! Идите сюда!

Мироновъ улыбнулся Андрею въ видѣ оправданія, какъ бы желая этимъ сказать: „что прикажете дѣлать! Я бы хотѣлъ остаться съ вами, но... всякое положеніе имѣетъ свои неудобства“.

— Какой отвратительный человѣкъ! шепнула Андрею Вуличъ. Еслибъ я знала, что онъ тутъ будетъ, я бы не пришла.

— Чѣмъ? Что вы имѣете противъ него? спросилъ Андрей. Говорятъ, онъ замѣчательный пропагандистъ между крестьянами.

— Это онъ самъ говоритъ, а намъ остается только вѣрить. Какъ бы тамъ ни было, но онъ мнѣ противенъ.

Тѣмъ временемъ зажгли костеръ, и черный желѣзный котелъ задымился надъ краснымъ пламенемъ. Василій взялся варить гречневую кашу съ саломъ.

Густые потемки охватывали кругъ, освѣщенный пламенемъ костра. Небо низко нависло надъ лѣсомъ; только нѣсколько звѣздъ пробивалось блѣдными лу-

чами промежь вѣтвей высокихъ деревьевъ. Огни зажглись въ городѣ, который, казалось, разросся и отошелъ вдаль, принявши видъ острова, отдѣленнаго отъ лужайки широкимъ моремъ мрака.

Всѣ усѣлись вокругъ костра, молча поглядывая на закипавшій котелъ. Василій поправлялъ огонь и помѣшивалъ кашу длинною ложкою. По мѣрѣ того, какъ онъ двигался, тѣнь его, чудовищныхъ размѣровъ, то разстилалась по лужайкѣ, то подымалась по стволу какого-нибудь стараго дерева, то разбивалась на части и исчезала на неправильной стѣнѣ торчащихъ вѣтвей, фантастически освѣщенныхъ снизу. Разная мошкара съ жужжаніемъ носилась въ воздухѣ, врываясь на секунду въ полосу свѣта и затѣмъ исчезая во муракѣ. Трескъ огня сильнѣе оттѣнялъ окружающую тишину.

— Какъ разъ время, чтобы разсказывать страшныя исторіи съ привидѣніями, сказала Вуличъ.

— Отчего же не для пѣнія? возразила Маша Дудорова. Ватажко, Вуличъ, продолжала она, устройте хоръ.

Пробовали пѣть хоромъ народныя пѣсни, но безуспѣшно. Въ сущности, только Ватажко и Вуличъ умѣли пѣть, а Бочаровъ нарочно фальшивилъ, чтобы посмѣшить компанію.

Вуличъ берегла свой голосъ и только подтягивала. Она знала, что ея очередь — впереди, и именно сегодня ей хотѣлось показать себя.

Украинскій элементъ преобладалъ въ компаніи, и всѣ стали упрашивать Вуличъ, чтобы она спѣла настоящую малороссійскую пѣсню.

Она согласилась.

— Что мнѣ спѣть? обратилась она къ Андрею, сидѣвшему рядомъ.

— То, что вамъ больше всего по душѣ, отвѣчалъ онъ.

Вуличъ кивнула головой.

Она сняла верхнюю кофточку, чтобы ничто не мѣшало ей, и отошла немного всторону. На минуту она задумалась, и лицо ея приняло серьезное, почти суровое выраженіе; потомъ она запѣла. Ея полузакрытые

глаза смотрѣли далеко впередъ и, казалось, она вся ушла въ свою пѣсню. Но она чувствовала, что взглядъ Андрея устремленъ на нее, и что онъ изумленъ и восхищенъ ею. Это возбуждало и одушевляло ее, придавая особую прелесть пѣснѣ въ ея собственныхъ глазахъ. Въ пѣснѣ воспѣвался молодой казакъ, который оставляетъ домъ и возлюбленную, и отправляется къ невѣрнымъ, чтобы освободить отъ цѣпей и рабства товарищей, томящихся въ турецкомъ плѣну.

Вуличъ не была профессіональною пѣвицею, хотя и могла бы пѣть на сценѣ, еслибъ захотѣла. У нея былъ очень сильный голосъ, такъ что въ обыкновенной комнатѣ онъ рѣзалъ ухо своей силой. При хорошей обработкѣ она могла бы пойти далеко. Но никакая школа не выучила бы ее пѣть народныя пѣсни лучше, чѣмъ она ихъ пѣла. Она родилась въ самомъ сердцѣ своей родины, среди широкихъ полей, гдѣ сложились эти могучіе, страстные мотивы, и пѣла она ихъ такъ, какъ только дѣти степей умѣютъ пѣть. Ея голосъ звучалъ мягко и нѣжно подъ небеснымъ сводомъ, въ ночной тишинѣ, разливаясь мелодичными волнами по спавшимъ кругомъ равнинамъ.

Ей не аплодировали и вообще ничѣмъ не выражали одобренія. Только Маша шепнула Бочарову, что она никогда еще не видѣла Вуличъ такъ, въ ударѣ. Василій хмурился на огонь, подпершись щекой на руку, кивая головой отъ времени до времени. Андрей отошелъ, чтобы лучше слышать и быть одному.

Дѣвушка не видѣла его, но она чувствовала, гдѣ онъ. Окончивъ пѣсню, она тотчасъ же обернулась къ нему, вся раскраснѣвшись отъ артистическаго удовольствія и сознанія своего успѣха. Легкими шагами она очутилась около него и опустилась на траву, прежде чѣмъ онъ успѣлъ разостлать что-нибудь. Она была очень хороша въ этотъ вечеръ въ своемъ малороссійскомъ костюмѣ, который очень шелъ ей.

— Иной съ удовольствіемъ пошелъ бы драться съ турками, сказалъ Андрей, только бы быть воспѣтымъ съ такимъ чувствомъ.

— Понравилась вамъ моя пѣсня? Я такъ рада. Я

пѣла ее для васъ, шепнула она, и про васъ. Я увѣрена, что вамъ удастся разбить цѣпи нашихъ товарищей, какъ сдѣлалъ казакъ въ пѣснѣ.

— Но это будетъ на половину вашимъ дѣломъ, сказалъ Андрей, потому что вы въ немъ принимаете такое же участіе, какъ и я.

— Нѣтъ, мы, женщины, не принимаемъ участія въ казацкихъ подвигахъ и не раздѣляемъ казацкой славы! сказала она тономъ сожалѣнія. Мы можемъ только подводить вамъ коней и подавать саблю и ружье.... Но мы и не ропщемъ; довольно съ насъ и того, что намъ выпало на долю, прибавила она весело.

Подъ вліяніемъ какого-то внутренняго огня глаза ея блестѣли особенно ярко, щеки горѣли радостью и жизнью. Обыкновенно молчаливая, она въ этотъ вечеръ была олицетворенное веселье, оживляя всѣхъ своей шаловливостью и рѣзвостью.

Ужинъ прошелъ очень весело, хотя и былъ очень плохой, такъ какъ Василій — всегда очень заботливый, безъ нужды — въ этотъ разъ забылъ помѣшать кашу въ самый критическій моментъ, и она пригорѣла. Немного погодя, Вуличъ предложила прыгать черезъ огонь, какъ это дѣлаютъ въ Петровки деревенскіе парни и дѣвушки. Она прыгала съ Андреемъ, Ватажко и еще разъ съ Андреемъ. Затѣмъ она спѣла малороссійскую любовную пѣсню „Мѣсяцъ“, съ такою трогательною задушевностью, что Василій чуть-чуть не расплакался. Когда же онъ сталъ умолять ее, чтобы она повторила тоже самое, она разразилась веселою, удалою пѣсенкою, полною живого украинскаго юмора, который, по сравненію съ лихою веселостью великороссовъ — тоже, что пѣніе парящаго въ небѣ жаворонка въ сравненіи съ криками морской чайки, заигрывающей съ бурей.

Она наслаждалась своею властью надъ чувствами и настроеніемъ окружающихъ. Ей пріятно было видѣть, какъ лицо Василія внезапно просвѣтлѣло, какъ онъ дѣлалъ жестъ рукой, точно бросая что-то на землю, и какъ онъ подергивалъ плечами, точно готовъ былъ вскочить и пуститься въ присядку.

Но ея собственное сердце не раздѣляло веселья, воз-

буждаемаго въ другихъ. Оно все болѣе и болѣе сжималось отъ грусти, пока она пѣла веселыя пѣсни. Къ концу, силы измѣнили ей; подступавшія рыданія сдавили ей грудь, и послѣдняя веселая нота оборвалась съ болью. Она съ трудомъ удержала накипѣвшія слезы.

Она сѣла поодаль, одна, и съ той минуты ничто не могло бы заставить ее пѣть. За весь остальной вечеръ она почти ни слова болѣе не выронила. Ей хотѣлось одного: чтобы всѣ скорѣе разошлись и оставили ее одну.

Изъ всѣхъ присутствовавшихъ одному Андрею эта оборвавшаяся нотка сказала нѣчто, или, вѣрнѣе, все. Онъ, до нѣкоторой степени, былъ уже подготовленъ къ такому открытію. Молодая дѣвушка и не старалась скрывать тайну своего сердца.

Сомнѣній быть не могло: она любила его. А онъ — что могъ онъ предложить взамѣнъ этого величайшаго изъ сокровищъ — женской души? Одну лишь благодарность и дружбу; но къ чему они ей?

Онъ старался убѣдить себя, что его огорчило это открытіе. Но онъ зналъ, что это неправда. Есть мужчины съ исключительно тонкою, нервною организаціею, въ которыхъ несчастная любовь возбуждаетъ чрезвычайную нѣжность и симпатію къ женщинамъ вообще. Но Андрей не принадлежалъ къ ихъ числу. Неудачная любовь къ Танѣ сдѣлала его мстительнымъ по отношенію къ женщинамъ. И теперь, первымъ его ощущеніемъ было злорадство Онъ былъ отомщенъ за свое униженіе. Мысль, что это не дѣлаетъ его ни на іоту счастливѣе, явилась позже. Теперь онъ чувствовалъ гордость и удовлетвореніе.

Имъ нужно было возвращаться въ городъ вмѣстѣ. У заставы, компанія раздѣлилась. Василій и Андрей предложили проводить Вуличъ домой. Но она наотрѣзъ отказалась отъ ихъ услугъ: ей не нужно провожатыхъ, и она легко доберется до дому одна. Когда Андрей попробовалъ настаивать, она разсердилась.

Андрей и Василій отправились къ себѣ въ гостинницу. Здѣсь ихъ ожидалъ сюрпризъ; на столѣ оказалось

письмо, адресованное Андрею. Отъ заспаннаго служителя они узнали, что въ ихъ отсутствіе приходилъ мальчикъ изъ „конторы", куда Андрею полагалось отправляться каждое утро, и оставилъ записку. На клочкѣ бумажки было неразборчиво и малограмотно нацарапано нѣсколько словъ, приглашавшихъ Андрея явиться на другой день въ контору, вмѣсто одиннадцати, въ десять часовъ.

Записка могла быть только отъ Зины и несомнѣнно означала, что что-то случилось. Безъ крайней необходимости Зина не стала бы нарушать установленнаго порядка свиданій.

ГЛАВА IV.

Новый планъ.

Зина и Андрей должны были встрѣтиться въ городскомъ саду. За полчаса до назначеннаго времени, онъ уже сидѣлъ на скамьѣ, въ концѣ уединенной аллеи. Завидѣвъ сквозь деревья свѣтло-коричневое платье Зины, онъ поднялся къ ней на встрѣчу.

— Что случилось? спросилъ онъ.

Она не сразу отвѣчала. Въ эту минуту мимо нихъ проходилъ господинъ, совершавшій свою утреннюю прогулку. Нѣкоторое время они шли молча. Лицо Зины было сурово и озабочено; несомнѣнно, что-то случилось, но что именно — Андрей не могъ догадаться.

— Ну? спросилъ онъ, когда никто не могъ ихъ услышать.

— Все пропало, отвѣтила Зина, глядя ему прямо въ лицо. Подкопъ открытъ.

— Открытъ? воскликнулъ онъ.

— Вчера ночью. Сядемъ на скамейку, и я все разскажу по порядку.

Они усѣлись на любимую скамью Зины. Она была скрыта отъ любопытныхъ, и въ тоже время прохожихъ можно было видѣть издали.

Зина въ краткихъ словахъ изложила все, что произошло. Куницынъ только-что спустился подъ полъ, чтобы вырыть послѣдніе нѣсколько футовъ земли, какъ въ камерѣ произошла свалка между его товарищами. Они играли въ карты. Одинъ изъ нихъ сплутовалъ, а другой бросился на него съ ножемъ и ранилъ въ плечо. Сторожа сбѣжались на шумъ. Куницынъ едва успѣлъ прыгнуть къ себѣ въ постель, но не имѣлъ времени при-

крыть отверстіе подкопа. Одинъ изъ сторожей споткнулся объ край торчавшей доски, и затѣмъ, конечно, все открылось.

Андрей внимательно глядѣлъ на Зину все время, пока она говорила. Но едва-ли онъ слышалъ ея слова. Одно онъ ясно сознавалъ, — это то, что ихъ планъ лопнулъ.

— Вотъ вамъ результаты всѣхъ этихъ проволочекъ! проговорилъ онъ укоризненно.

Онъ былъ такъ охваченъ досадой, что не почувствовалъ, какъ несправедливо и жестоко было его замѣчаніе.

— Могло быть и хуже, еслибъ мы не были осторожны, спокойно отвѣчала Зина. Еслибъ сторожа провѣдали о подкопѣ раньше, черезъ Цуката, они устроили бы ловушку, и всѣ наши были бы схвачены. Теперь намъ только остается начать все съизнова.

— Въ третій разъ, кажется? сказалъ Андрей съ раздраженіемъ.

— Нѣтъ, въ пятый. Мы пробовали и бросали три различныхъ плана, прежде чѣмъ остановились на этомъ.

— Что же мы теперь будемъ дѣлать? Есть у васъ что-нибудь въ виду? спросилъ Андрей, стараясь быть спокойнымъ.

— Можетъ быть, что-нибудь и подвернется. Нужно подумать.... Борисъ посовѣтуетъ.... Скверно то, что деньги уплываютъ.

Наступила длинная пауза, и оба погрузились въ свои мысли.

Зина, первая, нарушила молчаніе.

— Мнѣ сообщили, что прокуроръ получилъ распоряженіе ускорить процессъ Бориса.

Она узнала это отъ жены одного изъ чиновниковъ прокуратуры и подѣлилась новостью съ Андреемъ, по своему обыкновенію.

— Что изъ этого воспослѣдуетъ? освѣдомился Андрей.

— Ничего особеннаго. Имъ придется подвергнуться новымъ допросамъ; вотъ и все.

— А гдѣ производятся допросы — въ тюрьмѣ? или

ихъ возятъ для этого въ другое мѣсто? встрепенулся Андрей.

— Ихъ обыкновенно приводятъ подъ конвоемъ въ зданіе суда, гдѣ засѣдаетъ слѣдственная коммиссія.

— Что, если попытаться освободить ихъ по дорогѣ? и Андрей повернулся лицомъ къ Зинѣ.

Она съ удивленіемъ взглянула на него.

— На улицѣ, въ большомъ городѣ? Среди бѣла дня? Да въ своемъ-ли вы умѣ?

— Я не предлагаю этого, какъ нѣчто окончательное. Мнѣ только сейчасъ пришло въ голову. Во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ подумать. Можете-ли вы сказать мнѣ, сколько приблизительно бываетъ конвойныхъ?

— Въ послѣдній разъ ихъ сопровождали четыре жандарма.

— Только четыре! Это еще не такъ дурно.

Онъ началъ отстаивать свой планъ болѣе серьезно, доказывая, что опасность нападенія на полицію днемъ, среди улицы, вовсе не такъ велика, какъ это кажется съ перваго раза. Если попытка была бы сдѣлана, то все рѣшилось бы въ ту или другую сторону втеченіе минуты. Толпа не имѣла бы времени собраться. При первыхъ же выстрѣлахъ прохожіе разбѣжались бы, чтобъ не попасть въ бѣду. Къ тому же, легко выбрать мѣстомъ нападенія болѣе или менѣе глухую улицу. Тюрьма находится на окраинѣ города, и прилегающія улицы почти пусты въ самую оживленную пору дня.

— Но вы забываете самое главное, замѣтила Зина. Противъ насъ конвой. На четырехъ жандармовъ нужно имѣть, по крайней мѣрѣ, четырехъ съ нашей стороны, допуская даже, какъ вы говорите, что внезапность нападенія будетъ преимуществомъ для насъ. Да трое конвоируемыхъ — вотъ уже семь человѣкъ. Два экипажа и два кучера необходимы, чтобы увезти всѣхъ. Подумайте только, что за путаница выйдетъ....

— И всетаки, если постараться, можно добыть и денегъ, и людей на это, сказалъ Андрей.

— Пожалуй. Но это будетъ настоящая битва, а не нападеніе врасплохъ, что вовсе не въ нашихъ интере-

сахъ. Какой смыслъ имѣетъ освобождать арестованныхъ, если въ обмѣнъ придется поплатиться освободителями?

Андрей произнесъ многозначительное „д-да“ и безпокойно задвигался на своемъ мѣстѣ. Его планъ былъ слишкомъ сложенъ; противъ этого ничего нельзя было возразить.

Онъ не настаивалъ на немъ больше и сталъ внимательно разсматривать песокъ у себя подъ ногами.

Онъ пытался мысленно упростить задачу; одинъ экипажъ и одного изъ нападающихъ можно отбросить.... и всетаки дѣло было трудное.

— Что вы скажете на это, — спросила Зина, у которой внезапно мелькнула новая мысль. Что, если вооружить арестованныхъ?

— Превосходно! Но развѣ это возможно?

— Я думаю, что да. Нашъ надзиратель передаетъ рѣшительно все: онъ разъ доставилъ имъ связки пилокъ и ключей; можетъ быть, онъ передастъ и револьверы. Во всякомъ случаѣ, я наведу справки.

— Да, и какъ можно скорѣе. Это упроститъ дѣло до чрезвычайности.

На слѣдующее утро Зина, къ великой радости Андрея, сообщила ему, что надзиратель находитъ предложеніе совершенно выполнимымъ.

Въ такомъ видѣ планъ упрощался, и на слѣдующемъ собраніи былъ одобренъ единогласно. Рѣшено было, что, вооруживъ арестованныхъ, можно обойтись двумя нападающими при двухъ экипажахъ. Василію поручено было купить еще одну лошадь и пролетку, а Зина должна была подыскать двухъ, между революціонерами въ Дубравникѣ — одного въ качествѣ кучера, а другого для нападенія.

Новыя обстоятельства заставили ихъ поторопиться съ приготовленіями, чтобы быть на готовѣ для немедленнаго дѣйствія.

Зина узнала, что заключенныхъ потребуютъ къ допросу черезъ двѣ недѣли, если не раньше. Невозможно было въ такой короткій срокъ приготовить все необходимое для новой попытки. Но нельзя было, съ другой

стороны, упустить случай, который могъ оказаться последнимъ.

Во избѣжаніе трудностей, Андрей предложилъ не вербовать новыхъ помощниковъ. Имѣя сносную верховую лошадь, онъ брался разстроить конвой кавалерійскимъ нападеніемъ, если конвоируемые присоединятся къ аттакѣ въ тотъ же самый моментъ. Борисъ и его товарищи, всѣ трое, были рѣшительные люди. Они могли бы имѣть на своей сторонѣ преимущество двухъ, а быть можетъ, и трехъ выстрѣловъ. Если имъ удастся парализовать одного изъ конвойныхъ — предположеніе не невозможное — численное превосходство будетъ на ихъ сторонѣ. Вчетверомъ они легко могутъ обратить въ бѣгство конвой. Роль Василія оставалась та же. Ему только предстояло запастись кучерскимъ платьемъ и подновить экипажъ, чтобы онъ имѣлъ приличный видъ днемъ. Всѣмъ троимъ легко будетъ умѣститься въ одномъ экипажѣ, а Андрей, на конѣ, съумѣетъ спастись и, даже въ случаѣ надобности, прикрыть Василія.

Планъ былъ очень рискованный. Что ни говори, — арестанты всетаки были арестанты. Одинъ Андрей могъ начать аттаку. На Василія нечего было разсчитывать, такъ какъ его дѣло было только увезти освобожденныхъ. Но Андрей твердо вѣрилъ въ удачу, и ему удалось внушить эту вѣру товарищамъ. Что больше всего говорило въ пользу его предложенія, это — его простота и дешевизна. Долгія отсрочки истощили деньги, добытыя на побѣгъ. Зинѣ, обладавшей талантомъ доставать деньги, удалось, правда, черезъ Бочарова сдѣлать заемъ въ двѣ тысячи рублей на три мѣсяца у одного господина въ Дубравникѣ, и петербургскій кружокъ взялся уплатить долгъ. Но кромѣ этой суммы, пока, ничего не предвидѣлось.

Приходилось соблюдать строжайшую экономію. Теперь расходы сводились къ покупкѣ лошади и сѣдла, а это было имъ подъ силу.

— Вы только не вздумайте покупать мнѣ рысака, говорилъ Андрей Зинѣ, которая, въ качествѣ кассира, охотно слушала такія рѣчи. На самомъ заурядномъ

конѣ можно остановить преслѣдователей, скачущихъ на извощикахъ, — въ случаѣ, если таковые окажутся. А если подвернется верховой, — казакъ или кавалерійскій солдатъ, — тогда, будь у меня рысакъ или нѣтъ, все равно, — все пропало.

Лихорадочная дѣятельность смѣнила томительно-сонливое выжиданіе. Въ нѣсколько часовъ Василій и Андрей обошли всѣхъ барышниковъ и напали на довольно хорошую степную кобылку. Продавецъ ручался, что она пріучена къ сѣдлу. Они ушли и вернулись съ подержаннымъ сѣдломъ, купленнымъ Василіемъ. Испытавши лошадь и поторговавшись вдоволь, они, наконецъ, сошлись въ цѣнѣ и увели свое новое пріобрѣтеніе на постоялый дворъ.

Слѣдующіе нѣсколько дней Андрей провелъ на конѣ, изучая нравъ своей лошади. Она оказалась очень горячая, быстрая и не очень пугливая. Послѣднее обстоятельство было первой важности, такъ какъ въ предстоявшей схваткѣ обмѣнъ выстрѣловъ былъ неминуемъ. Ему стоило нѣкотораго труда пріучить своего Росинанте, какъ онъ въ шутку называлъ коня, къ звуку выстрѣловъ. Когда, выѣхавши въ поле, онъ въ первый разъ выпалилъ надъ ея ухомъ, она подскочила подъ нимъ, какъ бѣшеная. На второй и третій разъ она вела себя лучше. Послѣ недѣльнаго упражненія оба, и всадникъ и лошадь, были готовы къ дѣйствію. Выстрѣлъ между ушами вызывалъ въ ней дрожь, и ничего болѣе. Остальное время Андрей посвятилъ изученію предстоявшаго поля битвы и возможныхъ путей отступленія.

Зина, тѣмъ временемъ, была занята обученіемъ часовыхъ, сторожевыхъ и вѣстовщиковъ. Ихъ было восемь человѣкъ, и они должны были, цѣлымъ рядомъ искусныхъ и деликатныхъ маневровъ, свести конвой и нападающихъ въ данномъ мѣстѣ и въ данный моментъ.

Время, когда заключенныхъ потребуютъ къ допросу, было извѣстно лишь приблизительно. Выборъ дня и часа зависѣлъ вполнѣ отъ прокурора. Поэтому необходимо было быть постоянно наготовѣ, пока предполагалось, что заключенныхъ потребуютъ на допросъ.

Сигналъ, по которому вся машина будетъ пущена въ ходъ, долженъ былъ исходить изъ самой тюрьмы. Прежде чѣмъ сдать заключенныхъ подъ охрану жандармовъ, ихъ тщательно обыщутъ и переодѣнутъ въ тюремной конторѣ. Какъ только имъ велѣно будетъ спуститься внизъ, Клейнъ положитъ кусокъ синей бумаги въ углу своего окна, ставши для этого на стулъ.

Въ дни судебныхъ засѣданій, каждое утро съ девяти часовъ до трехъ пополудни, на это окно наведенъ былъ бинокль изъ одного изъ домовъ, расположенныхъ противъ тюрьмы. Двое изъ участниковъ предпріятія наняли тамъ комнату и по очереди наблюдали. Когда одинъ уставалъ, другой замѣщалъ его, чтобы ни на минуту не оставлять окна изъ виду.

Съ появленіемъ сигнала въ окнѣ Клейна, одинъ изъ нихъ долженъ былъ бѣжать внизъ въ трактиръ, гдѣ Ватажко, въ качествѣ вѣстовщика, дожидался, вмѣстѣ съ однимъ изъ часовыхъ. На послѣднемъ лежала обязанность извѣстить своихъ товарищей, сидѣвшихъ въ другомъ трактирѣ, чтобы они заняли свои мѣста; между тѣмъ какъ Ватажко, взявъ извощика, который былъ всегда наготовѣ, долженъ былъ помчаться въ гостинницу къ Василію. Здѣсь же все — люди, лошади и экипажъ, — были всегда готовы къ немедленному выѣзду.

Принимая во вниманіе время, необходимое для перемѣны платья, обыскиванія и другихъ формальностей, сопряженныхъ съ передачей арестантовъ на руки конною, Андрей и Василій успѣютъ получить сигналъ отъ Ватажко и добраться до мѣста раньше, чѣмъ заключенные выйдутъ изъ тюрьмы.

Отъ тюрьмы до зданія суда было сорокъ минутъ ходьбы. Перейдя тюремную площадь — дѣло двухъ или трехъ минутъ — конвоируемые арестанты вступятъ въ переулокъ, длиною съ четверть версты, ведущій въ недавно открытую улицу, — немного къ востоку отъ тюремнаго зданія, — довольно широкую и не совсѣмъ застроенную. Два ряда недавно посаженныхъ липъ тянулись по обѣимъ сторонамъ ея, но онѣ не мѣшали свободному проѣзду экипажа и лошадей. На всемъ протя-

женіи улицы не было ни одного полицейскаго поста и только въ концѣ ея, ближе къ центру города, виднѣлось нѣсколько лавокъ. Пройти эту улицу возьметъ минутъ двѣнадцать, и потому рѣшено было сдѣлать нападеніе здѣсь. Избранное мѣсто нападенія находилось въ пяти минутахъ разстоянія отъ угла переулка. Пять часовыхъ должны были размѣститься, не теряя другъ друга изъ виду, по линіи, ведущей отъ тюремной площади къ новой улицѣ, чтобы посредствомъ условныхъ знаковъ моментально доводить до свѣдѣнія нападающихъ обо всемъ, что происходитъ на пути. Сами же нападающіе должны были скрываться изъ виду до рѣшительнаго момента.

Лучше всего было сдѣлать попытку на пути въ судъ Но въ случаѣ неожиданнаго препятствія — по улицѣ могъ проходить въ критическую минуту отрядъ солдатъ или полицейскихъ, похороны или свадебная процессія — нападеніе откладывается до возвращенія конвоируемыхъ обратно въ тюрьму, послѣ допроса. Въ этомъ случаѣ придется произвести перемѣну фронта. Нападеніе совершится въ томъ же пунктѣ, какъ наиболѣе удобномъ на всемъ пути; но Андрей и Василій должны ждать въ другомъ мѣстѣ. Всѣ участники предпріятія — часовые и остальные — должны двинуться по направленію къ суду, образуя новую линію, съ тѣмъ, чтобы слѣдить за конвоемъ, которому можетъ вздуматься видоизмѣнить обратный путь, о чемъ Андрей извѣщается немедленно. Во избѣжаніе путаницы, Зина должна присутствовать на мѣстѣ и слѣдить, чтобы все было въ порядкѣ.

Осуществленіе этого дѣла было въ высшей степени сложно и затруднительно. Все должно было идти съ правильностью часового механизма. Малѣйшая задержка или промедленіе, могли погубить все.

Въ воскресенье утромъ, когда все было готово, они продѣлали настоящую репетицію, чтобы убѣдиться, что все пойдетъ, какъ слѣдуетъ. Роль арестованныхъ и конвоя исполняли Маша Дудорова и Бочаровъ, при чемъ послѣдній въ шутку повѣсилъ себѣ на лѣвое плечо пу-

чокъ веревокъ въ формѣ аксельбанта, чтобы больше походить на жандарма. Въ назначенное время, оба торжественно двинулись отъ тюремной площади къ зданію суда, а черезъ часъ возвращались обратно, причемъ часовые, при видѣ ихъ, подавали сигналы, а вѣстовщики и нападающіе продѣлывали всѣ необходимыя движенія, какъ будто нападеніе происходило на самомъ дѣлѣ.

Въ общемъ все шло очень хорошо. Время и разстояніе были точно разсчитаны. Всѣ твердо знали свои роли. Нѣсколько сигналовъ были замѣнены другими, такъ какъ они оказались недостаточно ясными на разстояніи. Словомъ, все было на готовѣ. Предполагалось, что заключенныхъ потребуютъ къ допросу на слѣдующей недѣлѣ, — въ понедѣльникъ или въ среду. Такъ какъ понедѣльникъ сошелъ тихо, а по вторникамъ и четвергамъ слѣдственная коммиссія не засѣдала, то можно было разсчитывать почти навѣрное на среду.

Василій поднялся утромъ рано, въ шестомъ часу, и въ сотый разъ осмотрѣлъ каждый винтъ въ экипажѣ, каждый гвоздь лошадиныхъ подковъ, каждую пряжку въ упряжи. Все было въ замѣчательномъ порядкѣ, вычищено и смазано, какъ бы на показъ.

Онъ засыпалъ лишнюю порцію овса лошадямъ и съ особеннымъ стараніемъ выскребъ ихъ щеткой. Затѣмъ онъ пошелъ наверхъ, вымылся, причесался и почистилъ свое платье. Когда пробило восемь, онъ разбудилъ Андрея, который крѣпко спалъ, просидѣвши наканунѣ до поздней ночи за работой.

Поставивъ самоваръ, Василій собрался идти въ конюшню, чтобы запрягать лошадь, когда дверь отворилась и вошла Зина.

Она держала въ рукахъ корзинку для провизіи, а на головѣ у нея была накинута сѣрая шаль.

Конечно, она могла зайти съ тѣмъ, чтобы посовѣтовать что-нибудь: часто, хорошія мысли приходятъ въ голову въ послѣднюю минуту. Такъ, по крайней мѣрѣ, утѣшалъ себя Андрей, чтобы прогнать дурное предчувствіе при ея появленіи. Но когда она сняла платокъ,

покрывавшій ея ротъ и подбородокъ, и Андрей увидалъ ея блѣдное, взволнованное лицо, сердце его упало.

— Новая бѣда? воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ. Но вотъ, прочтите, сказала Зина, подавая ему телеграмму изъ Петербурга, которую онъ быстро пробѣжалъ глазами.

Телеграмма была отъ Тараса Кострова и заключала въ себѣ самую обыкновенную коммерческую новость; но смыслъ ея былъ очень важенъ. Костровъ, отъ имени комитета, просилъ отложить ихъ попытку на три дня. Очевидно, въ Петербургѣ затѣвалось что-то очень важное впродолженіе этихъ трехъ дней, и попытка въ Дубравникѣ могла помѣшать.

Андрей и Зина хорошо понимали возможность такихъ непріятныхъ совпаденій. Но они также знали — Андрей во всякомъ случаѣ зналъ — что, при теперешнемъ положеніи дѣлъ, уступить такому требованію, значило рисковать всѣмъ предпріятіемъ.

— Какъ тебѣ это понравится, съ саркастической улыбкой сказалъ Андрей, передавая Василію телеграмму.

Въ отвѣтъ, Василій скомкалъ ее въ кулакъ и бросилъ на столъ, протяжно свистнувъ.

„А я-то какъ хорошо смазалъ сегодня экипажъ и почистилъ лошадей!“ мелькнуло у него въ головѣ среди грустныхъ размышленій о неудачѣ.

Андрей хотѣлъ во что бы то ни стало отдѣлаться отъ этого новаго препятствія.

— Слишкомъ поздно откладывать наше дѣло, сказалъ онъ.

— Вовсе нѣтъ, отвѣчала Зина. Разъ оно еще не начиналось, его можно отложить.

— Но вѣдь это значитъ отказаться отъ него совсѣмъ. Можетъ быть, мы теряемъ нашъ послѣдній шансъ.

— Можетъ быть, сказала Зина.

— Ну, въ такомъ случаѣ я не думаю, чтобы они могли требовать отъ насъ такой уступки. Если же они будутъ настаивать, то мы, съ своей стороны, имѣемъ полное право продолжать наше дѣло до конца, не взи-

рая ни на что. Вѣдь все было окончательно рѣшено, подумайте! Мы работаемъ тутъ мѣсяцами, собираемся завершить дѣло счастливымъ окончаніемъ, и вотъ, ради какого-то новаго плана, быть можетъ фантастическаго проекта, отъ насъ требуютъ отказаться отъ дѣла, гдѣ рѣчь идетъ о жизни трехъ нашихъ товарищей. Нѣтъ, это уже черезъ чуръ. Никогда ничего не удастся сдѣлать партіи, если она будетъ придерживаться такой тактики!

Зина вспылила, какъ будто эти слова были ей личнымъ оскорбленіемъ.

— Не говорите глупостей, Андрей! вскричала она. Они очень хорошо знаютъ, какъ обстоитъ наше дѣло. Неужели вы думаете, что они не способны взвѣсить, также, какъ и мы здѣсь, что повлечетъ за собою такая задержка? Если, не смотря на это, они послали телеграмму, значитъ ихъ дѣло важнѣе нашего. Да вѣдь вы сами знаете, что намъ придется уступить.

Таковы были ея слова. А взглядъ ея большихъ сѣрыхъ глазъ говорилъ въ то же время: „зачѣмъ вы мучаете меня понапрасну? Неужели вы думаете, что я менѣе васъ заинтересована въ этомъ дѣлѣ? Или, что я сама не передумала этого много разъ?"

Андрей нервно прикусилъ губы и больше не настаивалъ.

— Предупредили-ли ихъ — онъ думалъ про заключенныхъ — что сегодня ничего не будетъ?

— У меня не было времени, отвѣчала Зина. Телеграмма получилась вчера ночью, послѣ моего свиданія съ надзирателемъ. Не видя никого на улицѣ, они сами догадаются, что сегодня ничего не будетъ.

— Нѣтъ, такъ не годится. Они просто подумаютъ, что мы не успѣли выбраться и будутъ ждать нападенія на обратномъ пути. Ихъ нужно сейчасъ же предупредить. Они могутъ устроить такъ, чтобы ихъ вызвали еще разъ къ допросу.

— Это правда; но какъ предупредить ихъ теперь?

— Отчего бы намъ съ вами не выйти къ нимъ на встрѣчу? Увидя насъ обоихъ на улицѣ, пѣшкомъ, они

поймутъ, что мы пришли ихъ только повидать, и что сегодня ничего нельзя сдѣлать.

Зинѣ очень понравилось это предложеніе. Только она боялась, чтобы конвойные, замѣтивъ лицо Андрея, не заподозрили его въ слѣдующій разъ, когда увидятъ его въ другомъ костюмѣ и верхомъ.

— Ну ихъ, всѣ эти предосторожности! воскликнулъ Андрей. Они не вспомнятъ моего лица, какъ и сотни другихъ, которыя попадутся имъ по дорогѣ.

Василій, по своему обыкновенію, поддержалъ Андрея, и Зина уступила. Они тотчасъ же вышли.

Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ отъ гостинницы, они увидѣли извощика, мчавшагося по направленію къ нимъ. Волосатое лицо Ватажко виднѣлось изъ-за спины кучера, которому онъ что-то объяснялъ.

— Эй, остановись! закричалъ Андрей.

Ватажко соскочилъ съ извощика. Онъ мчался съ извѣстіемъ, что въ окнѣ Клейна выставленъ сигналъ. Заключенныхъ потребовали въ судъ. Всѣ часовые были на своихъ мѣстахъ.

— Вернитесь скорѣй и разошлите ихъ по домамъ, сказала Зина. Сегодня ничего не будетъ, и не нужно, чтобъ ихъ видѣли на улицѣ.

Замѣтивъ его озабоченное лицо, она прибавила:

— Ничего особеннаго; просто отложено на три дня.

Ватажко поторопился исполнить новое порученіе. Зина и Андрей отправились на улицу, гдѣ разсчитывали встрѣтить Бориса съ товарищами.

Было холодное осеннее утро, какое внезапный сѣверный вѣтеръ приноситъ съ собою въ этотъ влажный, теплый край. Накрапывалъ мелкій холодный дождикъ и кололъ лицо и руки своими косыми струями. По мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ, дождь усиливался, заставляя прохожихъ ускорять шаги и прятать продрогшія шеи въ воротники своихъ пальто. Зина открыла зонтикъ. У Андрея же зонтика не было, потому что онъ по своей временной профессіи принадлежалъ къ классу, гдѣ зонтикъ еще не въ большомъ употребленіи. Но дождь его нисколько не безпокоилъ.

— Какая прекрасная погода! проговорилъ онъ со вздохомъ, указывая на улицу.

Зина улыбнулась, кивнувъ утвердительно головой.

Погода была въ самомъ дѣлѣ очень подходящая для ихъ предпріятія, и обидно было упускать такой случай. Даже самые многолюдные центры были почти пусты.

Повернувъ въ улицу, обсаженную липовыми деревьями, которую они могли видѣть изъ конца въ конецъ, они внезапно вздрогнули.

— Вотъ они! произнесли оба одновременно, въ полголоса, не поворачивая головы.

Сквозь густую пелену дождя они увидали своихъ друзей, подвигавшихся къ нимъ на встрѣчу. Два жандарма шли впереди, два позади. Арестанты находились по серединѣ. Вскорѣ ихъ легко можно было различить, и они въ свою очередь увидѣли своихъ друзей.

Изъ нихъ троихъ, одинъ Борисъ смотрѣлъ здоровымъ и бодрымъ. Онъ шелъ по серединѣ, и его густая русая борода развѣвалась по вѣтру. Лицо выражало радость неожиданной встрѣчи, нисколько не озабоченное тѣмъ, что можетъ означать эта встрѣча? Левшинъ и Клейнъ были очень блѣдны, быть можетъ отъ болѣзни, быть можетъ отъ волненія.

Обѣ группы друзей постепенно приближались, сохраняя по внѣшности полное равнодушіе. Чѣмъ ближе они подходили, тѣмъ важнѣе было скрыть малѣйшій признакъ того, что они интересуются другъ другомъ. Но и тѣ и другіе, не глядя, видѣли и чувствовали взаимную близость.

Зина замедлила шаги. Они теперь приближались очень медленно, и всетаки разстояніе между друзьями уменьшалось съ поразительной быстротой. Чтобы продлить хоть на минуту жгучую радость и въ то же время жгучую боль этого нѣмаго свиданія, Зина подошла къ крыльцу какого-то дома, какъ бы желая укрыться отъ дождя. Тутъ ей пришла въ голову счастливая мысль, которую она тотчасъ же привела въ исполненіе.

Поднявъ ручку зонтика надъ своей головой, она взглянула на Бориса и начала стучать въ дверь, съ ви-

домъ хозяйки дома, которая знаетъ, что ее ждутъ и потому не хочетъ звонить.

Андрей былъ нѣсколько удивленъ, что Зина стучится въ чужой домъ, но тотчасъ же догадался, что за этимъ что-то кроется. На самомъ дѣлѣ Зина телеграфировала мужу сообщеніе на тюремномъ языкѣ, въ которомъ каждая буква обозначалась небольшимъ числомъ стуковъ. И Зина, и Борисъ, благодаря тюремному опыту, умѣли читать по этой азбукѣ, одинаково хорошо глазами и слухомъ, точно также, какъ опытные телеграфисты разбираютъ телеграмму во время передачи ея аппаратомъ.

Вотъ что Зина сообщала Борису: „Добейтесь еще одного допроса". Она сдѣлала это такъ быстро, что кончила, прежде чѣмъ ея друзья успѣли пройти мимо дома. Легкій, едва замѣтный кивокъ со стороны Бориса далъ ей знать, что онъ понялъ и постарается исполнить ея порученіе.

Въ эту минуту дверь дома отворилась, и горничная спросила Зину, что ей угодно.

Она освѣдомилась, дома-ли полковникъ Иванъ Петровичъ Крутиковъ — первое попавшееся ей въ голову имя. Узнавъ, что это домъ протопопа Суханова и что никакого полковника Крутикова тутъ нѣтъ, Зина извинилась и ушла.

Арестанты были уже далеко.

Зина и Андрей вернулись домой въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. Теперь они были увѣрены, что отсрочка не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій.

———

ГЛАВА V.

Схватка.

Зина и Борисъ обмѣнялись письмами, вечеромъ того же дня. Зина объяснила заключеннымъ причину отсрочки. Борисъ, въ свою очередь, извѣщалъ друзей, что поступилъ согласно ихъ указаніямъ; его и товарищей, навѣрное, потребуютъ къ допросу въ слѣдующее засѣданіе коммиссіи. Это будетъ въ субботу, такъ какъ до того засѣданія не состоится.

Въ пятницу, дѣло, изъ-за котораго произошла отсрочка, благополучно сошло въ Петербургѣ, и Андрей и Василій очень были довольны, что послѣдовали совѣту Зины. Тѣмъ не менѣе, прощаясь съ нею въ этотъ день, Андрей предупредилъ ее:

— Если сегодня ночью придетъ телеграмма вродѣ той, то вы лучше не являйтесь съ нею. На этотъ разъ мы ни за что не отложимъ, и вы только напрасно насъ растревожите.

— Вамъ нечего бояться, сказала Зина. Такія вещи не случаются каждые два дня.

Они еще разъ сѣли, въ послѣдній разъ, на ту же самую скамью, гдѣ три недѣли тому назадъ Андрей узналъ о провалѣ подкопа и гдѣ тогда же было положено основаніе новому плану.

Они думали, но не говорили о завтрешнемъ днѣ. Да и не объ чемъ было говорить; все было рѣшено, и ничего нельзя было измѣнить. Они сдѣлали все, что могли, и приняли всѣ мѣры предосторожности. Теперь, теченіе событій было внѣ ихъ контроля. Исходъ зависѣлъ отъ тысячи случайностей, которыя предстояло встрѣтить

на мѣстѣ, ловко и смѣло; но ни предусмотрѣть, ни предугадать ихъ, не было возможности.

Зина посмотрѣла на часы.

— Мнѣ пора идти домой, сказала она, поднявшись.

— До свиданья, произнесъ Андрей, торопливо сжимая обѣ протянутыя къ нему руки.

Они попрощались просто и спокойно, какъ это дѣлали каждый день. За ними могли подсматривать, и они инстинктивно избѣгали всего необычнаго въ своемъ обращеніи, чтобы не давать повода къ подозрѣніямъ. Слишкомъ многое зависѣло отъ завтрешняго дня, чтобы пренебречь малѣйшими предосторожностями.

На слѣдующее утро, Василій съ девяти часовъ сидѣлъ, въ кучерскомъ платьѣ, у воротъ своего постоялаго двора и внимательно присматривался къ сосѣднему повороту.

Въ половинѣ одиннадцатаго, Ватажко проѣхалъ на извощикѣ, не останавливаясь. Въ рукѣ у него былъ бѣлый носовой платокъ — условленный сигналъ; онъ имъ даже слегка помахивалъ въ воздухѣ для большей очевидности: Ватажко былъ возбужденъ и слишкомъ молодъ, чтобы дѣйствовать съ самообладаніемъ опытнаго конспиратора.

Василій бросился наверхъ, увѣдомить Андрея, и встрѣтился съ нимъ на лѣстницѣ. Увидавъ сигналъ изъ окна, Андрей уже спокойно спускался во дворъ, вполнѣ вооруженный для предстоявшаго дѣла.

Его лошадь была осѣдлана и доѣдала свой овесъ. Онъ зауздалъ ее и подтянулъ подпруги. Василій, тѣмъ временемъ, повернулъ экипажъ къ воротамъ, сѣлъ на козла и быстро уѣхалъ. Однимъ прыжкомъ, Андрей очутился въ сѣдлѣ и выѣхалъ вслѣдъ за Василіемъ.

За воротами они кивнули другъ другу головой на прощаніе, едва обмѣнявшись взглядами. Они не знали, встрѣтятся-ли еще разъ когда-нибудь; но въ ту минуту они были слишкомъ поглощены своимъ дѣломъ, чтобы задумываться о будущемъ. Они поѣхали по разнымъ направленіямъ, такъ какъ должны были ждать

въ различныхъ мѣстахъ, прежде чѣмъ соединятся для общаго дѣйствія.

Въ десять минутъ Андрей доѣхалъ уже до маленькой уединенной площади, — когда-то бывшій рынокъ, — по сосѣдству съ ведущею въ городъ роковою улицею. Ватажко, въ качествѣ спеціально приставленнаго къ нему часоваго, былъ уже тамъ. Онъ только-что отпустилъ своего извощика и нырнулъ въ узенькій кривой переулокъ, соединяющій площадь съ улицею. Стоя по серединѣ переулка, онъ могъ видѣть оба его конца, и самъ былъ на виду, такъ что могъ передавать Андрею всѣ сигналы, получаемые съ улицы.

Подъѣхавъ къ переулку, Андрей увидѣлъ своего часоваго, дававшаго ему знать, что заключенные еще не вышли изъ тюремныхъ воротъ. Василій, котораго Андрей не могъ видѣть, находился на своемъ постѣ, на другомъ концѣ переулка, получая сигналы отъ ряда часовыхъ, расположенныхъ по направленію къ тюремной площади.

Андрей сошелъ съ лошади и сталъ водить ее подъ уздцы, какъ будто прогуливая ее. Оставаться неподвижно, верхомъ, посреди площади, значило бы привлекать къ себѣ вниманіе любопытныхъ. Онъ былъ въ купеческомъ кафтанѣ, подъ которымъ легко было спрятать оружіе. Проходя мимо переулка, онъ опять увидѣлъ Ватажко — со шляпою на головѣ, — изъ чего слѣдовало, что заключенные все еще въ стѣнахъ тюрьмы. Но въ ту же самую минуту онъ снялъ ее и остановился съ непокрытой головой, сметая со шляпы приставшую соломинку. Сердце сильно забилось у Андрея: друзья, стало-быть, вышли изъ тюрьмы; они шли на встрѣчу.

Однако онъ не сѣлъ еще на коня. Держа лошадь подъ уздцы, онъ спокойно шелъ впередъ: онъ дожидался еще одного, самаго важнаго сигнала.

Заключенныхъ предполагалось снабдить короткими револьверами, которые надзиратель взялся имъ передать. Но, такъ какъ передъ самымъ выходомъ изъ тюрьмы, арестантовъ тщательно обыскиваютъ, — то

надзиратель предложилъ положить револьверы въ карманы ихъ шинелей, которыя онъ самъ долженъ былъ накинуть имъ на плечи, послѣ того, какъ всѣ формальности будутъ выполнены.

Все зависѣло отъ того, удалась-ли эта хитрость. Арестованные, проходя мимо перваго подчаска, должны были дать знать, вооружены-ли они, или нѣтъ. Это рѣшало, состоится-ли сегодня нападеніе.

Ватажко, раньше того изображавшій праздношатающагося, разглядывающаго картинки въ окнѣ какой-то лавки, совсѣмъ забылъ свою роль. Разставивъ ноги, онъ стоялъ посреди переулка и съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдилъ за движеніями Василія. Когда желанный сигналъ былъ поданъ, онъ бросился сообщить добрую вѣсть Андрею.

Его роль, какъ часоваго, была кончена. Ему не зачѣмъ было дожидаться другихъ сигналовъ, потому что Василій быстро двинулся впередъ, чтобы быть на мѣстѣ предстоявшаго нападенія. Ему нужно было пріѣхать туда раньше, чтобы конвоируемые могли его увидѣть на своемъ постѣ.

Андрей, наоборотъ, долженъ былъ двигаться все время, такъ какъ ему необходимо было встрѣтиться съ партіей въ заранѣе опредѣленномъ мѣстѣ. Теперь, ему еще рано было показываться на улицѣ; приходилось прождать еще минутъ пять-шесть. Онъ лишній разъ обошелъ свою маленькую площадь, держа лошадь въ поводу, и стараясь идти обыкновеннымъ шагомъ.

Ватажко шелъ рядомъ съ нимъ по тротуару.

— Держитесь у поворота въ переулокъ и не волнуйтесь, повторилъ ему въ послѣдній разъ свои инструкціи Андрей. Если ничего не произойдетъ, поспѣшите извѣстить Зину. Помните, гдѣ она будетъ дожидаться? На бульварѣ, третья скамейка отъ входа.

— Да; я хорошо помню.

Слова эти относились къ тому случаю, еслибы нападеніе пришлось отложить до возвращенія партіи изъ суда. Но Андрей надѣялся, что надобности въ такой нежелательной отсрочкѣ не представится.

— Теперь пора! воскликнулъ онъ.

Онъ легко вскочилъ въ сѣдло, пока Ватажко держалъ коня подъ уздцы.

— Прощайте! сказалъ юноша. Успѣхъ зависитъ отъ васъ.

— И отъ моего Россинанте, сказалъ Андрей съ улыбкой и потрепалъ лошадь по шеѣ.

Кивнувъ привѣтливо головой, онъ поѣхалъ рысью въ переулокъ, гдѣ прежде стоялъ Ватажко.

Когда онъ въѣхалъ въ улицу, онъ сдержалъ лошадь и сталъ присматриваться. Улица была совершенно безопасна. Но его глаза притягивались, какъ магнитомъ, къ маленькой колоннѣ, издали казавшейся неподвижной, хотя она приближалась правильнымъ, военнымъ шагомъ.

„Вотъ они, вотъ!“ сказалъ про себя Андрей. „Что бы ни случилось, сегоднишній день не пройдетъ даромъ“.

Своими дальнозоркими глазами онъ вскорѣ могъ различить трехъ арестованныхъ и замѣтилъ, что Борисъ былъ въ короткой курткѣ, безъ шинели. Онъ, по всей вѣроятности, не былъ вооруженъ. Было очень досадно. Но Левшинъ и Клейнъ были одѣты какъ слѣдуетъ, — значитъ вооружены. Пожалуй, этого хватитъ на всѣхъ. Очевидно, сами они такъ думали, иначе не дали бы сигнала, что у нихъ есть оружіе.

На лѣвой сторонѣ улицы Андрей увидѣлъ экипажъ, съ Василіемъ на козлахъ. Видна была только его широкая, сутуловатая спина, въ синемъ кучерскомъ кафтанѣ, и глянцеватая шляпа. Онъ имѣлъ видъ усталаго извощика, лѣниво поджидавшаго сѣдока.

Ни одного настоящаго извощика не было видно на протяженіи улицы. На обязанности часовыхъ, освободившихся теперь со своихъ постовъ, было — не давать останавливаться извощикамъ, чтобы жандармы не могли ими воспользоваться для погони. Ихъ нанимали и уѣзжали подальше, а затѣмъ всѣ отправлялись на бульваръ, къ Зинѣ, за дальнѣйшими приказаніями.

Андрей и его товарищи медленно сближались другъ съ другомъ, причемъ Андрей ѣхалъ шагомъ. На улицѣ

было почти пусто; только тамъ и сямъ виднѣлись рѣдкіе прохожіе. Но веселая жизнь текла своимъ чередомъ въ это яркое солнечное утро. Толстая баба, въ передникѣ, подвязанномъ подъ мышками, толкала впередъ тележку съ фруктами и сластями, громко выкрикивая свои товары. Два запачканныхъ мальчугана съ разинутыми ртами смотрѣли на соблазнительную тележку и никакъ не могли понять, отчего это большіе, которымъ все можно, такъ равнодушно проходятъ мимо. Окна домовъ были раскрыты. Веселыя лица высовывались оттуда, любуясь прекрасной погодой. Съ одного балкона доносились громкій разговоръ и смѣхъ.

Андрею показалась странной и удивительной эта веселая беззаботность улицы, которая черезъ нѣсколько минутъ сдѣлается ареной жестокой борьбы, смятенія и кровопролитія.

Нападеніе должно было произойти саженяхъ въ десяти позади экипажа, чтобы оставить Василію открытый путь. Въ моментъ, когда конвоируемые выстрѣлятъ въ первый разъ по конвою, Андрей долженъ оказаться въ тылу конвоя и напасть на жандармовъ во время ихъ схватки съ арестантами. Онъ регулировалъ поэтому свои движенія такимъ образомъ, чтобы проѣхать мимо конвоя недалеко отъ экипажа. Легкимъ давленіемъ ноги онъ направилъ послушнаго коня въ пространство между конвоемъ и Василіемъ. Ни онъ не глядѣлъ на арестованныхъ, ни они на него; но и тѣ и другіе, съ тревогой, слѣдили другъ за другомъ. Левшинъ былъ ближе къ нему. Андрей физически ощущалъ устремленный на него вопросительный взглядъ и едва замѣтно кивнулъ головой въ знакъ одобренія. Онъ только привѣтствовалъ ихъ этимъ движеніемъ, но возбужденный Левшинъ принялъ это, очевидно, за сигналъ. Въ тоже мгновеніе Андрей увидалъ, какъ онъ вытащилъ револьверъ изъ кармана и направилъ его въ жандарма, шедшаго за нимъ. Раздался выстрѣлъ, послышалось громкое проклятіе, и на мгновеніе все скрылось въ облакѣ дыма, такъ что Андрей ничего не могъ видѣть.

Дѣло началось. Повернувъ лошадь, Андрей вынулъ револьверъ и выжидалъ, держа палецъ на собачкѣ. Сквозь разсѣявшійся дымъ, онъ увидѣлъ, какъ жандармъ, который не былъ раненъ, бросился на своего противника и схватилъ его за горло. Въ слѣдующую же секунду, револьверъ Андрея задымился у него въ рукѣ, и жандармъ грохнулся на земь. Послѣдовало неописуемое смятеніе.

Возгласы жандармовъ, крики прохожихъ и вопли женщинъ, разбѣгавшихся въ разныя стороны, стукъ торопливо закрываемыхъ оконъ, смѣшались со звуками быстрыхъ, раздававшихся на удачу, выстрѣловъ.

Видя, что дѣйствіе происходитъ слишкомъ близко отъ его кареты, Василій двинулся впередъ, остановившись на разстояніи саженей въ десять. Съ поводьями въ одной рукѣ, съ револьверомъ въ другой, онъ наблюдалъ за происходившимъ и за улицей, свирѣпо поворачивая головой направо и налѣво, сверкая своими маленькими глазами на подобіе лютаго звѣря. Освободившись отъ своего врага, Левшинъ побѣжалъ и вскочилъ въ экипажъ благополучно. Клейнъ собирался послѣдовать его примѣру. Но унтеръ-офицеръ, высокій рослый парень, командовавшій тыломъ, успѣлъ схватить его за руку и вырвать револьверъ. Андрей бросился къ нему на помощь. Унтеръ-офицеръ выстрѣлилъ въ него, но не попалъ, толкаемый во всѣ стороны Клейномъ, котораго онъ все еще не выпускалъ изъ рукъ. Въ одну минуту Андрей наскочилъ на него, пришпоривъ лошадь, и чуть не смялъ его подъ собою.

Вынужденный защищаться отъ лошади, унтеръ-офицеръ на мгновеніе выпустилъ Клейна, который тотчасъ же побѣжалъ къ экипажу. Жандармъ бросился вправо, въ надеждѣ повернуть лошадь Андрея и нагнать бѣглеца, но съ быстротой молніи Андрей повернулъ коня и сталъ между ними.

— Больно торопишься, голубчикъ! крикнулъ онъ ему, прицѣливаясь.

Два выстрѣла раздались одновременно. Андрей ранилъ жандарма въ руку, и тотъ выронилъ револьверъ;

между тѣмъ какъ его пуля пронизала лишь кафтанъ Андрея, не задѣвъ его; но она ударила лошадь Василія. Подскочивъ, лошадь помчалась во всю прыть, не смотря на всѣ усилія кучера удержать ее. Левшинъ и Клейнъ были спасены; Борисъ же оставался въ рукахъ непріятеля. Но двое изъ конвойныхъ уже не могли драться. Теперь остались двое противъ двоихъ. Бориса можно было увезти на крупѣ лошади.

„Еще одно усиліе, и побѣда за нами!“ сказалъ торжествующій Андрей самому себѣ, приготовляясь къ новому нападенію.

Борисъ находился въ пяти саженяхъ отъ него и энергично сопротивлялся двумъ жандармамъ, старавшимся связать его шнурками своихъ аксельбантовъ. Онъ, было, вырвался отъ нихъ и, будучи невооруженъ, надѣялся какъ-нибудь скрыться во время суматохи, если ему не удастся попасть въ экипажъ къ Василію. Но они его нагнали, и теперь положеніе его было очень критическое.

— Держись, другъ! кричалъ ему Андрей. Сейчасъ я — около тебя.

Онъ бросился на помощь къ Борису. Но тутъ Андрей сдѣлалъ серьезный промахъ. Онъ былъ хорошій стрѣлокъ, и ему слѣдовало этимъ воспользоваться. Но увидѣвъ, какъ жандармъ съ рыжими усами связывалъ руки Борису, онъ забылъ обо всемъ и, пришпоривъ лошадь, понесся къ нимъ. Унтеръ-офицеръ, хотя и раненый, не потерялъ еще силъ и подбѣжалъ на помощь къ товарищамъ. Андрей стремительно бросился на него, почти приподнявъ грудью лошади его грузное тѣло, ударившее всею своею тяжестью рыжаго жандарма. Тотъ упалъ на землю и увлекъ за собою Бориса; а лошадь инстинктивно поскакала впередъ со своимъ сѣдокомъ. Такимъ образомъ нѣсколько драгоцѣнныхъ моментовъ были потеряны, и шансы все больше становились противъ Андрея. Когда онъ повернулъ лошадь, онъ увидѣлъ Бориса, стоявшаго неподвижно между двумя жандармами. Онъ не сопротивлялся болѣе; его

лицо было искажено злобой, и глаза устремлены на что-то угрожающее вдали.

— Спасайся! Полиція! закричалъ онъ голосомъ, котораго, Андрею казалось, онъ во всю жизнь не забудетъ.

Онъ оглянулся, и проклятіе вырвалось изъ его груди. Привлеченные шумомъ, два полицейскихъ бѣжали по улицѣ. Третій только-что выскочилъ откуда-то по сосѣдству.

Борисъ погибъ!

Но они еще далеко; можно сдѣлать еще одну попытку. Съ яростью и отчаяніемъ въ душѣ, со стиснутыми зубами Андрей бросился на жандармовъ въ безумной надеждѣ убить всѣхъ троихъ до прибытія полиціи. Но онъ слишкомъ торопился. Онъ стрѣлялъ почти не цѣлясь, не подумавъ, что, дѣйствуя такъ, онъ можетъ легко ранить самого Бориса. Да что за бѣда, если онъ даже будетъ убитъ! Лучше пасть отъ руки друга, чѣмъ быть удушеннымъ палачомъ.... Ни одинъ изъ выстрѣловъ не попалъ въ цѣль, между тѣмъ какъ одинъ изъ жандармовъ слегка ранилъ его въ ногу. Въ бѣшенствѣ онъ бросилъ пустой револьверъ на землю и взялся за другой, который имѣлъ про запасъ.

— Бѣги! Они тебя поймаютъ! сквозь дымъ раздался голосъ Бориса, болѣе настойчивый, чѣмъ прежде.

Два полицейскихъ направлялись къ Андрею. Одинъ изъ нихъ успѣлъ схватить его за полу кафтана, съ тѣмъ, чтобы стащить съ лошади. Андрей повернулся въ сѣдлѣ и такъ ударилъ его тяжелымъ револьверомъ по головѣ, что тотъ такъ и покатился. Но надежды больше не оставалось; битва была проиграна. Онъ пришпорилъ свою лошадь, подобравъ поводья, чтобы нельзя было за нихъ ухватиться, и быстро ускакалъ. Нѣсколько пуль въ догонку прожужжали мимо его ушей. Онъ слышалъ за собою неистовые крики жандармовъ.

Но — горе тому, кто вздумалъ бы остановить его въ ту минуту! Къ счастью, никто и не пытался. Его лошадь, которая, казалось, не менѣе его самого порывалась выбраться изъ этого мѣста, помчала его съ быстротой, дѣлавшей честь ея преданности. Черезъ полъ-

минуты онъ былъ уже на другомъ концѣ проспекта, и передъ нимъ разстилалось открытое поле. Но онъ туда не поѣхалъ, а свернулъ налѣво и очутился въ настоящемъ лабиринтѣ узенькихъ улочекъ и переулковъ стараго рабочаго квартала. Тутъ онъ поѣхалъ тише, поворачивая то направо, то налѣво, чтобы сбить съ толку преслѣдователей, въ случаѣ, если они будутъ справляться, по какому направленію онъ поѣхалъ. Наконецъ онъ выбралъ узкій темный проходъ, въ которомъ было только два мальчика, и черезъ него вышелъ на открытую дорогу. Онъ снова пустилъ коня во весь опоръ и помчался, какъ стрѣла, по мягкой, немощенной дорогѣ.

У юго-восточной заставы онъ увидѣлъ городового, который посмотрѣлъ на него, когда онъ проѣзжалъ мимо.

Андрей повернулъ въ улицу, ведущую въ городъ, зная очень хорошо, что городовой сообщитъ объ этомъ, въ случаѣ розыска. Пропустивъ нѣсколько улицъ, онъ опять свернулъ направо и выѣхалъ въ открытое поле на прежнюю дорогу.

Завидѣвъ деревянные кресты стараго кладбища, онъ сдержалъ лошадь. Тутъ кончалось его путешествіе. Ѣхать дальше не было надобности; онъ находился на другомъ концѣ города, въ трехъ верстахъ отъ мѣста схватки. Чтобы выслѣдить его, полиціи нужно было, по крайней мѣрѣ, часа два времени. Онъ былъ въ сущности внѣ опасности, однако времени терять нельзя было.

Осмотрѣвшись кругомъ и убѣдившись, что никто его не видитъ, Андрей спѣшился и, ведя за собою лошадь, спустился въ глубокій оврагъ стараго кладбища.

Здѣсь онъ въ первый разъ вспомнилъ про свою рану. Она была ничтожной, простой царапиной и не мѣшала ему двигаться. Но просачивавшуюся кровь нужно было остановить, чтобы она не послужила указаніемъ для преслѣдователей. Онъ кое-какъ перевязалъ ногу. Затѣмъ онъ открылъ небольшой сакъ-вояжъ, находившійся за сѣдломъ. Въ немъ было длинное, военнаго покроя пальто изъ сѣраго холста, какіе носятъ бѣдные офи-

церы въ отставкѣ, и военная шапка. Спрятавъ собственную шапку въ карманъ и переодѣвшись, Андрей принялъ совершенно другой видъ. Лошадь пришлось оставить на мѣстѣ въ качествѣ жалкаго трофея полиціи. Какъ существо неотвѣтственное, она не подвергалась риску быть наказанной за участіе въ политическомъ преступленіи. Ему даже захотѣлось оставить на лошади записку въ этомъ смыслѣ, пока онъ снималъ съ нея уздечку и сѣдло.

Но ему было не до шутокъ. Теперь, когда возбужденіе, вызванное опасностью, прошло, — жалкій результатъ ихъ усилій поразилъ его.

„Какое несчастіе! Какой страшный ударъ Зинѣ!“ повторялъ онъ съ горечью.

Онъ оставилъ кладбище и съ тоской и тяжестью въ сердцѣ вернулся въ городъ, направляя свои шаги на новую квартиру, приготовленную для него Василіемъ.

ГЛАВА VI

Приключенія Василія.

Убѣжище, куда укрылся Андрей, находилось въ центрѣ города. Недѣли за двѣ передъ тѣмъ, Василій нанялъ тамъ меблированную комнату. Необходимо было, чтобы квартирная хозяйка показала, въ случаѣ, если ее будутъ допрашивать, что ея жилецъ, Онисимъ Павлюкъ, какъ теперь назывался Василій, жилъ у нея за много дней до столкновенія съ полиціей. По правдѣ сказать, въ отыскиваніи убѣжища Василій руководился еще однимъ соображеніемъ, болѣе частнаго характера, — ему хотѣлось припрятать по возможности больше вещей, которыя удобно было перевезти съ постоялаго двора. Если этого не сдѣлать заблаговременно, думалъ онъ, все пропадетъ тамъ понапрасну. Но объ этихъ соображеніяхъ онъ не сообщалъ своимъ товарищамъ, менѣе разсчетливымъ, чѣмъ онъ, чтобы не давать новаго повода ихъ насмѣшкамъ.

Будучи свободенъ по вечерамъ, онъ не лѣнился совершать ежедневныя прогулки версты въ три и ухитрялся проживать на двухъ квартирахъ сразу. Какъ только начинало вечерѣть, онъ являлся въ новое жилище съ узелкомъ подъ мышкой, заявляя, что только-что вернулся съ работы. Въ полночь, когда все въ домѣ засыпало, онъ уходилъ, поваляввшись предварительно на постели, чтобы хозяйка подумала, что онъ проспалъ ночь и рано утромъ ушелъ.

Василій уговорилъ Андрея показаться туда же за нѣсколько дней до покушенія, чтобы такимъ образомъ сдѣлать новую квартиру вполнѣ безопасной. Онъ представилъ своего друга хозяйкѣ, какъ будущаго со-

жителя, которому онъ сдалъ полъ-комнаты, со столомъ. Андрей изображалъ изъ себя писца, у котораго часто бываетъ срочная работа на дому; такимъ образомъ, онъ могъ впослѣдствіи не выходить по цѣлымъ днямъ, не возбуждая ничьихъ подозрѣній. Ему было бы опасно показываться на улицѣ въ первые дни послѣ ихъ попытки. Весь городъ былъ перевернутъ вверхъ дномъ. Жандармы, казалось, хлопотали больше о томъ, чтобы схватить его, чѣмъ поймать бѣглецовъ, противъ которыхъ они не чувствовали личной злобы. Самое подробное и точное описаніе его примѣтъ было роздано повсемѣстно, и сотни ищеекъ высматривали его по всему городу. Кромѣ того, жандармамъ удалось открыть настоящее имя Андрея, очевидно благодаря неосторожности кого-нибудь изъ неопытныхъ товарищей. Это подлило масла въ огонь. У него было много старыхъ счетовъ съ жандармами, о чемъ они теперь и вспомнили.

Василій былъ въ болѣе выгодномъ положеніи. Хотя въ инструкціяхъ, розданныхъ шпіонамъ, требовалось изловить также и кучера, однако въ данномъ случаѣ они собственно не знали, кого ловить. Вниманіе конвойныхъ жандармовъ было такъ поглощено Андреемъ, что они даже не присмотрѣлись къ внѣшности его товарища. Описаніе примѣтъ Василія, данное ими, не согласовалось съ показаніями служителей постоялаго двора, гдѣ найденъ былъ экипажъ; такъ что полиція пришла къ заключенію, что человѣкъ, смотрѣвшій за лошадьми въ гостинницѣ и кучеръ, увозившій бѣглецовъ, были два разныхъ субъекта.

Василій, во всякомъ случаѣ, считалъ себя — теперь, какъ и передъ тѣмъ, — въ полной безопасности въ Дубравникѣ. Онъ свободно расхаживалъ по улицамъ, исполняя всевозможныя порученія; покупалъ ѣду и приносилъ газеты Андрею и сообщалъ новости о друзьяхъ, доставляемыя Анною Вуличъ, съ которою онъ видался черезъ день въ городскомъ саду. Онъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы развлечь своего друга и разсѣять тоску, очевидно снѣдавшую Андрея, хотя онъ и старался ничего не показывать.

На самомъ дѣлѣ, недѣля, проведенная Андреемъ въ его новомъ убѣжищѣ, была одной изъ самыхъ грустныхъ въ его жизни. Мысль, что двое товарищей вырваны изъ рукъ непріятеля, не утѣшала его въ потери Бориса. Левшинъ и Клейнъ были друзьями, ради которыхъ онъ ни на минуту не задумался бы нанести ударъ и рискнуть жизнью. Еслибы дѣло шло объ нихъ однихъ, онъ былъ бы вполнѣ счастливъ. Но теперь онъ не могъ иначе смотрѣть на свою попытку, какъ на пораженіе. Утрата Бориса испортила все.

Нельзя сказать, чтобы его больше всего мучила жалость къ Борису. Въ эту минуту Андрей вовсе не думалъ объ участи, ожидавшей его друга. Его сердце ныло отъ сожалѣнія къ самому себѣ за то, что ему не удалось отбить Бориса тогда же, и отъ глубокаго состраданія къ Зинѣ, смѣшаннаго съ чувствомъ стыда за обманутыя ожиданія и за причиненныя ей муки. Еслибы не нѣсколько промаховъ съ его стороны, все могло кончиться совершенно иначе. Борисъ былъ бы теперь съ Зиной, а по окончаніи карантина, и онъ присоединился бы къ нимъ. Картина, представлявшаяся ему, была такъ привлекательна, такъ реальна и еще недавно такъ осуществима, что онъ съ трудомъ удерживался, чтобы не кричать отъ бѣшенства и боли при мысли, что это — нелѣпый сонъ, жестокая игра воображенія.

Онъ ни на минуту не хотѣлъ допустить, что нужно оставить всякую мысль о спасеніи друга. Необходимо попытаться еще разъ. Новое обвиненіе будетъ выставлено противъ Бориса — покушеніе на бѣгство изъ-подъ стражи. Полиція будетъ стараться раскрыть подробности. Это повлечетъ къ безконечнымъ задержкамъ, которыми и нужно воспользоваться для новой попытки. Андрей составилъ уже два, три плана въ своемъ воображеніи. Но все это было смутно, неопредѣленно и скорѣе похоже на воздушные замки, чѣмъ на настоящіе проекты. Между тѣмъ, недавнія происшествія мучительно жгли его мозгъ. Зачѣмъ онъ сдѣлалъ этотъ глупый кивокъ головой Левшину и тѣмъ заставилъ его выстрѣлить не во-время, не давши поэтому возможности

Клейну быть готовымъ? Зачѣмъ онъ потерялъ голову, увидѣвъ Бориса, борющагося съ двумя жандармами? Еслибъ онъ только слегка удержалъ лошадь, или даже напалъ бы сбоку, онъ смялъ бы одного изъ жандармовъ, вмѣсто того, чтобы повалить на землю Бориса. Андрей придумывалъ сотни новыхъ комбинацій, и всѣ онѣ оказывались лучше той, къ которой онъ прибѣгнулъ на самомъ дѣлѣ. Мысль, что эти комбинаціи тоже могли бы окончиться неудачей, не приходила ему въ голову. Онъ видѣлъ только одну сторону дѣла. Успѣхъ представлялся ему такимъ легкимъ, простымъ и естественнымъ, что горькая дѣйствительность, къ которой онъ возвращался послѣ своихъ фантазій, казалась ему чѣмъ-то невѣроятно чудовищнымъ.

Въ одиночествѣ временнаго заключенія, мрачное настроеніе Андрея все усиливалось съ каждымъ днемъ. Василія это очень огорчало. Онъ сдѣлалъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ развлечь его. Но, какъ человѣкъ робкій и нерѣшительный, не привыкшій вліять на другихъ, онъ не вѣрилъ въ силу своей убѣдительности и боялся, что, вмѣсто облегченія, только растравитъ раны Андрея.

Онъ поэтому благоразумно рѣшилъ оставить его въ покоѣ. Онъ оживетъ, когда вернется къ друзьямъ и работѣ. Ждать теперь не долго: пароксизмъ полицейской горячки уже значительно улегся. Не поймавъ никого, полиція дѣйствительно рѣшила, что всѣ участники предпріятія давно выѣхали изъ города, и скоро наступило время, когда Андрею можно было ослабить свой карантинъ и начать выходить изъ дому.

Василій, конечно, сообщилъ объ этомъ своему товарищу, и онъ разсѣянно согласился съ нимъ, но не торопился воспользоваться благопріятными обстоятельствами.

— Сегодня иллюминація и фейерверкъ въ городѣ, добавилъ Василій. Вуличъ хочетъ посмотрѣть и сказала, что зайдетъ за тобой.

Андрей только пожалъ плечами и замѣтилъ, что ни-

сколько не интересуется ни иллюминаціей, ни фейерверкомъ.

— Я лучше останусь стеречь квартиру; но почему бы тебѣ, Василій, не пойти? прибавилъ онъ. Ступайте вдвоемъ, и потомъ ты мнѣ разскажешь, что я потерялъ, оставшись дома.

Василію это не понравилось.

— Я не могу пойти съ Вуличъ, сказалъ онъ, потому что у меня сегодня свиданіе съ Зиной.

И онъ тотчасъ же ушелъ, хотя зналъ, что попадетъ въ назначенное мѣсто, по крайней мѣрѣ, часомъ раньше, чѣмъ нужно. Тѣмъ временемъ, должна была придти Вуличъ, и онъ думалъ, что лучше оставить ихъ однихъ: молодая дѣвушка, навѣрно, сумѣетъ разогнать мрачное настроеніе Андрея.

Доброта и скромность Василія были тутъ какъ нельзя болѣе кстати. Во время приступовъ такой нравственной болѣзни, какою страдалъ Андрей, самымъ лучшимъ исцѣлителемъ является женская дружба. Мужчина никогда не обнаружитъ передъ другимъ такихъ ранъ своего сердца, о которыхъ будетъ чистосердечно говорить съ женщиной.

Послѣ открытія, сдѣланнаго на пикникѣ, Андрей не искалъ общества Вуличъ, но и не избѣгалъ его. У обоихъ было слишкомъ серьезное дѣло на рукахъ, чтобы заниматься своими личными чувствами, и она бы обидѣлась, еслибы онъ велъ себя иначе. Они видались часто и очень подружились.

Когда дѣвушка пришла и сообщила ему новости дня, Андрей первый же заговорилъ о гнетущемъ его горѣ.

— Видите, Анюта, сказалъ онъ, какъ вы ошиблись, предсказывая мнѣ успѣхъ въ тотъ вечеръ.

Онъ намекалъ на разговоръ въ лѣсу во время пикника.

— Нельзя сказать, чтобы я совсѣмъ ошиблась, возразила она. Какъ ваша рана? Василій говоритъ, что пустяки, а всетаки мнѣ кажется, вы нездоровы.

Махнувъ пренебрежительно рукой, Андрей увѣрилъ ее, что объ ранѣ не стоитъ разговаривать. Онъ былъ

бы счастливъ, какъ птица небесная, съ дюжиной подобныхъ ранъ, еслибы дѣло кончилось, какъ слѣдуетъ.

Онъ заговорилъ о томъ, что его мучило, въ такомъ тонѣ, какимъ никогда не говорилъ съ Василіемъ. Онъ не утаилъ передъ нею о своихъ позднихъ сожалѣніяхъ и горькомъ самообвиненіи.

Горячіе и энергичные протесты дѣвушки не заставили его отказаться отъ своего мнѣнія. Но ему, тѣмъ не менѣе, пріятно было, что она такъ думаетъ, хотя и ошибается.

— А наши бѣглецы все еще укрываются въ вашемъ домѣ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, они уѣхали вчера вечеромъ въ Одессу. Городъ принялъ нормальный видъ. На улицахъ нѣтъ ничего необычайнаго. Вамъ не зачѣмъ оставаться дольше взаперти, иначе это можетъ возбудить подозрѣнія.

Она стала звать его на иллюминацію, и, къ великой ея радости, Андрей согласился.

— Я совсѣмъ забыла передать вамъ слѣдующее, сказала Вуличъ, взявъ его подъ руку, когда они очутились на улицѣ. Ваши петербургскіе товарищи пишутъ, что одна ваша знакомая предложена Жоржемъ въ члены кружка. Онъ и спрашиваетъ, согласны-ли вы и Зина вотировать за нее.

— Какъ ее зовутъ? спросилъ Андрей, и лицо его внезапно покрылось яркой краской.

Онъ слишкомъ хорошо зналъ, кто она. Была только одна дѣвушка, которую они трое знали и которую Жоржъ могъ бы предложить въ члены.

— Таня Рѣпина, отвѣтила Вуличъ, подозрительно взглянувъ на него.

— А, Рѣпина! И Жоржъ ее предлагаетъ? продолжалъ Андрей, все болѣе смущаясь.

Рука дѣвушки, опиравшаяся на него, задрожала, и потомъ какъ бы закоченѣла.

— Кто эта Таня Рѣпина? спросила она сдавленнымъ голосомъ.

— Наша пріятельница; дочь адвоката Рѣпина, отвѣчалъ Андрей, глядя прямо передъ собою.

Маленькая рука нервно сжалась, и Вуличъ медленно отступила, какъ бы желая его лучше разсмотрѣть.

— Пріятельница, вы говорите?

— Ну, да; сказалъ Андрей, и ихъ глаза встрѣтились. Лицо Вуличъ потемнѣло. Въ ея глазахъ сверкнуло выраженіе непріязни, почти ненависти.

— Это неправда, вы любите ее! почти вскричала она, выдернувъ свою руку.

Андрей сердито посмотрѣлъ на нее. — „Какое право имѣетъ она вмѣшиваться въ тайны, которыхъ я никому не раскрывалъ?" — На минуту ихъ взгляды скрестились, какъ два сверкающихъ меча въ поединкѣ. Но Андрей, который первый долженъ былъ нанести ударъ, отвернулъ голову.

Они сдѣлали нѣсколько шаговъ молча. Когда онъ снова посмотрѣлъ на нее, лицо его было уже не сердитое, а грустное.

— Чтожъ.... да, я люблю ее, сказалъ онъ. Теперь вы довольны?

— А она.... она любитъ васъ? прошептала дѣвушка, наклонивъ голову.

— Нѣтъ, она меня не любитъ, если вамъ хочется это знать.

Вуличъ еще ниже наклонила голову, стараясь концомъ зонтика снять что-то съ носка своего башмака.

— Но почему же? спросила она, выпрямляясь.

Въ ея голосѣ было такое наивное, выдававшее ее, изумленіе, что Андрей невольно улыбнулся.

— Это наврядъ-ли будетъ вамъ интересно, сказалъ онъ мягкимъ тономъ. Только знайте и помните, Анюта, продолжалъ онъ, что ни одной живой душѣ я не говорилъ того, что вы знаете.

— Ни даже ей?

— Она послѣдняя, кому бы я признался въ этомъ... Но не будемъ больше касаться этого сюжета. Вѣдь вы не для допроса вытащили меня изъ дому, а для развлеченія, ну и постарайтесь исполнить свою миссію.

— Да, конечно! воскликнула Анюта съ живостью, взявъ его опять подъ руку и подымая къ нему улыба-

ющееся лицо. Еслибъ я только была въ силахъ!... прибавила она, понижая голосъ.

— Передайте Зинѣ, что я подаю голосъ за принятіе, сказалъ Андрей дѣловымъ тономъ.

Не успѣли они скрыться изъ виду, какъ Василій вернулся домой. Онъ очень обрадовался, не заставъ Андрея. Идти на иллюминацію — была его затѣя, и онъ былъ увѣренъ, что прогулка окажется очень полезной Андрею; Вуличъ, лучше другихъ, сумѣетъ развлечь его. Василій говорилъ это себѣ съ чувствомъ внутренняго удовлетворенія, не совсѣмъ лишеннаго зависти. Онъ такъ живо воображалъ удовольствіе, какое онъ бы испыталъ на мѣстѣ Андрея!

Подъ неуклюжей, грубоватой внѣшностью Василій хранилъ очень нѣжное сердце. Онъ влюблялся множество разъ, но почему-то предпочиталъ всегда безнадежный, молчаливый родъ любви, избирая своимъ предметомъ именно тѣхъ женщинъ, на взаимность которыхъ онъ меньше всего могъ разсчитывать. Лена привлекала его своей холодной недоступностью; въ глубинѣ души онъ все еще оставался ей вѣренъ. Но за послѣднее время онъ сдѣлалъ открытіе, что можетъ также безнадежно полюбить Вуличъ, какъ и Лену. Онъ еще не былъ въ нее влюбленъ, но ему было пріятно помечтать о ней, и онъ сталъ оказывать ей вниманіе и услуги, которыхъ она никогда не замѣчала.

Теперь онъ предался пріятнымъ ожиданіямъ ея возвращенія. Она, навѣрное, зайдетъ, думалъ онъ, и не откажется отъ чая послѣ длинной прогулки. Сидя за столомъ, Василій ждалъ, мечтательно прислушиваясь къ мягкому шуму самовара, который держалъ на готовѣ для своихъ друзей. Въ эту минуту дверь у подъѣзда хлопнула, и заслышались приближающіеся къ его комнатѣ шаги. Онъ всталъ и отворилъ дверь. Но, вмѣсто того, чтобы увидѣть тѣхъ, кого онъ такъ ждалъ, онъ очутился лицомъ къ лицу съ полиціей.

„Вотъ тебѣ и на!“ внутренно сказалъ себѣ пораженный Василій. „Должно быть, изъ-за моего проклятаго паспорта“.

Онъ дѣйствительно угадалъ.

Голова у Василія была устроена на особый ладъ. Если онъ дѣйствовалъ, не задумываясь ни на минуту, то обнаруживалъ необыкновенную находчивость и изобрѣтательность въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Но когда ему хотѣлось быть особенно ловкимъ, и онъ долго размышлялъ надъ чѣмъ-нибудь, то часто случалось, что у него заходилъ умъ за разумъ, и онъ дѣлалъ самыя забавныя и грубыя ошибки.

Именно такую оплошность онъ сдѣлалъ, когда устраивалъ послѣднюю квартиру. Фальшивый паспортъ, полученный имъ отъ товарищей въ Дубравникѣ, не вполнѣ удовлетворялъ его. Онъ удостовѣрялъ о правѣ мнимаго Онисима Павлюка, окончившаго курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, на поступленіе въ высшее учебное заведеніе. Это придавало паспорту болѣе благородный характеръ, а Василій совершенно основательно предпочелъ играть роль ремесленника или мелкаго торговца. Эти тонкія соображенія заставили его подправить паспортъ и улучшить его при помощи маленькой подчистки. Василій очень искусно умѣлъ „лѣчить“ паспорта, какъ и вообще умѣлъ дѣлать всякія ручныя работы. Онъ уничтожилъ нежелательное „высшее“ и поставилъ вмѣсто него скромное „низшее“ точно такимъ же почеркомъ, какимъ былъ написанъ весь паспортъ. Операція удалась, какъ нельзя лучше.

Когда онъ сообщилъ о своемъ подвигѣ Андрею, тотъ просто расхохотался. Паспортъ былъ окончательно испорченъ этой поправкой. Сущая безсмыслица, чтобы изъ высшей школы имѣли право поступать въ низшую.

Василій былъ пораженъ вѣрностью этого замѣчанія, которое почему-то раньше не пришло ему въ голову. Оставалось утѣшаться тѣмъ, что дѣло сдѣлано, и поправить его нельзя: паспортъ былъ уже отправленъ въ прописку. Была, впрочемъ, еще одна надежда на то, что полицейскіе никогда не читаютъ груды паспортовъ, представляемыхъ въ прописку, и ограничиваются осмотромъ печатей, подписей и внѣшняго вида.

— А если даже случайно прочтутъ, сказалъ Андрей,

улыбаясь, то примутъ твою поправку за описку, потому что ни одинъ человѣкъ въ здравомъ умѣ не помѣститъ такой вещи нарочно, въ фальшивомъ паспортѣ.

Случилось именно такъ, какъ предполагалъ Андрей. Квартальный прочелъ это странное мѣсто. Но такъ какъ документъ оказался во всѣхъ другихъ отношеніяхъ вполнѣ удовлетворительнымъ и имѣлъ на себѣ нѣсколько прописокъ изъ другихъ полицейскихъ участковъ, то онъ рѣшилъ, что не стоитъ изъ-за этого производить арестъ. Прописавъ паспортъ, онъ отложилъ его въ сторону съ тѣмъ, чтобы при первой возможности отнести его лично собственнику и навести справки, а затѣмъ уже, въ случаѣ надобности, принять надлежащія мѣры.

Появленіе полиціи поразило Василія, но не смутило его. Онъ охотно отвѣчалъ на вопросы квартальнаго, выдавая себя за слесаря на полтавской желѣзной дорогѣ. — „Пріѣхалъ въ Дубравникъ искать работы, но думаю скоро вернуться домой“, говорилъ онъ. Съ своимъ загрубѣлымъ лицомъ, жесткими руками и простымъ платьемъ, Василій очень походилъ на простого рабочаго или городского ремесленника. Онъ такъ хорошо игралъ свою роль деревенскаго дурачка, такъ мастерски подделывался къ народной рѣчи, былъ такъ наивенъ и робокъ передъ начальствомъ, что у квартальнаго исчезло всякое сомнѣніе относительно самого Василія.

Но квартирная хозяйка доложила полицейскому, что съ Василіемъ въ комнатѣ проживаетъ другой жилецъ, паспортъ котораго еще не отданъ въ прописку. Описаніе наружности другого жильца возбудило любопытство квартальнаго.

Съ простосердечіемъ и словоохотливостью невиннаго человѣка, Василій объяснилъ, какъ онъ совершенно случайно познакомился съ этимъ Иваномъ Залупаловымъ — имя Андрея по паспорту — и какъ онъ сдалъ ему полъ-комнаты за столько-то.

— А паспортъ потребовалъ у него? освѣдомился квартальный.

— Какже, ваше благородіе, съ живостью отвѣчалъ

Василій. Я отнялъ у него, чтобы онъ невзначай не сбѣжалъ бы, не уплативши. Съ чужими нужно осторожно, ваше благородіе!

Василій вытащилъ изъ своего голенища драгоцѣнный документъ, завернутый въ тряпку.

— Да ты зачѣмъ сейчасъ въ прописку не отдалъ? строго спросилъ квартальный.

— Не успѣлъ, ваше благородіе, пробормоталъ онъ. Извините, сдѣлайте милость.

Квартальный ничего не сказалъ, но имѣлъ видъ недовольный. Василій почесалъ затылокъ, потоптался ногами на одномъ и томъ же мѣстѣ и опустилъ руку въ карманъ. Вытащивъ мелкую серебряную монету, онъ робко положилъ ее на уголъ стола передъ квартальнымъ.

— Не побрезгуйте, ваше благородіе, сказалъ онъ, низко кланяясь, моимъ приношеніемъ. Оно хоть и малое, но отъ чистаго сердца.

— Возьми назадъ, дуракъ! сказалъ квартальный, отказываясь отъ скромной взятки.

Такое наивное проявленіе чувствъ почтительности не ухудшило отношеній квартальнаго къ Василію.

— Когда вернется твой жилецъ? спросилъ онъ.

— Не могу сказать, ваше благородіе, отвѣчалъ Василій своимъ обычнымъ благодушнымъ тономъ. Онъ любитъ-таки выпить, осмѣлюсь доложить объ этомъ вашему благородію. Иной разъ приходитъ домой очень поздно. А одну ночь и вовсе не спалъ дома.

— Ладно, а я всетаки подожду, сказалъ квартальный, рѣшительно усаживаясь. А тебя какъ зовутъ?

— Онисимъ, ваше благородіе.

— Такъ вотъ что, Онисимъ. Ступай внизъ и скажи околодочному, чтобы пришелъ сюда; и ты съ нимъ возвращайся.

Сердце упало у Василія. Очевидно, вся его комедія была ни къ чему.

Но ему ничего не оставалось, какъ играть свою роль до конца. Онъ исполнилъ приказаніе и вернулся въ сопровожденіи околодочнаго.

Ничего не подозрѣвая объ опасностяхъ, ожидавшихъ его дома, Андрей тѣмъ временемъ бродилъ по городу вмѣстѣ съ Вуличъ. Они пошли на иллюминацію и пробыли съ четверть часа въ городскомъ саду. Андрей не находилъ никакого удовольствія въ томъ, что видѣлъ. Все ему казалось возмутительно глупымъ въ этотъ вечеръ — фейерверки, иллюминація и больше всего ребяческое веселье толпы взрослыхъ людей, забавлявшихся такими пустяками.

Они вернулись рано. Андрей хотѣлъ проводить Вуличъ домой, но она не позволила. Ихъ домъ былъ уже „попорченъ" пребываніемъ бѣжавшихъ. Ему не слѣдовало даже близко подходить къ этому мѣсту. Она поэтому предложила проводить Андрея.

Они остановились за нѣсколько домовъ до его квартиры.

— Не зайдете-ли? Еще не поздно, уговаривалъ ее Андрей.

— Нѣтъ, мнѣ нужно торопиться домой. Я обѣщала вернуться къ десяти.

Они попрощались, и Андрей пошелъ впередъ.

Подымаясь по тускло освѣщенной, грязной лѣстницѣ, Андрей увидѣлъ Василія, стоявшаго на самомъ верху. Онъ былъ босикомъ, безъ шапки и безъ сюртука. Его лицо было блѣдно. Онъ усиленно и странно жестикулировалъ. Насколько Андрей могъ догадаться, его другъ требовалъ, чтобъ онъ не шевелился и молчалъ. Онъ остановился. Спустившись неслышными шагами, Василій быстро подошелъ къ Андрею и, приложившись къ его уху, шепнулъ:

— У насъ полиція. Уходи скорѣе.

— Полиція! такъ уйдемъ вмѣстѣ, шепнулъ ему въ отвѣтъ Андрей.

Василій энергично замоталъ головой въ знакъ отказа, и, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, побѣжалъ наверхъ и исчезъ не въ ихъ комнату, къ удивленію Андрея, а въ маленькій незанятый чуланчикъ насупротивъ.

Когда сѣрая тесемка жилетки Василія, торчавшая на подобіе короткаго хвостика, скрылась за дверь, не

оставляя никакой надежды на объясненіе, Андрей спустился на цыпочкахъ и вышелъ на улицу.

Вуличъ еще не успѣла повернуть за уголъ.

— Анюта! окрикнулъ ее Андрей внятнымъ, хотя и пониженнымъ голосомъ, который далеко раздался среди ночной тишины.

Дѣвушка повернула голову и пошла къ нему на встрѣчу. Она подумала, что Андрей забылъ сообщить ей что-нибудь важное.

— Очевидно, такъ рѣшено свыше, что я долженъ васъ проводить сегодня домой, сказалъ онъ. У меня полиція.

Вуличъ страшно перепугалась.

— Полиція! Василій арестованъ?

— Нѣтъ, онъ несомнѣнно не арестованъ, потому что иначе они не позволили бы ему ждать на лѣстницѣ и предупредить меня.

Онъ разсказалъ объ ихъ странномъ свиданіи.

— Что меня больше всего сбиваетъ съ толку, прибавилъ онъ, это то, что Василій предпочелъ остаться, между тѣмъ какъ ему такъ легко было уйти со мной.

— Это очень странно, замѣтила Вуличъ.

Да и на самомъ дѣлѣ это было странное приключеніе, — одно изъ тѣхъ, которыя бываютъ только съ людьми, какъ Василій.

Исполнивъ порученіе квартальнаго и приведя врага къ себѣ въ комнату, Василій смирно присѣлъ на кончикъ стула въ углу. Онъ сохранялъ невинный и беззаботный видъ, но внутренно страшно волновался. Время шло. Андрей могъ вернуться каждую минуту — вѣроятно, въ сопровожденіи Вуличъ.

Полицейскіе заговорили между собою, причемъ околодочный, стоя подлѣ своего начальника, нашептывалъ ему что-то на ухо. Василій очень хорошо замѣтилъ, какъ квартальный, а за нимъ и околодочный посмотрѣли на мѣсто за дверью, гдѣ можно бы укрыться въ моментъ, когда войдетъ Андрей.

Они, эти мерзавцы, составляли, очевидно, планъ аттаки на Андрея, спереди и сзади!

Но какъ помѣшать этому? Окна ихъ комнаты выходили во дворъ, такъ что онъ не могъ оттуда дать Андрею сигналъ объ опасности. Да и въ предстоявшей свалкѣ отъ него мало было бы пользы, такъ какъ онъ не имѣлъ при себѣ оружія. Его револьверъ находился въ боковомъ карманѣ куртки, снятой имъ до прихода полиціи, и теперь надѣть ее онъ не могъ, не возбудивъ подозрѣній. Василій не зналъ, что придумать, когда вдругъ отдаленный звукъ ракеты подалъ ему хорошую мысль.

— Ваше благородіе! воскликнулъ онъ самымъ невиннымъ тономъ, можно посмотрѣть на иллюминацію изъ окошка? Вонъ, изъ чуланчика все видно.

Квартальному хотѣлось поговорить наединѣ съ околодочнымъ.

— Ступай, коли хочешь. Только ты мнѣ понадобишься скоро.

Такимъ образомъ Василію удалось забраться въ чуланъ, гдѣ онъ провелъ отвратительныя минуты, стоя у дверей съ бьющимся сердцемъ и прислушиваясь къ малѣйшему шуму внизу.

Когда ему удалось предупредить Андрея, онъ вернулся въ чуланъ съ чувствомъ облегченія и радости, и на этотъ разъ вполнѣ насладился хорошо заслуженнымъ развлеченіемъ.

Василій по природѣ былъ миролюбивый, добродушный и нѣсколько лѣнивый человѣкъ. Онъ избѣгалъ какихъ бы то ни было тревогъ и относился къ жизни легко, насколько это было возможно въ его положеніи, всегда предпочитая сглаживать или осторожно обходить препятствія, вмѣсто того, чтобы идти къ цѣли на проломъ.

ГЛАВА VII.

Зина у себя дома.

Въ домѣ Зины, гдѣ на время укрылся Андрей, сильно тревожились за Василія. Его друзья терялись въ догадкахъ. Полиція, вѣроятно, случайно попала на его квартиру, и онъ какъ-нибудь запутался. Но, зная его, они сперва надѣялись, что онъ вывернется и присоединится къ нимъ, самое позднее, на слѣдующее утро. Между тѣмъ, утро прошло, а Василій не показывался.

Они стали безпокоиться. Зина, черезъ жену знакомаго надзирателя, узнала имена всѣхъ арестованныхъ за послѣдніе нѣсколько дней; но Василія не было между ними. Вуличъ, тѣмъ временемъ, отправилась въ городъ навести справки у товарищей. Она вернулась съ удивительнымъ, хотя и пріятнымъ извѣстіемъ, что Ватажко встрѣтилъ Василія на улицѣ. Онъ былъ свободенъ, такъ какъ ни жандармъ, ни околодочный не сопровождали его. Но, очевидно, онъ попалъ въ какую-то передрягу, такъ какъ быстро прошелъ мимо и сдѣлалъ Ватажко знакъ не разговаривать и не подходить къ нему.

Первоначальныя ихъ предположенія подтверждались. Василій, очевидно, запутался какъ-нибудь съ полиціей, и теперь старается ее одурачить.

— Теперь намъ нечего о немъ безпокоиться, сказалъ Андрей. Онъ ихъ навѣрное проведетъ и скоро будетъ опять съ нами.

Зина съ нимъ согласилась.

Когда новая тревога улеглась, старыя заботы и планы снова завладѣли ими.

Вечеромъ, послѣ чая, когда хлопоты по дому были

кончены, и всѣ трое собрались въ Зининой комнатѣ, Андрей приступилъ къ дѣлу, спросивъ Зину, какіе у нея теперь виды и намѣренія относительно Бориса.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину, не глядя на Зину.

— Вотъ письмо Бориса объ этомъ, сказала она. Я получила его на другой день послѣ попытки, но не передала вамъ тогда, потому что мнѣ было не до того. Но я сохранила его для васъ.

Она вынула изъ потаеннаго мѣста два клочка бумаги: одинъ — узкій и длинный, какъ бы срѣзанный край газеты; а другой — квадратный листокъ въ нѣсколько вершковъ, — вырванный заглавный листъ изъ книги. Обѣ бумажки были мелко исписаны карандашомъ.

Въ этомъ письмѣ, написанномъ въ ночь послѣ пораженія, Борисъ благодарилъ своихъ друзей, рисковавшихъ ради него жизнью, въ особенности Андрея, въ такихъ теплыхъ и задушевныхъ выраженіяхъ, что у Андрея глаза наполнились слезами. Но, въ настоящемъ положеніи, Борисъ считалъ всѣ дальнѣйшія попытки къ его освобожденію дѣломъ безнадежнымъ и по всей вѣроятности гибельнымъ для его друзей. Въ заключеніе, онъ просилъ Андрея тотчасъ же вернуться въ Петербургъ, а всю организацію распустить безъ дальнѣйшихъ отлагательствъ.

— Надѣюсь, вы не находите его заключенія обязательнымъ для насъ? спросилъ Андрей, стараясь говорить хладнокровнымъ и дѣловымъ тономъ.

— Конечно, нѣтъ! воскликнула Зина.

— Я очень радъ, что вы не пришли въ уныніе, продолжалъ онъ. Настойчивость въ подобныхъ дѣлахъ — самое главное. Дѣлались неудачныя попытки четыре раза сряду, а на пятый удавалось. Будемъ надѣяться, что и намъ лучше повезетъ въ слѣдующій разъ.

— Да; но вотъ въ чемъ Борисъ совершенно правъ, замѣтила Зина: вы не должны больше принимать участія въ новой попыткѣ. Вы сдѣлали все, что было возможно. Оставаться долѣе здѣсь, для васъ — было бы напрашиваться на гибель.

— Тоже самое можно сказать и относительно васъ.

— Нѣтъ, не тоже самое. Полиція меня не знаетъ, между тѣмъ какъ ваше имя открыто, и на васъ особенно злы. Кромѣ того, прибавила она, есть соображенія чисто личныя, по которымъ я одна должна продолжать это дѣло.

Андрей остановился прямо противъ нея.

— Личныя соображенія? спросилъ онъ съ удивленіемъ. Я васъ не понимаю, Зина; или, если понимаю, что вы этимъ хотите сказать, то я самымъ энергическимъ образомъ долженъ протестовать. Такое дѣло нельзя переносить на узкую почву личныхъ привязанностей. Мы предприняли освобожденіе Бориса, какъ человѣка, дорогого для нашей партіи, а не потому, что нѣкоторымъ изъ насъ онъ очень близокъ. Наши чувства и симпатіи тутъ ни при чемъ.

— Я бы никогда не позволила рисковать кѣмъ бы то ни было ради Бориса, еслибъ я думала, что его освобожденіе мое личное дѣло, сказала Зина.

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ, не все-ли равно, кто изъ насъ будетъ вести дѣло? Вы противорѣчите себѣ.

— Нѣтъ, возразила она, я говорила о прошломъ. Теперь же все перемѣнилось къ худшему, и въ этомъ вся разница. Еслибы Борисъ былъ мнѣ чужой, я вѣроятно рѣшила бы отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ. Но, я не могу.... Вотъ почему я одна должна взять на себя все.

Она нахмурилась и опустила голову на столъ, передъ которымъ сидѣла.

— Теперь, вы, конечно, понимаете, — прибавила она болѣе спокойнымъ тономъ, подымая голову — что приходится иногда принимать въ разсчетъ и личные мотивы.

Онъ сѣлъ около нея на стулъ и молча поднесъ ея руку къ своимъ губамъ.

Вырвавшееся у Зины признаніе только подтвердило то, что онъ давно уже говорилъ самому себѣ. Она просто горѣла на медленномъ огнѣ. Постоянныя выжиданія, вѣчныя думы о дѣлѣ, отъ котораго зависѣла жизнь

Бориса, и рядъ неудачъ — такія мученія были выше человѣческихъ силъ. Внезапное несчастіе легче было бы перенести. Теперь, страданія ея достигли такого предѣла, когда разумъ теряетъ контроль надъ чувствами. Если она останется въ Дубравникѣ, то непремѣнно выкинетъ что-нибудь отчаянное и погубитъ себя безъ всякой пользы. Ее нужно увезти отсюда во что бы то ни стало.

— Послушайте, Зина, и вы тоже, Анюта, потому что вы должны мнѣ помочь уговорить ее, сказалъ Андрей, все еще не отпуская руки Зины. Вы совершенно правы, говоря, что, преслѣдуемый по пятамъ полиціей, я наврядъ-ли могу быть полезенъ тутъ. Но этому помочь легко. Вотъ что я предлагаю: я отправлюсь завтра въ Петербургъ и пробуду тамъ недѣли двѣ. Я начну бывать на студенческихъ сходкахъ, въ разныхъ салонахъ, и вообще постараюсь показываться всюду и надѣлаю какъ можно больше шума, чтобы привлечь вниманіе полиціи. Когда она убѣдится, что я окончательно поселился въ Петербургѣ, я тихонько вернусь сюда. Но вы должны довѣрить мнѣ все и уѣхать отсюда. Нужно иногда принимать къ свѣдѣнію и личныя соображенія, какъ вы говорите. Вѣдь вы убиваете себя здѣсь, и этого допустить нельзя. Примите мой совѣтъ, вызванный личной дружбой къ вамъ, — если не чѣмъ-нибудь лучшимъ, — только не упрямьтесь. Примите мое предложеніе и, давайте, помѣняемся мѣстами! Что же вы молчите?

Зина задумалась, опустивъ голову на грудь. Ей больно было обижать Андрея отказомъ отъ предложенія, сдѣланнаго въ такой формѣ. Но она не могла иначе поступить.

— Нѣтъ, не могу! сказала она, медленно качая головой.

Онъ всталъ съ своего мѣста и два раза прошелся по комнатѣ.

Вуличъ, прикорнувъ въ углу, не рѣшалась вмѣшиваться. Что она могла сказать послѣ Андрея?

Андрей тоже молчалъ. Безполезно было уговаривать

Зину. Она рѣшила погибнуть, и погибнетъ.... Онъ не могъ удержать ея и не въ силахъ былъ осуждать ее за упрямство. Она не могла поступитъ иначе при данныхъ обстоятельствахъ, и побужденія ея были хорошія. Но никому не легче было отъ этого.

„Не женись, молодецъ, слушайся меня“ — вырвалось у Андрея, и эти слова лучше всего выражали его чувства въ ту минуту.

Поучительное замѣчаніе не относилось ни къ кому въ частности, и меньше всего къ Зинѣ, которая не могла уже воспользоваться благимъ совѣтомъ.

Но именно Зина и откликнулась на него. Она обрадовалась возможности перемѣнить разговоръ.

Задумчиво облокотившись на столъ, она разводила пальцемъ узоры по скатерти.

— Такова мораль, выведенная вами изъ басни, не правда-ли?

Андрей не сейчасъ отвѣтилъ. Откинувшись назадъ, Зина ласкала теперь рыжаго кота Ваську, который, желая присоединиться къ компаніи, прыгнулъ къ ней на колѣни. Она не спускала съ Андрея вопрошающаго взгляда.

— Ну, да. Такъ оно и выходитъ, сказалъ онъ, наконецъ.

Онъ старался отнестись къ рѣшенію Зины съ покорностью и смиреніемъ, насколько это было въ его силахъ. Если такая хорошая женщина, съ такими прекрасными побужденіями, рѣшила такъ, а не иначе, — значитъ, такъ нужно. Онъ не надѣялся увидѣть ее еще разъ до отъѣзда, и его единственнымъ желаніемъ было — не испортить тѣхъ немногихъ часовъ, которые имъ оставалось провести вмѣстѣ.

Онъ сѣлъ около нея на диванѣ.

— Тѣмъ, которые ведутъ такую жестокую борьбу, какъ наша, приходится закалять сердца противъ нѣжныхъ чувствъ, сказалъ онъ задумчивымъ тономъ.

Онъ былъ разстроенъ и не чувствовалъ охоты вступать въ споръ. Но на этотъ разъ Зина перешла въ наступательный образъ дѣйствія. Она много думала

о вопросѣ, вызвавшемъ замѣчаніе Андрея, особенно въ послѣднее время. Ей не хотѣлось, чтобъ Андрей разстался съ нею подъ впечатлѣніемъ, что она теперь относится отрицательно къ тому, что такъ высоко цѣнила прежде.

— Почему же вамъ не принять въ такомъ случаѣ теоріи Нечаева, сказала она съ легкой ироніей, по которой чѣмъ больше революціонеръ походитъ на бревно, тѣмъ ближе онъ къ совершенству? Всѣ сильныя человѣческія чувства налагаютъ на васъ, нѣкоторымъ образомъ, путы. Но, скажите, какой прокъ отъ людей, неспособныхъ на такія чувства?

— Вы смѣшиваете два совершенно различныхъ рода чувствъ, уклончиво отвѣтилъ Андрей.

Зина собиралась возражать.... Но какъ разъ въ эту минуту случилось нѣчто, окончательно прервавшее ихъ разговоръ.

— Погодите минутку. Какъ будто стучатъ, сказалъ Андрей.

Они стали прислушиваться. Стука не было слышно, но раздался странный шумъ, какъ будто горсть мелкихъ камешковъ была брошена въ оконное стекло.

— Шалость какого-нибудь мальчугана! замѣтила Зина.

Они никого не видѣли на улицѣ. Но Вуличъ открыла окно и, выглянувъ, радостно воскликнула:

— Василій!

Она бросилась внизъ, чтобы впустить его.

Черезъ минуту рослая фигура Василія съ сіяющимъ лицомъ показалась въ дверяхъ. Въ одной рукѣ у него былъ чемоданъ, въ другой узелокъ съ бѣльемъ.

Андрей и Зина поднялись ему на встрѣчу, чтобы обнять и привѣтствовать его, какъ возвратившагося изъ дальняго путешествія.

— Я говорилъ, что онъ выйдетъ сухъ изъ воды! сказалъ Андрей и такъ хлопнулъ его по плечу, что тотъ зашатался. Ну, разскажи, какія у тебя были приключенія за это время?

— Хлопотливая была возня! вздохнулъ Василій, уса-

живаясь въ кресло. Я самъ себѣ не вѣрю, что все кончилось.

— Вы были арестованы? спросила Вуличъ.

— Хуже! отвѣчалъ Василій, махнувъ рукой.

— Что? Васъ можетъ быть пытали? сказала съ улыбкой Зина.

— Хуже этого, увѣряю васъ! повторилъ Василій.

— Да что же, наконецъ, съ тобой произошло? Разсказывай все, по порядку, торопилъ его Андрей.

Василій разсказалъ, какъ пришла полиція, какъ справлялась объ Андреѣ, какъ онъ разыгралъ дурачка и получилъ позволеніе смотрѣть на фейерверкъ изъ чуланчика.

— Отчего ты не ушелъ вмѣстѣ со мною? спросилъ Андрей.

— Конечно, сказалъ Василій, почесывая затылокъ, это было бы самое лучшее, еслибъ я могъ предвидѣть, что случится потомъ. Но я думалъ, что полиція уйдетъ и оставитъ меня въ покоѣ. Вотъ я и рѣшилъ остаться на время.

— Ну, что же дальше? Долго они меня дожидались? спросилъ Андрей.

— До полуночи! сказалъ Василій съ негодованіемъ. Они позвали меня черезъ полчаса послѣ того, какъ я тебя предупредилъ, и мнѣ пришлось занимать ихъ разговорами. И, курьезная вещь, добавилъ онъ другимъ тономъ, я самъ ихъ задерживалъ, подавая надежду, что ты можешь еще вернуться!

Изумленная улыбка появилась на губахъ у Василія, но исчезла немедленно, и лицо его сдѣлалось опять серьезнымъ.

— Въ половинѣ перваго полицейскіе поднялись съ мѣста. „Наконецъ, они уберутся къ чорту!“, подумалъ я. Но не тутъ-то было. Передъ уходомъ, квартальный сталъ подучивать меня, не говорить тебѣ, когда ты вернешься, объ ихъ посѣщеніи, и прибавилъ, что придетъ завтра въ восемь часовъ утра. Это было мнѣ совсѣмъ не съ руки; но я не хотѣлъ портить паспортъ бѣгствомъ и рѣшился выжидать. Онъ явился.

„Жилецъ вернулся?"

„Никакъ нѣтъ, ваше благородіе?"

„Гдѣ онъ можетъ быть?"

„Не могу знать, ваше благородіе!" Я былъ увѣренъ, что теперь онъ уйдетъ взаправду. Но онъ присталъ ко мнѣ, какъ піявка.

„Послушай, Онисимъ", — онъ такъ ласково говоритъ мнѣ. „Я вижу, ты парень хорошій, и если будешь вести себя, какъ слѣдуетъ, то получишь отъ меня три рубля. Оставь свои вещи тутъ и обойди всѣ трактиры и кабаки по сосѣдству; авось, найдешь своего жильца.

„Слушаю-съ, ваше благородіе," говорю я, „да только мнѣ нужно сегодня въ Полтаву ѣхать".

„Ничего, у тебя много еще времени. Помни, — три рубля заработаешь, коли поймаешь!" И онъ наставлялъ меня: „Когда увидишь, не пугай его. Скажи, что паспортъ прописанъ и полученъ обратно. Онъ обрадуется и пойдетъ съ тобой охотно. Затѣмъ, какъ завидишь перваго городоваго, хватай его за шиворотъ и волоки. Понимаешь?"

„Понимаю, ваше благородіе", говорю я.

„Сдѣлаешь такъ, какъ я тебѣ приказывалъ?"

„Сдѣлаю, ваше благородіе!"

Разсказывая исторію своего приключенія, Василій снова вошелъ въ роль разыгранной имъ комедіи и передавалъ все въ лицахъ, среди общаго хохота друзей. Онъ нагнулъ голову, вытянулъ шею, сжалъ губы съ выраженіемъ сосредоточеннаго вниманія и энергично кивалъ головой въ знакъ согласія.

— Мы вышли вмѣстѣ изъ дому, продолжалъ онъ, и я началъ обходить кабаки и трактиры. Мнѣ необходимо было это сдѣлать, потому что я не былъ увѣренъ, что за мною не слѣдитъ шпіонъ. Вотъ тогда-то я и встрѣтилъ Ватажко, но подумалъ, лучше не разговаривать съ нимъ. Въ четыре часа дня я вернулся домой. До поѣзда въ Полтаву оставалось полтора часа, и я уже надѣялся, что насталъ конецъ моимъ мытарствамъ. Расплатился я съ хозяйкой, уложилъ вещи и вышелъ на улицу, размышляя о томъ, какъ бы без-

опаснѣе добраться до васъ. Но, смотрю — и что-же? Вижу, мой квартальный переодѣлся въ партикулярное платье и слѣдитъ за мною, изъ-за угла. Проклятый! Онъ все еще не хотѣлъ оставить меня въ покоѣ. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ ѣхать на вокзалъ, вмѣсто того, чтобы идти къ вамъ. Я взялъ извощика; слѣдомъ за мной квартальный панялъ другого. Мы пріѣхали задолго до отхода поѣзда. Касса еще не была открыта. Квартальный стоялъ у прилавка съ газетами. Я прогуливался взадъ и впередъ и глазѣлъ въ окна, на двери, на потолокъ, — на все, однимъ словомъ, кромѣ квартальнаго, котораго мнѣ не полагалось видѣть. Однако, я ни на минуту не терялъ его изъ виду. Я разсчитывалъ, что, проводивъ меня на вокзалъ, онъ оставитъ меня въ покоѣ. Но онъ и не думалъ уходить и все время слѣдилъ. Касса, наконецъ, открылась. Публика потянулась гуськомъ за билетами. А онъ все еще тутъ, негодяй! Я направился къ кассѣ, надѣясь, что это его удовлетворитъ. Квартальный, дѣйствительно, ушелъ съ своего мѣста, но только для того, чтобы приблизиться къ кассѣ. Я не зналъ, что дѣлать? Взять билетъ въ Полтаву и выйти на первой станціи? Но у меня всего было два рубля въ карманѣ, — меньше, чѣмъ полъ-билета. Спросить билетъ только до слѣдующей станціи, а не въ Полтаву? Этого я не могъ, сдѣлать, потому что квартальный услышалъ бы меня, и заподозривъ, что я кругомъ обманулъ его, вѣроятно, арестовалъ бы меня. Публика между тѣмъ по очереди подходила за билетами, и я ближе и ближе придвигался къ кассѣ, хотя все еще понятія не имѣлъ, что дѣлать и чѣмъ все это кончится.

— Наконецъ, я очутился лицомъ къ лицу съ кассиромъ. Квартальный стоялъ у рѣшетки за моей спиной.

„Билетъ въ Полтаву, третьяго класса!“ заявляю я громкимъ, рѣшительнымъ голосомъ и начинаю разстегивать жилетку, чтобы вынуть деньги изъ-за пазухи.

„Торопитесь; вы задерживаете публику“, кричитъ кассиръ.

„Сейчасъ“, отвѣчаю я рѣшительно. Вытаскиваю крестъ изъ-за пазухи и хватаюсь руками за голову.

— „Братья православные! Меня ограбили!“ закричалъ я не своимъ голосомъ и отскочилъ отъ кассы, какъ сумасшедшій.

— Толпа собралась вокругъ меня, и я началъ объяснять, что у меня была двадцатипяти-рублевая бумажка, все мое имущество, и привязана была она веревочкой къ кресту; но что мошенникъ-жилецъ, котораго я подобралъ на улицѣ, обокралъ меня ночью и сбѣжалъ. И я вытиралъ рукавомъ слезы, настоящія слезы, которыя текли изъ глазъ во время моего печальнаго повѣствованія!

Загрубѣлое лицо Василія освѣтилось на минуту его добродушно-удивленной улыбкой, и онъ продолжалъ.

— Когда мои слушатели были достаточно растроганы, я вытеръ слезы, схватилъ свои вещи и бросился вонъ, вскочивъ на перваго попавшагося извощика.

— А квартальный, спросила Вуличъ, не послѣдовалъ за вами?

— Нѣтъ, не послѣдовалъ. Я такъ былъ огорченъ потерей моихъ денегъ, что на минуту потерялъ его изъ виду. Но, отъѣхавъ немного, я оглянулся, и никого за собой не увидѣлъ. Я провелъ вечеръ, бродя изъ одного мѣста въ другое, чтобы убѣдиться, что за мной не слѣдятъ. На этотъ разъ меня оставили въ покоѣ.

— Онъ, должно быть, вернулся въ часть, сказала смѣясь Зина, и написалъ донесеніе высшему начальству о продѣлкахъ революціонеровъ надъ простаками, которыхъ они заманиваютъ въ свои сѣти.

— Объясни, пожалуйста, спросилъ Андрей, зачѣмъ ты вернулся домой послѣ того, какъ тебѣ поручили обходъ кабаковъ, разъ ты остался одинъ? Я этого не могу понять. Если даже за тобой шелъ шпіонъ, ты бы гораздо проще могъ отъ него отдѣлаться.

Василій пожалъ плечами, удивленный, въ свою очередь, этимъ вопросомъ.

— А вещи, оставленныя дома? возразилъ онъ.

Андрей такъ расхохотался, какъ будто это насмѣшило его больше, чѣмъ всѣ приключенія Василія.

— Вы должны, конечно, взглянуть на сокровища, которыя нашъ Вася пошелъ добывать изъ вражьихъ рукъ, обратился онъ къ Зинѣ и Вуличъ.

Онъ, было, направился къ чемодану съ явнымъ намѣреніемъ обнаружить его содержимое на удивленіе всей компаніи. Но Василій схватилъ чемоданъ и рѣшительно усѣлся на немъ. Онъ ни за что не позволилъ бы показывать свои вещи дамамъ.

На слѣдующій день Андрей попрощался съ друзьями и отправился обратно въ Петербургъ съ порученіемъ отъ Зины достать денегъ на ея предпріятіе. Василій остался въ Дубравникѣ. Онъ совершенно справедливо заключилъ, что, благодаря своей счастливой внѣшности, онъ вездѣ одинаково безопасенъ, и потому рѣшилъ не оставлять Зину до конца. Въ характерѣ Василія было нѣчто по истинѣ рыцарское, и эта черта проявлялась лучше всего въ его обращеніи съ женщинами. У него всегда была дама сердца, по которой онъ вздыхалъ; но, какъ настоящій рыцарь, онъ всегда былъ къ услугамъ женщинъ, которымъ могъ бы оказаться полезнымъ, и никому онъ не былъ такъ преданъ, какъ Зинѣ.

ГЛАВА VIII.

Неожиданное осложненіе.

Петербургъ былъ въ праздничномъ одѣяніи, когда Андрей, только-что пріѣхавшій изъ Дубравника, выходилъ изъ вокзала. Выпалъ первый снѣгъ, а это большой праздникъ для сѣверянина. Улицы, тротуары, скамейки, крыши, барки на сосѣднемъ каналѣ, — все было покрыто ровною, сверкающею пеленою свѣжаго снѣга. Черныя неподвижныя деревья приняли фантастическій видъ подъ бѣлымъ пушистымъ слоемъ, покрывавшимъ даже тончайшія ихъ вѣтки. Солнце терялось гдѣ-то въ глубинѣ густаго, медленно падавшаго снѣга; но кругомъ внизу было необыкновенно свѣтло. Бѣлый покровъ земли блестѣлъ мягкимъ свѣтомъ, веселя глаза и сердце послѣ унылыхъ осеннихъ красокъ. Воздухъ былъ свѣжій и бодрящій, наполненный возбуждающимъ ароматомъ снѣга и зимы. Большіе сѣверные хлопья засыпали шляпы, пальто, волосы и бороды прохожихъ и придавали имъ видъ ряженыхъ. Лица были веселы, лошади бѣжали бойко. Кое-гдѣ неслышно скользили санки, и ихъ собственники гордились тѣмъ, что первые привѣтствуютъ красавицу-зиму.

Невольно поддавшись общему веселью, Андрей быстро шагалъ по Лиговкѣ, торопясь на квартиру Лены. На этотъ разъ онъ никого не предупредилъ о своемъ пріѣздѣ; но онъ зналъ, что Лена живетъ на Лиговскомъ каналѣ, недалеко отъ вокзала, и надѣялся застать ее дома.

Она какъ разъ выходила изъ воротъ, въ своей мѣховой шапочкѣ, веселая и свѣжая, какъ день, когда Андрей окликнулъ ее по имени. Въ изумленіи она уста-

вилась на него, и сейчасъ же ея лицо освѣтилось привѣтливой улыбкой.

— Наконецъ-то вы вернулись! воскликнула она. Я боялась, что послѣ того, что случилось въ Дубравникѣ, вы тамъ застрянете навсегда. Но, скажите, вы серьезно вернулись?

— Да, серьезно, отвѣчалъ Андрей.

Лена выходила изъ дома по собственному дѣлу, но ради Андрея согласилась сдѣлать кругъ и проводить его на конспиративную квартиру. Она стала разспрашивать объ ихъ попыткѣ, которая произвела довольно сильное впечатлѣніе среди революціонеровъ. Андрей отвѣчалъ на ея разспросы безъ особенной охоты, но и безъ видимаго неудовольствія. Перемѣна мѣста и окружающей обстановки притупили въ немъ прежнюю болѣзненность ощущеній. Теперь, онъ могъ говорить объ этомъ дѣлѣ спокойно, какъ о совершившемся фактѣ, съ которымъ нужно мириться.

— А что новаго у васъ? спросилъ онъ въ свою очередь.

— Въ нашей группѣ, вы хотите сказать?

— Да.

— Ничего особеннаго. Таня выбрана въ члены. За нее было пять поручителей, и ни одного голоса противъ. Она уже согласилась. Надѣюсь, она окажется хорошимъ пріобрѣтеніемъ для насъ.

— Я въ этомъ увѣренъ, подтвердилъ Андрей.

— Она работала нѣкоторое время въ Нарвской части и, для начинающей, вела дѣло очень хорошо, продолжала Лена. Жаль, что ей придется скоро уѣхать.

— Развѣ? спросилъ Андрей, внезапно опечалившись.

— Она уѣзжаетъ въ Москву. Рѣшено усилить нашъ тамошній кружокъ; онъ сильно прихрамываетъ. Жоржу поручили съѣздить въ Москву для пропаганды, а Таня вызвалась сопровождать его. У нея тамъ хорошія связи, и ими можно будетъ воспользоваться.

— Теперь понимаю.... пробормоталъ Андрей, отвернувшись, чтобы скрыть свое смущеніе.

Такое извѣстіе не удивило его. Онъ былъ приготов-

ленъ къ чему-нибудь въ этомъ родѣ. Но острая, холодная боль, рѣзнувшая его отъ словъ Лены, показала, какъ много скрытой надежды таилось въ его глупомъ сердцѣ.

— Говорятъ, они скоро поженятся, — въ своемъ невѣдѣніи продолжала Лена. Мнѣ говорили, что они давно влюблены другъ въ друга. Но я собственно этому не вѣрю, и ничего не замѣчала. Вѣроятнѣе всего, одна болтовня.

— Почему же? Жоржъ очень хорошій человѣкъ, сказалъ Андрей, стараясь быть безпристрастнымъ.

Лена ни на минуту не подозрѣвала, чтобы этотъ разговоръ имѣлъ спеціальное значеніе для Андрея. Будучи по природѣ и привычкамъ мало наблюдательна, она не замѣтила его смущенія. Любовь еще не заговорила въ ея собственномъ сердцѣ, и вообще она вопросомъ о любви интересовалась менѣе всего. Слухи объ отношеніяхъ Жоржа и Тани она передавала, какъ самую обыкновенную новость, и затѣмъ равнодушно перешла къ другимъ новостямъ.

Въ конспиративной квартирѣ Андрей засталъ нѣсколько друзей, въ томъ числѣ Жоржа. Съ радостнымъ восклицаніемъ онъ бросился Андрею на шею. Онъ тоже раздѣлялъ опасенія Лены, что его другъ застрянетъ въ Дубравникѣ, и тѣмъ болѣе обрадовался онъ его возвращенію.

Жоржъ съ участіемъ сталъ разспрашивать про Зину. Андрей чистосердечно разсказалъ все и не скрылъ отъ него, какъ рискованно было ея положеніе въ Дубравникѣ. Они бесѣдовали задушевно и непринужденно. Но когда остальные ушли, и Андрей съ Жоржемъ остались одни, оба почувствовали нѣкоторую неловкость. Андрей горѣлъ нетерпѣніемъ узнать что-нибудь про Таню, но не могъ собраться съ духомъ и спросить. А Жоржъ, какъ нарочно, даже не упоминалъ ея имени.

Это такъ противорѣчило обыкновенной манерѣ Жоржа, кстати и некстати говорить о Танѣ, что Андрей заподозрилъ, что онъ умышленно такъ поступаетъ. Жоржъ, очевидно, разгадалъ его тайну и воздерживался отъ

разговоровъ о Танѣ изъ деликатности. Это было очень хорошо съ его стороны, и Андрей рѣшилъ воспользоваться тонкимъ намекомъ. Онъ продолжалъ разговоръ о безразличныхъ предметахъ, насколько могъ. Наконецъ, не выдержалъ и спросилъ, живетъ-ли еще Таня у отца?

— О, нѣтъ, отвѣчалъ Жоржъ, это невозможно. Она доставила бы ему массу непріятностей. Она живетъ теперь отдѣльно, въ томъ районѣ, гдѣ ведетъ пропаганду.

Жоржъ ничего не прибавилъ, но устремилъ на своего друга взглядъ, полный симпатіи и, вмѣстѣ, грусти, что сильно задѣло Андрея. Онъ отвернулъ голову и заговорилъ съ нимъ о его статьѣ. Послѣ этого онъ тщательно избѣгалъ упоминать имя Тани. Сострадательный взглядъ Жоржа поднималъ въ немъ желчь и злобу.

Андрей возобновилъ свою любимую работу — пропаганду между рабочими и засѣлъ почти безвыходно на Выборгской сторонѣ. У него появился какой-то голодъ на работу, и онъ бралъ на себя все, что ни подвернется. Даже требовательная, придирчивая Лена была отъ него въ восторгѣ, говоря, что онъ скоро наверстаетъ потерянное.

Въ тоже время, прежняя нелюбовь Андрея къ пропагандѣ среди интеллигенціи перешла у него въ положительное отвращеніе. Онъ наотрѣзъ отказался ходить на какія бы то ни было студенческія сходки или собранія, кромѣ чисто дѣловыхъ. Онъ даже рѣдко видѣлся со своими друзьями и товарищами по дѣлу. Зачѣмъ? Одно баловство и потеря времени! Онъ былъ въ самомъ стоическомъ настроеніи, стараясь очистить свою жизнь отъ всего, что не было строгимъ долгомъ.

Жоржъ былъ единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ онъ видался: можетъ быть, потому, что для него это была своего рода эпитемія; ему такъ хотѣлось доказать себѣ, что его приступъ пошлой ревности къ Жоржу прошелъ совершенно и что онъ съ нимъ въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ твердо держался бы своего рѣшенія, еслибъ не этотъ несносный взглядъ меланхолическаго состраданія, появлявшійся

по временамъ въ выразительныхъ глазахъ Жоржа. Онъ былъ у него два раза въ первую недѣлю по пріѣздѣ, но тѣмъ и ограничился, оправдываясь недосугомъ.

Таню онъ предпочелъ не видѣть вовсе. Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что возложенное на него Зиной порученіе не требовало личнаго свиданія. Съ того дня, какъ Таня сдѣлалась членомъ партіи, всѣ ея деньги шли на дѣло, и въ распоряженіи ими, другіе товарищи, конечно, имѣли такой же голосъ, какъ и она. Андрей легко досталъ отъ организаціи половину суммы, необходимой Зинѣ. Остальное обѣщалъ достать черезъ мѣсяцъ Рѣпинъ, котораго Андрей навѣстилъ черезъ нѣсколько дней по возвращеніи изъ Дубравника.

Онъ встрѣтилъ Таню не ранѣе, какъ черезъ двѣ недѣли, на собраніи кружка, къ которому они оба принадлежали. Около дюжины мужчинъ и женщинъ, занимавшихся пропагандой между рабочими, сошлись, чтобы обсудить свои спеціальныя дѣла. Между присутствовавшими былъ знаменитый Тарасъ Костровъ. Онъ принадлежалъ къ числу піонеровъ пропагандистской дѣятельности въ народѣ; но конспираціонныя дѣла давно заставили его отказаться отъ такой работы. Теперь онъ появлялся на собраніяхъ, когда время позволяло, и сегодня онъ пришелъ не надолго, собственно для того, чтобы повидаться съ Шепелевымъ, однимъ изъ постоянныхъ членовъ этого кружка, съ которымъ ему нужно было о чемъ-то переговорить.

Хотя комната была полна народомъ, однако, первымъ бросался въ глаза Тарасъ Костровъ. Нельзя было не обратить вниманія на это гордое, прекрасное лицо, отражавшее сильный умъ и безграничную смѣлость.

Обмѣнявшись дружескимъ кивкомъ съ Костровымъ, Андрей подошелъ поздороваться съ Таней, которую онъ увидѣлъ въ самомъ далекомъ углу, погруженной въ чтеніе только-что отпечатанной народной книжки.

Андрей не безъ нѣкотораго опасенія отправлялся на это собраніе, гдѣ, онъ зналъ, ему предстояло встрѣтить Таню. Но теперь, когда они очутились лицомъ къ лицу, онъ почувствовалъ только тихую радость. Дѣвушка

дружески поздоровалась съ нимъ, но скоро снова погрузилась въ чтеніе, которымъ она, казалось, была сильно заинтересована. Андрей не захотѣлъ ея безпокоить. Онъ протянулъ черезъ нѣсколько головъ руку Ленѣ, и усѣлся.

Еще не всѣ были въ сборѣ, хотя назначенный часъ уже прошелъ. Въ ожиданіи, публика развлекалась частными разговорами, и комната наполнилась гуломъ сдерживаемныхъ голосовъ. Тарасъ и Шепелевъ усердно вели свой дѣловой разговоръ. Шепелевъ — блѣднолицый молодой человѣкъ, съ длинными волосами и бѣлокурой бородкой, въ высокихъ сапогахъ и жилеткѣ, застегнутой до верху, какую обыкновенно носятъ мастеровые — объяснялъ что-то своему собесѣднику. Тарасъ слушалъ, разсѣянно глядя передъ собою. Онъ могъ слушать рѣчь съ большимъ вниманіемъ, и въ тоже время думать о другомъ, — онъ такъ хорошо понималъ все съ полу-слова. Въ эту минуту его безпокойныя мысли были далеко: онъ думалъ о новомъ предложеніи, которое внесетъ на собраніи совсѣмъ иного характера, куда онъ долженъ пойти черезъ полчаса. Онъ зналъ очень хорошо, что его предложеніе вызоветъ бурю и уже заранѣе почувствовалъ въ себѣ приливъ доброты и мягкости. Вотъ почему его темные сверкающіе глаза глядѣли такъ ласково на собесѣдника, и тонъ его случайныхъ возраженій былъ такъ кротокъ и милъ.

Тарасъ Костровъ извѣстенъ былъ въ партіи, какъ человѣкъ, не только очень сильный, но отчасти и властолюбивый. Онъ носилъ, впрочемъ, бархатную перчатку на своей желѣзной рукѣ. Манеры у него были мягкія и чарующія, и его рѣчи въ самомъ разгарѣ спора становились „слаще меда“, какъ выражались его противники.

Когда, наконецъ, всѣ собрались, приступлено было къ преніямъ безъ всякихъ формальностей. Шепелевъ, окончившій къ тому времени свой разговоръ съ Тарасомъ, оглянулся кругомъ и, убѣдившись, что всѣ на лицо, приступилъ къ дѣлу. Безъ всякхъ предисловій и околичностей, онъ сталъ излагать, что было сдѣлано

въ его районѣ со времени послѣдняго собранія и что имѣлось въ виду предпринять. Его часто прерывали вопросами и замѣчаніями, такъ что собраніе походило больше на дружескую бесѣду, чѣмъ на формальное засѣданіе.

Лена должна была говорить послѣ Шепелева. Но она отказалась, замѣтивъ, что ничего особеннаго не имѣетъ сообщить о своей группѣ.

— Послушаемъ лучше, что намъ Таня разскажетъ, добавила она. Она работаетъ на новомъ мѣстѣ и, кажется, не на безплодномъ.

— Покамѣсть, должна признаться, мнѣ нечѣмъ похвастать, сказала Таня.

Однако, насколько выяснилось изъ разспросовъ, главнымъ образомъ Тараса и Андрея, виды на будущее были недурные.

Очевидно было, что при стараніи, ея участокъ могъ бы сдѣлаться важнымъ центромъ.

— Отчего бы не прикомандировать на время опытнаго пропагандиста въ Нарвскую часть? посовѣтовалъ Тарасъ.

Но ему нельзя было дождаться результата своего предложенія. Неумолимая стрѣлка часовъ напомнила ему, что онъ долженъ уйти. Пожавъ руку Шепелеву, онъ торопливо вышелъ.

— Я совершенно согласна съ Тарасомъ, сказала Лена. Положимъ, всѣ мы заняты, но по моему комунибудь изъ насъ не худо было бы оставить старое мѣсто, гдѣ пропаганда уже пустила корни, и перейти на новое. На первыхъ порахъ, мужчина былъ бы полезнѣе женщины.

Она посмотрѣла на Андрея, и онъ съ досадой и смущеніемъ почувствовалъ, что краснѣетъ подъ ея взглядомъ. Его рѣшеніе не видаться съ Таней иначе, какъ на дѣловыхъ собраніяхъ, сразу испарилось подъ взглядомъ Лены. Теперь онъ зналъ, что онъ въ сущности пришелъ на это собраніе съ тайною надеждою: быть можетъ, какое-нибудь случайное обстоятельство сблизитъ его съ Танею.

— Шепелевъ можетъ оставить свое мѣсто, раздался чей-то голосъ.

Андрей почувствалъ себя несчастнымъ. Ему показалось, что его надеждамъ пришелъ конецъ. Шепелевъ былъ однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе опытныхъ пропагандистовъ.

— Да, пусть Шепелевъ идетъ въ Нарвскую часть, повторило нѣсколько голосовъ.

Вопросъ, казалось, былъ рѣшенъ, но Лена вмѣшалась.

— Я думаю, сказала она, что Андрей гораздо больше подойдетъ для этого, чѣмъ Шепелевъ.

Она стала приводить свои доводы, дѣлая характеристику каждаго изъ нихъ съ полной откровенностью и безпристрастіемъ. Шепелева она признала хорошимъ лекторомъ и спорщикомъ. Рабочіе понимали его хорошо и легко подавались его пропагандѣ. Но за то, съ другой стороны, онъ не умѣлъ заводить новыхъ центровъ, а также не умѣлъ намѣчать новыхъ людей; онъ былъ недостаточно энергиченъ и предпріимчивъ для этого. Кромѣ того, онъ трудно знакомился съ народомъ. Андрей въ обоихъ случаяхъ имѣлъ преимущество передъ нимъ.

Лена произнесла свою рѣчь въ однообразно-дѣловомъ тонѣ, не повышая голоса. Ея голубые глаза останавливались, пока она говорила, то на одномъ, то на другомъ кандидатѣ, и спокойное выраженіе ихъ не мѣнялось, произносила-ли она похвалу, или выражала порицаніе.

Шепелевъ слушалъ очень внимательно хладнокровную критику самого себя, опираясь локтемъ на спинку своего стула и теребя бороду пальцами. Онъ отъ времени до времени улыбался рѣзкостямъ Лены, а въ общемъ искренно любовался ея прямотой.

— Да, я тоже думаю, что вы лучше подойдете, чѣмъ я, обратился онъ къ Андрею, когда Лена кончила. Можете-ли вы безъ затрудненія оставить свою работу?

Теперь, когда то, чего онъ за минуту такъ страстно желалъ, зависѣло отъ одного его слова, онъ вдругъ испугался, точно пропасть открылась подъ его ногами.

— Конечно, можетъ! сказала Лена, которая не хуже Андрея знала его работу.

Андрей робко взглянулъ на Таню, стоявшую около него. Она казалась смущенной и неудомѣвающей отъ такого неожиданнаго предложенія. Это задѣло Андрея за живое. — Чего они оба такъ заботятся о немъ? Онъ находилъ такое поведеніе и со стороны Жоржа довольно страннымъ; но отъ нея онъ этого никакъ не ожидалъ. Влюбленъ-ли онъ, нѣтъ-ли, — во всякомъ случаѣ, онъ не тряпка, и докажетъ имъ, что во всемъ, касающемся дѣла, онъ никогда не будетъ руководствоваться личными чувствами.

И онъ тотчасъ же далъ свое полное согласіе на предложеніе.

Когда кончились разсужденія о текущихъ дѣлахъ, онъ обратился дѣловымъ тономъ къ Танѣ, съ просьбой разсказать нѣкоторыя подробности объ ея работѣ, которая теперь касалась ихъ обоихъ.

Она объяснила кое-что, прибавивъ, что ея рабочіе соберутся въ ея квартирѣ сегодня вечеромъ. Самое лучшее для Андрея будетъ отправиться теперь же къ ней и познакомиться съ рабочими, и самому на мѣстѣ убѣдиться, какъ стоитъ дѣло.

Андрей былъ свободенъ въ этотъ вечеръ, и ему не было основанія отказаться отъ такого пріятнаго приглашенія. Они тотчасъ же ушли, и Андрей значительно смягчился по отношенію къ Танѣ.

По дорогѣ онъ спросилъ, какъ ея отецъ отнесся къ ихъ разлукѣ и часто-ли видается она съ нимъ теперь. Этотъ разговоръ сразу поставилъ ихъ на прежнюю дружескую ногу. Андрей относился съ искреннимъ уваженіемъ къ старому адвокату. Таня это знала, и ей было особенно пріятно вспомнить объ этомъ теперь. Съ Жоржемъ она почти совсѣмъ не касалась своей семейной драмы. Не смотря на свою чувствительность и деликатность, онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ дубоватъ; ее даже иногда злило сознаніе, что эта сторона ея жизни была почти непонятна ему. Съ Андре-

емъ было иначе, и она почувствовала облегченіе, поговоривъ съ нимъ о вопросѣ, сильно мучившемъ ее.

Таня жила не одна. Конспираторы имѣли въ своемъ распоряженіи нѣсколько пожилыхъ женщинъ, большею частью бывшихъ прежде въ услуженіи въ семьяхъ революціонеровъ. Онѣ исполняли иногда роль квартирныхъ хозяекъ,если эта обязанность не требовала особой сноровки. Мало кто изъ нихъ понималъ толкъ въ конспираціяхъ, но на ихъ преданность и вѣрность можно было положиться. Одна изъ такихъ женщинъ, прежняя няня Зины, изображала квартирную хозяйку Тани.

Таня весело показывала Андрею свое новое жилище, не поражавшее роскошью и такъ мало походившее на ея помѣщеніе въ отцовскомъ домѣ. Квартира — самая подходящая по мѣстоположенію — была слишкомъ велика для нея. Она состояла изъ пяти комнатъ, и изъ нихъ только на три хватало Таниной мебели. Остальныя двѣ комнаты были совершенно пусты и придавали квартирѣ унылый, нежилой видъ. Но Таня утверждала, что онѣ дѣлаютъ ея жилище похожимъ на старинный замокъ.

Самая большая комната, снабженная длиннымъ сосновымъ столомъ и простыми стульями и скамьями, служила мѣстомъ собранія рабочихъ.

Они скоро стали собираться. Ихъ было семь человѣкъ, но изъ предосторожности они разбились на двѣ партіи.

Андрей былъ представленъ Таней, какъ другъ, намѣревающійся поселиться по сосѣдству и принять участіе въ общихъ занятіяхъ. Рабочіе радушно привѣтствовали его и сразу отнеслись, какъ къ своему человѣку. Но онъ не хотѣлъ вмѣшиваться въ бесѣду на этотъ разъ, желая присмотрѣться, какъ Таня справляется со своими новыми обязанностями.

Онъ приготовился быть очень снисходительнымъ; но скоро убѣдился, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Таня — эта нѣжная, свѣтски воспитанная барышня, привыкшая къ салонамъ — чувствовала себя, какъ дома, среди рабочихъ. Безъ малѣйшаго усилія, руково-

димая лишь горячимъ желаніемъ быть понятой, она употребляла слова и выраженія, наиболѣе доступныя ея слушателямъ. Она вкладывала такъ много души въ свою работу, что почти сливалась въ одно со своей аудиторіей.

Такое начало подавало большія надежды, хотя, конечно, дѣло не обходилось и безъ промаховъ. Она, какъ будто, боялась давать волю собственнымъ порывамъ. Раза два Андрей уловилъ въ ея словахъ теплую, заразительную волну глубокаго чувства. Но именно въ ту минуту, когда ея собственное волненіе передавалось слушателямъ, она обуздывала себя, подобно робкому наѣзднику, который не рѣшается довѣриться горячности своего благороднаго коня.

Немного больше опыта и практики научатъ ее. Во всякомъ случаѣ, задатки у нея прекрасные. Если вначалѣ Андрей старался не быть слишкомъ требовательнымъ, то къ концу ему пришлось остерегаться другой крайности — какъ бы не хвалить черезъ мѣру.

Послѣ чтенія начались разговоры. Андрей вмѣшался и направилъ бесѣду такъ, что далъ всѣмъ возможность высказаться. Ему хотѣлось составить себѣ понятіе о своихъ новыхъ товарищахъ.

Они распрощались самымъ дружескимъ образомъ, и рабочіе взяли съ Андрея слово придти еще разъ, какъ только онъ переѣдетъ въ ихъ края.

Таня попросила Андрея остаться еще часъ-другой; ей такъ хотѣлось потолковать съ нимъ.

Она переживала медовый мѣсяцъ своей революціонной дѣятельности. Все было для нея свѣжо и имѣло захватывающій интересъ. Привычка не успѣла еще умѣрить горячности, а опытъ еще не научилъ сдержанности. Въ свою работу она вносила жаръ прозелита и женщины.

Первымъ ея вопросомъ, когда они остались одни съ Андреемъ, было, какъ ему понравились ея ученики. По ея мнѣнію, каждый изъ нихъ имѣлъ въ себѣ что-нибудь обѣщающее или симпатичное. Андрей не совсѣмъ раздѣлялъ ея взглядовъ. Но онъ былъ въ такомъ хоро-

шемъ настроенiи въ этотъ вечеръ, что готовъ былъ находить прекрасное во всемъ.

— Однимъ словомъ, я увѣренъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ у насъ будетъ хорошая организацiя въ этой части, сказалъ онъ.

Таня была въ восторгѣ отъ такого блестящаго будущаго.

— Намъ нужно раздѣлить работу для большей успѣшности, замѣтила она. Я беру на себя обученiе и предварительную подготовку, а вы займитесь окончательной обработкой.

— Если уже раздѣленiе труда необходимо, сказалъ Андрей, то обработку нужно предоставить вамъ; а я буду подбирать вамъ людей. Я всегда былъ того мнѣнiя, что въ дѣлѣ пробужденiя душъ мы, мужчины, должны уступить мѣсто женщинамъ.

Таня съ удивленiемъ смотрѣла на него. Ей трудно было повѣрить, что онъ говоритъ серьезно.

— Но я такъ плохо съ ними разговариваю и такъ мало знаю, сказала она.

— Конечно, вамъ придется много работать самой. Но увѣряю васъ, что ученость — не главное качество въ хорошемъ пропагандистѣ. Это ничто въ сравненiи...

— Съ чѣмъ? спросила дѣвушка, впиваясь въ него глазами.

— Въ сравненiи съ умѣньемъ волновать сердца и зажигать въ нихъ вашъ собственный энтузiазмъ. Вамъ, можетъ быть, хочется знать секретъ, какъ это дѣлать?

— Конечно, воскликнула Таня. Вы не должны хранить такой секретъ про себя.

— Тайна состоитъ въ томъ, что нужно все это чувствовать самому.

Таня разсмѣялась. Она ожидала чего-то необычайнаго и въ тоже время очень практичнаго. А оказалось — только это!...

— Почему же женщинамъ такое преимущество передъ мужчинами? спросила она. Развѣ *вы* — безсердечные, развѣ *вы* лишены энтузiазма?

— Нѣтъ. Но есть разница въ степеняхъ, и въ этомъ

— вся суть. Я не могу не впадать въ лиризмъ, когда думаю о нашихъ женщинахъ, а это мнѣ не къ лицу. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ слишкомъ хороши для нашей матушки-Россіи, — по крайней мѣрѣ, для времени, въ которомъ мы живемъ.

Онъ замолчалъ и задумался.

— И вы преуспѣете въ выбранной вами работѣ, прибавилъ онъ, серьезно глядя на нее. У васъ всѣ драгоцѣнныя качества, необходимыя для успѣха. Вѣрьте моему слову, потому что я кое-что смыслю въ этомъ.

Онъ говорилъ спокойнымъ тономъ; но глаза, обращенные на Таню, горѣли восторгомъ. Онъ былъ такъ счастливъ, что имѣлъ случай поднести ей эту скромную похвалу.

Таня вспыхнула отъ удивленія и большаго удовольствія, вызванныхъ этими словами.

— Дорого бы я дала, чтобы ваше пророчество оказалось вѣрнымъ! сказала она и затѣмъ прибавила: — Когда же вы перебираетесь въ нашу часть?

— Черезъ нѣсколько дней. Но я могу начать работу хоть съ завтрешняго дня. Два часа разстоянія не Богъ вѣсть что.

— Очень хорошо. Значитъ, я буду ждать васъ завтра вечеромъ, сказала Таня, крѣпко пожавъ ему руку на прощанье.

Андрей вернулся домой счастливымъ человѣкомъ. Онъ наслаждался воспоминаніями проведеннаго вечера и увѣренностью, что завтра же опять увидитъ Таню. Въ новой и высшей фазѣ ея жизни она преобразилась въ его глазахъ и казалась окруженной ореоломъ. Лучшія стороны ея души, о которыхъ онъ прежде только догадывался, теперь выступили въ полномъ блескѣ. Какъ быстро она выросла! Такія чудеса, думалъ онъ, происходятъ только съ дѣвушками. Онъ оставилъ ее ребенкомъ. Теперь она — женщина, но съ чистотою дѣтской души. Онъ чувствовалъ, что любитъ ее сильнѣе, чѣмъ когда-либо, но прежнія опасенія окончательно исчезли. Его рѣшеніе избѣгать Таню показалось ему совершенною нелѣпостью. Онъ не ожидалъ и не искалъ взаим-

ности въ отвѣтъ на свою любовь. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ избѣгать дѣвушку, съ которой у него такъ много общаго? Они такъ хорошо работали вмѣстѣ въ этотъ вечеръ и смогутъ точно также продолжать свою работу въ будущемъ, не взирая на то, любитъ-ли онъ ее, или нѣтъ. Только въ старыхъ романахъ любовь составляетъ главный интересъ въ жизни. Онъ же сумѣетъ жить высшими идеалами.

ГЛАВА IX.

За общей работой.

Андрею не разъ пришлось порадоваться за свое смѣлое рѣшеніе. Впродолженіе цѣлаго мѣсяца послѣ переѣзда въ Нарвскую часть онъ извѣдалъ такое счастье, что выше его могли бы стоять только восторги взаимной любви: счастье совмѣстной работы съ любимою женщиною, въ дѣлѣ, которому оба отдавали лучшую часть своей души.

Самыя ничтожныя мелочи ежедневной жизни получали въ его глазахъ новое значеніе и прелесть. Небольшіе успѣхи, достигнутые въ пропагандѣ, казались ему настоящими тріумфами, и наполняли все его существо глубокою радостью. И, въ самомъ дѣлѣ, его работа шла успѣшнѣе обыкновеннаго. У него внезапно обострилось пониманіе людей, и онъ сталъ гораздо краснорѣчивѣе. Согрѣтый собственнымъ чувствомъ, онъ относился задушевнѣе къ людямъ вообще.

Большую часть своего времени онъ проводилъ внѣ дома. Двадцати-четырехъ часовъ въ сутки ему не хватило бы на всю работу, которую онъ взвалилъ себѣ на плечи. Черезъ Таниныхъ рабочихъ, его сношенія на фабрикахъ съ ихъ товарищами значительно расширились. Изъ этихъ новыхъ знакомыхъ и послѣдователей онъ выбиралъ наиболѣе надежныхъ и приводилъ ихъ на собранія. Такъ какъ одно присутствіе на этихъ собраніяхъ было сопряжено для рабочихъ съ такимъ же рискомъ, какъ если бы они участвовали въ убійствѣ или поджогѣ, то новые члены кружка выбирались лишь съ полнаго согласія и одобренія всѣхъ остальныхъ. Андрей и Таня слѣдовали этому благоразумному пра-

вилу, хотя Андрей вскорѣ пріобрѣлъ такую популярность, что въ сущности его голосъ былъ всегда рѣшающимъ. Умный и образованный человѣкъ, среди полуграмотныхъ крестьянъ и ремесленниковъ, является всемогущимъ, если только внушитъ къ себѣ довѣріе съ ихъ стороны.

Число послѣдователей росло очень быстро. Пришлось организовать новый центръ въ томъ же участкѣ, такъ какъ многимъ собираться въ одномъ и томъ же домѣ было рискованно. Первоначальный посѣвъ начиналъ пускать ростки. Конечно, дѣло было все-таки небольшое: пропагандисты группировали вокругъ себя только выдающихся рабочихъ и сносились съ маленькими кружками, которымъ было безопаснѣе собираться на частныхъ квартирахъ.

Но именно изъ такихъ небольшихъ кружковъ и вырабатываются искренніе, беззавѣтно преданные дѣлу борцы. Въ дружеской бесѣдѣ съ глазу на глазъ, — вотъ когда человѣческая рѣчь глубже всего западаетъ въ душу. Ихъ пропаганда, не смотря на ограниченную сферу, была очень плодотворна. Они не только излагали своимъ слушателямъ извѣстное ученіе: они вдохновляли ихъ тѣми же чувствами, какими были проникнуты сами.

Доля Тани въ этомъ общемъ трудѣ была такая же, какъ и ея старшаго товарища и руководителя. Въ своемъ стремленіи выдвинуть ее впередъ, Андрей строго придерживался ихъ программы въ раздѣленіи труда. Онъ взялъ на себя заводить новыя сношенія, открывать новые центры и выбирать новыхъ людей. Но на собраніяхъ у Тани онъ лучшую часть работы предоставлялъ ей.

Благодаря постоянному поощренію со стороны Андрея, Таня отдѣлалась отъ того, что такъ часто парализуетъ умственную дѣятельность женщины, когда она работаетъ вмѣстѣ съ мужчиною: чувство слабости и недовѣрія къ самой себѣ исчезло въ ней. И, разъ освободившись отъ этого чувства, она быстро развивалась и дѣлала большіе успѣхи въ пропагандѣ. По утрамъ

она сидѣла дома, читая и усердно приготовляясь къ своей любимой работѣ. По вечерамъ, когда у нея не было своего собранія, она, по приглашенію, ходила на чтенія своихъ товарищей по пропагандѣ: они скоро оцѣнили ее.

Успѣхи Тани безконечно радовали Андрея. Его чувства къ ней незамѣтно становились все глубже и глубже. Каждый день онъ находилъ въ ней новыя привлекательныя черты. Ему казалось, что Таня всегда вкладывала свое собственное нѣчто, придававшее особую свѣжесть и необыкновенное изящество всему, что бы она ни дѣлала. Въ свою любовь къ народу она вносила столько искренности и горячности; а въ ея спокойномъ и простомъ отношеніи къ опасностямъ, окружавшимъ ее со всѣхъ сторонъ, и въ ея равнодушіи къ ожидавшей ее участи, было столько прекраснаго и трогательнаго. Все это онъ такъ часто видѣлъ раньше и въ другихъ дѣвушкахъ; но теперь, оно пріобрѣло для него новый смыслъ и новое очарованіе. Такъ, иногда, стоя въ благоговѣйномъ созерцаніи передъ картиною великаго художника, мы открываемъ въ ней безконечныя красоты, прежде ускользавшія отъ насъ.

По временамъ, тайный ужасъ охватывалъ сердце Андрея; онъ чувствовалъ, что начинаетъ любить Таню слишкомъ глубоко. Но такіе моменты случались рѣдко и продолжались недолго. Вообще, внутри его царило удивительно пріятное спокойствіе, заглушавшее даже его ревность.

Съ Жоржемъ онъ рѣдко видался. Молодой поэтъ опять былъ очень занятъ, а Андрей не часто появлялся въ городѣ. Въ послѣднее время Жоржъ пересталъ преслѣдовать его своимъ меланхолическимъ взглядомъ, и, благодаря этому, ихъ отношенія улучшились, хотя старая дружба, конечно, не возобновилась. Оба испытывали какую-то неловкость. Андрей сваливалъ всю вину на Жоржа. Если онъ дорожитъ его дружбой, то пусть, первый, и объяснится чистосердечно. Любовь Тани къ Жоржу не возбуждала зависти въ Андреѣ. Ихъ совмѣстная работа установила между ними такую прочную

связь, что, казалось, ничто не порветъ ея. Вкусы Тани — такіе же скромные и незатѣйливые, какъ у Андрея, и высшая политика, въ которой вращается Жоржъ, врядъ-ли когда-нибудь увлечетъ ее: выйдетъ-ли она замужъ или нѣтъ, — она никогда не броситъ теперешней своей работы. Что бы тамъ ни случилось, онъ былъ увѣренъ, что въ духовной жизни Тани ему всегда достанется лучшая доля. Это сознаніе даже располагало его къ великодушію.

Каждый разъ, когда ему случалось быть наединѣ съ Жоржемъ, онъ ожидалъ объясненія. Но Жоржъ, очевидно, избѣгалъ этого жгучаго вопроса и оставлялъ своего друга въ мучительномъ выжиданіи.

Андрей зналъ, что онъ могъ бы выяснить все, поговоривъ съ самой Таней; при ихъ дружбѣ такой разговоръ былъ возможенъ. Но каждый разъ, когда вопросъ готовъ былъ сорваться съ его устъ, какой-то неопредѣленный страхъ удерживалъ его, — страхъ, какъ ему казалось, оскорбить ее своею нескромностью. Онъ предпочиталъ не думать объ ея любви къ Жоржу. Настоящее было такъ восхитительно, что не слѣдовало его портить опасеніями за будущее, и когда такого рода мысли приходили ему въ голову, онъ просто отгонялъ ихъ, какъ отгоняютъ птицъ съ любимаго посѣва.

Одно его огорчало: ему мало было того времени, что онъ проводилъ въ обществѣ Тани. Разставаться съ нею, хотя бы на одинъ часъ, ему было тяжело. Но сама работа налагала часто такое лишеніе, и онъ покорялся, стараясь потомъ наверстать свое время. Къ общему дѣлу онъ, конечно, не ревновалъ ея.

Онъ былъ доволенъ и счастливъ. Онъ твердо вѣрилъ, что ихъ теперешнія отношенія могутъ продолжаться безконечно, — пока одно обстоятельство не показало ему, что зданіе, которое онъ считалъ твердымъ, какъ камень, разваливалось, какъ карточный домикъ, отъ одного прикосновенія.

ГЛАВА X.

Кризисъ.

Однажды вечеромъ, Андрей и Таня сидѣли, одни, на ея квартирѣ. Было довольно поздно, и въ домѣ все погрузилось уже въ первый глубокій сонъ. Они вернулись, полчаса тому назадъ, съ очень успѣшнаго собранія у одного изъ товарищей. Вечеръ былъ необыкновенно удачный. Таня читала очень трогательный разсказъ изъ народной жизни. Подъ впечатлѣніемъ этого разсказа, она одушевилась и говорила необыкновенно хорошо. Теперь, она вернулась домой въ самомъ пріятномъ настроеніи. Андрей, по обыкновенію, провожалъ ее. Онъ тоже былъ въ хорошемъ расположеніи духа и не могъ устоять противъ желанія зайти на полъ-часа, подъ предлогомъ, что недурно было бы напиться чаю послѣ такихъ продолжительныхъ разсужденій.

У Тани былъ съ собою ключъ отъ квартиры. Ея квартирная хозяйка уже спала. Чтобы не безпокоить ея, они рѣшили сами позаботиться о чаѣ. Съ большими хлопотами и смѣхомъ имъ удалось поставить самоваръ и опустошить шкапикъ съ провизіей, причемъ Таня осторожно вытащила ключи у хозяйки изъ-подъ изголовья; старушка всегда прятала ихъ на ночь подъ подушку.

Когда все оказалось на столѣ, оба вдругъ сдѣлали открытіе, что они очень голодны. Они съ удовольствіемъ поужинали и очень весело разговаривали.

Андрей коснулся прочитаннаго разсказа.

— Нужно рекомендовать эту книжку нашимъ друзьямъ, сказалъ онъ. Сколько помню, ни одна такъ сильно

не дѣйствовала на рабочихъ. Необходимо внести ее въ обиходный списокъ нашей литературы.

Таня согласилась и обѣщала взять книжку съ собою, въ первый же разъ, какъ пойдетъ къ Ленѣ.

— Но можетъ быть, не конь, а наѣздникъ выигралъ призъ, сказалъ съ улыбкой Андрей. Я надѣюсь, что послѣ вашего сегодняшняго успѣха вы не станете болѣе сомнѣваться въ вашихъ способностяхъ и блестящемъ будущемъ, какъ пропагандистки среди рабочихъ.

— Да, я надѣюсь сдѣлать кое-что въ этомъ направленіи, сказала Таня, счастливая, какъ жаворонокъ, расправляющій молодыя крылья при первомъ полетѣ. Теперь я одного боюсь: привыкну обращаться съ рабочими и, пожалуй, разучусь разговаривать съ интеллигентами.

— Развѣ вы много отъ этого потеряете? ласково замѣтилъ Андрей.

— Конечно, въ особенности теперь! съ живостью воскликнула Таня.

— Почему? освѣдомился Андрей.

Слова дѣвушки нѣсколько рѣзнули его ухо.

— А потому, что я хочу испытать свои силы и на этомъ поприщѣ. Мнѣ такъ хочется заварить кашу среди моихъ старыхъ пріятельницъ. Жоржъ сказалъ вчера, что мы ѣдемъ въ Москву недѣли черезъ двѣ.

Сердце у Андрея похолодѣло. Въ сущности, Таня не сообщила ему ничего новаго. Онъ, конечно, не забылъ о предстоявшей ей поѣздкѣ въ Москву съ Жоржемъ. Онъ не могъ этого забыть, если бы даже хотѣлъ; это была одна изъ зловреднѣйшихъ птицъ, посѣщавшихъ его ниву, и спугивать ее было нелегко. Онъ былъ приготовленъ къ этому извѣстію, но не ожидалъ, чтобы она такъ радовалась перспективѣ разстаться съ нимъ и съ работой, къ которой, онъ полагалъ, она такъ привязана. Больше всего его огорчилъ тонъ, къ какомъ она говорила.

Онъ устремилъ печальный взглядъ на прекрасное, счастливое лицо, тщетно стараясь найти въ немъ что-

нибудь болѣе соотвѣтственное его собственнымъ чувствамъ.

— Вамъ очень хочется въ Москву? спросилъ онъ упавшимъ голосомъ.

Таня ничего не сказала въ отвѣтъ. Съ закрытыми глазами и сіяющей улыбкой на устахъ она только нѣсколько разъ утвердительно кивнула головой.

Ея раскраснѣвшееся лицо, какъ будто, досказывало остальное. Она разставалась съ нимъ безъ сожалѣнія, какъ съ чужимъ! Онъ ничего не значилъ для нея, между тѣмъ какъ она была всѣмъ для него. Она удовлетворялась его обществомъ, за неимѣніемъ лучшаго. Какъ только онъ исчезнетъ съ ея горизонта, она забудетъ о его существованіи.

Губы Андрея поблѣднѣли.

— Я хорошо понимаю, что васъ должна очень радовать поѣздка въ Москву, сказалъ онъ медленнымъ, спокойнымъ голосомъ, хотя внутри у него все кипѣло отъ злобы. Такая скука — вѣчно повторять одно и то же кучкѣ простыхъ рабочихъ. То-ли дѣло, одерживать побѣды среди интеллигенціи, которая васъ будетъ воспѣвать и распространять вашу славу во всѣ концы!

Дѣвушка была поражена такимъ оскорбительнымъ обвиненіемъ. Такъ-ли она его поняла? Но, поднявъ на него широко раскрытые, изумленные глаза, она едва узнала его холодное, суровое лицо, — до того всегда дружеское и ласковое.

— Неужели вы считаете меня такой легкомысленной? проговорила она.

Голосъ ея дрогнулъ. Слезы сверкнули въ глазахъ.

При видѣ ея слезъ жгучее чувство раскаянья охватило Андрея. Онъ готовъ былъ броситься къ ея ногамъ и умолять о прощеніи за первое огорченіе, причиненное ей. Но какой-то злой духъ овладѣлъ имъ и наполнилъ его слова желчью и ядомъ.

— Какже мнѣ иначе къ вамъ относиться, продолжалъ онъ съ запальчивостью, когда вы сами заявляете, что горите нетерпѣніемъ бросить дѣло, по вашимъ же словамъ, такое вамъ дорогое; когда перспектива блистать

въ привиллегированной средѣ, между свѣтскими пустомелями, кружитъ вамъ голову; когда....

Онъ не могъ продолжать и, схвативъ шляпу, выбѣжалъ, не попрощавшись.

Съ этого вечера все омрачилось. Они кое-какъ помирились на слѣдующее утро, но примиреніе ничего не поправило. Самая основа ихъ дружбы была подорвана. Андрей больше не вѣрилъ въ существованіе той нравственной связи между ними, на которую онъ до сихъ поръ возлагалъ такъ много надеждъ.

Когда вспышка прошла, онъ сознался, что преувеличилъ, допустивши, что Таня къ нему совершенно равнодушна. Онъ соглашался, что она, пожалуй, сохранила къ нему тепловатое чувство дружбы. Но это было хуже, чѣмъ ничего. Онъ жаждалъ всего; и то малое, что ему выпало на долю, только напоминало о томъ, чего ему не доставало. О ревности къ Жоржу не могло быть и рѣчи. Жоржъ — или кто другой — не все-ли ему равно? Онъ ревновалъ ко всему, — ко времени, къ мыслямъ, которыхъ она не дѣлила съ нимъ. Эта новаго рода ревность совершенно уничтожила старое чувство, какъ сильная боль заставляетъ насъ забывать про болѣе слабую. Очаровательная и опасная интимность ихъ отношеній сильно разожгла любовь Андрея, незамѣтно для него самого. Теперь все прорвалось наружу, наполняя его сердце, зажигая въ немъ кровь. Онъ не могъ существовать безъ нея, потому что въ ея отсутствіе онъ терзался мыслями объ ней. Спасаться бѣгствомъ теперь было поздно. Онъ считалъ часы и минуты, когда опять представится малѣйшая возможность снова ее увидѣть. Но какъ только онъ добивался этого счастья, воспоминанія его обидъ подымались изъ самыхъ нѣдръ его души, поглощая все хорошее и доброе въ его чувствахъ къ дѣвушкѣ. Самое удовольствіе отъ ея присутствія отравлялось для него. Прежняя глубокая радость — уступокъ и подчиненія милому существу — исчезла. Онъ чувствовалъ себя униженнымъ такою зависимостью и возмущался противъ ея власти, способной сдѣлать его счастливымъ или несчастнымъ, по произволу. Внут-

ренняя борьба поддерживала въ немъ постоянное раздраженіе. Онъ сдѣлался сварливымъ и придирчивымъ; вѣчно ссорился и спорилъ съ Таней; и ему не стыдно было пользоваться своимъ преимуществомъ въ діалектической ловкости, чтобы тѣмъ сильнѣе мучить ее.

Таня переносила его первыя нападки, молча, не защищаясь: они слишкомъ сильно ее задѣвали. Но скоро она извѣрилась въ справедливость Андрея и стала возмущаться противъ его ни на чемъ не основанныхъ вспышекъ. Взаимное пониманіе, установившееся между ними за эти нѣсколько мѣсяцевъ дружескихъ отношеній, исчезло въ нѣсколько дней. Оставаясь одинъ, внѣ мучившихъ его впечатлѣній, Андрей съ ужасомъ сознавалъ, какъ быстро росло ихъ отчужденіе. Онъ старался вернуть потерянное, являясь съ повинной. И тотчасъ же начиналось повтореніе стараго.

Таня мучилась не менѣе Андрея. Разъ утромъ, придя неожиданно, онъ засталъ ее съ заплаканными глазами. Онъ почувствовалъ себя величайшимъ преступникомъ и готовъ былъ покаяться во всемъ. Но съ первыхъ же словъ Таня отнеслась къ нему такъ недружелюбно, что они разсорились хуже, чѣмъ когда-либо.

Они катились внизъ по крутой наклонной плоскости и вынуждены были докатиться до конца, не имѣя возможности остановиться.

Близился полный, неотвратимый разрывъ. Андрей желалъ, чтобы это случилось поскорѣе, и положило бы предѣлъ невыносимому положенію. Силою обстоятельствъ онъ принужденъ былъ бы разстаться съ нею, чего онъ не въ состояніи былъ сдѣлать по собственной инициативѣ. И всетаки, онъ страшился удара и дѣлалъ неловкія усилія отдалить грозившій моментъ.

Онъ принялъ, наконецъ, рѣшеніе не видаться съ нею внѣ ихъ общихъ занятій. Пятницу онъ стоически провелъ у себя дома. Это былъ лучшій день въ недѣлѣ для Андрея, потому что не было никакихъ собраній, и онъ обыкновенно уходилъ съ Таней въ городъ или читалъ, либо разговаривалъ съ нею, у нея на квартирѣ. Теперь же онъ рѣшился не бывать у нея совсѣмъ. Но

ему это стоило такихъ усилій, что на слѣдующій же день онъ пришелъ гораздо раньше, подъ предлогомъ, что ему заранѣе нужно поговорить о предстоявшемъ собраніи.

Они обсудили дѣло въ пять минутъ, и ему больше не о чемъ было говорить. Въ первый разъ со времени ихъ знакомства, онъ затруднялся въ сюжетѣ для разговора съ Таней. Онъ пожалѣлъ, что нарушилъ свое рѣшеніе и явился такъ рано только для того, чтобы разыгривать изъ себя глупца. Онъ сразу пришелъ въ раздражительное настроеніе.

— Давно-ли вы видались съ Лизой? спросилъ онъ, чтобы какъ-нибудь наполнить непріятную паузу.

Онъ сдѣлалъ это безъ умысла, но болѣе непріятной темы нельзя было выдумать.

Лиза была свѣтская барышня, кузина Тани. Андрей зналъ ее немного и не долюбливалъ. Кромѣ того, ея имя напоминало объ этой несчастной поѣздкѣ въ Москву. Таня, по пріѣздѣ туда, намѣревалась остановиться въ домѣ Лизы.

— Я не видалась съ нею съ прошлой зимы, когда она навѣстила насъ въ Петербургѣ, отвѣтила она коротко и серьезно.

У Тани въ рукахъ было шитье, и она усердно работала, повернувшись въ профиль къ Андрею.

Снова наступило молчаніе, — натянутое, мучительное молчаніе, тревожно дѣйствовавшее на нервы, какъ подавляющее спокойствіе передъ бурей.

Чтобы нарушить эту невыносимую напряженность, Таня попробовала заговорить объ ихъ общей работѣ, доставлявшей имъ прежде такой неистощимый запасъ для обмѣна мыслей и чувствъ.

Но Андрей не поддался на удочку; онъ не для этого пришелъ. Потомъ, когда Таня нервозно возобновила свои попытки, онъ разозлился, что она заводитъ рѣчь о томъ, что въ сущности такъ мало ее занимаетъ.

Онъ рѣзко перемѣнилъ разговоръ, повернувъ его на болѣе подходящіе къ случаю предметы: — на ея мос-

ковскіе планы и знакомства и выказалъ глубокій, хотя и недружелюбный интересъ.

Таня отвѣчала, не подымая головы отъ шитья. Но ея пальцы дрожали, и иголка часто попадала вкривь и вкось. Она знала очень хорошо, что на этотъ разъ Андрей заговорилъ объ ея поѣздкѣ съ цѣлью задѣть ее. Но она дала себѣ слово не выходить изъ себя и не ссориться съ Андреемъ до послѣдней крайности. Черезъ три дня она уѣзжаетъ съ Жоржемъ, а по возвращеніи поселится въ другомъ участкѣ, и ей не хотѣлось разставаться враждебно съ Андреемъ.

Но ея хладнокровіе, вмѣсто того, чтобы успокоить Андрея, довело его до крайняго раздраженія и отчаянія. Оно доказывало ему, что онъ сталъ для нея такъ безразличенъ, что никакія его придирки не могутъ затронуть ее. Ему ничего не оставалось, кромѣ жестокаго удовольствія — узнать, докуда доходитъ ея равнодушіе къ нему. Онъ сталъ осмѣивать ея излюбленные планы, издѣваться надъ ея московскими друзьями и кончилъ тѣмъ, что сказалъ, что по его наблюденіямъ революціонеры изъ аристократіи только на время драпируются въ демократическій плащъ; такъ или иначе, старое обличье скажется въ нихъ, — и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Этого Таня не могла перенести. Она вскочила возмущенная, негодующая.

— Послушайте, Андрей!... начала она голосомъ, дрожащимъ отъ гнѣва.

Андрей тоже всталъ, блѣдный, опираясь правой рукой на столъ. Злой духъ, владѣвшій имъ до того, исчезъ. Онъ ждалъ этого момента, напрашивался на него, страшился его — и вотъ онъ наступилъ, и Андрей готовился принять ударъ. Маленькая керосиновая лампа, висѣвшая на стѣнѣ, освѣщала его наклоненную голову и нахмуренныя брови. Онъ былъ мраченъ и подавленъ.

— Андрей, продолжала дѣвушка, внезапно смягчившись, объясните, почему вы съ нѣкоторыхъ поръ такъ измѣнились ко мнѣ? Если вы находите во мнѣ недостатки, почему вы не скажете чистосердечно, по братски.

какъ вы дѣлали прежде? Если же не можете, то къ чему намъ терзать другъ друга? Не лучше-ли мирно разстаться, и каждому идти своей дорогой?

Она не сердилась больше, — ей стало грустно. Голосъ ея звучалъ мягко и ласково. Но Андрей еще более поблѣднѣлъ.

— Еслибъ я только могъ разстаться съ вами, Таня! Лучше было бы никогда съ вами не встрѣчаться, сказалъ онъ едва слышнымъ голосомъ.

— Почему? Развѣ я причинила вамъ....

Она остановилась. Внезапное предчувствіе чего-то большаго заговорило въ ней.

— Развѣ у васъ глазъ нѣтъ? почти рѣзко произнесъ Андрей. Развѣ вы не понимаете, что я люблю васъ до сумасшествія?

Онъ поднялъ на нее глаза и весь проникся на минуту изумленіемъ, перешедшимъ въ восторженную, духъ захватывающую радость. Не ошибся-ли онъ?... Ея лицо просвѣтлѣло. Она протянула къ нему руки, сдѣлала шагъ впередъ и, бросившись къ нему на шею, залилась слезами счастья.

— Таня, моя дорогая! Возможно-ли это? Ты меня любишь? спрашивалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Она только ближе прижималась къ нему.

— Сколько горя ты мнѣ причинилъ, прошептала она.

— Прости меня. Я самъ страдалъ невыносимо. Но теперь все это кончилось. Мы будемъ счастливы съ тобой! воскликнулъ онъ торжествующимъ голосомъ. Сами боги позавидуютъ намъ!

Онъ усадилъ ее на стулъ и опустился на колѣни передъ нею, покрывая поцѣлуями ея холодныя руки и зардѣвшееся, сконфуженное лицо. Онъ разсказалъ ей подробно о поглощавшей его страсти и спросилъ, какъ это случилось, что она полюбила его. Онъ требовалъ фактовъ, доказательствъ, чтобы вполнѣ убѣдиться въ своемъ счастьи, свалившемся на него съ небесъ.

— Я думалъ, ты любишь Жоржа, сказалъ онъ, съ улыбкой смущенія и, въ тоже время, гордости.

— Жоржъ — лучшій изъ людей, гораздо лучше тебя,

сказала она, сильно прижимая пальцемъ его лобъ. Но съ того вечера, когда ты въ первый разъ заговорилъ со мною въ нашемъ домѣ — помнишь? ты овладѣлъ моимъ сердцемъ. И это чувство росло и росло.... Не знаю сама, почему? Должно быть, въ наказаніе за грѣхи моихъ праотцевъ! прибавила она съ улыбкой, устремивъ на него долгій, любящій взглядъ.

Звукъ колокольчика у входной двери призвалъ ихъ къ дѣйствительности. Первая партія рабочихъ явилась на собраніе.

Таня встрѣтила ихъ по обыкновенію, и вечеръ прошелъ такъ же спокойно, какъ и всегда. Только она была особенно красива въ этотъ вечеръ, какъ бы озаренная торжествомъ счастья. Но Андрей не могъ подавить кипучихъ восторговъ въ своемъ сердцѣ. Даже примѣръ Тани не помогъ совладать ему съ собою. Онъ попрощался со всѣми и торопливо вышелъ.

На дворѣ стоялъ жестокій морозъ. Зима покрывала бѣлымъ саваномъ землю, деревья, дома. Но Андрей не чувствовалъ холода и ничего не замѣчалъ вокругъ себя. Въ его сердцѣ кипѣлъ источникъ жизни, разливавшій румянецъ по щекамъ. Кровь быстрѣе бѣжала по его жиламъ, и онъ все шелъ, окутанный темнотою ранней сѣверной ночи.

Это — не сонъ; это правда, она въ самомъ дѣлѣ его любитъ! Ея руки покоились вотъ тутъ, вокругъ его шеи; онъ чувствовалъ еще ихъ прикосновеніе. Ея первый робкій поцѣлуй горѣлъ на его устахъ. Эта ослѣпляющая красота, это глубокое сердце, сокровищницы котораго онъ одинъ такъ хорошо зналъ — принадлежали ему, всецѣло, ему одному и навсегда! Весь міръ вокругъ, люди, онъ самъ — все казалось ему измѣнившимся, обновленнымъ, и изъ глубины его потрясенной души подымался хвалебный гимнъ отвлеченному, безличному божеству ихъ общаго поклоненія; оно теперь стало живымъ существомъ, съ которымъ можно говорить и которое услышитъ его горячіе обѣты. Онъ зналъ, что любимая имъ дѣвушка не взглянула бы даже на

него, если бы не его преданность великому дѣлу, которому они оба посвятили свою жизнь.

Его мысли обратились къ Жоржу, и сердце его наполнилось раскаяньемъ и нѣжностью. Какъ онъ былъ съ нимъ рѣзокъ; какъ грубо относился къ его неизмѣнной ласкѣ и добротѣ! Да, онъ долженъ прямо идти къ нему, объяснить все на чистоту и сказать: Братъ, я грѣшенъ передъ небомъ и тобою!

Жоржъ былъ дома и сидѣлъ, зарывшись въ свои книги и рукописи. Увидѣвъ лицо Андрея, онъ тотчасъ же догадался, зачѣмъ онъ пришелъ. Казалось, онъ давно былъ приготовленъ къ этому.

Онъ съ первыхъ же словъ прекратилъ запутанное и смущенное признаніе Андрея и, пожавъ ему руку, пожелалъ счастья. Ни тѣни ревности нельзя было подмѣтить въ его большихъ голубыхъ глазахъ, устремленныхъ на счастливаго соперника. Андрей нисколько не удивился, но ему показалось очень страннымъ, что Жоржъ принялъ его объясненіе, какъ нѣчто само собою извѣстное.

— Я давно зналъ, что она любитъ тебя, спокойно замѣтилъ Жоржъ.

— Ты зналъ? Какимъ же образомъ? удивился Андрей.

— Наипростѣйшимъ образомъ: она сама мнѣ объ этомъ сказала.... разъ какъ-то....

Онъ остановился на минуту, какъ бы погрузившись въ воспоминанія.

— Вотъ почему, продолжалъ онъ, я былъ нѣмъ, какъ рыба. Иначе, я бы сказалъ.

— Сказалъ? Кому?

— Тебѣ, конечно! Кому же другому?

— Жоржъ, умоляю тебя, не договаривай до конца, если не желаешь окончательно подавить меня своими чрезмѣрными добродѣтелями, сказалъ Андрей, стараясь подъ шуточнымъ тономъ скрыть свое смущеніе.

Жоржъ пожалъ плечами.

— Какія тутъ добродѣтели! Простая послѣдовательность моихъ добрыхъ чувствъ къ вамъ обоимъ. Развѣ

ты, на моемъ мѣстѣ, поступилъ бы иначе? спросилъ онъ, поглядывая на своего друга съ напускнымъ простосердечіемъ.

Андрей весь вспыхнулъ отъ стыда. Онъ зналъ, что не могъ бы поступить, какъ Жоржъ, и ему было непріятно сознаться въ этомъ.

Видя, какъ хорошо онъ попалъ въ цѣль, Жоржъ залился такимъ веселымъ, добрымъ смѣхомъ, что Андрей почувствовалъ облегченіе и тоже разсмѣялся.

Затѣмъ Жоржъ спросилъ серьезнымъ тономъ.

— Надѣюсь, ты не приревнуешь ко мнѣ за то, что я ѣду съ Таней въ Москву?

— Нѣтъ, я еще не унизился до такого рода ревности, и надѣюсь, никогда не унижусь! воскликнулъ Андрей, улыбаясь. Не считай меня хуже, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ.

ГЛАВА XI.

Передышка.

Таня обѣщала вернуться очень скоро, и сдержала слово. Черезъ двѣ недѣли Андрей встрѣчалъ ее на вокзалѣ. Вскорѣ послѣ того они поженились. Для этого не понадобилось, конечно, вмѣшательства попа, или полицейскаго. Они просто объявили о своемъ бракѣ близкимъ друзьямъ.

Ихъ новыя отношенія не измѣнили внѣшней стороны ихъ жизни. Они возобновили прежнюю работу, хотя для этого имъ пришлось поселиться на другомъ концѣ города, такъ какъ старый участокъ сталъ для нихъ не безопасенъ. Въ одномъ изъ переулковъ Кронверскаго проспекта, они нашли маленькую квартирку изъ двухъ комнатъ и кухни, въ которой Таня сама стряпала.

Комнаты были малы, съ низкими потолками и плохо меблированы; маленькія окна почти всегда были покрыты матовымъ слоемъ инея. Морозъ былъ еще во всей силѣ, хотя чувствовалось приближеніе весны. Въ солнечный день они могли любоваться видомъ безобразныхъ сѣрыхъ домовъ черезъ улицу. Ничего поэтическаго, или живописнаго не было въ этомъ жилищѣ; въ своей наготѣ, оно казалось почти мрачнымъ. И однако, оно было для нихъ земнымъ раемъ — если только позволительно такъ выражаться, говоря трезвымъ языкомъ современнаго человѣчества.

Первые захватывающіе восторги счастья скоро прошли. Они не гармонировали ни съ ихъ образомъ жизни, ни съ тѣмъ, что творилось вокругъ. Но они уступили мѣсто болѣе спокойному и болѣе высокому счастью — общности мыслей и чувствъ и той безконечной прелести

взаимнаго изученія, которое у влюбленныхъ начинается только послѣ брака.

Они были такъ глубоко и безконечно счастливы, какъ только могли это когда-либо вообразить.

Правда, одного важнаго элемента для полнаго счастья не существовало для нихъ. Они даже не обманывали себя иллюзіями насчетъ его продолжительности. Наступила короткая передышка, — и они это знали. Дамокловъ мечъ безпрерывно висѣлъ надъ ихъ головами. Каждый день, каждый ихъ часъ могъ оказаться послѣднимъ. Опасности, постоянно окружающія революціонера, нѣсколько разъ подходили къ нимъ очень близко — какъ бы нашептывая memento mori, то Андрею, то Танѣ, то обоимъ вмѣстѣ.

Но они не роптали. Опасности, сопровождавшія ихъ жизненный путь, были въ тоже время свѣточами ихъ любви. Что они больше всего цѣнили и любили другъ въ другѣ, была именно эта безграничная преданность родинѣ, эта готовность каждую минуту пожертвовать всѣмъ ради нея. Они и любили другъ друга беззавѣтной любовью, полною юнаго энтузіазма и вѣры, потому только, что находили другъ въ другѣ олицетвореніе высокаго идеала, къ которому стремились. Такъ какъ вѣрность самимъ себѣ, своимъ идеаламъ и самой ихъ взаимной любви налагала на нихъ жизнь, полную опасностей, — они не отступали. Пусть свершится неотвратимое: они не потупятъ глазъ, — что бы ни случилось.

У нихъ не было болѣзненной жажды самоистребленія; они оба были слишкомъ полны бодрости и здоровья, — и жизнь, теперь, представляла для нихъ столько прелести. Но и страха они не знали. Мрачное будущее не портило красоты настоящаго. Оно придавало лишь бо́льшую цѣну каждому часу, каждой минутѣ, проведенной вмѣстѣ.

Однажды утромъ — въ началѣ весны — Андрей попросилъ Таню прочесть ему вслухъ какую-то статью изъ новой книжки журнала, взятаго у Рѣпина, у котораго они провели вечеръ наканунѣ.

Они очень любили читать вмѣстѣ и потомъ обсуждать прочитанное. Но сегодня Таня отказалась читать.

Лицо ея подернулось печалью, чуть ли не въ первый разъ за четыре мѣсяца ихъ совмѣстной жизни.

— Что съ тобой, родная? озабоченно спросилъ Андрей. У тебя такой серьезный и торжественный видъ.

Таня не могла въ точности объяснить, что съ нею. Ничего особеннаго; просто — угнетенное настроеніе духа.

Она сидѣла у стола. Андрей расположился на полу у ея ногъ — его обычная поза, когда они бесѣдовали вдвоемъ.

— Скажи, о чемъ ты думаешь, и я постараюсь догадаться, что тебя угнетаетъ.

— Не стоитъ думать объ этихъ пустякахъ. Я немного разстроена — вотъ и все. Пройдетъ само собою.

— Но я хочу знать, чѣмъ ты разстроена. Не я-ли причиной? Если — да, то ты напрасно огорчаешься, потому что лучшаго мужа днемъ съ огнемъ не найдешь.

— Шутки въ сторону, сказала Таня, и подъ вліяніемъ словъ Андрея ея грустное настроеніе приняло опредѣленную форму. Теперь-то мы счастливы, продолжала она, но кто знаетъ, на радость или на горе мы съ тобой сошлись?

— Всякій попъ, если мы позволимъ ему вмѣшаться въ наши дѣла, скажетъ, что на радость и на горе, отвѣчалъ Андрей. Но откуда у тебя эти вопросы? Я ничего подобнаго еще не слыхалъ отъ тебя. Ужь не жалѣешь-ли ты, что вышла за меня замужъ?

— Нѣтъ, я не о себѣ говорю, сказала она, проводя рукой по густымъ волосамъ Андрея. Но, можетъ быть, *ты* когда-нибудь пожалѣешь объ этомъ. Я часто слышала, что революціонеры портятся, когда женятся.

— Такъ вотъ что тебя безпокоитъ! Страхъ за мою чистоту и безпорочность?

Но онъ не могъ продолжать въ томъ же тонѣ. Ея глубокіе, темные глаза смотрѣли на него съ выраженіемъ трогательной грусти.

Горячая волна благодарности и любви поднялась въ его сердцѣ, когда онъ заглянулъ въ эти дорогіе ему глаза, упиваясь ихъ ласкающимъ мягкимъ свѣтомъ.

— Дорогая моя, ты сдѣлала изъ меня другаго, лучшаго человѣка! Ты открыла въ моей душѣ такіе источники энтузіазма, преданности и вѣры въ людей, какихъ я не подозрѣвалъ за собою. Тебѣ-ли такъ разсуждать послѣ этого?

— Развѣ? недовѣрчиво проговорила она, продолжая гладить его волосы.

— Ахъ, еслибъ я могъ тебѣ объяснить! Знаешь, — когда я былъ мальчикомъ, я былъ очень религіозенъ. Потомъ мнѣ часто приходилось слышать, что только религія даетъ самыя высокія, чистыя настроенія души. Но когда я — съ тобою, и твоя рука покоится на моей головѣ, или когда, наединѣ, я начинаю думать о тебѣ, я испытываю ту же сладость смиренія, то же стремленіе къ поклоненію, ту же страстную потребность нравственной чистоты и самопожертвованія, какъ и въ былыя времена религіознаго дѣтства. Я радъ тогда сознаться въ моихъ недостаткахъ и слабостяхъ, и я страстно желаю очиститься отъ нихъ, чтобы безъ страха предстать потомъ передъ тобою....

Таня слушала серьезно, сперва удивленная; потомъ увлеклась, поддаваясь обаянію его страстной рѣчи. Но при послѣднихъ словахъ она протянула впередъ руки, точно этимъ движеніемъ она отстраняла настоящій ѳиміамъ.

— Андрей, прошу тебя, не говори такъ со мной. Я перестану вѣрить въ твою любовь, если ты будешь меня такъ превозносить. Я знаю, что во мнѣ нѣтъ ничего особеннаго и хотѣла бы, чтобы ты цѣнилъ меня по достоинству.

Андрей, съ спокойной улыбкой, выслушалъ маленькое наставленіе. Онъ осторожно взялъ ее за руку и поцѣловалъ одинъ за другимъ ея пальцы.

— Дитя! произнесъ онъ, наконецъ. Кто тебѣ сказалъ, что я тебя считаю исключительной натурой? Нѣтъ, дорогая, я уже не мальчикъ. Я знаю, что мы съ тобой — обыкновенные смертные. Я не фантазирую на твой счетъ, — я люблю тебя. Но развѣ любятъ только исключительное и необыкновенное? Какое печальное зрѣ-

лице представляла бы вселенная, если бы оно было такъ на самомъ дѣлѣ! Я знаю, что между нашими товарищами есть женщины, такія же хорошія и преданныя дѣлу, какъ ты. Но мнѣ-то что до этого? Иногда я вижу солнце и чувствую теплоту его лучей, но преспокойно занимаюсь своимъ дѣломъ, или отдыхаю — какъ придется. Но завтра я увижу то же солнце, быть можетъ, менѣе яркое и прекрасное, чѣмъ наканунѣ, только облака вокругъ него сложились въ другой формѣ, цвѣта сгруппировались иначе, — и вотъ я стою передъ нимъ, погруженный въ созерцаніе и оторвать не могу глазъ. Я не знаю, да и не хочу знать, за что я тебя люблю....

— А я знаю теперь, прервала его со смѣхомъ Таня, и сейчасъ тебѣ объясню. У тебя очень скромные вкусы. Я увѣрена, что ты способенъ приходить въ восторгъ отъ солнца, когда оно такъ покрыто облаками, что скорѣе похоже на круглое масляное пятно въ бумажномъ фонарѣ.... О вкусахъ не спорятъ, — и я согласна быть твоимъ солнцемъ на этихъ условіяхъ.

Она развеселилась и радостно улыбалась. Но ея глаза все еще отражали болѣе глубокое, захватывающее чувство, вылившееся въ долгомъ, долгомъ взглядѣ. Какъ онъ любилъ эти каріе, глубоко-прозрачной чистоты глаза, съ ихъ мѣняющимся выраженіемъ! Какъ онъ любилъ этотъ взглядъ, всегда заставлявшій трепетать его сердце отъ счастья!

— Радость моя! воскликнулъ онъ взволнованнымъ голосомъ, поднимая свое лицо къ ней. Скажи, чѣмъ я заслужилъ такое счастье? Какое право имѣю я быть счастливымъ, когда вокругъ такъ много горя и страданій? Я часто спрашиваю самого себя, что такое я сдѣлалъ, чтобы заслужить твою любовь, и какъ отплатить за нее?

Она закрыла ему ротъ рукою. Ея удивительные глаза измѣнили свое выраженіе; ихъ таинственная глубина какъ бы подернулась завѣсой, и дрожавшіе на днѣ ея огоньки потухли. Они смотрѣли спокойно и серьезно.

— Нельзя такъ безумствовать, сказала она. Любовь

женщины — не награда. Это — свободный и обоюдный даръ.

Ея выговоръ немного отрезвилъ Андрея, но только на минуту.

— Ты права; ты всегда права, моя дорогая. Но тѣмъ болѣе долженъ я быть тебѣ благодаренъ. Я бы воспѣвалъ тебя въ пѣсняхъ, какъ это дѣлали старинные трубадуры, еслибъ только умѣлъ сочинять такія пѣсни.

— Мой трубадуръ, сказала она улыбаясь, что бы сказали наши революціонеры, еслибъ они услыхали, что Андрей Кожуховъ — непреклонный, суровый Кожуховъ — предается такимъ изліяніямъ?

— Чтожъ, они бы только больше увѣровали въ меня, если знаютъ толкъ въ людяхъ, съ живостью отвѣчалъ Андрей. Повѣрь мнѣ, только прирожденный трусъ боится, что въ рѣшительный моментъ его жизни любовь къ женщинѣ можетъ парализовать его силы. Они найдутъ меня готовымъ, когда мой часъ пробьетъ. И ты, моя ненаглядная, неправда-ли, ты скажешь, какъ та дѣва-черкешенка:

„Мой милый, смѣлѣе ввѣряйся ты року!“

— Постараюсь, отвѣтила она съ блѣдной улыбкой, любуясь поднятымъ къ ней счастливымъ и смѣлымъ лицомъ Андрея.

Никогда еще онъ не былъ ей такъ дорогъ, никогда еще она такъ не гордилась его любовью. Но возможность потерять его — эта возможность, которую она до сихъ поръ допускала, не вѣря въ нее, — теперь предстала въ ея умѣ во всей страшной реальности.

Съ нервнымъ порывомъ, противорѣчившимъ ея словамъ, она обвила руками его шею и крѣпко прижала къ груди его голову, которая теперь была ей дороже всего на свѣтѣ.

Громкій звонокъ, сопровождаемый двумя болѣе слабыми, наполнилъ нестройными звуками ихъ маленькую квартиру.

Звонокъ этотъ означалъ приходъ друзей. Однако, оба вздрогнули и посмотрѣли другъ другу въ лицо.

Андрей быстро поднялся и пошелъ отворять двери.

Таня, оставшаяся на своемъ мѣстѣ, сначала услыхала радостное восклицаніе Андрея при видѣ неожиданнаго друга; но это привѣтствіе замерло, какъ брошенный въ топкое болото камень. Затѣмъ раздался быстрый подавленный шопотъ нѣсколькихъ голосовъ, смѣнившійся зловѣщимъ молчаніемъ.

Андрей вернулся въ комнату въ сопровожденіи Жоржа и молодого человѣка, ей незнакомаго. Андрей былъ блѣденъ. У двухъ другихъ былъ серьезный и грустный видъ.

— Что случилось? воскликнула съ тревогой Таня, подымаясь къ нимъ на встрѣчу.

— Большая бѣда, сказалъ Андрей. Зина и Василій арестованы послѣ упорнаго сопротивленія. Оба будутъ приговорены къ смерти черезъ нѣсколько недѣль. Вуличъ убита во время сопротивленія.

Онъ опустился на стулъ и провелъ рукой по лбу. Оба гостя тоже сѣли. Незнакомецъ очутился противъ Тани, и ихъ глаза встрѣтились.

— Ватажко, отрекомендовался онъ самъ. Я только-что изъ Дубравника съ этимъ извѣстіемъ и съ спеціальнымъ порученіемъ къ Андрею.

— Когда это случилось? спросила она.

— Три дня тому назадъ, отвѣчалъ Ватажко. Полиція старалась держать все дѣло въ тайнѣ, но это невозможно. Завтра извѣстіе появится во всѣхъ газетахъ. Весь городъ уже говоритъ объ этомъ.

Онъ сталъ излагать въ полъ-голоса подробности катастрофы. Но по мѣрѣ своего разсказа онъ все болѣе и болѣе воодушевлялся, и когда дошелъ до описанія перестрѣлки съ полиціей, то пришелъ въ настоящій экстазъ. Дѣйствительно, самозащита была геройская. Въ глухую полночь, полиція старалась тайкомъ войти въ квартиру, занимаемую Зиной и Василіемъ. Они отвинтили петли отъ наружныхъ дверей и думали застать всѣхъ врасплохъ, въ постели. Оно такъ бы и вышло, если бы, на счастье, Вуличъ не зачиталась поздно у себя въ комнатѣ. Она услыхала подозрительный шумъ и, увидавъ входившихъ жандармовъ, выстрѣлила, когда они

меньше всего этого ожидали. Нѣсколькими выстрѣлами, она заставила ихъ отступить на лѣстницу, и впродолженіи двухъ-трехъ минутъ, одна, удерживала ихъ, пока сама не упала, раненая въ голову. Она была безъ признаковъ жизни, когда Василій подоспѣлъ къ ней на помощь.

— Какая она оказалась львица, эта дѣвочка! И какая прекрасная смерть! невольно вырвалось у Андрея.

— Оставшіеся въ живыхъ, продолжалъ Ватажко, попытались пробиться съ револьверами въ рукахъ, но это оказалось невозможнымъ. Тогда они отступили во внутреннія комнаты и забаррикадировались. Они сожгли всѣ компрометирующіе документы и не пускали полицію впродолженіи получаса, пока не истратили всѣхъ зарядовъ. Затѣмъ они объявили, что сдаются.

Ватажко добавилъ, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, ихъ будутъ судить черезъ нѣсколько недѣль, вмѣстѣ съ Борисомъ. Зину розыскивали по его дѣлу, и полиція очень обрадовалась, захвативъ ее наконецъ. Василія будутъ судить съ ними за вооруженное сопротивленіе. Нельзя было сомнѣваться, что всѣ трое будутъ приговорены къ смертной казни.

— Но этого допустить невозможно! воскликнулъ Ватажко съ жаромъ. Мы освободимъ ихъ силою! Онъ вскочилъ со своего мѣста въ пылу возбужденія. То расхаживая по комнатѣ, то останавливаясь передъ однимъ или другимъ и энергично жестикулируя, онъ объявилъ, что ихъ кружокъ въ Дубравникѣ рѣшилъ сдѣлать попытку освобожденія. Всѣ, безъ исключенія, революціонеры горячо сочувствуютъ этому дѣлу. Волонтеровъ можно набрать, сколько угодно, между интеллигенціей и среди городскихъ рабочихъ. Если только держать это предпріятіе въ большой тайнѣ, то оно можетъ увѣнчаться успѣхомъ. Во всякомъ случаѣ, они рѣшили попытаться

— Мы рѣшили, заключилъ онъ, обращаясь къ Андрею, что для такого важнаго дѣла необходимо назначить атамана и единогласно выбрали васъ. Меня по-

слали съ тѣмъ, чтобы разсказать вамъ все подробно и спросить, согласны-ли вы присоединиться къ намъ?

Андрей поднялъ голову и посмотрѣлъ на посланца, явившагося съ такимъ серьезнымъ предложеніемъ.

— Хорошо-ли вы взвѣсили вашъ выборъ? спросилъ онъ. Я еще не былъ атаманомъ ни въ одномъ дѣлѣ.

— Лучшаго атамана, чѣмъ вы, мы и выдумать не могли бы, воскликнулъ Ватажко.

Онъ объяснилъ причины, которыя ихъ побудили выбрать Андрея. Всѣ члены тамошней организаціи знали его лично и довѣряли ему вполнѣ. Кромѣ того, онъ былъ очень популяренъ среди мѣстныхъ революціонеровъ, знавшихъ его по репутаціи и готовыхъ слѣдовать за нимъ скорѣе, чѣмъ за кѣмъ-либо другимъ.

— Пусть будетъ по вашему, сказалъ Андрей. Въ такомъ дѣлѣ, я готовъ служить въ какой-угодно роли.

— Я такъ и говорилъ имъ, я такъ и говорилъ! повторялъ Ватажко, съ жаромъ потрясая Андрея за руку. Мы всѣ того мнѣнія, что вамъ не зачѣмъ ѣхать въ Дубравникъ сейчасъ. Если полиція узнаетъ, что вы тамъ, она сейчасъ же насторожитъ уши. Вамъ лучше оставаться здѣсь, до поры до времени. Мы будемъ сообщать вамъ все, до мельчайшихъ подробностей, и совѣтоваться съ вами....

Андрей снова былъ оторванъ отъ спокойной работы и счастливой безмятежной жизни, — снова брошенъ въ водоворотъ революціоннаго потока.

Онъ съѣздилъ на короткое время въ Дубравникъ, съ цѣлью позондировать почву. Тамъ онъ узналъ, что Бочаровъ, на участіе котораго въ предстоящемъ дѣлѣ онъ разсчитывалъ, и сестры Дудоровы были арестованы нѣсколько дней тому назадъ. Это было очень не кстати. Сперва, Андрей не придалъ большого значенія самому факту ихъ заарестованія и надѣялся, что ихъ скоро выпустятъ. Но вскорѣ послѣ его пріѣзда Варя Войнова явилась къ нему. Она пришла послѣ свиданія съ нѣкоторыми изъ арестованныхъ, и отъ нихъ услыхала вѣсти, заставившія ее плакать отъ досады и негодованія. Миронова, съ которымъ Андрей и Василій встрѣтились на

пикникѣ сестеръ Дудоровыхъ, арестовали три мѣсяца тому назадъ. Съ первыхъ же дней онъ выкинулъ бѣлый флагъ. Теперь, чтобы выпутаться и выйти на свободу, этотъ негодяй сталъ признаваться во всемъ, что зналъ и о чемъ лишь догадывался, выдавая массу людей.

Благодаря его показаніямъ, Бочаровъ и сестры Дудоровы были арестованы. Онъ, между прочимъ, подробно разсказалъ о злополучномъ пикникѣ въ лѣсу, называя всѣхъ присутствовавшихъ. Этотъ инцидентъ, незначительный самъ по себѣ, устанавливалъ фактъ знакомства Дудоровыхъ и Бочарова съ такими дѣятельными революціонерами, какъ Андрей и Василій. Всѣхъ трехъ собирались судить, вмѣстѣ съ Борисомъ, Зиной и Василіемъ, и ихъ дѣло принимало, такимъ образомъ, очень серьезный оборотъ.

Во всемъ остальномъ Андрей вынесъ скорѣе благопріятныя впечатлѣнія. Обстоятельства задуманнаго освобожденія въ Дубравникѣ складывались гораздо лучше, чѣмъ онъ ожидалъ. Подъ рукой оказались превосходныя боевыя силы, и онъ составилъ великолѣпный планъ дѣйствія. Имѣлись порядочные шансы на успѣхъ, — да и на какой еще грандіозный успѣхъ! Въ немъ проснулись инстинкты бойца. Что же до опасностей, — онъ объ нихъ не думалъ, и въ глубинѣ души не вѣрилъ въ ихъ существованіе.

Онъ вернулся къ Танѣ возбужденный и счастливый. Но — для нея — дни безмятежнаго спокойствія прошли. Она знала, что Андрей — правъ; что оставаться позади въ такомъ дѣлѣ онъ не можетъ. Но это сознаніе доставляло ей мало утѣшенія. Оно не разгоняло ея тревогъ и опасеній за него.

ЧАСТЬ III.

ВСЕ ДЛЯ ДѢЛА

ВСЕ ДЛЯ ДѢЛА

ГЛАВА I.

Запка.

Одно изъ предмѣстій богоспасаемаго города Дубравника носитъ названіе „Валы“ — названіе, которое звучитъ довольно странно теперь, когда ни на улицахъ, ни между большими огородами и запущенными садами этой мѣстности не найдется ни одного холмика.

По всей вѣроятности, названіе это болѣе соотвѣтствовало дѣйствительности во времена оны, когда это мѣсто впервые было вызвано къ жизни, главнымъ образомъ, помѣщиками въ ихъ поискахъ за городскими резиденціями. Многіе изъ домовъ и по сю пору сохранили еще слѣды своего происхожденія. Обширные дворы окружены многочисленными службами для размѣщенія десятковъ слугъ, неизмѣнно сопровождавшихъ господъ въ ихъ періодическихъ переселеніяхъ въ города. Конюшни, каретные сараи, бани, свидѣтельствуютъ о попыткѣ нашихъ отцовъ сохранить по возможности помѣщичій строй жизни. Самые дома, — тѣ изъ нихъ, которые еще не пошли на сломъ для замѣны новыми, — большей частью деревянные, не безъ претензіи на архитектуру. Тамъ и сямъ можно видѣть балконы съ карнизами и баллюстрадами въ видѣ украшенія, маленькія башни со спиралями, зубчатыя двери и окна, указывающія на капризы фантазіи у людей съ своего рода артистическими наклонностями.

Послѣ освобожденія крестьянъ, эти дома отъ бывшихъ помѣщиковъ перешли въ руки скупщиковъ-купцовъ,

такъ часто заступающихъ мѣсто дворянъ. Кулаки и спекуляторы разныхъ наименованій не долго оставались въ домахъ, не подходящихъ для дѣловыхъ операцій и мало для нихъ привлекательныхъ въ другихъ отношеніяхъ. Они жили въ качествѣ непріятелей, овладѣвшихъ городомъ послѣ осады и оставшихся тамъ лишь на время, для того только, чтобы все, имѣющее какую-либо цѣнность, превратить въ деньги.

Еще разъ „Валы" перемѣнили свой видъ и населеніе. Дома, службы и пристройки снимались большею частью мѣщанами и рабочими. Въ ихъ глазахъ главной приманкой была земля, сдававшаяся при домахъ, — сады и огороды, въ которыхъ воздѣлывались овощи. Дома они сдавали жильцамъ изъ господъ; сами же со своими семьями тѣснились въ пристройкахъ и службахъ. Такая метаморфоза оказалась самой прочной. Собственники домовъ повышали цѣну съемщикамъ, а эти послѣдніе ухитрялись выжимать ренту изъ своихъ жильцовъ. Городъ представлялъ рынокъ для сбыта овощей и давалъ съ каждымъ годомъ увеличивавшееся число дачниковъ, для которыхъ слова „природа" и „свѣжій воздухъ" имѣли нѣкоторое значеніе, такъ что за пользованіе ими они не прочь были платить по мѣрѣ силъ.

Въ началѣ весны 187* года въ одномъ изъ такихъ домовъ сидѣли у открытаго окна два молодыхъ человѣка. Одинъ изъ нихъ, юноша лѣтъ двадцати, напряженно всматривался въ темноту, старательно разглядывая каждаго, входившаго въ сферу свѣта тусклаго уличнаго фонаря.

Это былъ Ватажко. Другой былъ нашъ знакомый Андрей, пріѣхавшій въ Дубравникъ съ недѣлю тому назадъ и поселившійся съ товарищемъ въ этомъ тихомъ кварталѣ.

— Никого? спросилъ онъ.

— Никого.

— Странно, заговорилъ Андрей послѣ небольшой паузы. Засѣданіе должно было кончиться часа три тому назадъ. Заикѣ давно пора бы быть здѣсь. Ксенію повидать вѣдь не долго.

— Можетъ быть, ее не пустили въ судъ, предположилъ Ватажко.

— Ну вотъ еще! кого же пускать, коли не барышню съ ея положеніемъ?

— Ну, такъ остается предположить, что Заика погибъ отъ взрыва, потому что онъ никогда не опаздываетъ, пошутилъ Ватажко.

— Чтожъ, можетъ быть, и взаправду погибъ, согласился Андрей серьезнымъ тономъ. Онъ такъ неосторожно обращается со своимъ любезнымъ зельемъ, что можетъ быть взорванъ каждую минуту.

— Не побѣжать-ли мнѣ къ нему справиться? предложилъ Ватажко.

— О чемъ? Взорванъ онъ или нѣтъ?

— Ну вотъ! Видѣлъ-ли онъ Ксенію и что она ему сказала.

— Если онъ взорванъ, то ничего не скажетъ, а если нѣтъ, то придетъ тѣмъ временемъ сюда, и вы съ нимъ разойдетесь. Лучше подождемъ.

Наступило молчаніе.

— Какая скука! не выдержалъ, наконецъ, Ватажко. Ужъ задамъ же я Заикѣ, когда онъ придетъ!

Онъ бросилъ послѣдній безнадежный взглядъ на пустую улицу, какъ вдругъ съ противоположнаго конца послышался стукъ приближающагося экипажа.

— А! Вотъ онъ наконецъ! весело вскричалъ Ватажко, мигомъ забывая свой гнѣвъ.

Андрей тоже выглянулъ въ окно и увидѣлъ Заику, быстро подъѣзжавшаго на открытыхъ дрожкахъ.

Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ геркулесовскаго сложенія, съ черной бородой почти до пояса. Дотронувшись своей длинной рукой до плеча извощика, онъ приказалъ ему остановиться у воротъ. Это было противъ правилъ, такъ какъ извощика слѣдовало остановить, не доѣзжая до дома; но Заика очевидно спѣшилъ.

Черезъ минуту онъ входилъ въ комнату, нагибая свою длинную голову, чтобы не удариться о косякъ низкой двери. Ватажко успѣлъ тѣмъ временемъ запереть окна, спустить шторы и зажечь пару свѣчей.

— Ну что, каковы новости? спросилъ Андрей. Разсказывайте скорѣе.

— Сейчасъ, дайте прежде раздѣться. Заранѣе предупреждаю, что ничего особеннаго, отвѣтилъ вошедшій, слегка заикаясь.

Вблизи его худая, слегка сгорбленная фигура вовсе не напоминала Геркулеса. Борода при свѣчахъ оказалась не черною, а русою, падавшей на грудь двумя длинными космами. Въ его худомъ, продолговатомъ лицѣ съ длиннымъ прямымъ носомъ были замѣчательны только сѣрые безпокойные глаза, вспыхивавшіе иногда какимъ-то фосфорическимъ блескомъ. Глядя на нихъ, приходило въ голову, что онъ, пожалуй, можетъ видѣть въ темнотѣ, какъ кошка.

— Видѣли кузину? спросилъ Андрей.

— Видѣлъ.

— Такъ садитесь и разсказывайте все по порядку.

Заика сѣлъ и началъ разсказывать. Политическій процессъ дѣйствительно начался передъ военнымъ судомъ. Въ первомъ засѣданіи было сдѣлано еще очень немного, но опытный человѣкъ могъ уже вывести нѣкоторое заключеніе относительно дальнѣйшаго хода дѣла. Во-первыхъ, Заика сообщилъ, что большинство членовъ суда было назначено генералъ-губернаторомъ спеціально для этого процесса. Это былъ плохой знакъ. Обвинительный актъ, прочитанный въ этомъ засѣданіи, тоже не предвѣщалъ ничего хорошаго. Относительно того, подъ какую статью подведутъ трехъ главныхъ подсудимыхъ: Бориса, Зину и Василія, не могло быть никакихъ сомнѣній. Иначе стояло дѣло Бочарова и сестеръ Дудоровыхъ, не виновныхъ въ сущности ни въ чемъ, кромѣ простаго знакомства съ конспираторами. Поэтому заключеніе обвинительнаго акта объ участіи всѣхъ подсудимыхъ въ общемъ заговорѣ, съ цѣлью низверженія трона и всего прочаго, было весьма зловѣщимъ. Оно говорило о намѣреніи обвинительной власти требовать смертной казни для всѣхъ подсудимыхъ.

— Но развѣ это возможно? Какія же у этой ско-

тины могутъ быть доказательства? прервалъ Ватажко разсказъ гостя.

— Все тотъ же пикникъ въ лѣсу, на которомъ былъ предатель Мироновъ, отвѣчалъ Заика. Дудоровы и Бочаровъ были на пикникѣ. Отъ Василія они не добились ни одного слова. Онъ молчитъ съ самаго ареста. Но опять же Мироновъ утверждаетъ, что Василій былъ тамъ вмѣстѣ съ Андреемъ и Вуличъ. Кромѣ того, дворникъ Дудоровыхъ узналъ карточку Вуличъ и показалъ, что она часто приходила къ Дудоровымъ.

Заика замолчалъ, считая дѣло совершенно разъясненнымъ. Одни конспирировали, другіе были съ ними знакомы, а слѣдовательно, всѣ — одна шайка. Русскимъ людямъ слишкомъ хорошо знакомъ этотъ обычный прокурорскій пріемъ.

— Ну, а какъ подсудимые? спросилъ Андрей, переходя къ болѣе интересной темѣ.

— Ксенія говоритъ, что они все время разговаривали между собою и на судъ почти не обращали вниманія. Только разъ они взволновались и протестовали.

Заика передалъ затѣмъ, что взволновали подсудимыхъ грязныя клеветы, которыя прокуратура сочла долгомъ взвести на подсудимыхъ, въ особенности на трехъ женщинъ. Онъ не могъ разсказать всего, такъ какъ самъ не былъ на судѣ, а кузина многое пропустила въ своемъ разсказѣ. Но и переданнаго было достаточно, чтобы привести въ бѣшенство Ватажко.

— Негодяй! вскричалъ онъ, сжимая кулаки. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы онъ попался мнѣ подъ бомбу!

Но ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ его старшаго товарища.

— Что это вы, другъ? спросилъ онъ. Развѣ вы ожидали отъ нихъ чего-нибудь иного?

— Нѣтъ, но это уже слишкомъ! возразилъ Ватажко. Мясники, — и тѣ не бросаютъ грязью въ животное, которое ведутъ на убой.

— На то они мясники, а это царскіе опричники, замѣтилъ Андрей. За хорошіе оклады да чины они съ родной матери шкуру сдерутъ.

— Да нѣтъ, я все-таки не вѣрю, что приговорятъ всѣхъ шестерыхъ. Трое вѣдь ровно ничего не сдѣлали! продолжалъ Ватажко цѣпляться за послѣдній лучъ надежды.

— Наивный же вы, видно, человѣкъ, иронически замѣтилъ Заика. Сѣрые глаза его вспыхнули и заискрились. Онъ устремилъ ихъ на минуту на юношу и затѣмъ презрительно отвернулся. И его жена ровно ничего не сдѣлала, но ее увезли отъ него и держали въ тюрьмѣ, пока она не помѣшалась и не зарѣзалась осколкомъ разбитаго стакана. Малодушныя надежды Ватажко на человѣческія чувства со стороны власти возбуждали въ немъ негодованіе, умѣряемое лишь презрѣніемъ.

— Приговорить-то всѣхъ приговорятъ, въ этомъ я не сомнѣваюсь, сказалъ Андрей въ раздумьи. Это дастъ возможность генералъ-губернатору выказать свое милосердіе, пощадивши Дудоровыхъ, а не то и Бочарова. Можетъ статься, что и суду позволятъ сдѣлать маленькую скидку, чтобы показать независимость. Они всегда улаживаютъ промежъ себя такія комедіи. Не думаю, чтобы было болѣе трехъ казней. Борисъ и Василій — навѣрно, а тамъ или Зина, или Бочаровъ, закончилъ Андрей не совсѣмъ твердымъ голосомъ. — Но что объ этомъ загадывать! добавилъ онъ послѣ небольшой паузы. Разскажите лучше, какъ идутъ ваши работы, обратился онъ къ Заикѣ.

— Все готово. Я сдѣлалъ бомбъ на пятьдесятъ человѣкъ и двѣ дюжины лишнихъ. Остается только вставить разрывныя трубки. За этимъ дѣло не станетъ.

Они заговорили о своемъ планѣ, и черезъ полчаса Заика ушелъ, съ нѣсколько бо̀льшими предосторожностями, чѣмъ при своемъ появленіи.

ГЛАВА II.

Въ храмѣ Ѳемиды.

Судъ тѣмъ временемъ дѣлалъ свое дѣло. Онъ длился пять дней. Если бы выполнялись всѣ формальности, предписанныя военно-судебными уставами, которые не грѣшатъ, какъ извѣстно, медлительностью, то судъ протянулся бы, по крайней мѣрѣ, втрое больше. Но городъ былъ такъ возбужденъ происходившей на его глазахъ судебной трагедіей, что нашли нужнымъ поторопиться. Обыкновенная публика не допускалась въ залу засѣданій. Входные билеты были розданы съ самой крайней осторожностью служащимъ, ихъ женамъ и небольшому числу какихъ-то непроходимо благонамѣренныхъ частныхъ лицъ. Для предупрежденія какихъ бы то ни было сочувственныхъ демонстрацій на улицѣ, сильные полицейскіе и жандармскіе патрули охраняли окрестности зданія суда и разгоняли всякія сборища, арестовывая упрямыхъ, не уходившихъ по первому требованію.

Тѣмъ не менѣе, толпы сочувствующихъ или просто любопытныхъ безпрерывно собирались вблизи суда. Стоило только какому-нибудь, приличнаго вида господину или дамѣ появиться изъ дверей зданія, какъ ихъ тотчасъ же окружала цѣлая дюжина совершенно незнакомыхъ имъ, неизвѣстно откуда взявшихся людей, осыпая ихъ вопросами о томъ, что дѣлается на судѣ. Возвращаясь домой, обладатели билетовъ могли быть увѣрены, что застанутъ у себя нѣсколько знакомыхъ или друзей, не попавшихъ на судъ, но въ большинствѣ случаевъ гораздо болѣе заинтересованныхъ въ его исходѣ, чѣмъ привиллегированные счастливцы.

Отъ мужа къ женѣ, отъ пріятеля къ пріятелю волнующія извѣстія быстро распространялись по городу. Хотя газетные отчеты были очень кратки и часто умышленно искажены цензурою, тѣмъ не менѣе всѣ, кто интересовался дѣломъ, имѣли о немъ довольно подробныя свѣдѣнія. Симпатіи публики были, какъ и всегда, на сторонѣ слабѣйшихъ. А ежедневныя, ежечасныя извѣстія о поведеніи обѣихъ сторонъ могли только усилить эти чувства. Городъ находился въ лихорадочномъ возбужденіи. Волненіе распространилось даже на тѣхъ, кто въ обычное время совершенно не интересуется политикой. Обезпокоенный растущимъ сочувствіемъ къ подсудимымъ и опасаясь „безпорядковъ", генералъ-губернаторъ частнымъ образомъ приказалъ предсѣдателю суда и прокурору окончить дѣло, какъ можно скорѣе. Судъ заторопился, пропуская формальности, и погналъ дѣло на почтовыхъ. Комедія быстро приближалась къ своей трагической развязкѣ.

Въ городѣ пошелъ слухъ, что приговоръ будетъ произнесенъ въ четвергъ, на пятый день суда. Возбужденіе — въ особенности среди извѣстной части публики — дошло до такого предѣла, что власти приняли серьезныя мѣры противъ ожидаемыхъ безпорядковъ. Внутренность суда заняли солдатами и полиціей. Батальонъ пѣхоты и два эскадрона казаковъ стояли подъ ружьемъ во дворѣ сосѣдняго казеннаго зданія. Полицейскіе патрули были удвоены. Но толпа вокругъ зданія суда тѣмъ временемъ учетверилась. Вечеромъ, послѣ закрытія фабрикъ, къ ней присоединились также рабочіе. Полиція была уже не въ состояніи разгонять народъ, не прибѣгая къ оружію, что считалось пока несвоевременнымъ.

Въ самой залѣ суда характеръ публики постепенно измѣнился. Благодаря настойчивымъ приставаньямъ къ высокопоставленнымъ знакомымъ и родственникамъ, а также подкупу того-другого изъ сторожей, въ залу засѣданій удалось пробраться многимъ изъ тѣхъ, противъ кого и были приняты всѣ эти предосторожности. Окидывая взглядомъ публику, какъ подсудимые, такъ и судьи съ удивленіемъ замѣчали, что теперь она вовсе

не была такая сплошь „благонамѣренная“, какъ въ первые дни. Въ перемежку съ военными мундирами и бритыми чиновничьими фигурами ультра-благонамѣреннаго типа, появились болѣе нейтральныя физіономіи. То тутъ, то тамъ мелькали лица, не сулившія престолъ-отечеству ужъ ровно ничего хорошаго.

Во второмъ ряду стульевъ жена предсѣдателя контрольной палаты — дама вполнѣ благонамѣренная — выставляла на показъ свои брилліанты, кружева и свою собственную пухленькую миловидную головку. Она смерть какъ боялась „нигилистовъ“ и пришла лишь потому, что одна знакомая увѣрила ее, что будетъ ужасъ какъ занимательно. Ее сильно тревожило, однако, какъ бы съ подсудимыми женщинами не сдѣлалось истерики: это могло отозваться на ея слабыхъ нервахъ. Но рядомъ съ чувствительной барыней сидѣла дѣвушка, въ которой, по смѣлому и серьезному выраженію лица, легко было узнать „нигилистку“, не смотря на длинные волосы и голубое шелковое платье, взятое спеціально для этого случая у подруги. Въ заднихъ рядахъ сидѣли уже явные „нигилисты“, студенты въ очкахъ и стриженыя, не по модѣ одѣтыя дѣвушки.

Въ одиннадцать часовъ вечера судъ удалился для постановленія приговора. Онъ возвратился лишь въ половинѣ третьяго. Но очень немногіе изъ публики ушли за это время изъ залы. Приговоръ долженъ былъ состояться во что бы то ни стало. Всѣ знали, что ихъ ожиданія не будутъ обмануты, и чѣмъ дальше подвигалось время, тѣмъ меньше было охоты уходить. Судъ могъ возвратиться каждую минуту, и публика ждала и ждала. Время тянулось убійственно медленно. Въ переполненной людьми залѣ становилось нестерпимо душно, такъ какъ всѣ окна были заперты для предупрежденія сношеній съ улицей. Это еще болѣе усиливало всеобщую усталость и томленіе. Въ сѣроватой мглѣ приближающагося разсвѣта судебная зала принимала странный, удручающій видъ. Шесть серебрянныхъ подсвѣчниковъ съ тускло мерцающими свѣчами на судейскомъ столѣ придавали ей что-то погребальное. Тѣсно скученная

публика была молчалива. Никому не было охоты толковать теперь о вѣроятномъ исходѣ преній, происходившихъ въ совѣщательной комнатѣ.

Только со скамьи подсудимыхъ доносился неумолкаемый звукъ тихихъ голосовъ. Тамъ знали, что послѣ приговора ихъ разлучатъ и не позволятъ видѣться до самой казни, и эти люди, связанные узами тѣсной дружбы, спѣшили воспользоваться немногими минутами, которыя оставалось имъ пробыть вмѣстѣ. Судя по оживленному, быстрому говору, они были въ хорошемъ настроеніи и ничуть не подавлены ожидаемымъ приговоромъ. Но публика не могла видѣть ни одного изъ нихъ. Скамья, занятая ими, была заслонена стѣной изъ двѣнадцати жандармовъ съ саблями на-голо.

За дверями судебной залы, толпа, которую усталые полицейскіе предоставили, наконецъ, самой себѣ, была гораздо шумнѣе и нетерпѣливѣе, чѣмъ въ залѣ суда. Тутъ собрались наиболѣе безпокойные элементы населенія, возбужденные къ тому-же побѣдой надъ полиціей. „Нигилистовъ" была здѣсь цѣлая куча. Когда зѣваки, утомленные долгимъ ожиданіемъ, поразбрелись, они очутились въ переднихъ рядахъ сплошнымъ валомъ. Многіе оказались знакомы. Пошли оживленные разговоры и толки, по которымъ можно было сейчасъ же узнать, что говорившіе не были еще конспираторами.

Вдругъ въ одномъ изъ оконъ суда мелькнулъ бѣлый платокъ.

— Приговоръ! крикнулъ голосъ изъ толпы. Мгновенно всякій шумъ прекратился, и вся масса плотнѣе придвинулась къ зданію суда съ поднятыми вверхъ лицами.

Въ залѣ судебный приставъ возвѣщалъ о началѣ послѣдней сцены безстыднаго фарса. Судъ шелъ для объявленія приговора.

Публика встала какъ одинъ человѣкъ и ждала, притаивъ дыханіе. Казалось, можно было слышать усиленное біеніе этихъ многочисленныхъ сердецъ, замиравшихъ, одни — отъ страха за судьбу дорогихъ людей, другіе — отъ потрясающаго драматизма минуты.

За длиннымъ зеленымъ столомъ, освѣщеннымъ шестью погребальными свѣчами, одинъ за другимъ появились шесть членовъ суда. Ихъ видъ далеко не соотвѣтствовалъ понятію о неподкупныхъ служителяхъ Ѳемиды. Смущенныя, тревожныя лица говорили скорѣе о только что сознательно совершенной гадости, чѣмъ о выполненіи суроваго долга. Изъ двухъ, стоявшихъ лицомъ къ лицу группъ: судей и подсудимыхъ, въ послѣдней было несомнѣнно гораздо больше и спокойствія, и достоинства. Они тоже встали одновременно съ публикой, и стояли теперь на виду у всѣхъ. Но въ первую минуту очень немногіе взглянули на нихъ. Всѣ глаза были прикованы къ предсѣдателю, который, съ бумагой въ рукахъ, готовился произнести роковыя слова.

Усиленно громкимъ голосомъ онъ началъ читать какое-то вступленіе, казавшееся безконечнымъ. Но вотъ публика вздрогнула, точно по ней пробѣжала электрическая искра: произнесено первое имя — Бориса. За нимъ слѣдуетъ долгое, долгое бормотанье, въ которое никто не вслушивается, — это перечисляются его преступленія. Затѣмъ краткая пауза, и приговоръ — смерть! Хотя никто и не ожидалъ пощады для Бориса, тѣмъ не менѣе слова: „смертная казнь“ упали на натянутые нервы, какъ ударъ молота. Вторымъ слѣдовало имя Василія. Бормотанье было менѣе утомительно, такъ какъ было короче, и опять ударъ молота — смерть! Нервы дрогнули, но выдержали. Очередь за Зиной, судьба которой возбуждала всего больше споровъ и сомнѣній. Молчаніе стало, казалось, еще глубже. „Жизнь или смерть? жизнь или смерть?“ спрашивалъ себя внутренно каждый во время долгаго бормотанья предсѣдателя. Преступленія нагромождались на преступленія. Грозный молотъ поднимался все выше и выше, затѣмъ мгновенный перерывъ, и онъ съ грохотомъ падаетъ внизъ — смерть! Протяжный вздохъ, похожій на стонъ, пронесся по залѣ. Всѣ, даже самые предубѣжденные, съ симпатіей и смущеніемъ обратили взоры на эту молодую, благородную женщину, такъ спокойно и скромно стоявшую впереди своихъ товарищей. Приговоръ по-

трясъ всѣхъ; но напряженность ожиданія ослабѣла — самое худшее уже миновало. Трое остальныхъ подсудимыхъ были такъ мало скомпрометированы, или вѣрнѣе, были такъ невинны, что ихъ могли приговорить развѣ что къ пустякамъ.

Бормотанье, слѣдовавшее за именемъ Бочарова, четвертаго по списку, еще болѣе успокоивало и убаюкивало всякія опасенія публики. Это были не преступленія, а какія-то вздорныя мелочи. Многіе вовсе перестали слушать, какъ вдругъ голосъ предсѣдателя какъ-то подозрительно дрогнулъ; послѣдовала короткая пауза, и среди всеобщаго оцѣпенѣнія раздался приговоръ — смерть!

Изумленное „ахъ!“ вырвалось изъ всѣхъ грудей. Сосѣди обмѣнивались взглядами, спрашивая глазами, не ослышались-ли они?

— Премного благодаренъ, господа судьи! звонко раздался по залѣ насмѣшливый голосъ осужденнаго.

Нѣтъ, они не ослышались. Но какъ же это? За что? Напряженное желаніе знать, что будетъ, сдержало негодованіе публики.

Предсѣдатель не осмѣлился призвать осужденнаго къ порядку; онъ притворился, будто не слыхалъ его восклицанія и поспѣшилъ перейти къ слѣдующему имени. Очередь была за старшей Дудоровой. На этотъ разъ публика слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ за всѣми пространными изворотами и хитросплетеніями при перечисленіи преступленій. Чтенію, казалось, не будетъ конца. Дѣло опять шло о сущемъ вздорѣ. Не можетъ быть, чтобъ за это — смертная казнь! Но публика была теперь на сторожѣ. Она слышала то же предательское многословіе, ту же запутанность и неясность мотивировки, какъ и въ предыдущемъ приговорѣ. Нѣкоторыя фразы звучали очень скверно. Сомнѣніе перемежается съ надеждой, раздражая нервы до послѣдней степени. Молотъ виситъ въ воздухѣ, поднимаясь, опускаясь и снова поднимаясь. Онъ упалъ, наконецъ — смерть!

Долго сдерживаемыя страсти разомъ прорвались на-

ружу. Восклицанія, истерическій хохотъ женщинъ, крики и проклятія наполнили залу. Люди вскакивали на стулья, крича и неистово жестикулируя, точно охваченные внезапнымъ безуміемъ. Никогда еще стѣны этого зданія не видѣли подобной сцены.

Добрая дама во второмъ ряду — жена предсѣдателя контрольной палаты — упала въ обморокъ, не дождавшись истерики подсудимыхъ женщинъ. Жандармскій офицеръ, командовавшій конвоемъ, бывавшій у нихъ въ домѣ, бросился къ ней со стаканомъ воды. Но ея сосѣдка, дѣвушка въ голубомъ шелковомъ платьѣ, быстро загородила ему дорогу.

— Не смѣйте трогать ее! закричала она въ лицо офицеру, защищая рукою неподвижно лежавшую женщину.

И столько ненависти и презрѣнія было въ ея голосѣ, жестѣ и сверкающихъ глазахъ, что любезный молодой человѣкъ съежился, какъ побитая собака, и исчезъ, а дѣвушка достала воды съ адвокатскаго стола и принялась ухаживать за сосѣдкой Она видѣла ее въ первый разъ, не знала ея имени, но предположила въ ней своего человѣка, друга подсудимыхъ — какимъ она, можетъ быть была въ моментъ обморока, — и этого было достаточно, чтобы защитить ее отъ ненавистнаго прикосновенія жандарма.

За судейскимъ столомъ смятеніе было почти такъ же сильно, какъ и среди публики.

Блѣдный отъ стыда предсѣдатель дѣлалъ безплодныя попытки унять бурю. Никто его не слушалъ, но онъ не далъ приказа очистить залу. Ему хотѣлось, наоборотъ, чтобы публика осталась и выслушала конецъ дрожавшей въ его рукѣ бумаги. Шестая изъ подсудимыхъ, младшая Дудорова, принимая во вниманіе ея молодость, была приговорена — не къ смертной казни, какъ требовалъ прокуроръ — а къ пятнадцати годамъ каторги. Судьямъ хотѣлось оповѣстить публику о своей гражданской доблести. Но среди всеобщаго шума никто не разслышалъ приговора. Молодой человѣкъ, — тотъ са-

мый, который махалъ платкомъ, — отворилъ окно и, высунувъ голову, закричалъ толпѣ:

— Смертная казнь! Всѣмъ смертная казнь! Онъ утверждалъ потомъ, что слышалъ собственными ушами шестой смертный приговоръ, хотя предсѣдатель несомнѣнно читалъ другое.

Въ отвѣтъ послышался угрожающій ревъ толпы, усилившій безпорядокъ въ залѣ. Нѣкоторые изъ „благонамѣренныхъ“ вообразили, что толпа врывается въ залу и сейчасъ начнетъ ихъ рѣзать. Въ припадкѣ паническаго страха они принялись кричать изъ-за собственной шкуры. Полицейскій офицеръ, охранявшій зданіе снаружи, вбѣжалъ въ залу и бросился къ предсѣдателю. Съ минуту они совѣщались, и затѣмъ полицейскій выбѣжалъ въ другія двери. Предсѣдатель отдалъ приказъ двинуть войска и разогнать толпу во что бы то ни стало. Судьи исчезли во внутреннія комнаты, а полиція принялась очищать залу.

Кровавое столкновеніе казалось неизбѣжнымъ. Но его не случилось. Самые крайніе элементы — организованные революціонеры — не желали вооруженнаго столкновенія, которое могло только помѣшать успѣху ихъ болѣе серьезной попытки отбить приговоренныхъ нечаяннымъ нападеніемъ.

Манифестація произошла сама собой и была сдѣлана, главнымъ образомъ, посторонними людьми подъ вліяніемъ минуты. Это было хорошо, но не надо было заходить далеко.

Сдерживающее вліяніе, идущее отъ крайнихъ къ болѣе умѣреннымъ, рѣдко бываетъ безуспѣшнымъ. Когда эскадронъ казаковъ, за которымъ слѣдовала пѣхота, показался въ концѣ улицы, толпа разошлась, и все дѣло ограничилось криками и нѣсколькими каменьями, брошенными въ солдатъ.

ГЛАВА III.

Борьба съ препятствіями.

Въ пятницу — черезъ два дня послѣ произнесенія приговора — въ газетахъ появилось извѣстіе, что генералъ-губернаторъ замѣнилъ смертную казнь для старшей Дудоровой двѣнадцатью годами каторжной работы и сократилъ на шесть лѣтъ срокъ каторги для ея младшей сестры. Смягченіе было значительно и возбудило самыя сангвиническія надежды въ той многочисленной части публики, которая рада первому предлогу, чтобы отдѣлаться отъ всякаго непріятнаго ощущенія. По городу вдругъ пошли слухи, что и съ остальными приговоренными будетъ поступлено такъ же милостиво. Увѣряли, что генералъ-губернаторъ за помилованіе и хлопочетъ объ этомъ въ Петербургѣ. Передавались даже его подлинныя слова, которыя одни изъ вѣстовщиковъ будто бы слышали отъ него лично, а другіе — „отъ самыхъ достовѣрныхъ людей".

Ни Андрей, ни его товарищи не могли раздѣлять этихъ иллюзій. Благодаря Ксеніи, кузинѣ Заики, имъ удалось установить постоянныя сношенія съ непріятельскимъ лагеремъ.

Они знали, что губернаторъ еще ничего не рѣшилъ и что приписываемыя ему слова были продуктомъ фантазіи, если не сознательной ложью. Для Василія и Бориса о помилованіи не могло быть и рѣчи. Но приговоръ надъ Зиной или Бочаровымъ, а, пожалуй, и надъ обоими, могъ быть смягченъ. Однако, ничего опредѣленнаго нельзя было сказать. Все зависѣло отъ настроенія петербургскихъ властей въ данный моментъ. При такой неизвѣстности работа заговора становилась

подавляюще трудною. Малѣйшая неосторожность могла навлечь роковыя послѣдствія, такъ какъ стоило полиціи открыть или даже заподозрить существованіе заговора, и четыре друга повиснутъ въ воздухѣ въ видѣ отместки. При такихъ обстоятельствахъ, сосредоточеніе руководства всѣмъ въ рукахъ одного лица было очень полезно, устраняя опасность многочисленныхъ собраній и совѣщаній. Но и одному человѣку было трудно дѣйствовать смѣло и энергично въ виду громадной отвѣтственности.

Въ тайну предпріятія были посвящены до сихъ поръ только семь человѣкъ, хотя для его выполненія нужно было, по крайней мѣрѣ, въ семеро больше. Меньше чѣмъ съ полсотней людей даже съ динамитными бомбами нельзя было отважиться напасть на вооруженный конвой. Охотниковъ предполагалось завербовать за день или за два до момента дѣйствія. Это было лучшимъ средствомъ сохранить тайну предпріятія, требовавшаго стольких участниковъ. Семь человѣкъ, составлявшихъ ядро заговора, были набраны изъ мѣстныхъ революціонеровъ съ хорошими связями среди городскихъ кружковъ. Каждый изъ нихъ, въ свою очередь, намѣчалъ пять-десять человѣкъ, надежныхъ и смѣлыхъ, которымъ можно было предложить участвовать въ дѣлѣ. Затѣмъ Андрей ужь долженъ былъ дать знакъ къ созыву этого отряда. Планъ этотъ соединялъ быстроту съ осторожностью. Но вскорѣ оказалось, что нужно было пожертвовать той или другою.

Суббота и воскресенье не принесли ничего новаго. Въ понедѣльникъ по городу распространился слухъ, что уголовные подъ присмотромъ конвоя копаютъ ямы на Пушкарскомъ полѣ, гдѣ должны были стоять висѣлицы. Но для сколькихъ приготовлялись онѣ? Для одного? — Но работы велись въ слишкомъ большихъ размѣрахъ. Для двухъ, для трехъ, или для всѣхъ четырехъ? Городъ снова взволновался, на этотъ разъ самыми мрачными слухами. Тѣ самые люди, которые три дня тому назадъ говорили съ полной увѣренностью о поми-

лованіи, разносили теперь совершенно противоположныя извѣстія.

Андрей зналъ, что послѣдніе слухи такъ же произвольны, какъ и предыдущіе. Генералъ-губернаторъ не говорилъ ни съ кѣмъ объ этомъ дѣлѣ. Но самая отсрочка рѣшенія была очень подозрительна. Казни политическихъ преступниковъ производились иногда почти тайкомъ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ утвержденія приговора, во избѣжаніе волненія публики. Что если генералъ-губернаторъ думаетъ и теперь поступить такимъ образомъ? Между опасностью опоздать приготовленіями и рискомъ скомпрометировать дѣло преждевременной оглаской выбирать было страшно трудно.

Андрей рѣшилъ держаться своего перваго плана и ждать до конца. Черезъ Ксенію онъ могъ узнать о конфирмаціи черезъ два часа послѣ того, какъ бумага выйдетъ изъ губернаторскаго кабинета. Такимъ образомъ, даже въ худшемъ случаѣ все-таки у него останется отъ семи до восьми свободныхъ часовъ. Такого срока было мало для организованія пятидесяти человѣкъ, но на тридцать или сорокъ можно было навѣрное разсчитывать. Лучше было рискнуть дѣйствовать съ меньшимъ числомъ людей, чѣмъ возбудить подозрѣніе полиціи. Впрочемъ, можно было разсчитывать, что губернаторъ пожелаетъ соблюсти приличіе и не станетъ черезъ-чуръ торопиться.

Послѣдніе дни Андрей вовсе не выходилъ изъ комнаты, такъ какъ ожидаемая вѣсть могла придти каждую минуту.

Въ ночь съ понедѣльника на вторникъ онъ спалъ легкимъ, тревожнымъ сномъ напряженнаго ожиданія, какъ вдругъ слабый стукъ въ стекло заставилъ его вскочить на ноги.

Онъ отворилъ окно и увидѣлъ въ тѣни стѣны фигуру женщины слишкомъ небольшого роста для Ксеніи, которую онъ ожидалъ.

— Кто тутъ? спросилъ онъ шепотомъ.

— Я горничная Ксеніи Дмитревны. Онѣ сами не

могли придти и прислали это письмо, послышался снизу такой же тихій голосъ.

— Давайте сюда! сказалъ Андрей, протягивая руку.

— Я васъ не знаю, отвѣчала дѣвушка, отступая назадъ, мнѣ приказано передать письмо Александру Ильичу въ собственныя руки.

Андрей обернулся, чтобы разбудить Ватажко, но тотъ уже подошелъ къ окну. Онъ кивнулъ головою дѣвушкѣ, которая улыбнулась ему въ отвѣтъ, какъ знакомому. Бѣлая бумага мелькнула въ полутьмѣ, переходя изъ однѣхъ рукъ въ другія, и дѣвушка вдругъ бросилась бѣжать, охваченная внезапнымъ страхомъ, не давши сказать ей спасибо.

Маленькій ночникъ горѣлъ въ углу комнаты. Въ тревожное время, когда полиція могла ежеминутно явиться, Андрей всегда оставлялъ на ночь огонь въ комнатѣ. Съ драгоцѣнной и страшной бумажкой въ рукѣ, онъ сѣлъ на полъ, и, перегнувшись къ ночнику, прочелъ при его свѣтѣ слѣдующія, набросанныя карандашомъ слова:

„Приговоръ утвержденъ губернаторомъ всѣмъ четыремъ. Казнь въ слѣдующую среду, въ десять часовъ утра на Пушкарскомъ полѣ.“ Внизу стояла буква К., т. е. Ксенія.

Съ минуту Андрей продолжалъ сидѣть на полу, собираясь съ мыслями. Извѣстіе поразило его сильнѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ бы сознаться. Относительно Бориса и Василія у него и раньше не было никакихъ надеждъ. Но Зина, Бочаровъ — Бочаровъ въ особенности!

Людямъ добросердечнымъ обыкновенно всего сильнѣе жаль невинныхъ жертвъ русскаго самодержавія, и они въ этомъ совершенно правы. Сами революціонеры, оцѣнивающіе по своему „виновность“ и „невинность“ въ этого рода дѣлахъ, также всего сильнѣе жалѣютъ своихъ „невинныхъ“ товарищей, такъ какъ они дѣйствительно самые несчастные. Ничего не сдѣлавши, они не могли заранѣе привыкнуть къ мысли о своей судьбѣ, и они умираютъ съ сожалѣніемъ, быть можетъ, горькимъ упрекомъ самимъ себѣ за прошлое бездѣлье

и излишнюю осторожность. Таково было положеніе Бочарова, котораго Андрей успѣлъ оцѣнить и полюбить во время суда, гдѣ этотъ остроумный юноша велъ себя блистательно. Можно сказать, что во всѣ эти тяжкіе дни судьба Бочарова его больше всего мучила. А теперь его казнятъ, и Зину тоже...

— Прочтите вслухъ! воскликнулъ Ватажко.

Андрей подалъ ему записку. Онъ не въ силахъ былъ читать ее громко и рѣшительно не слыхалъ крика негодованія, вырвавшагося у его товарища. Звѣрское рѣшеніе приводило его въ то состояніе, когда негодованіе цивилизованаго человѣка переходитъ въ необузданное бѣшенство дикаря. Слѣпая, не разсуждающая жажда мести, отплаты страданіями за страданія — вотъ что переполняло въ эту минуту его душу. Блѣдный, со стиснутыми зубами, онъ метался взадъ и впередъ по своей маленькой комнатѣ, какъ звѣрь въ клѣткѣ.

Ватажко, сидя на постели съ письмомъ въ рукѣ, слѣдилъ за нимъ глазами.

— Ну, не дадимъ же и мы пощады! сказалъ, наконецъ, Андрей, овладѣвая собою. Идите, сзывайте нашихъ. Я пойду на конспиративную квартиру.

— Когда обойдете всѣхъ, прибавилъ онъ, идите къ Заикѣ и скажите ему, чтобы бомбы и все прочее было готово къ вечеру. Часовъ въ шесть вы придете съ телѣжкой и все свезете — знаете, куда.

— Да, знаю, отвѣчалъ Ватажко.

— Такъ до свиданья. Надо идти.

Было около четырехъ часовъ утра, когда Андрей вышелъ на улицу. Впереди было еще цѣлыхъ тридцать часовъ, и за это время можно было все устроить безъ всякой торопливости; но онъ хотѣлъ собрать своихъ раньше, чѣмъ распространится по городу извѣстіе объ утвержденіи приговора.

Скорымъ шагомъ онъ въ полчаса дошелъ до конспиративной квартиры и вошелъ въ нее, отперевъ дверь запаснымъ ключомъ. Всѣ спали, и никто не слыхалъ его прихода. Оповѣщенные Ватажко товарищи не могли собраться раньше, какъ черезъ часъ. Въ ожиданіи ихъ,

Андрей разложилъ передъ собою планъ города и опредѣлилъ на немъ путь, которымъ должны были вести приговоренныхъ. При его практическомъ знанiи мѣстности, ему не трудно было выбрать лучшiй пунктъ для нападенiя. Онъ остановился на короткой улицѣ, находившейся между двумя поворотами пути, невдалекѣ отъ площади. Правда, благодаря близости къ мѣсту казни, улица могла оказаться занятой народомъ, но это неудобство вознаграждалось чрезвычайно удобнымъ путемъ для отступленiя, — сперва черезъ рядъ узкихъ улицъ, въ которыхъ погоня легко могла быть задержана бомбами, а дальше черезъ городской садъ, спускавшiйся къ рѣкѣ. Войдя въ садъ, можно было затворить за собою высокiя желѣзныя ворота и запереть ихъ двумя или тремя принесенными съ собой большими замками. Для большей задержки можно было также приладить у воротъ нѣсколько штукъ усердно рекомендуемыхъ Заикой переносныхъ торпедъ, его собственнаго изобрѣтенiя. Затѣмъ оставалось спуститься по саду къ пристани, гдѣ ихъ будетъ ждать давно припасенная лодка. Въ нее предполагалось усадить освобожденныхъ и раненныхъ, если таковые окажутся. Остальные заговорщики должны были выйти черезъ дальнiй конецъ сада и затѣмъ пробраться задами на Пушкарское поле, гдѣ они могли спокойно замѣшаться въ ожидающую казни толпу.

Товарищи Андрея начали сходиться съ разныхъ сторонъ. Въ четверть шестого всѣ семеро были въ сборѣ и начали военный совѣтъ. Онъ былъ непродолжителенъ.

— Слышали? спрашивалъ Андрей каждаго изъ входившихъ.

— Слышалъ, отвѣчалъ тотъ.

Андрей въ немногихъ словахъ изложилъ имъ свой планъ, который былъ одобренъ безъ всякихъ пренiй. Ему сообщили, въ свою очередь, время и мѣсто трехъ собранiй, на которыя предполагалось созвать вновь завербованныхъ заговорщиковъ. Еще раньше было рѣшено созвать вмѣсто одного многолюднаго собранiя нѣсколько маленькихъ. Андрей обѣщалъ побывать на каждомъ, хотя бы на короткое время.

Все было кончено въ полчаса, и семеро заговорщиковъ разошлись въ разныя стороны.

Тѣмъ временемъ извѣстіе, поднявшее на ноги заговорщиковъ, было набрано, отпечатано и преподнесено въ видѣ утренняго привѣтствія мирнымъ жителямъ Дубравника.

У немногихъ читателей не дрогнуло сердце при извѣстіи о предстоящей завтра казни четырехъ человѣкъ и въ томъ числѣ женщины. Русскіе люди не привычны къ подобнымъ расправамъ. Что же касается до образованной части публики, то въ ней эта вѣсть возбуждала лишь жалость, негодованіе или бѣшенство, смотря по темпераменту и отношенію къ осужденнымъ.

Люди, намѣченные какъ возможные участники въ освобожденіи, были, конечно, не изъ равнодушныхъ. Большинство изъ нихъ ничего не знало, получивши приглашеніе явиться на собраніе для обсужденія какого-то важнаго общественнаго дѣла. Но, прочтя о предстоящей казни, всѣ догадались, въ чемъ дѣло. Когда имъ сообщили, что все уже готово, разсказали въ общихъ чертахъ планъ освобожденія и назвали имя предводителя, всѣ были охвачены энтузіазмомъ и единодушно и радостно присоединились къ предпріятію. Андрей появлялся на всѣхъ трехъ собраніяхъ. Со своей всегдашней рѣшительностью и хладнокровіемъ и сдержаннымъ бѣшенствомъ сегодняшняго дня, онъ былъ именно такимъ предводителемъ, какого было нужно.

Когда онъ вернулся съ послѣдняго собранія на конспиративную квартиру, тамъ его ожидалъ очень пріятный сюрпризъ. Въ его комнатѣ сидѣлъ Давидъ, только что пріѣхавшій изъ за границы. Узнавши гдѣ-то на противоположномъ концѣ Европы о томъ, что творилось въ Дубравникѣ, Давидъ тотчасъ же помчался домой и поспѣлъ какъ разъ во время.

— Я теперь подъ твоей командой, сказалъ онъ Андрею. Надѣюсь, ты дашь мнѣ работу.

— Дамъ, братъ, дамъ, сколько угодно! весело отвѣчалъ Андрей.

Его настроеніе улучшилось съ утра. Соприкосновеніе

съ новыми товарищами придало ему бодрости. Онъ былъ такъ же доволенъ своими ребятами, какъ и они имъ.

— А вѣдь дѣло наше ей-ей выгоритъ! сказалъ онъ Давиду. Съ нашими бомбочками, да съ пятьюдесятью ребятами, молодецъ къ молодцу, мы такого натворимъ, что небу жарко станетъ. Въ семь часовъ у насъ будетъ послѣдній военный совѣтъ. Увидишь самъ, что это за народъ.

Въ назначенный часъ люди начали собираться одинъ по одному. Нѣкоторыхъ Давидъ зналъ, другимъ онъ былъ представленъ въ качествѣ новаго товарища.

Собраніе было гораздо оживленнѣе и шумнѣе утренняго. Дѣло организаціи, существовавшее тогда лишь въ области возможнаго, теперь было выполнено, и выполнено какъ нельзя лучше. Всѣ это чувствовали и были полны надеждъ. Что же до опасности, на которую они шли, — дѣло было такое хорошее, что никто объ этомъ и не думалъ.

Всѣ вопросы вершились очень проворно. Споровъ и дебатовъ не было: время было слишкомъ дорого. Многіе однако дѣлали различныя предложенія и подавали совѣты, которые Андрей принималъ, либо отвергалъ, безъ разговоровъ, ставя свое окончательное рѣшеніе. Общій планъ былъ очень простъ. Завтра, съ семи часовъ утра, Андрей съ десятью товарищами займетъ выбранное для дѣйствія мѣсто. Остальные сорокъ человѣкъ будутъ разсыпаны въ разныхъ пунктахъ по близости, такъ какъ толпиться всѣмъ вмѣстѣ на пустой улицѣ было бы опасно. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ начнетъ сходиться публика, Андрей соберетъ и своихъ. Если улица будетъ занята сплошной толпой, заговорщики станутъ двумя полувзодиками по обѣимъ сторонамъ улицы, другъ противъ друга, чтобы не быть смятыми и разрозненными, когда, при первомъ взрывѣ, народъ шарахнется и бросится бѣжать.

Если же, наоборотъ, улица будетъ слабо наполнена, заговорщики должны будутъ стоять въ разсыпную. Въ такомъ случаѣ Андрей со своимъ десяткомъ составитъ авангардъ, который задержитъ на минуту процессію и

дастъ время остальнымъ сбѣжаться со всѣхъ сторонъ. Все это, впрочемъ, какъ и многое другое, могло быть окончательно рѣшено лишь на мѣстѣ дѣйствія.

— Теперь, сказалъ Андрей, посмотрѣвъ на часы, пора идти за оружіемъ.

Была половина осьмого. Ватажко долженъ былъ перевезти бомбы изъ квартиры Запки. Ихъ предполагалось выдать на эту ночь семерымъ вожакамъ для храненія въ безопасномъ мѣстѣ. Раздать ихъ людямъ рѣшено было на другой день передъ началомъ дѣйствія въ видахъ осторожности. Полиція могла наканунѣ казни произвести на всякій случай нѣсколько ночныхъ обысковъ и, наткнувшись на такія опасныя вещи, догадалась бы, въ чемъ дѣло.

Болѣе обыкновенное оружіе, въ родѣ револьверовъ, могло быть роздано немедленно.

Совѣщаніе кончилось, и присутствующіе собирались разойтись, чтобы встрѣтиться завтра на полѣ битвы.

Изъ школьныхъ воспоминаній Андрей зналъ, что передъ битвой классическіе военачальники говорятъ рѣчи. Но онъ не былъ рѣчистъ, да и смѣшно было бы съ его стороны воодушевлять такихъ людей.

— И такъ до завтра! сказалъ онъ вмѣсто рѣчи.

Нѣкоторые уже направлялись къ дверямъ, когда Давидъ подозвалъ Андрея и обратилъ его вниманіе на подозрительнаго человѣка, вертѣвшагося около дома.

— Я уже минутъ десять наблюдаю за нимъ, сказалъ Давидъ. Онъ все посматриваетъ на наши окна, хотя и пытается не подать виду.

Андрей взглянулъ на улицу.

— Ничего, это мой пріятель! поспѣшилъ онъ успокоить присутствовавшихъ. Незнакомецъ былъ полицейскій писарь, сообщавшій ему за небольшое вознагражденіе всѣ доходившія до него интересныя свѣдѣнія.

— Да не подходите вы къ окнамъ, остановилъ онъ любопытныхъ. Пріятель мой не храбраго десятка, и чуть что — сбѣжитъ.

Всѣ отошли отъ оконъ, и Андрей, выйдя на улицу,

въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, тихо говорилъ съ полицейскимъ.

Когда онъ вернулся, его лицо было далеко не спокойно, хотя выражало скорѣе злость, чѣмъ смущеніе.

— Полиція уже что-то провѣдала, заговорилъ онъ сердитымъ тономъ. Кто-то разболталъ! Это просто срамъ!

— Что? Что такое? — Невозможно! — Увѣрены-ли вы въ томъ, что говорите? запротестовали въ одинъ голосъ всѣ присутствующіе.

— Совершенно увѣренъ. Полицейскій разсказалъ мнѣ, что не задолго до закрытія присутствія вбѣжалъ частный приставъ и тотчасъ прошелъ къ полицмейстеру. Черезъ пять минутъ оба поспѣшно вышли и поѣхали къ губернатору. Они были очень взволнованы и продолжали говорить, проходя черезъ канцелярію. Онъ увѣряетъ, что ясно разслышалъ слова „динамитныя бомбы“. Ни выдумать, ни во снѣ ихъ увидѣть онъ не могъ, такъ какъ, конечно, ничего не знаетъ о нашемъ дѣлѣ. Ну, что вы на это скажете?

Всѣ были ошеломлены. Фактъ былъ на лицо, положительный, несомнѣнный и тѣмъ не менѣе совершенно невѣроятный. Революціонеры не всегда осторожны. Тотъ или другой изъ вновь завербованныхъ могъ проболтаться сестрѣ, невѣстѣ, близкому пріятелю. Это было въ предѣлахъ возможнаго. Поэтому-то и было рѣшено привлечь большинство въ послѣдній моментъ. Но подобнымъ путемъ тайна не могла распространиться далеко. Только измѣна, прямой доносъ могли привести къ такому быстрому открытію.

Одна и та же оскорбительная, унизительная мысль читалась на лицѣ присутствующихъ.

Торопливо всѣ семь головъ собираются въ тѣсный кружокъ. Торопливымъ шопотомъ задаются и отвѣчаются вопросы, слишкомъ обидные, чтобы произнести ихъ въ слухъ, особенно при постороннихъ, какими были теперь Андрей и Давидъ.

— Нѣтъ, невозможно! Они вербовали только вѣрныхъ, надежныхъ людей! рѣшительно заявляли всѣ се-

меро, обращаясь къ Андрею. Полиція ждетъ какой-нибудь попытки и, вѣроятно, испугалась какого-нибудь вздора. Ошибка, навѣрное, разъяснится, и она сама успокоится. До настоящаго заговора она ни въ какомъ случаѣ не могла добраться. Дѣло все кончится пустяками.

Громкій звонокъ, сопровождаемый сильнымъ стукомъ въ дверь, избавилъ Андрея отъ необходимости отвѣчать. Онъ только иронически кивнулъ на дверь и вынулъ изъ кабуры свой большой пятиствольный револьверъ.

Всѣ поняли знакъ и тоже схватились за оружіе въ твердой рѣшимости дорого продать свою жизнь.

Прислонившись къ стѣнѣ, съ револьверомъ въ правой рукѣ, Андрей лѣвою медленно отодвинулъ засовъ.

Но, вмѣсто выстрѣла, оставшіеся въ комнатѣ услышали въ прихожей сердитое восклицаніе Андрея: — Что за чортъ! Не могли вы постучать, какъ слѣдуетъ?

— Я очень спѣшилъ, оправдывался Ватажко, такъ какъ это былъ онъ.

— Ну что бомбы? доставлены, конечно? спросилъ Андрей, смягчаясь.

— Нѣтъ, сказалъ Ватажко, нельзя было взять бомбъ...

— Какъ! Вы ихъ до сихъ поръ еще не взяли? Что же вы все это время дѣлали? снова вспылилъ Андрей.

Они вышли тѣмъ временемъ изъ прихожей и стояли среди комнаты. Всѣ глаза были тревожно устремлены на нихъ.

— Страшное несчастіе! быстро заговорилъ Ватажко. Заика раненъ, можетъ быть, уже умеръ теперь. Сегодня около полудня въ его квартирѣ произошелъ взрывъ. Когда мы подошли къ дому съ телѣжкой, мы увидѣли, что въ томъ этажѣ, гдѣ онъ жилъ, всѣ стекла перебиты, въ нѣсколькихъ этажахъ даже рамы взломаны; это было, должно быть, что-то ужасное.

— А бомбы? Какъ же съ бомбами? перебилъ Андрей. Входили вы въ домъ?

— Нѣтъ, не входили. Мы увидѣли, какъ туда вошелъ полицейскій надзиратель. На дворѣ суетились городовые.

Полиціи, очевидно, уже дали знать, и домъ былъ занятъ. Скверно, убійственно скверно.

— Что же вы сдѣлали? спросилъ Андрей упавшимъ голосомъ. Узнали вы что-нибудь окончательно?

— Да. Мы прошли мимо дома. Я оставилъ телѣжку товарищу, а самъ обошелъ вокругъ и задами вернулся къ дому со стороны рѣки. Дочь садовника работала въ огородѣ; я съ ней заговорилъ, и она разсказала, что въ домѣ былъ взрывъ, что Заика лежитъ безъ чувствъ, и что въ его квартирѣ полиція. Я попросилъ ее никому обо мнѣ не говорить и спрятался за кусты у забора. Мнѣ въ щелку видны были ворота и часть двора. Тамъ стояли двѣ тюремныя кареты; я видѣлъ, какъ вынесли на носилкахъ Заику и положили въ одну изъ нихъ, а въ другую выносили и укладывали разныя вещи: ящики, потомъ какія-то склянки, а потомъ и бомбы, одну за другой, съ большой осторожностью. Я не сталъ больше смотрѣть и поспѣшилъ къ вамъ, чтобы разсказать.... Больше мнѣ нечего было ждать.

Да, больше нечего было ждать, не на что было надѣяться! Андрей видѣлъ это ясно. Будь только у него бомбы, онъ не посмотрѣлъ бы ни на что и пошелъ бы завтра разбивать конвой, хотя враги и были предупреждены. Но теперь всему конецъ, все потеряно! Черезъ четырнадцать часовъ Зина, Борисъ, Бочаровъ и Василій будутъ повѣшены. Ни для кого изъ нихъ нѣтъ спасенія. А они такъ надѣялись, такъ были увѣрены, что ихъ путь къ эшафоту будетъ путемъ къ свободѣ. Лучше бы и не начинать ничего, чѣмъ возбудить въ нихъ такія надежды и такъ жестоко обмануть въ послѣднюю минуту.

Ни у кого не было охоты прерывать молчаніе. Это была одна изъ тѣхъ минутъ, когда каждый доволенъ, что не онъ предводитель, и не на немъ лежитъ обязанность указать выходъ изъ безвыходнаго положенія.

— Что же намъ теперь дѣлать, спросилъ Давидъ, высказывая вслухъ общее чувство.

Поднявъ свою опущенную голову, Андрей увидѣлъ,

что всѣ глаза устремлены на него съ тѣмъ же вопросомъ.

Это очень удивило его.

— Что намъ теперь дѣлать! воскликнулъ онъ. Да развѣ вы не видите, что единственное, что мы можемъ сдѣлать теперь для нашихъ друзей, — это извѣстить ихъ поскорѣе, что всякая надежда потеряна, чтобы дать имъ хоть сколько-нибудь приготовиться къ завтрешнему дню.

Что-то похожее на болѣзненный стонъ протеста пронеслось по комнатѣ. Совѣтъ былъ слишкомъ неожиданъ, слишкомъ страненъ, въ особенности отъ Андрея. Большинство присутствующихъ не пришло еще ни къ какому опредѣленному заключенію, вполнѣ полагаясь на своего вожака. Безнадежное рѣшеніе, успѣвшее созрѣть въ умѣ Андрея въ эти нѣсколько минутъ, было неожиданностью для его товарищей.

Раздались возраженія, которыя становились все громче и громче. Говорили, что попытка должна быть сдѣлана, хотя и безъ бомбъ. Ихъ пятьдесятъ человѣкъ, готовыхъ биться до послѣдней капли крови. До завтра можно собрать еще по крайней мѣрѣ столько же. Въ оружіи тоже недостатка не будетъ. Зачѣмъ бросать дѣло?

Самымъ горячимъ сторонникомъ борьбы во что бы то ни стало былъ Ватажко. Съ рѣзкостью, свойственной въ подобныхъ случаяхъ молодымъ людямъ, онъ настаивалъ, что отступленіе было бы позоромъ для революціонеровъ и преступленіемъ передъ товарищами. Къ удивленію Андрея Давидъ склонялся на ту же сторону. Но онъ уже принялъ рѣшеніе, и оно было безповоротно. Что могла сдѣлать горсть людей съ револьверами и кинжалами противъ сомкнутаго строя штыковъ и ружей, особенно теперь, когда власти предупреждены? Ничего изъ попытки не выйдетъ, кромѣ безплодной бойни. Она даже не одушевитъ никого, какъ примѣръ, а наоборотъ, вызоветъ всеобщее уныніе.

— Ну, такъ сидите себѣ дома, вскричалъ Ватажко, теряя всякое самообладаніе. Мы пойдемъ одни, а ужъ

не станемъ смотрѣть, сложа руки, какъ будутъ вѣшать женщину.

Въ эту минуту Андрей былъ неспособенъ обидѣться или говорить о партіонной дисциплинѣ.

— Другъ мой, сказалъ онъ, кладя руку на плечо юноши, зачѣмъ вы хотите омрачить послѣднія минуты нашихъ дорогихъ друзей? Мы не можемъ спасти ни одного изъ нихъ; насъ всѣхъ только перебьютъ передъ ихъ глазами. Зачѣмъ же намъ прибавлять этотъ ужасъ къ ихъ и безъ того тяжелому испытанію?

Ватажко повѣсилъ голову и замолчалъ. Никто не возражалъ больше. Собраніе уныло разошлось разстраивать все, что было имъ сдѣлано, а Андрей поспѣшилъ исполнить послѣдній долгъ по отношенію къ приговореннымъ: сообщить имъ о случившемся, чтобы они не питали ложныхъ надеждъ.

Такіе люди, какъ они, должны встрѣтить смерть лицомъ къ лицу, а не быть схваченными ею сзади, точно въ какой-то недостойной игрѣ.

Онъ отнесъ свое письмо тюремному сторожу, черезъ котораго шла переписка. Впослѣдствіи онъ узналъ, что оно въ тотъ же вечеръ дошло по назначенію. Зина даже отвѣтила на него отъ имени всѣхъ товарищей. Это предсмертное письмо ея вовсе не было печально, а наоборотъ, бодро и свѣтло. Но когда Андрей читалъ его, сердце его рвалось на части, и онъ, этотъ человѣкъ съ желѣзными нервами, рыдалъ какъ ребенокъ, потому что, будучи задержано при передачѣ, оно попало къ нему лишь черезъ два дня, когда все уже было кончено, и рука, писавшая эти трогательныя строки, была холодна и неподвижна, а продиктовавшее ихъ сердце застыло на вѣкъ.

ГЛАВА IV.

Поучительное зрѣлище.

Андрей проснулся разомъ, точно кто толкнулъ его въ бокъ. Въ комнатѣ чуть брезжился свѣтъ. На сосѣдней колокольнѣ раздался равномѣрный бой. Онъ взглянулъ на свои часы, лежавшіе вмѣстѣ съ кинжаломъ и револьверомъ на стулѣ подлѣ его изголовья: они показывали пять. Тутъ онъ понялъ, въ чемъ дѣло. Наканунѣ, еще въ самомъ пылу приготовленій къ настоящему дню, онъ сказалъ себѣ, что надо будетъ встать въ пять часовъ, чтобы успѣть все сдѣлать: онъ обладалъ способностью просыпаться въ заранѣе назначенный часъ. Вечеромъ онъ ни разу не вспомнилъ объ этомъ и теперь проснулся механически, хотя спѣшить ему было уже не къ чему. Наканунѣ онъ вернулся домой поздно, до крайности утомленный неблагодарными усиліями предупредить возможность какой-нибудь безумной попытки со стороны горячихъ головъ. Но краткій сонъ освѣжилъ его. Онъ и во снѣ не терялъ смутнаго ощущенія дѣйствительности и проснулся съ полнымъ сознаніемъ того, что несетъ съ собою наступающій день.

Ватажко спалъ въ той же комнатѣ здоровымъ сномъ двадцатилѣтняго возраста. Андрей подумалъ было разбудить его передъ уходомъ, но удержался. Лицо юноши имѣло во снѣ такое спокойное и довольное выраженіе, что ему жалко стало возвращать его раньше времени къ мучительной дѣйствительности.

Андрей одѣлся, заставилъ себя съѣсть кусокъ хлѣба и тихонько вышелъ на улицу.

Солнце уже встало, хотя его не было видно за жидкими сѣрыми облаками, заволакивавшими все небо, пред-

вѣщая дождь. Городъ еще спалъ, и ставни были повсюду закрыты. Телѣжки мусорщиковъ, возы дровъ да ночные извощики, возвращающіеся по домамъ, одни нарушали тишину пустынныхъ улицъ. Кое-гдѣ дворники подметали тротуары передъ домами. Прохожихъ было мало, да и тѣ шли большею частью скорымъ дѣловымъ шагомъ. Но время отъ времени Андрею попадались люди, въ которыхъ по медленной, утомленной походкѣ, лихорадочнымъ глазамъ и по убитому выраженію лицъ ему не трудно было узнать товарищей по страданію — друзей или знакомыхъ приговоренныхъ, или вѣрнѣе, просто сочувствующихъ, которыхъ эта ночь мученій выгнала, какъ и его, изъ домовъ на улицу. Иные глядѣли до того изнуренными, что, очевидно, шатались всю ночь, стараясь побѣдить физической усталостью невыносимую душевную боль.

Безъ единой мысли въ головѣ, безъ всякаго опредѣленнаго чувства, кромѣ тупой грызущей тоски, Андрей шелъ, куда несли его ноги, пока не очутился, совершенно неожиданно, на слишкомъ хорошо знакомомъ мѣстѣ. Онъ остановился и осмотрѣлся. По обѣимъ сторонамъ улицы стояли ряды высокихъ бѣлыхъ домовъ. Налѣво открывался узкій, идущій подъ гору переулокъ, въ концѣ котораго виднѣлся уголъ другой улицы. Дальше лежалъ городской садъ. Это было мѣсто, выбранное для нападенія. Андрей и самъ не зналъ, зачѣмъ онъ попалъ сюда. Вчера онъ приходилъ на это мѣсто, полный надеждъ, чтобы присмотрѣться заранѣе ко всѣмъ подробностямъ мѣстности.

Всего нѣсколько часовъ прошло съ тѣхъ поръ, но все, что готовилось тогда, казалось ему теперь какимъ-то смутнымъ, далекимъ сномъ. И однако, это не былъ сонъ, а настоящее, заправское дѣло, которое могло увѣнчаться блистательнымъ успѣхомъ.

Онъ сѣлъ на тумбу, думая свою безнадежную думу. Съ какими чувствами онъ былъ бы здѣсь въ этотъ самый часъ, не случись этого злополучнаго взрыва! Что могло быть причиной этого ужаснаго несчастія? Случай или неосторожность? Вѣроятно, неосторожность.

Бѣдный Заика такъ привыкъ къ своему динамиту, что обращался съ нимъ, какъ съ простымъ тѣстомъ. А тутъ, во время горячей работы, онъ, вѣроятно, и совсѣмъ распустился. Но Андрей не могъ строго судить его въ эту минуту. Онъ самъ былъ слишкомъ несчастливъ, чтобы чувствовать къ нему что-нибудь, кромѣ жалости. Бѣдняга! Хорошо, если онъ умеръ. А то какая адская мука сознавать себя невольной причиной такой страшной катастрофы. Но, можетъ, онъ живъ, на свое несчастіе, и его подлечиваютъ, чтобъ повѣсить черезъ мѣсяцъ. Жертвы! жертвы безъ конца! Не успѣваютъ эти мерзавцы покончить однихъ, какъ уже готова другая смѣна, безъ конца, безъ конца. И это все, что есть лучшаго и благороднѣйшаго....

Въ эту минуту на нѣкоторомъ разстояніи появилась пара этихъ самыхъ „мерзавцевъ", о которыхъ онъ думалъ. Одинъ былъ полицейскій офицеръ, другой — нижній чинъ, оба — мелкіе, ничтожные представители своей породы. Но что за дѣло? они той же породы, и ему стоятъ только захотѣть, чтобы спровадить ихъ, куда слѣдуетъ. По мѣрѣ того, какъ они приближались, дикая, безсмысленная жажда мести разгоралась въ немъ, сильнѣе и сильнѣе. Всѣ горячія рѣчи и необузданныя предложенія юныхъ революціонеровъ, вродѣ Ватажки, еще вчера такъ энергично отвергнутыя, казалось, перешли въ его собственный умъ, и теперь онъ внутренно повторялъ ихъ тѣмъ же тономъ, въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ слышалъ наканунѣ. Кобура его револьвера сама подвинулась впередъ; ручка кинжала соблазнительно защекотала его ладонь. Безъ всякаго участія сознательной воли, отлично скомбинированный планъ двойного нападенія самъ собою выросъ въ его головѣ. Къ счастью, разсудокъ еще не совсѣмъ оставилъ Андрея. Онъ вскочилъ съ тумбы и, не поворачивая головы, быстро удалился, боясь, что поддастся безумному искушенію, если полицейскіе окажутся слишкомъ близко отъ него.

Нѣтъ, онъ черезъ-чуръ понадѣялся на свои нервы. Если видъ двухъ этихъ ничтожествъ до такой степени

взволновалъ его, что же будетъ при видѣ казни? Онъ, навѣрное, выдастъ себя такъ или иначе. Лучше не ходить, чѣмъ рисковать этимъ. Да и къ чему? У него еще будетъ случай увидѣть очень близко и во всѣхъ подробностяхъ по меньшей мѣрѣ одну казнь, а именно свою собственную, когда придетъ его чередъ. Но ни на одинъ день не сократитъ онъ добровольно того срока, который судьба удѣлила ему для борьбы.

Онъ рѣшилъ ходить и ходить безостановочно, пока не минуетъ время казни, а тогда вернуться на конспиративную квартиру.

Онъ свернулъ въ сѣть узкихъ улицъ и переулковъ и направился къ центру города, на перерѣзъ. Но чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ труднѣе и труднѣе становилось пробираться сквозь толпу народа, двигавшуюся въ противоположномъ направленіи. Улицы были положительно запружены. Сотни и тысячи людей шли, ѣхали, бѣжали къ одному и тому же пункту, спѣша занять лучшія мѣста.

Думали-ли они о предстоящемъ зрѣлищѣ? Кому они сочувствовали, убиваемымъ или убійцамъ? Ничего нельзя было угадать по деревяннымъ лицамъ, прекрасно сохранявшимъ тайныя мысли и чувства, если таковыя имѣлись.

Деревянныя лица, поддевки, пальто, пиджаки, кафтаны и чуйки — синія, сѣрыя, черныя — женскія перья, шляпки, шляпы и картузы становились все гуще. Ихъ компактная масса совершенно преградила, наконецъ, дорогу, и продраться впередъ можно было, лишь усиленно работая локтями. Но къ чему? Развѣ есть какая-нибудь цѣль впереди? Андрей пересталъ бороться. Его лицо тоже сдѣлалось деревяннымъ, и онъ отдался людскому потоку, машинально подвигаясь въ томъ направленіи, куда шла толпа. Сперва они двигались довольно быстро, но затѣмъ все медленнѣе и медленнѣе. Сколько времени продолжалось это шествіе, Андрей не могъ сказать. Онъ зналъ только, что они шли очень долго. Время отъ времени, когда одна толпа сталкивалась съ другою толпою, выходившею изъ какого-ни-

будь переулка, происходила остановка. Въ эти минуты говоръ стиснутой людской массы яснѣе доходилъ до слуха, и Андрей слышалъ рѣчи, такія же деревянныя, какъ и лица. Слова раздражали его слухъ своею плоскостью, но онъ не могъ бы припомнить ни одной слышанной фразы, если бы отъ этого зависѣла его жизнь.

Затѣмъ произошла долгая остановка, точно нѣсколько людскихъ потоковъ столкнулись въ узкомъ проходѣ. Потомъ толпа быстро двинулась впередъ, раздавшись въ разныя стороны; Андрей очутился на свободѣ на открытой площади и вдругъ задрожалъ съ головы до ногъ. Высоко передъ нимъ на свѣтломъ небѣ вырисовывались четыре черныя висѣлицы — угловатыя, неподвижныя, ужасныя! Онъ инстинктивно взглянулъ на своихъ сосѣдей справа и слѣва: крайняя грусть, какъ и радость, ищутъ сочувствія. Всѣ глаза были прикованы къ тѣмъ же чернымъ, угловатымъ предметамъ, и на деревянныхъ лицахъ появилось выраженіе страха. Но толпа все валила впередъ и Андрей вмѣстѣ съ нею.

Четыре черныя висѣлицы стояли на черномъ, огороженномъ черными перилами помостѣ, съ черными ступенями въ серединѣ, по которымъ взойдутъ приговоренные. Андрею видны были съ его мѣста концы веревокъ, и блоки, и кольца, и тихо, тихо качались веревки, и казались онѣ такими тяжелыми, точно желали оторваться и упасть на землю. По черному помосту ходила взадъ и впередъ коренастая, развеселая фигура съ русой бородой, въ поддевкѣ, красной рубахѣ и съ шапкой на бекрени. У подножія черныхъ ступеней виднѣлась группа людей въ военныхъ мундирахъ, синихъ и черныхъ, съ серьезными лицами, и между ними нѣсколько всадниковъ. Все это вмѣстѣ — черный помостъ со столбами и группа серьезныхъ фигуръ — было обвито со всѣхъ сторонъ, какъ кольцомъ, стѣною пѣхоты съ блестящими ружьями и примкнутыми штыками. Твердой и холодной, какъ камень, казалась эта стѣна изъ людей и желѣза, сквозь которую могла пробиться только смерть. На нѣкоторомъ разстояніи отъ первой живой стѣны была вторая изъ конныхъ людей. Они находились такъ

близко отъ зрителей, что Андрей могъ видѣть ихъ лица, и трудно было рѣшить, кто смотритъ равнодушнѣе, — лошади, или люди, сидѣвшіе на нихъ. За лошадьми опять узкій интервалъ, а затѣмъ цѣпь полицейскихъ, сдерживающихъ толпу.

Новые людскіе потоки все приливали и приливали, запружая всю площадь. Размѣстившись, толпа уставлялась въ терпѣливомъ ожиданіи на черную платформу. Ихъ общее пугало, смерть, должна была тамъ явиться воочію, страшная, но для нихъ безвредная, и начать свою адскую пляску, на которую они будутъ смотрѣть, цѣпенѣя и замирая отъ ужаса и любопытства, какъ смотритъ обезьяна въ глаза змѣи.

Не для этого отвратительнаго зрѣлища пришелъ сюда Андрей. Ему хотѣлось взглянуть въ послѣдній разъ въ лицо своихъ друзей, быть можетъ, обмѣняться съ ними прощальнымъ взглядомъ. Здѣсь, на площади, черезъ головы двойного ряда солдатъ, это было невозможно.

Выбравшись изъ толпы, онъ прошелъ передъ шеренгой конныхъ жандармовъ, сторожившихъ публику сзади, и свернулъ въ улицу, по которой должны были везти приговоренныхъ. Здѣсь два ряда полицейскихъ держало середину мостовой совершенно свободной, но тротуары были такъ переполнены, что яблоку некуда было упасть. Андрей сдѣлалъ крюкъ переулками и снова вышелъ на ту же улицу, подальше отъ площади, гдѣ не было уже такой давки.

Онъ выбралъ себѣ мѣсто и осмотрѣлся. Кругомъ былъ все простой сѣрый людъ, оттиснутый сюда публикой почище. Очевидно, люди пришли спозаранку и ждали, вѣроятно, уже очень давно, такъ какъ успѣли перезнакомиться и даже, повидимому, забыть, зачѣмъ пришли. Андрей сталъ прислушиваться. Очень немногіе говорили о чемъ-нибудь, имѣющемъ отношеніе къ казни. Впереди его старуха бранила молодую дѣвушку за то, что та забыла передъ уходомъ поставить щи въ печь, за что ей не миновать трепки, когда мужики придутъ обѣдать. Долговязый парень, съ узкими плечами и длин-

ной шеей, вплотную охваченной воротомъ розовой рубашки, лущилъ сѣмечки, весь поглощенный, повидимому, стараніемъ выплевывать шелуху какъ можно дальше на средину улицы. Краснощекая бабенка съ ребенкомъ на рукахъ протолкалась за предписанную публикѣ линію. Молодой полицейскій поспѣшилъ возстановить нарушенный порядокъ, отпустивъ при этомъ нѣсколько вольныхъ замѣчаній на счетъ того, какъ хлопотно будетъ бабѣ наживать новаго ребенка, если лошади задавятъ того, который у нея на рукахъ. Баба бойко отшучивалась, а публика добродушно хохотала. Но сзади Андрей разслышалъ голоса, продолжавшіе какой-то споръ, очевидно, политическаго характера.

— Ну, вотъ выдумалъ — на царя! Говорятъ тебѣ, господа на господъ пошли. А то — на царя! Да кто на него руку-то подыметъ? Вѣдь его ни пуля, ни что не беретъ.

Андрей повернулъ голову. Говорившій былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ синей чуйкѣ, повидимому, мелкій лавочникъ. Его собесѣдникъ, на видъ не то дьячокъ, не то пономарь, что-то отвѣтилъ, но такъ тихо, что ничего нельзя было разслышать.

Направо отъ Андрея деревенскій мужикъ въ сѣромъ кафтанѣ, съ худымъ загорѣлымъ лицомъ и жидкой, сѣдой, выпяченной впередъ бородкой разговаривалъ съ другимъ мужикомъ тоже о политикѣ, хотя объ этомъ не сразу можно было догадаться.

— Такъ вотъ они четверыхъ-то тогда и схватили, тѣхъ самыхъ, что нынче казнить будутъ. А пятый, что былъ у нихъ за атамана, какъ увидѣлъ, что дѣло плохо, обернулся рыжимъ котомъ и шмыгъ въ трубу. Такъ его и не поймали. Да только на третій день приходитъ это начальство, чтобъ домъ семью печатями печатать, а рыжій-то котъ шасть въ дверь. Тутъ его сейчасъ цапъ-царапъ, и къ архіерею. Теперь владыко, сказываютъ, по святымъ книгамъ его отчитываетъ, чтобъ онъ опять человѣческій образъ принялъ.

— Ну! воскликнулъ удивленный слушатель.

— Вѣрно говорю. Сказываютъ, было въ вѣдомостяхъ.

Андрей вспомнилъ, что газетчики, дѣйствительно, заработали не мало пятачковъ сообщеніями о рыжей Зининой кошкѣ, которую нашли мяукающей отъ голода въ опустѣлой квартирѣ, спустя нѣсколько дней послѣ ареста. Изъ всѣхъ подробностей катастрофы этотъ фактъ, повидимому, всего сильнѣе поразилъ народное воображеніе и далъ поводъ къ созданію нелѣпой легенды.

Вдругъ по толпѣ пробѣжалъ какой-то шумъ, и вся она всколыхнулась, какъ лѣсная заросль при приближеніи бури.

— Ѣдутъ, ѣдутъ! пронесся шопотъ тысячи голосовъ.

Всѣ разговоры мгновенно прекратились на полусловѣ. Среди мертваго молчанія вдали послышался бой барабана.

Вѣстовой проскакалъ по направленію къ мѣсту казни. Рысью проѣхалъ отрядъ казаковъ, гарцуя на своихъ горячихъ лошадяхъ. Толпа провожала ихъ взглядомъ, но никто не обернулся за ними вслѣдъ. Всѣ глаза были обращены въ одну сторону, съ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ страха и ожиданія. Наконецъ, то, для чего собрались и чего съ такимъ напряженіемъ ждали эти тысячи людей, показалось вдали, и нервная дрожь пробѣжала по многоголовой толпѣ, составлявшей въ эту минуту одно тѣло.

На блѣдномъ фонѣ неба Андрей увидѣлъ волнующуюся линію черныхъ киверовъ и лѣсъ пикъ, а сквозь нихъ туманныя очертанія, напоминающія человѣческія головы и плечи. Все это — туманныя очертанія и щетина пикъ, и черная волнистая линія подъ ними — казалось частью какого-то огромнаго чудовища, подвигавшагося впередъ тихо, тихо, какъ черепаха.

Вотъ процессія подошла ближе, и уже можно разглядѣть ее лучше. Андрей видѣлъ теперь колесницу, лошадей, кучера, даже лицо кучера; но какъ онъ ни напрягалъ зрѣнія, онъ не могъ разглядѣть лицъ четырехъ человѣческихъ фигуръ, возвышавшихся надъ поѣздомъ. Наконецъ, онъ понялъ, почему.

Осужденные были обращены къ нему спиной, сидя на высокой скамьѣ, съ плечами привязанными къ спинкѣ

широкими, черными ремнями. На всѣхъ было надѣто что-то сѣрое, неуклюжее, безформенное, точно они были завернуты въ одѣяла. Но вотъ фигуры еще приблизились, все такія же безформенныя и одинаковыя; Андрей различалъ теперь цвѣтъ ихъ волосъ и узналъ по каштановымъ волосамъ Василія, по темнорусымъ Бориса и по болѣе свѣтлымъ Бочарова. Но онъ все еще не могъ признать Зины въ фигурѣ, сидѣвшей по правую сторону Бориса. Съ развѣваемыми вѣтромъ кудрями на непокрытой головѣ, она казалась мальчикомъ.

— Ее остригли, чтобы удобнѣе было повѣсить, догадался онъ наконецъ.

Надъ головами осужденныхъ пролетѣла какая-то птица, безцвѣтно окрашенная безцвѣтнымъ колоритомъ сѣраго неба: не то голубь, не то воронъ, не то кобчикъ. Она, казалось, заглянула въ эти четыре, обращенные къ ней лица и увидѣла съ высоты четыре столба съ перекладинами, ожидавшіе ихъ тамъ, на черномъ помостѣ и, точно охваченная паническимъ страхомъ, она понеслась прочь, какъ только могли нести ее сильныя крылья. О, какъ онъ позавидовалъ этому счастливому созданію, которое могло улетѣть далеко, далеко отъ грѣшной, залитой кровью земли! Будь у него даже крылья, онъ не могъ бы теперь двинуться съ мѣста. Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, съ страшно бьющимся сердцемъ, онъ стоялъ, не смѣя моргнуть, чтобы не пропустить того мгновенія, когда онъ сможетъ обмѣняться взглядомъ съ осужденными. И въ то же время онъ боялся этого мгновенія, предчувствуя, что съ нимъ связано что-то ужасное. Онъ убѣжалъ бы, если бы его ноги не были пригвождены къ землѣ, какъ глаза его были прикованы къ этимъ четыремъ, высоко поднимавшимся фигурамъ.

Борисъ повернулся на скамьѣ, подвинувъ своими сильными плечами связывавшіе его ремни, и обратился лицомъ влѣво. Андрей видѣлъ его въ профиль и по движенію его губъ догадался, что тотъ говоритъ что-то толпѣ. Борисъ нѣсколько разъ уже пытался это дѣлать впродолженіе пути. Но бой барабановъ сталъ такъ оглу-

шителенъ, что нельзя было разобрать ни одного слова. Борисъ оставилъ напрасныя усилія и гнѣвно откинулся назадъ. Еще нѣсколько поворотовъ колесъ, и Андрей увидѣлъ ихъ всѣхъ прямо въ лицо. Они сидѣли въ рядъ, опираясь на одну и ту же доску.

Лицо Бориса дышало гнѣвомъ бойца, пересиленнаго числомъ, скованнаго, но не покорившагося до конца. Василій тихо разговаривалъ съ Бочаровымъ, сидѣвшимъ съ краю. Онъ говорилъ, очевидно, что-то ободряющее, такъ какъ на губахъ юноши показалась слабая улыбка. На этомъ возвышеніи черты Василія потеряли свойственный имъ оттѣнокъ грубости. Безгранично спокойный, серьезный и мужественный, онъ казался теперь Андрею совсѣмъ не тѣмъ человѣкомъ, котораго онъ прежде зналъ.

Но со всякихъ подмостковъ надъ толпою царитъ женщина. Всѣ эти тысячи глазъ, казалось, смотрѣли на одно лицо, видѣли одну фигуру, — ту, что сидѣла по правую руку Бориса. Прекрасная, какъ только можетъ быть прекрасна женщина, съ головой, окруженной какъ бы ореоломъ свѣтлыхъ развѣвающихся волосъ, она обводила добрымъ, жалостливымъ взглядомъ тѣснившуюся у ея ногъ толпу, у которой въ эту минуту было къ ней одно чувство. Она кого-то тамъ искала глазами. Въ своемъ прощальномъ письмѣ, еще не полученномъ Андреемъ въ то время, она писала, что всѣ они были бы рады, если бы кто-нибудь изъ друзей сталъ на видномъ мѣстѣ на пути къ эшафоту, чтобъ они могли увидѣть другъ друга. Она ожидала, что придетъ именно Андрей, и, наконецъ, нашла его въ толпѣ. Онъ стоялъ совсѣмъ близко внизу съ поднятой къ ней головою. Ихъ глаза встрѣтились.

Ни тогда, ни послѣ Андрей не могъ понять, какъ это сдѣлалось; но только въ эту минуту все измѣнилось въ немъ, точно въ этомъ добромъ, жалостливомъ взглядѣ были какіе-то чары. Тревога и страхъ, негодованіе, жалость, месть — все было забыто, все потонуло въ какомъ-то великомъ, невыразимомъ чувствѣ, охватившемъ все его существо. Это было нѣчто большее,

чѣмъ энтузіазмъ, большее, чѣмъ готовность на всякія жертвы. Это была положительная жажда мученичества, внезапно пробудившаяся въ немъ. Онъ всегда порицалъ это чувство въ другихъ и считалъ себя самого совершенно къ нему неспособнымъ; но теперь оно переполнило его душу и сердце, трепетало въ каждой фибрѣ его существа. Быть тамъ, среди нихъ, на этой черной, позорной колесницѣ, съ плечами, привязанными къ деревянной доскѣ, подобно этой женщинѣ, склоняющей надъ толпою свое лучезарное лицо, — это была не казнь, не жертва, а выполненіе страстнаго желанія, осуществленіе мечты о высочайшемъ счастьѣ! Забывши мѣсто, толпу, опасность, все, — повинуясь лишь неодолимому порыву, — онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, протянувъ къ ней обѣ руки. Если онъ не крикнулъ громко что-нибудь, что безповоротно погубило бы его, то только потому, что голосъ отказался повиноваться ему. А можетъ быть, его слова были заглушены барабаннымъ боемъ, точно также, какъ его движеніе затерялось въ общей толкотнѣ толпы. Съ обѣихъ сторонъ улицы народъ ринулся впередъ, присоединившись къ громадной толпѣ, шедшей слѣдомъ за процессіей.

Когда туманъ, застлавшій на минуту глаза Андрея, разсѣялся, онъ увидѣлъ, что невдалекѣ отъ него происходитъ какая-то свалка. Два полицейскихъ, подхвативъ какого-то человѣка подъ руки — какъ діакона, когда вводятъ архіерея въ церковь — тащили его, очевидно, въ участокъ. Къ своему крайнему удивленію, Андрей узналъ въ арестованномъ того самаго мужика, который разсказывалъ о рыжемъ котѣ и объ отчитываніи. По своему взволнованный видомъ осужденныхъ, онъ сталъ посреди улицы на колѣни и, положивъ земной поклонъ во слѣдъ имъ, принялся читать за нихъ какія-то молитвы.

Процессія и толпа удалились. Андрей не захотѣлъ за ними слѣдовать. Къ чему? Развѣ не передали они ему свой послѣдній, великій завѣтъ? Что могли они сказать ему еще? Постоявши, пока колесница и толпа скрылись за угломъ, оставя улицу почти пустою, онъ

тихо удалился. Передъ нимъ лежало безлюдное предмѣстье. Онъ быстро пересѣкъ его и продолжалъ идти впередъ, не замѣчая, что оставилъ мостовую и идетъ уже по большой дорогѣ, окаймленной полями и огородами. Онъ былъ очень задумчивъ, но уже не ошеломленъ, какъ по утру, такъ какъ теперь онъ могъ уже разсуждать логически. Думы его были невеселыя, но уже по другимъ причинамъ, чѣмъ утромъ, и характеръ ихъ былъ не тотъ.

Мелкій кустарникъ пересѣкъ дорогу длинной полосою. Впереди показалась обнаженная роща, сквозь вѣтви которой мелькало сѣрое небо. По очертанію ближайшихъ деревьевъ можно было узнать дубъ. Андрей повернулъ голову и, окинувъ взглядомъ мѣстность, тотчасъ узналъ, что это была та самая роща, гдѣ, шесть мѣсяцевъ тому назадъ, сестры Дудоровы устроили свой пикникъ. Теперь его безцѣльное шатаніе получило смыслъ: ему захотѣлось взглянуть на старое мѣсто, какъ человѣку, вернувшемуся послѣ многихъ лѣтъ на родину, хочется взглянуть на кладбище, гдѣ лежитъ прахъ его родныхъ и близкихъ.

Онъ нашелъ знакомую прогалинку. Вотъ дерево, подъ которымъ пѣла Вуличъ. Вотъ мѣсто, гдѣ горѣлъ костеръ. Вотъ тутъ сидѣли Бочаровъ и Дудоровы, а тамъ стоялъ Василій съ черпакомъ въ рукѣ. Сколько было надеждъ, силъ, энергіи — и что изъ всего этого вышло!

Кругомъ было уныло и мертво. Какъ крышка гроба давили сѣрыя свинцовыя тучи. Самыя деревья съ торчащими вверхъ, корявыми, узловатыми вѣтвями казались черными исполинами, въ нѣмомъ мученіи простирающими свои искалѣченныя руки къ безотвѣтному небу. Но вдругъ солнечный лучъ скользнулъ между облаковъ, и все разомъ преобразилось. Свѣжія почки, предвѣстницы обновленной жизни, дотолѣ незамѣтныя, кучками показались на вѣткахъ. Яркимъ изумрудомъ засіяла свѣжая трава на лужайкѣ и на огромномъ полѣ у подножія холма заблестѣли бѣлые домики предмѣстья. Вся природа весело улыбнулась въ отвѣтъ на улыбку весенняго неба.

— „Ужь на какой ты радости разыгралося?“ грустнымъ вопросомъ мелькнуло въ головѣ Андрея. Но вдругъ сердце его болѣзненно сжалось и забилось, какъ подстрѣленная птица, и что-то жгучее подступило къ его горлу: онъ вдругъ почувствовалъ, — не какъ догадку, а какъ несомнѣнную, непоколебимую увѣренность, — что теперь, въ эту самую минуту, все кончилось тамъ, на черномъ помостѣ... Закрывъ лицо руками, онъ опустился на кочку. Но онъ тотчасъ же снова вскочилъ на ноги. Нѣтъ! Такое горе — священный залогъ. Его должно хранить и беречь цѣликомъ въ самой глубинѣ души, до конца дней, а не расточать въ жалкихъ и безплодныхъ изліяніяхъ.

Онъ быстро, почти бѣгомъ направился обратно въ городъ. Лицомъ къ лицу съ равнодушными, быть можетъ, враждебными людьми онъ съумѣетъ сдержать въ себѣ все: онъ это зналъ.

Городъ понемногу принималъ свой повседневный видъ. Застывшая на минуту жизнь спѣшила войти въ обычную колею. Предмѣстье было еще пусто, такъ какъ отхлынувшій потокъ людей еще не успѣлъ до него достигнуть. Но дальше началъ попадаться народъ, а тамъ все больше и больше. Толпа упилась вполнѣ и лихорадочной дрожью ожиданія, и замираніемъ ужаса, и тѣмъ оцѣпенѣлымъ недоумѣніемъ и грустью, которыя наступаютъ послѣ подобныхъ зрѣлищъ. Все это было оставлено позади. Теперь народъ двигался проворно и разговаривалъ громко, какъ солдаты послѣ долгаго ученія, гдѣ имъ пришлось поневолѣ молчать.

Представленіе кончилось, и зрители расходились по домамъ. Сколькимъ изъ нихъ это зрѣлище заронило въ душу мысль или чувство, котораго они не забудутъ всю жизнь? А сколько такихъ, которые вынесли изъ него только лучшій аппетитъ къ ожидавшему ихъ обѣду?

На конспиративной квартирѣ собралось, не сговорившись, человѣкъ восемь. Среди нихъ въ глаза бросалось полное отсутствіе женщинъ. Многіе изъ мужчинъ тоже пришли только къ вечеру. Между присутствующими Ан-

дрей увидѣлъ къ своему удивленію и Жоржа, котораго предполагалъ за тридевять земель, въ Петербургѣ.

Дѣло въ томъ, что петербургскій кружокъ узналъ раньше самого Андрея о взрывѣ въ квартирѣ Заики, такъ какъ объ этомъ тотчасъ же дано было знать по телеграфу центральной петербурской полиціи, а оттуда извѣстіе немедленно достигло секретными путями до революціонеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они узнали, что пребываніе Андрея въ Дубравникѣ уже не тайна для полиціи и что туда посылаютъ нѣсколько знающихъ его въ лицо шпіоновъ. Таня, испуганная всѣмъ этимъ, убѣдила Жоржа ѣхать немедленно въ Дубравникъ и опередить, такимъ образомъ, отправляемыхъ шпіоновъ.

Но Жоржъ не спѣшилъ сообщить Андрею о причинѣ своего пріѣзда, и Андрей не спѣшилъ его распрашивать. Они наскоро пожали другъ другу руки, и Жоржъ молча подвинулся на диванѣ, давая мѣсто Андрею. Тотъ сѣлъ, и оба стали слушать.

Всеобщее вниманіе приковалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ гладко выбритымъ лицомъ, по прозванію „Дядя". Въ качествѣ чиновника на государственной службѣ, онъ имѣлъ право доступа на самый черный помостъ, и онъ воспользовался этимъ правомъ, чтобы приговоренные увидѣли хоть одно дружеское лицо среди своихъ враговъ. Онъ видѣлъ всю процедуру казни и теперь разсказывалъ о ней ровнымъ, глухимъ голосомъ, просто, безъ всякихъ отступленій или комментарій.

Два человѣка стояло около него. Остальные сидѣли кто на стулѣ, кто на подоконникѣ или на диванѣ, застывши въ различныхъ позахъ, не шевелясь, не смотря другъ на друга. Всѣ слушали. Никто не предлагалъ вопросовъ, никто не дѣлалъ замѣчаній.

Когда разсказъ сталъ приближаться къ роковому концу, Андрей почувствовалъ, что Жоржа начинаетъ подергивать нервная дрожь. Онъ крѣпко сжалъ его за локоть и потянулъ книзу, чтобъ онъ не разнервничался и не помѣшалъ слушать. Жоржъ сдержалъ себя и выслушалъ до конца ужасныя, жестокія подробности. Но

тутъ нервы его не выдержали. Съ нимъ сдѣлалась истерика.

— Перестань, баба! злобно вскричалъ Андрей, вскочивъ съ своего мѣста и тряся его за плечо. Кровью, а не слезами отвѣчаютъ на такія вещи.

Великая и страшная мысль зародилась въ эту минуту въ его душѣ. Но онъ не высказалъ ея. Ему нужно было много и много разъ передумать ее про себя, прежде чѣмъ высказать вслухъ. Есть слова, которыя преступно бросать на вѣтеръ и позорно ихъ брать назадъ, разъ они высказаны.

Жоржъ успокоился черезъ нѣсколько времени, и они присоединились къ кружку толковавшихъ между собою товарищей. Всѣ только и говорили. что о необходимости скорой мести. Генералъ-губернаторъ, прокуроръ, жандармскій полковникъ выставлялись „кандидатами", на головы которыхъ долженъ былъ пасть ударъ.

Одинъ Андрей молчалъ. Все это было бы не дурно, думалъ онъ, но стоитъ-ли игра свѣчъ? Какая польза въ этихъ ничтожныхъ нападеніяхъ на ничтожныхъ людишекъ, которые всѣ, отъ мала до велика, не больше, какъ пѣшки безъ собственной воли и власти? Сколько бы ихъ ни перебили, гнусное зданіе деспотизма отъ этого не пошатнется. На каждый ударъ правительство всегда можетъ отвѣтить десятью, и революція выродится въ мелкую борьбу между полиціей и конспираторами. Если ужь бить, такъ надо цѣлить выше, — въ того, кто является краеугольнымъ камнемъ, главою всей системы.

Онъ равнодушно слушалъ горячія рѣчи товарищей, потерявшія для него всякій интересъ, и скоро ушелъ, взявъ Жоржа за руку.

Долго бродили они, такъ какъ имъ о многомъ хотѣлось переговорить. Жоржъ разсказалъ Андрею причину своего пріѣзда и настаивалъ, чтобы онъ въ ту же ночь ѣхалъ въ Петербургъ. Такимъ образомъ онъ избѣгнетъ разставленныхъ сѣтей. Андрей тотчасъ же согласился. Ничто болѣе не удерживало его въ Дубравникѣ.

Жоржъ успѣлъ оправиться отъ нервнаго потрясенія,

вызваннаго разсказомъ о казни. Изъ нихъ двоихъ онъ былъ теперь наиболѣе бодрымъ.

— Намъ нечего падать духомъ отъ неудачъ, говорилъ онъ. Наша побѣда зависитъ отъ нашей способности переносить одну неудачу за другою.

— Можетъ быть, задумчиво отвѣчалъ Андрей, но въ такомъ случаѣ мы должны мѣтить такъ, чтобы самая наша неудача была побѣдою.

— Что ты этимъ хочешь сказать? спросилъ Жоржъ, уловивъ что-то особенное въ лицѣ Андрея.

— Узнаешь потомъ, уклончиво отвѣтилъ Андрей, не желая пока высказываться.

ГЛАВА V.

Прощальное письмо.

По возвращеніи, Андрей и Жоржъ застали Ватажко, дожидавшагося ихъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Давидъ былъ тутъ же — такой истомленный и убитый, какимъ Андрей еще никогда его не видалъ.

— Какъ жаль, что вы раньше не пришли! обратился къ нимъ Ватажко. Приходилъ „Дядя" и хотѣлъ васъ видѣть, Андрей.

— Зачѣмъ?

— Вамъ письмо отъ Зины, и ему нужно было повидать васъ.

— Письмо отъ Зины? воскликнулъ Андрей. Гдѣ оно? У васъ?

— Нѣтъ, онъ не могъ его получить, не повидавши васъ. Затѣмъ онъ и приходилъ. Надзиратель ждалъ васъ въ трактирѣ, въ условленный часъ. Но вы не пришли.

Правда, Андрей счелъ за лишнее явиться на свиданіе, теперь....

— Въ такомъ случаѣ я сейчасъ же отправлюсь къ нему на домъ, сказалъ Андрей, желая поправить свою ошибку.

— Слишкомъ поздно, возразилъ Ватажко. Вы едва-ли поймаете вашъ поѣздъ въ Петебургъ.

— Чортъ съ нимъ, съ поѣздомъ! Если сегодня не удастся, я завтра повидаю надзирателя.

Имъ, однако, удалось уговорить Андрея не ходить къ нему на домъ, а назначить свиданіе на завтра, въ трактирѣ, что было безопаснѣе.

На слѣдующее утро Ватажко отправился къ надзи-

рателю, чтобы уговориться относительно свиданія, но онъ оказался на дежурствѣ въ тюрьмѣ, и могъ вернуться домой только поздно ночью. Ватажко явился ни съ чѣмъ.

— Онъ, конечно, не взялъ съ собою письма Зины въ тюрьму: — не у жены-ли оно? спросилъ Андрей.

— Я тоже думалъ, отвѣчалъ Ватажко. Но жена говоритъ, что ей неизвѣстно, куда онъ прячетъ такія письма.

Все это было до крайности непріятно и означало, что Андрею придется, по крайней мѣрѣ, прожить еще лишній день, — чего онъ никакъ не могъ себѣ позволить, изъ-за шпіоновъ.

— Ну, такъ я пойду къ нему въ тюрьму, заявилъ Андрей, — и тѣмъ вызвалъ всеобщее оцѣпенѣніе.

— Въ тюрьму! Въ своемъ-ли вы умѣ? вскричалъ Ватажко.

— Почему же нѣтъ? Сегодня даютъ свиданія политическимъ, и я пойду съ Варей, которая видается съ Дудоровыми.

— Тебя узнаютъ и тутъ-же арестуютъ, сказалъ Жоржъ.

— Ну, вотъ еще! Кому придетъ въ голову искать меня въ пріемной тюремнаго зданія? Это только кажется страшно. Впрочемъ, прибавилъ Андрей спокойнымъ тономъ, я пошелъ бы, если бы даже была опасность. Я долженъ прочесть это письмо, раньше чѣмъ выѣду отсюда.

Посланіе отъ погибшихъ друзей имѣло для него, кромѣ задушевнаго смысла, еще другое, болѣе важное значеніе. Онъ былъ убѣжденъ, что именно въ немъ, въ этомъ письмѣ, найдетъ отвѣтъ на обуревавшія его сомнѣнія и тревогу, и рѣшилъ, во что бы то ни стало, раздобыть его.

Давидъ молчалъ. Онъ былъ очень взволнованъ и колебался, — ему не меньше Андрея хотѣлось знать содержаніе письма Зины. Но, вмѣстѣ съ Жоржемъ, онъ сталъ отговаривать Андрея отъ слишкомъ рискованнаго

шага. Онъ предложилъ остаться въ Дубравникѣ еще дня два-три и привезти письмо въ Петербургъ.

Но Андрея трудно было урезонить. За послѣдніе дни онъ жилъ въ атмосферѣ смерти и всевозможныхъ ужасовъ, и ощущеніе опасности въ немъ окончательно притупилось.

— Нечего толковать! сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ. Я пойду одинъ и вернусь къ поѣзду. Встрѣтимся на вокзалѣ.

Не дождавшись возраженій, Андрей вышелъ и быстрыми шагами направился къ Варѣ.

Свиданія съ политическими происходили между двумя и четырьмя часами пополудни. Въ половинѣ второго, Андрей, съ провизіей и книгами въ рукахъ, направлялся къ мрачкому квадратному зданію, съ которымъ у него связывалось такъ много воспоминаній. Варя Войнова шла рядомъ съ нимъ. Она хорошо знала процедуру тюремныхъ свиданій и охотно согласилась на просьбу Андрея. Ей даже показалась забавной эта затѣя. Но при видѣ тюрьмы съ ея массивными желѣзными воротами и вооруженными часовыми, ею овладѣло чувство страха и раскаянія. — Что, если его тамъ арестуютъ?

— Послушайте, Кожуховъ, сказала она, отдайте мнѣ провизію и книги и ступайте домой. Меня страхъ беретъ, что эта шутка окончится скверно.

Андрей поднялъ опущенную голову и встрепенулся, какъ бы со сна.

— Чему быть, того не миновать, сказалъ онъ разсѣянно.

На самомъ дѣлѣ онъ совсѣмъ не думалъ о томъ, что съ нимъ можетъ случиться и даже хорошенько не разслышалъ словъ Вари. Его давило мучительное сознаніе, что два дня тому назадъ четверо погибшихъ друзей выѣхали изъ этихъ самыхъ воротъ и послѣдовали на висѣлицу.

Часовой впустилъ ихъ, и когда они переступили высокій порогъ, съ шумомъ задвинулъ засовы и заперъ ворота. Андрей очутился въ пасти льва. На минуту онъ

почувствовалъ изумленіе и безпомощность человѣка, внезапно брошеннаго въ тюрьму. Онъ смотрѣлъ и прислушивался. Раздавался сдавленный шумъ голосовъ въ царившемъ кругомъ полумракѣ. Слабый свѣтъ проникалъ изъ щелей желѣзныхъ воротъ, находившихся по обоимъ концамъ проѣзда, въ которомъ они стояли. Тюрьма была четырехъугольной формы и заключала внутри небольшой дворъ. Ведущій ко двору проѣздъ, подъ сводомъ, служилъ въ то же время пріемной для приходившихъ на свиданія.

Когда глаза Андрея привыкли къ темнотѣ, онъ различилъ группу мужчинъ, женщинъ и дѣтей, скучившихся около желѣзныхъ рѣшетокъ по обѣимъ сторонамъ узкаго проѣзда. Посѣтители къ уголовнымъ составляли большинство. Но въ углу, направо отъ входа, можно было замѣтить нѣсколько человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, принадлежавшихъ по внѣшнему обличью къ „привилегированнымъ" классамъ. Обиліе цвѣтовъ и книгъ въ рукахъ у большинства изъ нихъ рѣзко отличало ихъ отъ остальной публики. Они явились на свиданіе съ „политическими".

Варя направилась къ нимъ, а Андрей слѣдовалъ за нею на нѣкоторомъ разстояніи. Обычная обстановка и знакомыя лица вернули ей самоувѣренность и бодрость. Она забыла и думать объ опасности, въ этомъ мѣстѣ, гдѣ чувствовала себя совершенно какъ дома. Она поздоровалась со всѣми и обмѣнялась новостями и разспросами. Блѣднолицая дама, съ мальчикомъ лѣтъ десяти, задержала ее дольше другихъ. Въ рукахъ у нея былъ большой букетъ цвѣтовъ.

— Какіе чудные цвѣты! воскликнула Варя. Дайте мнѣ немного для моихъ заключенныхъ. Я сегодня не захватила съ собой.

И, овладѣвъ букетомъ, она безъ церемоніи раздѣлила его пополамъ. Изъ своей половины она передала часть стоявшему около нея сѣдому господину.

— Вотъ для вашей дочери, сказала она. Цвѣты больше всего радуютъ заключенныхъ.

Затѣмъ она обратилась къ старухѣ крестьянкѣ, въ

простомъ деревенскомъ платьѣ, съ темнымъ ситцевымъ платкомъ на головѣ.

— Много-ли еще у вашего сына денегъ? спросила она.

— Два рубля, матушка, отвѣчала старуха.

— Этого не хватитъ на мѣсяцъ, замѣтила Варя. Я принесу еще два въ слѣдующее воскресенье.

Она вынула изъ кармана толстую, потертую записную книжку и сдѣлала въ ней отмѣтку. Въ качествѣ революціонной сестры милосердія она завѣдывала денежнымъ фондомъ для заключенныхъ и заботилась о томъ, чтобы всѣ они, богатые и бѣдные, получали свою долю денегъ, книгъ, бѣлья и всего остального.

— Кто эта барыня съ ребенкомъ? спросилъ Андрей.

— Жена Палицына, мирового судьи, сказала Варя. Его отправляютъ въ Сибирь на каторгу. Она слѣдуетъ за нимъ. Горько ей приходится, потому что она вынуждена оставить мальчика у родственниковъ.

Варя разсказала ему и объ остальныхъ посѣтителяхъ. Старый господинъ — мѣстный купецъ — пришелъ попрощаться съ младшей дочерью, которую, вслѣдъ за двумя старшими, ссылаютъ въ Восточную Сибирь. Старуха-крестьянка навѣщаетъ сына, одного изъ лучшихъ пропагандистовъ-самоучекъ изъ рабочихъ. Другіе принадлежали къ разнымъ классамъ и состояніямъ и были связаны лишь общимъ горемъ.

Звяканье цѣпей и засововъ у внутреннихъ воротъ прервало ихъ разговоры. Ворота открылись настежь, обдавая на минуту свѣтомъ мрачный проѣздъ. Затѣмъ въѣхалъ тюремный фургонъ съ партіей уголовныхъ, выходившихъ на свободу.

Внутреннія ворота тотчасъ же заперли; вслѣдъ за ними открылись наружныя; фургонъ исчезъ, и все снова погрузилось въ темноту.

Всѣ дожидались молча. По временамъ, у дверей, ведущихъ къ тюремной конторѣ, появлялся сторожъ и выкликалъ имена тѣхъ, къ кому пришли на свиданіе.

— Долго еще намъ ждать? спросилъ Андрей Варю.

— Нѣтъ, недолго. У фальшивыхъ монетчиковъ свиданія уже кончились; теперь идутъ воры и грабители,

а за ними, по списку, наша очередь, прибавила она съ улыбкой.

Наружныя ворота хлопнули еще разъ, впустивъ старика въ потертой чиновничьей шинели. Онъ безпокойно оглядывался кругомъ, щуря свои маленькіе глаза и стараясь отдышаться. Очевидно, онъ торопился, чтобы не опоздать. Когда онъ снялъ шляпу, чтобы вытереть платкомъ лобъ и лысину, лицо его показалось Андрею какъ-будто знакомымъ.

— А, вотъ и Михаилъ Евграфовичъ! Наконецъ! сказала Варя, указывая на тучнаго полицейскаго офицера, показавшагося въ дверяхъ конторы.

— Посѣтители къ политическимъ, выкрикнулъ онъ.

Варя быстро поднялась на ступеньки, ведущія къ конторѣ, и тотчасъ же подошла къ полицейскому, котораго довольно хорошо знала.

— Михаилъ Евграфовичъ, обратилась она къ нему, я привела съ собой брата Дудоровыхъ. Онъ пріѣхалъ нарочно изъ Москвы и уѣзжаетъ завтра. Онъ не успѣлъ получить разрѣшеніе, а между тѣмъ....

Полицейскій бросилъ испытующій взглядъ на предполагаемаго брата, который приблизился и вѣжливо поклонился.

— Запишите имя въ конторѣ, повернулся онъ къ Варѣ. Только это — въ послѣдній разъ. Вы знаете правила.

Старый лысый господинъ, тѣмъ временемъ, подошелъ къ разговаривавшимъ. Услыхавъ имя Дудоровыхъ, онъ вздрогнулъ и съ большимъ изумленіемъ посмотрѣлъ на молодого человѣка, заявлявшаго себя братомъ осужденныхъ дѣвушекъ. Онъ произнесъ многозначительное „гмъ", но пока молчалъ.

— Позвольте, сударь, обратился онъ, наконецъ, къ офицеру довольно спокойно, я тоже прошу свиданія съ сестрами Дудоровыми. Я Тимофей Дудоровъ, — ихъ дядя.

— Не могу разрѣшить, рѣзко отвѣтилъ офицеръ. Уже и безъ того двое пришли къ нимъ на свиданіе.

— Но у меня спеціальное разрѣшеніе, и онѣ мои

племянницы. Разъ вы допускаете постороннихъ, сказалъ онъ, бросая подозрительный взглядъ на Андрея.

— Невозможно. Приходите въ другой разъ, продолжалъ офицеръ, не слушая его.

Отдавъ громкимъ голосомъ какое-то распоряженіе одному изъ служащихъ, онъ удалился въ контору. Но старикъ не хотѣлъ угомониться. Онъ былъ внѣ себя за выказанное ему непочтеніе.

— Это неслыханно. Я пожалуюсь тюремному смотрителю, гремѣлъ онъ, направляясь въ контору.

Варя вся похолодѣла. Она предвидѣла катастрофу. Бросившись къ безпокойному старику, она схватила его за руку.

— Что вы дѣлаете! шепнула она ему, отводя его въ сторону. Онъ женихъ Маши, и они любятъ другъ друга до безумія. Они собираются повѣнчаться, какъ только выяснится ея положеніе. Вы ихъ погубите вашими жалобами. Успокойтесь, ради Бога; я все улажу.

— А, понимаю! сказалъ онъ, смягчившись. Вамъ бы слѣдовало меня предупредить.

Варя отправилась въ контору для объясненій, а старикъ подошелъ привѣтствовать своего будущаго родственника.

— Я знаю вашу тайну, молодой человѣкъ, и съ своей стороны желаю вамъ всякаго благополучія и счастья, началъ онъ, — но вдругъ остановился.

Андрей поднялъ на него недоумѣвающій взглядъ, и тутъ они узнали другъ друга. Дядя Дудоровыхъ оказался тѣмъ самымъ попутчикомъ, съ которымъ Андрей возвращался изъ заграницы въ Петербургъ.

— Мы, кажется, гдѣ-то встрѣчались съ вами, произнесъ онъ упавшимъ голосомъ.

И раздраженіе, и снисходительность исчезли въ немъ сразу. Онъ вспомнилъ свои радикальныя рѣчи въ вагонѣ, и теперь страхъ охватилъ его и парализовалъ всѣ его способности.

— Можетъ быть, замѣтилъ осторожно Андрей, но я никакъ не могу припомнить, при какихъ обстоятельствахъ.

Старикъ сразу почувствовалъ дружеское расположеніе къ Андрею и счелъ лишнимъ освѣжать въ его памяти ихъ разговоръ.

— Я, конечно, не стану препятствовать вашему свиданію съ Машей, сказалъ онъ. Вы передадите ей отъ меня привѣтъ. Намъ, старикамъ, нужно уступать мѣсто молодымъ.

Со свойственной ему болтливостью онъ разговорился о своихъ племянницахъ, расхваливая обѣихъ, особенно Машу, объясняя, какъ онъ былъ пораженъ извѣстіемъ объ ихъ участіи въ конспираціяхъ.

— Это эпидемія, сударь мой, чистая эпидемія! повторялъ онъ.

Между тѣмъ Варя вернулась съ пріятными вѣстями. Все уладилось къ лучшему Дядѣ дадутъ свиданіе съ младшей племянницей, а Варя и Андрей повидаютъ Машу.

Дудоровъ попалъ въ первую партію посѣтителей и былъ вызванъ черезъ нѣсколько минутъ. Четверть-часа спустя онъ вернулся, очевидно, весьма довольный собою. Проходя мимо Андрея, онъ съ таинственнымъ видомъ шепнулъ ему:

— Я поручилъ передать Машѣ о васъ. Ей будетъ пріятно знать заранѣе.

Потянулась новая вереница посѣтителей къ политическимъ, — отцы, матери, дѣти, жены. Съ цвѣтами и узелками въ рукахъ, возбужденные перспективою свиданія, они торопливо слѣдовали другъ за другомъ, оживленные какимъ-то лучомъ надежды. Назадъ они возвращались безъ цвѣтовъ и съ потухшими взглядами. Казалось, бездна, въ которую они окунулись на минуту, лишила ихъ и цвѣтовъ, и свѣта. Нѣкоторые изъ нихъ были такъ глубоко потрясены, что едва сдерживали свое волненіе. Какъ тѣни, подвигались они подъ темнымъ сводомъ къ выходу. Эта картина подѣйствовала подавляющимъ образомъ на Андрея. Нервы его, обыкновенно не особенно чувствительные, были сильно потрясены за послѣдніе дни. Онъ читалъ на лицахъ этихъ посѣтителей исторію неповѣданныхъ міру страданій и слезъ, и ему казалось, что за два часа, проведенные

имъ въ тюремной пріемной, онъ насмотрѣлся на такую бездну горя, какой не видалъ раньше за всю свою жизнь.

Наконецъ вызвали къ Маріи Дудоровой.

— Идемъ! сказала Варя.

Быстрыми шагами прошли они черезъ какіе-то темные корридоры, гдѣ сталкивались съ шедшими имъ на встрѣчу тѣнями, лицъ которыхъ они не могли разглядѣть. Ихъ ввели въ очень высокую, свѣтлую комнату, скорѣе похожую на корридоръ. Вдоль ея, по обѣимъ сторонамъ, находилось какъ бы два громадныхъ шкафа, съ желѣзными рѣшетками вмѣсто стеколъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи можно было замѣтить, что эти рѣшетки — двойныя; за первою рѣшеткою была поставлена другая, на разстояніи двухъ или трехъ аршинъ отъ первой. Въ промежуткѣ между ними ходилъ стражникъ. Въ самой комнатѣ сидѣли два сонныхъ сторожа; на ихъ обязанности лежало наблюдать за посѣтителями.

— Гдѣ же заключенные? спросилъ Андрей.

— Ихъ сейчасъ приведутъ. Сперва необходимо заполучить насъ, отвѣчала Варя.

Старшій сторожъ заявилъ, что все принесенное для заключенныхъ должно быть передано дежурному.

Андрей взялъ у Вари вещи и направился къ форточкѣ, за которой стоялъ дежурный — знакомый Андрею надзиратель. Андрей пропустилъ впередъ другихъ посѣтителей и затѣмъ уже впихнулъ свой довольно большой узелъ.

— Сестрамъ Дудоровымъ! сказалъ онъ громкимъ голосомъ, и сейчасъ же прибавилъ шопотомъ: „мнѣ необходимо письмо, сегодня. Гдѣ оно?“.

Дежурный, казалось, ничего не разслышалъ. Онъ медленно разворачивалъ и разсматривалъ содержимое узла.

— Въ задней комнатѣ, подъ старымъ ящикомъ, отвѣчалъ онъ, не подымая глазъ съ жареной курицы, которую разрѣзалъ на четыре части, чтобы убѣдиться, — не спрятано-ли въ ней чего-нибудь.

Варя уже разговаривала съ Машей Дудоровой, виднѣвшейся изъ-за второй рѣшетки. Лицо ея изображало свѣтлое пятно подъ густой желѣзной вуалью.

— Такъ вотъ кто мой женихъ! засмѣялась она, увидѣвъ подходившаго Андрея. Я никакъ не могла догадаться со словъ Кати.

— Какже вы поживаете и сестра ваша? спросилъ Андрей.

Маша сообщила, что онѣ обѣ совершенно здоровы, и что ихъ скоро отправятъ въ Сибирь. Она даже назвала ему пріискъ, гдѣ ихъ водворятъ.

У Андрея оказалось тамъ нѣсколько товарищей, и онъ попросилъ передать имъ привѣтъ.

Они бесѣдовали въ полъ-голоса, чтобы ихъ не было слышно извнѣ. Въ сущности, имъ нечего было опасаться, такъ какъ ихъ знакомый надзиратель притворялся, будто ничего не слышитъ.

Дѣвушка обѣщала исполнить порученіе и, въ свою очередь, изъ-за рѣшетки, посылала ему горячій привѣтъ и выражала надежду, что онъ еще долго будетъ на свободѣ и многое успѣетъ сдѣлать.

— Постараюсь! съ чувствомъ отвѣчалъ онъ.

Отрывки этого разговора долетѣли до Машинаго сосѣда съ лѣвой стороны. Она обмѣнялась съ нимъ двумя-тремя словами шопотомъ.

— Мой сосѣдъ, Палицынъ, желаетъ съ вами познакомиться, Андрей, сказала ему Маша.

Стоявшій за рѣшеткой, извѣстный революціонеръ и бывшій мировой судья, Палицынъ, былъ человѣкъ лѣтъ сорока, невысокаго роста, съ энергичнымъ лицомъ, квадратнымъ подбородкомъ и такой же головой. Андрей могъ бы легко догадаться объ этомъ раньше, по женѣ и сыну, стоявшимъ противъ его клѣтки.

Онъ былъ радъ познакомиться съ Палицынымъ и выразилъ сожалѣніе, что они не могутъ встрѣтиться по сю сторону рѣшетки.

— Почемъ знать? Можетъ быть, еще встрѣтимся на свободѣ, весело отвѣчалъ онъ, вскидывая головой. Высоки тюремныя стѣны, а ястребъ и того выше паритъ. Ну, да вотъ мой сынокъ скоро замѣститъ меня, прибавилъ онъ, указывая на мальчика, который весь вспыхнулъ.

Ихъ разговоръ былъ неожиданно прерванъ раздавшимся на всю комнату громкимъ восклицаніемъ: „Андрей, Андрей!"

Задремавшіе сторожа встрепенулись. Всѣ повернулись въ сторону, откуда шелъ окликъ. Андрей смотрѣлъ съ удивленіемъ и любопытствомъ, Варя — съ нескрываемымъ ужасомъ.

Одинъ изъ заключенныхъ съ противоположной стороны энергично манилъ рукой. Андрей прошелъ черезъ комнату и приблизился къ рѣшеткѣ.

— Митя! Возможно-ли? Ты здѣсь? Онъ узналъ стараго друга и товарища по университету, съ которымъ меньше всего ожидалъ встрѣчи въ такомъ мѣстѣ.

Сторожъ вмѣшался.

— Пожалуйте на ваше мѣсто, сказалъ онъ рѣзко. Запрещено разговаривать съ заключенными безъ разрѣшенія.

— Очень хорошо, вѣжливо отвѣчалъ Андрей, не торопясь, однако, уходить.

— Третій годъ! По подозрѣнію! выкрикивалъ между тѣмъ молодой человѣкъ. Чахотка. Докторъ говоритъ, одна восьмая легкихъ осталась! продолжалъ онъ торжествующимъ голосомъ, какъ будто ему доставляло громадное удовольствіе дѣлиться съ Андреемъ такими необыкновенными новостями.

Неудержимый кашель прервалъ его рѣчь. Подали сигналъ о прекращеніи свиданія, и заключенныхъ стали уводить. Посѣтители тоже начали расходиться. Варя и Андрей замыкали шествіе.

Между тѣмъ, въ проѣздѣ подъ воротами происходила какая-то суматоха.

— Что случилось? спросила встревоженная Варя.

— Привезли новаго политическаго, сообщила ей Палицына.

Въ самомъ дѣлѣ, два жандарма распоряжались въ подворотнѣ: одинъ отворялъ ворота, другой удерживалъ тѣснившуюся публику.

Общество тюремныхъ сторожей было совершенно безопасно для Андрея, потому что никто, кромѣ знакомаго

надзирателя, не зналъ его въ лицо. Съ жандармами же дѣло обстояло иначе; ему слѣдовало избѣгать ихъ по многимъ причинамъ. Но почему-то ему показалось, что именно теперь, послѣ свиданія, онъ внѣ всякой опасности. Желаніе узнать, кого привезли, — быть можетъ, знакомаго, близкаго товарища — заставило его забыть всякую осторожность.

Онъ протолкался впередъ и, склонившись къ рѣшеткѣ, сталъ дожидаться при входѣ, въ двухъ шагахъ отъ воротъ. Онъ ждалъ не напрасно. Когда въѣхала тюремная карета, онъ увидѣлъ черезъ рѣшетчатую дверцу изможденное, страшно блѣдное лицо Заики. Продержавъ его три дня въ больницѣ, власти нашли, что онъ достаточно оправился и перевели его въ тюрьму.

Пораженный такимъ ужаснымъ открытіемъ, Андрей не замѣтилъ, какъ самъ въ эту минуту сдѣлался предметомъ внимательнаго созерцанія со стороны рыжаго жандарма, слѣдовавшаго за каретой. Онъ такъ заинтересовался Андреемъ, что, протолкавшись впередъ, пошелъ доложить по начальству.

Черезъ минуту онъ вернулся съ другимъ жандармомъ, постарше чиномъ. Но Андрея и слѣдъ простылъ. Не дождавшись Вари, онъ шмыгнулъ изъ воротъ и быстро зашагалъ по направленію къ квартирѣ надзирателя, гдѣ хранилось драгоцѣнное письмо. Ему было слишкомъ тяжело, и онъ предпочелъ уйти одинъ.

Часовой, привлеченный въѣзжавшей каретой, не замѣтилъ выходившаго Андрея, и на всѣ разспросы съ полною увѣренностью отвѣчалъ, что никто не выходилъ изъ воротъ за послѣднія пять минутъ.

ГЛАВА VI.

Великое рѣшеніе.

Жоржу, мало привыкшему къ революціонной практикѣ, пришлось провести нѣсколько часовъ въ мучительномъ ожиданіи. Страхъ за Андрея овладѣлъ имъ, и онъ поминутно обращался къ Ватажко съ тайной надеждой найти у него успокоеніе; но юноша, своими отвѣтами, только хуже усиливалъ его волненіе.

— Нѣтъ, мы не должны были отпускать его, говорилъ Жоржъ съ чувствомъ поздняго раскаянія.

— Авось сойдетъ, спокойно замѣтилъ Ватажко. Андрей побывалъ и не въ такихъ передрягахъ.

Юноша пріобрѣлъ уже нѣкоторую опытность и привыкъ довольно хладнокровно относиться къ опасностямъ.

— Положимъ, возразилъ Жоржъ, а все-таки — такъ легко бываетъ провалиться на пустякахъ.

Съ этимъ Ватажко охотно согласился и началъ приводить въ подтвержденіе самые поразительные примѣры изъ своего собственнаго опыта и изъ жизни товарищей.

Нельзя сказать, чтобы онъ былъ подходящимъ собесѣдникомъ въ эту минуту.

Жоржъ чувствовалъ себя обиженнымъ и очень несчастнымъ. Онъ не могъ простить себѣ, что не настоялъ на своемъ, и горько упрекалъ себя въ излишней податливости — онъ всегда такъ дѣлалъ въ подобныхъ случаяхъ. Онъ охотно преувеличивалъ свое вліяніе на Андрея, и именно теперь былъ увѣренъ, что еслибы проявилъ немного больше энергіи, то могъ бы настоять на томъ, чтобы письмо было предоставлено Давиду, и отговорить Андрея отъ его отчаяннаго похожденія.

Велика же была его радость, когда Андрей явился, минута въ минуту, къ назначенному сроку.

Петербургскій поѣздъ уходилъ въ половинѣ десятаго. Нужно было торопиться.

— Идемъ, сказалъ Андрей. Вещи, конечно, уложены?

Но вещи, конечно, не были уложены. Погруженный въ думы о томъ, что могло случиться и чего можно было бы избѣжать, Жоржъ забылъ обо всемъ остальномъ. Къ счастью, сборы были недолгіе. У нихъ было ровно столько вещей, сколько нужно было, чтобы сойти за обыкновенныхъ путешественниковъ, и, наскоро уложившись, они отправились на вокзалъ.

Изъ-за Андрея пришлось принять чрезвычайныя предосторожности. Ватажко, съ вещами, поѣхалъ впередъ на извощикѣ. Онъ долженъ былъ купить билеты, занять мѣста въ вагонѣ, и только за нѣсколько минутъ до отхода поѣзда, встрѣтить Андрея и Жоржа недалеко отъ станціи. Толкаться на людяхъ, въ ожиданіи поѣзда, было бы не безопасно.

Оба друга послѣдовали на другомъ извощикѣ, минутъ десять спустя, и сошли у перекрестка, около вокзала. Ватажко подошелъ къ нимъ раньше, чѣмъ они ожидали. Билетовъ онъ не сталъ покупать, такъ какъ убѣдился, что Андрею невозможно даже показаться. Выслѣживаніе уже началось. Рыжій жандармъ, очевидно, узналъ Андрея, и ему устроили западню на вокзалѣ, наполнивъ его полицейскими. Два парня, въ штатскомъ платьѣ, — вѣроятно шпіоны, знавшіе Андрея въ лицо — стояли у входа и нагло заглядывали всѣмъ въ глаза. Они несомнѣнно узнали бы Андрея и, по ихъ знаку, его бы тутъ же арестовали.

Оставивъ вещи въ пріемной, Ватажко поторопился къ друзьямъ и предложилъ имъ выбраться изъ города другимъ путемъ, а именно: доѣхать до слѣдующей станціи на лошадяхъ, а оттуда взять билеты въ Петербургъ. Давидъ выѣдетъ къ нимъ на встрѣчу и предупредитъ въ случаѣ опасности.

— Но почему же вы не купили билета Жоржу? Ему,

надѣюсь, нечего опасаться. Зачѣмъ же ему оставаться тутъ? замѣтилъ Андрей.

Ватажко не подумалъ объ этомъ; но время еще не ушло, и Жоржъ могъ бы поймать поѣздъ.

Однако онъ рѣшительно этому воспротивился.

— Рѣшено было, что мы ѣдемъ вдвоемъ, заявилъ онъ, и я не вижу причины, почему и мнѣ не взять билета со второй станціи.

Теперь онъ твердо рѣшилъ не уступать, какъ бы въ отместку за свою прежнюю податливость. Андрей, впрочемъ, не противился.

— Хорошо, сказалъ онъ, ѣдемъ вмѣстѣ.

Онъ былъ разсѣянъ, удрученъ и мало обращалъ вниманія на то, что дѣлалось вокругъ. Тюрьма и Зинино письмо глубоко взволновали его и еще болѣе усилили то хаотическое настроеніе, въ которомъ онъ находился. Думы овладѣли имъ, и онъ еще не находилъ выхода изъ своихъ сомнѣній.

Они пошли втроемъ, причемъ Ватажко объяснялъ имъ, какъ достать лошадей и вообще устроить все къ лучшему.

— Если вы, прибавилъ онъ, ничего не имѣете противъ пѣшаго хожденія, то ничего безопаснѣе нельзя придумать. Всего какихъ-нибудь двадцать-пять верстъ.

Такая мысль понравилась имъ, особенно Жоржу.

— А какже быть съ нашимъ платьемъ? спросилъ онъ. Господамъ не полагается путешествовать пѣшкомъ, а доставать крестьянскую одежду возьметъ еще день.

— Я постараюсь достать платье сегодня же, сказалъ Ватажко. Попробую у братьевъ Шигаевыхъ; они — мои пріятели, плотники

Новый планъ былъ очень хорошъ, такъ какъ давалъ возможность двинуться въ путь рано утромъ. Ватажко побѣжалъ къ своимъ плотникамъ.

Онъ вернулся очень поздно, съ большимъ узломъ, къ себѣ на квартиру, гдѣ Андрей и Жоржъ пріютились на ночь. Все уладилось, какъ нельзя лучше.

Въ узлѣ оказалось крестьянское платье на двоихъ и еще два холщовыхъ мѣшка съ разными предметами, ка-

кими обыкновенно запасаются странствующіе плотники. Кромѣ того — что было всего важнѣе — братья Шигаевы снабдили Андрея и Жоржа своими паспортами.

Андрей поручилъ Ватажко поблагодарить плотниковъ за ихъ услугу и обѣщалъ вернуть паспорты сейчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ.

— Торопиться не къ чему, замѣтилъ Ватажко. Паспортъ старшаго брата, Филиппа, можете держать, сколько угодно. Кстати, примѣты сходятся съ вашими, да къ тому же Филиппъ не побоится непріятностей съ полиціей изъ-за васъ. Онъ васъ очень полюбилъ.

— Какъ такъ? Не будучи даже знакомъ со мною? Оно выходитъ совсѣмъ романтично, сказалъ Андрей съ улыбкой.

— Нѣтъ, онъ знаетъ васъ и даже разговаривалъ съ вами. Онъ былъ одинъ изъ пятидесяти. Помните, какъ на одномъ изъ нашихъ собраній одинъ молодой рабочій, черноволосый, заявилъ, что ему револьверъ не нуженъ — что онъ явится съ топоромъ за поясомъ: оно сподручнѣе. Онъ и естьФилиппъ Шигаевъ.

— Да? Такъ я хорошо его помню. Только забылъ его имя. Однако, намъ долго разговаривать не полагается, спохватился Андрей съ внезапной рѣзкостью. Давайте ляжемъ спать. Завтра надо рано вставать.

Онъ боялся, чтобы начатый разговоръ не перешелъ на послѣднія ужасныя событія. Ему необходимо было отдохнуть физически и нравственно, а между тѣмъ связанныя съ такимъ разговоромъ мучительныя воспоминанія окончательно лишили бы его сна.

— До завтра! сказалъ онъ самому себѣ, закрывая глаза, съ твердымъ намѣреніемъ уснуть.

У него было смутное предчувствіе, что завтра все выяснится, все рѣшится. Это его слегка успокоило и помогло прогнать нахлынувшія мысли.

Онъ спалъ, какъ убитый. Но за то онъ проснулся раньше другихъ. Вмѣстѣ съ первыми проблесками сознательности, въ немъ заговорило твердое убѣжденіе, что ему сегодня предстоитъ выполнить важное дѣло, оставленное имъ недоконченнымъ наканунѣ. Онъ тот-

часъ же вспомнилъ, о чемъ онъ думалъ передъ сномъ; вспомнилъ посѣщеніе тюрьмы, и все то, что случилось вчера, все, что онъ пережилъ за эти дни, сразу всплыло передъ нимъ.

— Сколько жертвъ! Зина погибла; Борисъ, Василій и Бочаровъ — тоже. Обѣ Дудоровы и много, много другихъ похоронены за̀живо. Его самого арестуютъ не сегодня-завтра. И казнятъ. И кому какая польза отъ всѣхъ этихъ жертвъ?

Въ его воображеніи всплыла картина толпы, возвращавшейся съ мѣста казни, и его обдало холодомъ. Но онъ прогналъ отъ себя это видѣніе.

Нѣтъ, не къ тому привели его революціонная практика и собственныя размышленія. Эти жертвы погибли не даромъ. Они — застрѣльщики, поднявшіе дикаго звѣря съ его логовища и поплатившіеся за то своей жизнью. Оставшіеся въ живыхъ товарищи должны теперь продолжать ихъ дѣло.

Мысль, неопредѣленно бродившая въ его душѣ, со времени разсказа Дяди, теперь носилась надъ нимъ, какъ ястребъ, описывающій круги надъ своею добычею, и въ формѣ неумолимаго вопроса требовала немедленнаго и окончательнаго отвѣта.

Полуодѣтый, онъ потихоньку двигался взадъ и впередъ по комнатѣ, босикомъ, чтобы не разбудить Жоржа:

Въ его головѣ ясно формулировалась одна мысль. борьба съ наемными слугами деспотизма сдѣлала свое дѣло. Теперь нужно напасть на самого царя, и онъ, Андрей, долженъ взять на себя это дѣло.

— „А Таня?“ зазвенѣлъ внутри его какой-то голосъ.

Сердце его оборвалось на минуту, но ничѣмъ не отвѣтило на мучительный призывъ. Оно получило ударъ, но, какъ резиновый мячъ, отдало его назадъ, не залившись кровью. Въ виду безконечныхъ, неизмѣримыхъ страданій Россіи, — что̀ значитъ ихъ личное горе? Таня для него не только жена; она — другъ, она — товарищъ въ великой борьбѣ. Она одобритъ его рѣшеніе и мужественно вынесетъ свою долю страданій.

Личныя соображенія не смущали его. Его волновала принципіальная сторона дѣла. Слѣдуетъ-ли начинать *эту* борьбу, или нѣтъ?

Андрей зналъ, что каково бы ни было его личное мнѣніе, окончательное рѣшеніе будетъ зависѣть отъ Исполнительнаго Комитета. Но онъ зналъ также, что есть случаи, когда внесенное предложеніе составляетъ половину дѣла, а есть дѣла, въ которыхъ половина также важна, какъ и цѣлое.

Серьезность замысла и сопряженная съ нимъ отвѣтственность заставили бы задуматься самаго легкомысленнаго и недобросовѣстнаго человѣка, а Андрей не былъ ни тѣмъ, ни другимъ.

Въ его теперешнемъ настроеніи отвѣтъ напрашивался самъ собою. Горечь неудачи, жажда мщенія, тяжелыя испытанія послѣднихъ роковыхъ дней, все то, что на время было задавлено въ глубинѣ души, теперь клокотало въ его сердцѣ, — грозное и готовое каждую минуту прорваться наружу. Но онъ не давалъ воли своей страсти. Ему хотѣлось обсудить дѣло по существу, безъ всякаго отношенія къ самому себѣ.

Нравственное право и справедливость замышляемаго не подлежали для него никакому сомнѣнію. Но — своевременно-ли, полезно-ли было для освобожденія страны выступить теперь на этотъ путь? Снова и снова обсуждалъ онъ этотъ вопросъ, взвѣшивалъ его со всѣхъ сторонъ, по возможности спокойно и хладнокровно, съ внутреннимъ трепетомъ человѣка, который ступаетъ на зыбкій мостъ, переброшенный черезъ пропасть, и съ дрожью въ душѣ обдумываетъ каждый шагъ, какъ бы не оборваться.

И на каждое сомнѣніе онъ находилъ одинъ отвѣтъ: да, да! конечно, да! Попытка будетъ и своевременна и полезна. Пусть Комитетъ обсудитъ; но онъ обязанъ внести свое предложеніе.

Почему, однако, изъ всѣхъ революціонеровъ именно онъ долженъ взять на себя этотъ актъ возмездія и самопожертвованія?

Но этого вопроса онъ уже не могъ обсуждать безпристрастно, какъ геометрическую задачу.

То нѣчто, клокотавшее въ его душѣ, рванулось теперь наружу, не дожидаясь отпора, и охватило огнемъ все его существо. Оно разомъ уничтожило всѣ его колебанія, заглушило любовь, личныя привязанности, чувство жалости, — подобно тому какъ прорвавшійся потокъ лавы уничтожаетъ дома, ограды, веселыя рощи — все, что попадается ему на пути. Онъ круто остановился посреди комнаты. Лицо и глаза его горѣли мрачнымъ и восторженнымъ пламенемъ. Онъ вскинулъ вверхъ обѣ руки, тѣмъ же самымъ движеніемъ, какимъ привѣтствовалъ Зину, когда она шла на казнь.

Рѣшеніе — окончательное, безповоротное, было принято. Теперь о немъ можно было заговорить.

Онъ разбудилъ Жоржа и сообщилъ ему, съ какимъ намѣреніемъ ѣдетъ въ Петербургъ. Жоржъ не пришелъ въ восторгъ отъ такой новости. Онъ казался скорѣе огорченнымъ, — болѣе изъ-за Тани, чѣмъ изъ-за Андрея, хотя не рѣшался коснуться такого щекотливаго предмета. Въ принципѣ, онъ, однако, ничего не имѣлъ противъ соображеній Андрея: — на первыхъ порахъ и этого было довольно.

Они подняли Ватажко, спавшаго въ сосѣдней комнатѣ, и стали собираться въ дорогу. По всѣмъ соображеніямъ надо было выйти изъ города часовъ около восьми, когда крестьяне возвращаются домой съ базара.

Въ мѣшкахъ, присланныхъ плотниками, оказалось по куску хлѣба съ солью, мѣрка, кое-какіе инструменты и два хорошихъ топора, съ короткими ручками. Андрей и Жоржъ засунули ихъ за поясъ; они дополняли костюмъ и, въ случаѣ нужды, могли пригодиться для самозащиты. Одно въ путешественникахъ не гармонировало съ ихъ настоящимъ званіемъ — ихъ обувь. У Ватажко нашлись высокіе охотничьи сапоги впору Жоржу. Андрей же вынужденъ былъ отправляться въ барскихъ сапогахъ. Но на такую мелочь они рѣшили не обращать вниманія и, попрощавшись съ Ватажко, быстро вышли, закинувъ мѣшки за спину.

Когда они стали подходить къ заставѣ, имъ тотчасъ бросились въ глаза два городовыхъ, стоявшихъ около нея въ лѣнивой, выжидающей позѣ. Со времени уничтоженія откупа живые столбы порядка и закона были уничтожены; два деревянныхъ столба, выкрашенныхъ въ казенныя пестрыя краски, одни олицетворяли собою начальство. Присутствіе же двухъ полицейскихъ несомнѣнно обозначало что-то необычайное.

Ихъ предположенія вполнѣ оправдались, когда они подошли поближе. Баба, съ пустой корзиной, въ которой теперь помѣщался ребенокъ, прошла заставу почти незамѣченная; но двое пожилыхъ мужчинъ — крестьянинъ и мѣщанинъ — были внимательно осмотрѣны съ головы до ногъ полицейскими; ихъ, впрочемъ, оставили въ покоѣ, такъ какъ одному изъ нихъ было лѣтъ пятьдесятъ, а другому подъ сорокъ. Съ молодымъ же рабочимъ, слѣдовавшимъ за ними, произошла почти драка. Его о чемъ-то спрашивали, и онъ, повидимому, отвѣчалъ довольно рѣзко, такъ какъ одинъ изъ полицейскихъ — коротконожка съ физіономіей бульдога — бросился на него съ поднятыми кулаками. Молодой парень отразилъ ударъ и убѣжалъ впередъ, выкрикивая что-то въ насмѣшку.

Не трудно было нашимъ путешественникамъ догадаться, зачѣмъ поставлены эти два стража.

— Надо приготовиться! воскликнулъ Жоржъ, закипая воинственной отвагой.

— Вовсе нѣтъ, возразилъ Андрей. За этимъ дѣло не станетъ. Предоставь все мнѣ. Увидишь, все сойдетъ благополучно.

Но внутренно онъ уже раскаявался, что взялъ съ собою Жоржа. Къ чему было подвергать его опасностямъ, которыя въ концѣ-концовъ могутъ оказаться серьезными!

Они очутились у самой заставы. Оба полицейскіе впились въ нихъ глазами — особенно въ Андрея — со смѣшаннымъ выраженіемъ наглости и нерѣшительности.

— Стой! крикнулъ коротконогій городовой, преградивъ имъ дорогу.

Они остановились.

— Кто такіе и куда идете? спросилъ онъ.

— Плотники, домой ворочаемся, спокойно отвѣчалъ Андрей.

— Имя? Адресъ? Какой губерніи? Сколько времени проживали въ городѣ? сыпалъ полицейскій.

Андрей отвѣчалъ, не колеблясь. Онъ хорошо изучилъ свой паспортъ.

— Почему не поѣхалъ по чугункѣ? Теперь всѣ ѣздятъ.

— Чай, дороги вольныя, огрызнулся Андрей, подумавъ, что не мѣшаетъ иной разъ дать отпоръ.

— Ладно! Разговаривай, да съ опаской. Паспортъ при тебѣ?

— Паспортъ, вотъ онъ.

— Покажи, что у тебя въ мѣшкѣ-то?

— Чего показывать? Ничего вашего тамъ нѣтъ, сказалъ Андрей обиженнымъ тономъ. Только время, зря, терять съ вами.

— Дѣлай, что приказываютъ, да смотри въ оба! строго замѣтилъ ему городовой.

Андрей пожалъ плечами и раскрылъ мѣшокъ съ полузадѣтой, полу-насмѣшливой миной. Осмотрѣвъ все содержимое, полицейскій самъ почувствовалъ, что напрасно теряетъ время, и свое, и чужое.

— А ты? обратился онъ къ Жоржу болѣе мирнымъ голосомъ.

— Семенъ Шигаевъ. Тоже домой иду.

— Братья? поинтересовался полицейскій.

— Да, братаны, объяснилъ Жоржъ, сообразивъ, какъ мало сходства у него съ Андреемъ.

Тѣмъ временемъ у воротъ скопился народъ, ждавшій своей очереди.

— Ступайте! сказалъ полицейскій, безпомощно махнувъ рукой.

Андрей перебросилъ свой мѣшокъ черезъ плечо и двинулся, радуясь, что инцидентъ кончился. Но тутъ,

другой полицейскій, худой, со злымъ, покрытымъ оспой лицомъ, до сихъ поръ не принимавшій участія въ происходившемъ, наклонился къ своему сангвинику-товарищу, старшему чиномъ, и сталъ ему что-то нашептывать, указывая на злополучные сапоги Андрея.

— Стой! крикнулъ онъ Андрею. Тебя въ участокъ свести нужно.

Жоржъ тоже остановился. Онъ не сомнѣвался, что теперь все погибло.

— Зачѣмъ въ участокъ? отвѣчалъ Андрей. Я не пьянъ, и паспортъ мой, какъ слѣдуетъ быть.

— Ужь тамъ разсудятъ! Наше дѣло останавливать вашего брата.

— По какой же причинѣ?...

— Это уже намъ знать!

Дѣло принимало некрасивый оборотъ. Справиться съ такими двумя балбесами было бы легко, но бѣжать и скрыться среди бѣла-дня представляло большія затрудненія.

Быстро обозрѣвая мѣстность и обдумывая, какъ поступить въ случаѣ крайности, Андрей, между тѣмъ, громко протестовалъ противъ такого обращенія съ человѣкомъ при паспортѣ и хвасталъ своими хорошими мѣстами и хозяевами, которые дадутъ ему самыя лучшія рекомендаціи.

— Семенъ, обратился онъ къ Жоржу въ пылу справедливаго негодованія, ступай-ка, да попроси управляющаго г-на Архипова, чтобы пришелъ сейчасъ сюда. Близехонько, объяснялъ онъ полицейскимъ, называя одну изъ сосѣднихъ улицъ.

Ему хотѣлось услать Жоржа. Одинъ, онъ чувствовалъ бы себя гораздо лучше, и во всякомъ случаѣ его положеніе было бы не хуже.

Полицейскіе, казалось, ничего не имѣли противъ этого, такъ какъ въ ихъ инструкціяхъ подобный казусъ не предвидѣлся. Но Жоржъ не двигался съ мѣста. Онъ понялъ маневръ Андрея, естественный и совершенно

основательный съ „дѣловой“ точки зрѣнія; но онъ не могъ уйти, оставивъ Андрея одного въ бѣдѣ.

— Нѣтъ, лучше не ходить, сказалъ онъ. Ефимъ Гаврилычъ съ норовомъ. Онъ разсердится, коли его изъ-за пустяковъ тревожить.

Андрею невозможно было настаивать.

— Ведите насъ въ участокъ, коли такъ, да скорѣе. Потому, намъ некогда.

Прежде чѣмъ предпринять что-нибудь, необходимо было оставить это мѣсто, потому что у воротъ скопилось уже довольно много прохожихъ и зѣвакъ.

— Дожидайся дозора, коротко отвѣтилъ полицейскій. Намъ изъ-за васъ службу бросать не приходится.

— Ладно!

Они отошли и, усѣвшись неподалеку на землѣ, закурили трубки.

Разочарованные въ своихъ ожиданіяхъ, любопытные разошлись. Даже полицейскіе перестали обращать на нихъ вниманіе. Но дозоръ могъ придти съ минуты на минуту, и нельзя было терять драгоцѣннаго времени. Жоржъ шепнулъ своему другу, выпуская клубъ дыма:

— Сунь негодяю десятирублевку.

Андрей кивнулъ головой. Онъ и самъ сталъ подумывать о подкупѣ. Выбравъ минуту, когда никого не было около, онъ сказалъ:

— Сколько возьмете, чтобы отпустить насъ съ Богомъ?

— А сколько дашь? былъ стремительный отвѣтъ.

— Вотъ сколько, отвѣчалъ Андрей, показывая кучку мѣдяковъ.

Предложить большую взятку, при такихъ обстоятельствахъ, значило бы возбудить подозрѣніе и погубить все.

— Мало! Насъ двое. Давай рубль.

— Вишь ты! Да у меня такихъ шальныхъ денегъ въ заводѣ нѣтъ. Берите гривенникъ. Я бы и этого не далъ, да недосугъ мнѣ ждать.

Однако у него не хватило хладнокровія торговаться дольше. Онъ увеличилъ взятку, и оба очутились на свободѣ.

Въ первой же деревушкѣ они наняли телѣгу и къ

обѣду добрались до станціи. Давидъ былъ уже тамъ и извѣстилъ ихъ, что все въ порядкѣ и что шпіоновъ не видать. На этотъ разъ, Андрей настоялъ, чтобы пріятная компанія разбилась. Они купили себѣ, каждый отдѣльно, билеты и заняли мѣста въ разныхъ вагонахъ, уговорившись, на промежуточныхъ станціяхъ не признавать другъ друга, а встрѣтиться, только достигнувъ мѣста назначенія.

ГЛАВА VII.

У себя дома.

Таня сидѣла у себя въ комнатѣ въ самомъ угнетенномъ настроеніи, послѣ трехъ дней мучительной нравственной пытки, когда Давидъ явился съ извѣстіемъ, что Андрей пріѣхалъ въ Петербургъ, здравъ и невредимъ, и часа черезъ два будетъ дома. Онъ сдѣлалъ это по порученію Андрея, который не могъ прямо явиться къ Танѣ изъ-за процедуры переодѣванья.

Къ удивленію Давида, Таня не обнаружила никакой радости. Она бросила на него удивленный, испытующій взглядъ, какъ будто онъ привезъ самыя непріятныя вѣсти, которымъ она ни за что не хочетъ вѣрить.

— Кто вамъ сказалъ? спросила она недовѣрчиво.

— Да никто. Мы съ нимъ вмѣстѣ пріѣхали изъ Дубравника. Увѣряю васъ, то былъ вашъ Андрей — настоящій, живой, а не его призракъ, возразилъ Давидъ, улыбаясь.

Тутъ только Таня какъ будто очнулась отъ оцѣпенѣнія и дала волю радости и ликованіямъ.

Она была увѣрена, что Андрей погибъ. Положительныхъ фактовъ у нея не было, но она уже приготовилась къ своему несчастью и старалась не поддаваться обманчивымъ надеждамъ, чтобы извѣстіе объ его арестѣ не подкосило ея окончательно.

Таня, конечно, не ждала отъ него писемъ изъ Дубравника. Но она взяла съ него слово, что онъ аккуратно каждый день будетъ посылать ей какую-нибудь газету, причемъ адресъ на обложкѣ будетъ написанъ его рукой, и она будетъ знать, по крайней мѣрѣ, что онъ не арестованъ.

Андрей добросовѣстно исполнялъ свое обѣщаніе. Ежедневно, въ одиннадцать часовъ Таня получала номеръ „Листка“ — самой реакціонной и, значитъ, самой благонамѣренной газеты, выходившей въ Дубравникѣ. Этотъ „Листокъ“ доставлялъ ей одной больше радости, чѣмъ всѣмъ подписчикамъ вмѣстѣ взятымъ. Полученіе газеты сдѣлалось для нея главнымъ событіемъ дня. Она волновалась къ приходу почтальона и впадала въ отчаяніе, если драгоцѣнная газета запаздывала и приходила не утромъ, а послѣ обѣда.

Но за послѣдніе три дня она не получала ея вовсе. Катастрофа въ домѣ Заики, погубившая всѣ планы и надежды, казнь друзей и все, что слѣдовало затѣмъ, до такой степени потрясли Андрея, что онъ прекратилъ свою нѣмую переписку. Къ тому-же онъ каждый день, почти ежечасно, собирался ѣхать въ Петербургъ и вслѣдствіе этого не придавалъ большого значенія такому ничтожному, какъ ему тогда казалось, упущенію. Людямъ, находящимся въ огнѣ, трудно себѣ представить то мучительное безпрерывное безпокойство, которое испытываютъ далекіе друзья, пребывающіе въ сравнительной безопасности. Кромѣ того, Андрей зналъ, что Жоржъ писалъ Танѣ и, значитъ, извѣстилъ ее, что они оба живы.

Жоржъ, дѣйствительно, писалъ. Но его письмо далеко не успокоило ея. Оно было написано второпяхъ, и Жоржъ не имѣлъ времени прибѣгнуть къ шифру или химическимъ черниламъ. Ему нужно было распространиться о многомъ: и о томъ, что̀ задерживало Андрея, и объ общемъ положеніи дѣлъ, и о надеждахъ на скорое возвращеніе. Онъ излагалъ это въ очень туманныхъ выраженіяхъ, съ такими оговорками и околичностями, съ такимъ обиліемъ намековъ и аллегорій, что въ результатѣ получилось посланіе, ясное, какъ божій день, самому Жоржу, но совершенно непонятное для Тани. Она не могла въ немъ разобраться и не знала, какую фразу нужно понимать въ прямомъ, какую въ переносномъ смыслѣ. Долго она ломала голову надъ загадочнымъ письмомъ, но въ концѣ концовъ все-таки не поняла изъ него — задержанъ-ли Андрей дѣлами,

которыя онъ думаетъ скоро покончить, или же онъ попался, но друзья его сильно надѣются, что все сойдетъ благополучно. Насколько надежды друзей основательны, — объ этомъ ей предстояло догадываться самой.

Отъ самого Андрея, между тѣмъ — ничего. Весь день она, въ лихорадкѣ, прождала газету, которая объяснила бы ей смыслъ письма Жоржа. Но „Листокъ" не пришелъ ни въ тотъ день, ни на другое утро, ни на слѣдующій день. Газеты, тѣмъ временемъ, были полны сенсаціонныхъ извѣстій изъ Дубравника. Андрей сдѣлался любимымъ героемъ репортеровъ. Сообщали, что онъ арестованъ то въ одномъ, то въ другомъ домѣ, то на улицѣ, то на вокзалѣ. Краткое описаніе примѣтъ часто совпадало съ наружностью Андрея. Подробно и съ большимъ драматическимъ эффектомъ описывалась сцена ареста. Одна газета сообщала изъ достовѣрныхъ источниковъ, что арестованный, наконецъ, сознался, кто онъ; другая, что его личность удостовѣрена подавляющими уликами; третья, что онъ уже отправленъ подъ строгимъ конвоемъ въ Петербургъ.

Количество такихъ арестовъ доказывало только, съ какимъ неистовствомъ охотились за Андреемъ. Не могли же его арестовать въ нѣсколькихъ мѣстахъ одновременно. Съ другой стороны, возможно-ли, чтобы онъ, будучи на свободѣ, не далъ бы ей какъ-нибудь знать о себѣ? Каждая новая телеграмма въ газетахъ казалось ей болѣе знаменательной, чѣмъ предыдущая, и уже несомнѣнно вѣрной, не смотря на то, что всѣ предыдущія телеграммы оказывались уткой. Чтеніе газетъ превратилось для нея въ настоящую пытку. И все-таки она читала съ жадностью все, что могла достать. Газеты ворохами валялись по комнатѣ, превратившейся въ какую-то контору редакціи.

Три дня, проведенныхъ въ такой тревогѣ, отразились на ней, какъ серьозная болѣзнь. Она поблѣднѣла и похудѣла, глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ. По ночамъ ея безпокойный сонъ прерывался страшными кошмарами.

— Онъ просто чудомъ выбрался изъ этого ада! воскликнула она, когда Давидъ разсказалъ ей о послѣднемъ приключеніи Андрея.

— Правда, они охотились за нимъ по пятамъ! отвѣтилъ Давидъ. Теперь на васъ лежитъ священная обязанность удержать его отъ участія въ подобныхъ дѣлахъ, по крайней мѣрѣ, мѣсяцевъ на шесть. Онъ слишкомъ много рисковалъ. А главное, не отпускайте его изъ Петербурга ни подъ какимъ предлогомъ.

— Постараюсь, сказала Таня съ улыбкой. Но боюсь, что и здѣсь ему далеко не безопасно.

— Во всякомъ случаѣ безопаснѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, отвѣчалъ Давидъ.

— Кстати, встревожилась она, гдѣ вы ихъ оставили? Не на вокзалѣ, надѣюсь?

Давидъ объяснилъ ей, что распрощался съ Жоржемъ и Андреемъ передъ тѣмъ, какъ они взобрались на конку, которая почти довезетъ ихъ до конспиративной квартиры.

— До конспиративной квартиры? протянула Таня разочарованнымъ голосомъ. Онъ тамъ надолго застрянетъ, я въ этомъ увѣрена.

— Нѣтъ, нѣтъ. Жоржъ останется вмѣсто него и сообщитъ всѣ свѣдѣнія товарищамъ. Андрей обѣщалъ, что не пробудетъ ни минуты дольше, чѣмъ необходимо.

— Онъ обѣщалъ? переспросила Таня, и лицо ея просвѣтлѣло.

За такое обѣщаніе она моментально простила ему всѣ перенесенныя муки.

— Какъ мило было съ вашей стороны придти ко мнѣ съ такою вѣстью! сказала она Давиду.

Въ ея сердцѣ фраза эта звучала нѣсколько иначе: „Какъ мило было съ его стороны поручить Давиду извѣстить меня!"

Уходя, Давидъ попросилъ ее передать Андрею какое-то порученіе. Она кивнула головой въ знакъ согласія, но какъ только Давидъ исчезъ, забыла рѣшительно обо всемъ, — и объ немъ, и объ его порученіи, — и,

спрятавшись за занавѣску, впилась въ окно, изъ котораго можно было видѣть улицу во всю ея длину.

Мысль, что Таня, вѣроятно, безпокоится о немъ, впервые сверкнула въ головѣ Андрея, когда онъ подъѣзжалъ къ Петербургу. Но онъ и не подозрѣвалъ, что она пережила за эти дни. Когда онъ просилъ Давида предупредить ее, онъ просто имѣлъ въ виду задержать ее дома на случай, еслибы она собиралась куда-нибудь.

Но, какъ только онъ нанялъ извощика, лихорадка ожиданія охватила его и росла по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ хорошо знакомой ему улицѣ. Они быстро проѣхали центральныя части города, и колеса катились уже по мягкому ровному дереву длиннаго моста. Какъ великолѣпно сверкала рѣка въ этотъ прекрасный весенній день! Черный пароходъ, быстрый и стройный, несся по рѣкѣ и нырнулъ подъ мостъ, согнувъ предварительно вдвое свою высокую черную трубу, которая затѣмъ мгновенно выпрямилась по другую сторону моста, какъ бы по собственному желанію. Большая деревянная баржа двигалась въ томъ же направленіи, и молодой, красивый парень, въ красной рубахѣ съ растегнутымъ воротомъ, толкалъ ее длиннымъ шестомъ, между тѣмъ какъ его товарищъ на рулѣ лѣниво напѣвалъ что-то.

Колеса громко затрещали и съ шумомъ покатились по неровной каменной мостовой. Теперь уже недалеко. Вотъ и полукруглый Кронверскій проспектъ. Каждый домъ, каждая лавка, каждое дерево, казалось, привѣтствовали его, какъ стараго знакомаго, въ этомъ тихомъ мирномъ уголкѣ, гдѣ онъ провелъ самые счастливые мѣсяцы своей жизни. Радужныя воспоминанія этихъ дней ворвались ему въ душу и прогнали мрачные образы и тяжелыя впечатлѣнія того ада, изъ котораго онъ только что выбрался. Онъ хотѣлъ вѣрить, и ему вѣрилось въ ту минуту, что его возвращеніе на старое мѣсто, къ Танѣ, означаетъ также возвратъ къ ихъ старому счастью, къ ихъ скромной общей работѣ, доставлявшей имъ такъ много радостей.

Когда онъ увидѣлъ въ окнѣ неподвижную фигуру

Тани, ея улыбку и сіяющіе глаза, когда онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ и схватилъ ее въ свои объятія, — всѣ его планы и соображенія, царь и конспираціи, все исчезло въ высшемъ счастьи взаимной любви.

— Дорогой мой! шептала она. Я думала, что больше не увижу тебя!

— И напрасно ты такъ думала, отвѣчалъ онъ съ улыбкой. Вѣдь я сказалъ, что вернусь живъ и невредимъ, — и вотъ я опять съ тобою!

Да, вотъ онъ, ея герой, любимый, безстрашный, вырвавшійся изъ тысячи опасностей, которымъ подвергался ради ихъ общаго, великаго дѣла. Она съ трудомъ вѣрила, что онъ снова съ нею; на долго-ли — объ этомъ она не хотѣла спрашивать.

Онъ сидѣлъ въ креслѣ, и она у него на колѣняхъ.

— Разскажи, какъ тебѣ жилось безъ меня? спрашивалъ Андрей. Дитя мое, ты такъ похудѣла и такъ блѣдна. Здорова-ли ты?

— Я была не совсѣмъ здорова; но это пустяки. Объ этомъ теперь не стоитъ говорить.

Она слегка коснулась своихъ тревогъ и со смѣхомъ разсказала про хитроумное письмо Жоржа, допускавшее такое широкое толкованіе.

Но изъ ея словъ Андрей догадался, что одно время она считала его погибшимъ, и сразу понялъ все остальное.

— Прости меня, родная. Только теперь я вижу, какъ я виноватъ передъ тобою! воскликнулъ онъ.

— Ничего! прервала она его. Это можетъ случиться со всякимъ. Мало-ли что, — приходится иногда уѣзжать изъ города, скрываться, гдѣ попало, и, наконецъ, у тебя и времени не было подумать о такихъ мелочахъ. Было глупо съ моей стороны тревожиться изъ-за пустяковъ. Въ слѣдующій разъ, я буду терпѣливѣе....

Но при одной мысли о вновь предстоящихъ безсонныхъ ночахъ, ужасныхъ кошмарахъ и безконечномъ ожиданіи, ея стоицизмъ рушился.

— Нѣтъ, не хочу! вскричала она, ухватившись за него. Мы больше не будемъ разставаться. Зачѣмъ? Я

всегда могу быть тебѣ полезной. Вѣдь ты не считаешь меня трусихой?

Положивъ руки къ нему на плечи, она отодвинулась, улыбаясь, чтобы онъ могъ посмотрѣть ей прямо въ лицо.

— Нѣтъ, я не считаю тебя трусихой, отвѣчалъ Андрей, цѣлуя ее.

— Не опасности страшатъ меня, продолжала она. Развѣ я думала о нихъ, когда ты тутъ былъ со мною? Но неизвѣстность.... Я никогда не съумѣю передать, что я выстрадала съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ. Я только и жила ожиданіемъ твоихъ газетъ. Глаза высмотрѣла. Но и получивши ихъ, я не находила утѣшенія, потому что говорила себѣ, — кто знаетъ? его могли арестовать черезъ часъ послѣ того, какъ онъ отправилъ мнѣ газету. А дни и ночи, когда не было вѣстей! Чего я только не пережила! Чего только мнѣ не представлялось! Ахъ, не хорошо, что я объ этомъ говорю. Я знаю, вѣдь ты не долго усидишь на мѣстѣ. Но только дай мнѣ слово, что какое бы ни предстояло дѣло, даже если оно будетъ серьезнѣе послѣдняго, — я приму въ немъ участіе и стану дѣлить съ тобою опасности? Согласенъ?

Заключительныя слова она произнесла свойственнымъ ей очаровательнымъ тономъ, въ которомъ слышалась и нѣжность и въ тоже время какъ-бы вызовъ Андрею отказать ей въ ея просьбѣ!

Андрей ничего не сказалъ въ отвѣтъ, въ смущеніи глядя на ея прелестное, довѣрчивое лицо. Она, своимъ вопросомъ, сама разсѣяла волшебныя чары счастья, отуманившія его голову. Онъ вспомнилъ послѣднее утро, проведенное въ Дубравникѣ на квартирѣ Ватажко, и великій обѣтъ, взятый имъ на себя въ тотъ день.... Онъ — обреченный человѣкъ! Обыкновенныя человѣческія радости и счастье, и любовь — не для него. Въ дѣлѣ, на которое онъ пойдетъ, не можетъ быть товарища, и впереди ничего не предвидится, кромѣ могилы.

Открыться ей, теперь же, — вотъ все, что онъ можетъ сдѣлать въ отвѣтъ на ея просьбу. Но онъ молчалъ. Закаленный въ суровой школѣ конспираторовъ,

онъ, однако, колебался теперь, и весь затрепеталъ, когда насталъ моментъ вонзить ножъ въ сердце горячо любимой жертвы.

— Андрей, голубчикъ, въ чемъ дѣло? Отчего ты такъ странно смотришь? Ты не согласенъ? Ты боишься, что я постояннымъ страхомъ за тебя буду тебѣ мѣшать? Но ты ошибаешься. Вѣдь я не полюбила бы тебя, если бы ты не былъ тѣмъ.... тѣмъ, что ты есть! Когда мнѣ разсказывали объ опасностяхъ, которымъ ты такъ безстрашно подвергался, то я, хоть и трепетала за тебя, но вмѣстѣ съ тѣмъ была счастлива и гордилась тобой! „Такъ похоже на моего Андрея!" думала я. Нѣтъ, не я буду тебя удерживать.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, родная моя! сказалъ Андрей, цѣлуя ей руки.

— Но отчего же ты такъ смутился? Можетъ быть, ты меня уже не такъ любишь, и тебѣ не всегда хочется быть со мной?

— Не такъ люблю?! Что ты говоришь! вскричалъ Андрей.

Она улыбнулась, потомъ весело разсмѣялась.

— Можешь, пожалуй, оставить при себѣ свои спеціальныя возраженія. Только знай напередъ: когда будешь собираться въ новую экспедицію, — ты отъ меня не отдѣлаешься. — Покамѣсть, не будемъ объ этомъ разговаривать. Разскажи лучше обо всемъ, до мельчайшихъ подробностей, что было въ Дубравникѣ. Не скрывай ничего, я хочу знать все, что тебѣ пришлось испытать.

Ей показалось, что напоминаніе о Дубравникѣ вызвало внезапную грусть въ Андреѣ. Она знала, что коснулась тяжелыхъ событій, но ей хотѣлось ему доказать, что у нея — крѣпкіе нервы.

Андрей же обрадовался, что роковое личное объясненіе такимъ образомъ откладывалось. Да и къ чему торопиться? Почему не дать себѣ отсрочки, не оттянуть, если не на нѣсколько дней, то хоть до завтра? Никто не упрекнетъ его за эту послѣднюю минуту мирнаго счастья.

Онъ разсказалъ ей про Дубравникъ, не доставивъ ей однако случая показать крѣпость своихъ нервовъ. Имѣя въ запасѣ страшный для нея ударъ, онъ теперь употреблялъ всѣ усилія, чтобы не причинить ей страданій изображеніемъ того, что уже свершилось.

Онъ едва коснулся казни, замѣтивъ, что объ этомъ она, конечно, прочла въ газетахъ, и распространился, главнымъ образомъ, о собственныхъ приключеніяхъ, казавшихся особенно забавными теперь, когда опасность миновала.

Таня обратилась вся въ слухъ. Но ухо ея не было обмануто развязностью его разсказа. Когда Андрей кончилъ, радуясь, что ему удалось ее развлечь, она прижалась къ нему и пристально стала всматриваться въ его глаза.

— Андрей, ты что-то скрываешь отъ меня, произнесла она съ разстановкой, что-то очень важное и очень тяжелое для тебя. Скажи, въ чемъ дѣло! Я хочу взять на себя часть твоихъ страданій. Повѣрь, тебѣ легче станетъ, когда ты выскажешься.

Но въ этомъ Андрей вовсе не былъ увѣренъ, хотя притворяться передъ Таней ему было уже не подъ силу.

Помолчавъ немного, онъ, наконецъ, собрался съ духомъ.

— Таня! заговорилъ онъ. Ты угадала. Я рѣшился идти на царя.

Сперва она его не поняла.

— Развѣ ты и прежде этого не дѣлалъ? спросила она.

Она подумала, что слова Андрея относятся къ вопросу о борьбѣ съ деспотизмомъ на политической почвѣ, — вопросу, такъ волновавшему тогда революціонные кружки.

Онъ разъяснилъ ея недоразумѣніе въ нѣсколькихъ словахъ, ясно и точно, не оставляя мѣста ни сомнѣніямъ, ни надеждамъ.

Теперь ударъ попалъ ей прямо въ сердце. Таня перемѣнилась въ лицѣ. Ротъ ея конвульсивно сжался, какъ будто у нея захватило дыханіе отъ внезапнаго паденія съ высоты.

— О, Боже! вырвался изъ ея груди мучительный стонъ. Она схватилась за сердце, но тотчасъ же безпомощно опустила руки на колѣни.

Сухими, горячими глазами перебѣгала она отъ одного предмета къ другому, останавливаясь на нихъ съ удивленіемъ и безцѣльнымъ выраженіемъ. — „Такъ вотъ она, награда за всѣ муки ожиданія!“, казалось, говорилъ ея одичалый взглядъ и весь ея съёжившійся обликъ.

Андрей подошелъ и взялъ ее за руку. Но Таня была безучастна и даже не посмотрѣла на него.

— Таня, наклонившись надъ нею, заговорилъ онъ, можешь выслушать меня? Мнѣ хочется убѣдить тебя... объяснить, какъ и почему я пришелъ къ такому рѣшенію.

Его голосъ пробудилъ ее. Она быстро повернулась къ нему и нервно вцѣпилась пальцами въ его руку.

— Да, да! Говори. Я спокойна, я слушаю. Я хочу знать твои доводы, торопливо отчеканивала она.

Надежда мелькнула въ ея головѣ. Если можно обсуждать, то дѣло, значитъ, еще не окончательно рѣшено.

Андрей разсказалъ ей, какъ и почему пришелъ онъ къ своему рѣшенію. На этотъ разъ онъ не щадилъ ея въ своемъ описаніи возмутительныхъ подробностей казни и не менѣе возмутительныхъ подробностей суда. Ему хотѣлось возбудить въ ней то же чувство негодованія, какое онъ самъ испывалъ при видѣ этихъ ужасовъ.

Но онъ потерпѣлъ полное фіаско. Таня оставалась холодной, равнодушной. То, что минуту тому назадъ пронзило бы ей сердце, теперь отскакивало отъ нея, какъ стрѣла отъ кольчуги.

„Но все это вѣдь кончилось и непоправимо. Какую же оно имѣетъ связь съ твоимъ рѣшеніемъ?“ казалось, вопрошали ея глаза и неподвижное лицо.

Она заняла позицію не слушателя, а бойца, отстаивающаго то, что ему дороже всего на свѣтѣ. А онъ боролся за вѣрность своему идеалу — за то, что ему было дороже жизни, дороже счастья.

— Къ тому-же я убѣдился, продолжалъ Андрей, какъ бы отвѣчая на нѣмыя возраженія Тани, что эти ужасы представляютъ лишь слабый отблескъ того, что проис-

ходитъ у насъ не съ десятками, а съ тысячами и милліонами людей, и что конца не будетъ этимъ страданіямъ, покуда мы не подорвемъ, не опозоримъ, не уничтожимъ силы, которая создаетъ ихъ.

Онъ говорилъ много и сильно въ томъ же духѣ, согрѣтый огнемъ глубокаго убѣжденія. Онъ надѣялся убѣдить ее и разжечь въ ея сердцѣ пламя, пожиравшее его. Ему удалось только слегка подѣйствовать на ея умъ.

— Хорошо. Но почему-же именно ты долженъ взять на себя это дѣло? спросила она все тѣмъ же тономъ упрямаго недоумѣнія.

— А почему-же не я, дорогая Таня? Я самъ пришелъ къ такому рѣшенію, — я-же долженъ его выполнить. Если завтра кто-нибудь другой явится съ тѣмъ же предложеніемъ, я охотно уступлю ему мѣсто. Я не принадлежу къ честолюбцамъ, предпочитающимъ славную смерть скромной гибели, выпадающей на долю большинству изъ насъ. Но не каждый день дѣлаются такія предложенія, и не всякому можно довѣрить ихъ выполненіе. Меня, конечно, выберутъ скорѣе, чѣмъ другого.

„Выберутъ! выберутъ! выберутъ!", какъ молотомъ ударяло по головѣ Тани. „Стоитъ ему заговорить, и все будетъ кончено!"

Картина радостей, извѣданныхъ ею въ этихъ самыхъ стѣнахъ до поѣздки въ ужасный Дубравникъ, пронеслась въ ея памяти, точно райское видѣніе. Она не могла добровольно отказаться отъ счастья, когда оно снова было такъ близко. Вся ея молодая природа возмущалась противъ такой жертвы. Она должна отговорить его отъ этого рѣшенія и, такимъ образомъ, спасти и его и себя.

Она употребила надъ собою чрезвычайное усиліе, чтобы привести въ порядокъ свои мысли, прежде чѣмъ сдѣлать новую попытку: въ головѣ у нея все перепуталось. Но она надѣялась на его доброту, на то, что онъ не воспользуется ея замѣшательствомъ и постарается взглянуть на дѣло съ ея точки зрѣнія. Она была увѣрена, что, въ сущности, правда на ея сторонѣ.

Она взяла его за руку и съ мольбой посмотрѣла ему въ глаза.

— Андрей, обдумай хорошенько, сказала она. Не довольно-ли убійствъ и кровопролитія? Чего, кромѣ еще бо̀льшихъ ужасовъ мы добьемся? Висѣлицы, и опять висѣлицы! и конца имъ не будетъ! Я много думала объ этомъ за послѣднее время, и сердце мое изстрадалось при видѣ безпощаднаго избіенія всего, что есть лучшаго и благороднаго у насъ. Не лучше-ли вернуться къ другимъ средствамъ, — къ пропагандѣ въ народѣ, а на высшую политику махнуть рукой? Я плохо выражаюсь, но ты понимаешь, что я хочу сказать...

— Да, я понимаю, сказалъ Андрей, и затѣмъ вдругъ спросилъ: Не можешь-ли ты мнѣ сказать, когда именно ты обо всемъ этомъ думала? Не въ прошлую-ли среду?

— Не припомню. Зачѣмъ ты это спрашиваешь?

— Простое любопытство, отвѣчалъ Андрей. Въ тотъ самый день, при видѣ возвращавшейся съ казни равнодушной толпы, я задавалъ себѣ тѣ же вопросы, и много горькихъ мыслей передумалъ я. Наша миссія — очень тяжелая, но мы должны выполнить ее до конца. Что̀ бы выиграла Россія, если бы мы не отплачивали ударомъ за ударъ, а продолжали обученіе и пропаганду въ деревушкахъ и закоулкахъ, какъ совѣтуетъ Лена? Правда, насъ бы не вѣшали. Но что тутъ хорошаго? Насъ бы арестовывали и ссылали въ Сибирь, или оставляли бы гнить въ тюрьмахъ по прежнему. Мы не оказались бы въ лучшемъ положеніи, чѣмъ теперь, и ни одного лишняго дня, ни одного лишняго часа намъ не дали бы посвятить народному дѣлу. Нѣтъ, намъ не дадутъ свободы въ награду за примѣрное поведеніе. Мы должны бороться за нее, всякимъ оружіемъ. Если при этомъ намъ придется страдать, — тѣмъ лучше! Наши страданія будутъ новымъ оружіемъ въ нашихъ рукахъ. Пусть насъ вѣшаютъ, пусть насъ разстрѣливаютъ, пусть насъ убиваютъ въ одиночныхъ камерахъ! Чѣмъ больше насъ будутъ мучить, тѣмъ больше будетъ рости число нашихъ послѣдователей. Я хотѣлъ бы, чтобы меня рвали на части, жгли на медленномъ огнѣ на лобномъ мѣстѣ!

закончилъ онъ полушопотомъ, впиваясь въ нее сверкающими глазами.

Таня съ ужасомъ почувствовала, что почва уходитъ изъ-подъ ея ногъ. Она не знала, что сказать, что дѣлать. А уступить было слишкомъ ужасно.

— Подожди минутку... Андрей, дорогой! вскричала она, схвативъ его за руку, какъ будто онъ собирался тотчасъ же ее покинуть. Одну минуту. Мнѣ нужно тебѣ сказать что-то... что-то очень важное. Только я забыла, что̀ именно. Все это такъ мучительно, что у меня голова пошла кругомъ... Дай мнѣ подумать...

Она стояла возлѣ него съ опущенными глазами и съ поникшей головой.

— Я буду ждать, сколько хочешь, родная, сказалъ Андрей, цѣлуя ея похолодѣлый лобъ. Оставимъ этотъ разговоръ на сегодня.

Она отрицательно покачала головой. Нѣтъ, она найдетъ, она сейчасъ же вспомнитъ, что ей хотѣлось ему сказать.

— Крестьянство, вѣрующее въ царя... нѣтъ, не то!.. Та часть общества, которая остается теперь нейтральной... Не то, опять не то!

Вдругъ она задрожала всѣмъ тѣломъ, и самыя губы ея поблѣднѣли. Она нашла свой великій аргументъ, который былъ ей оплотомъ, и увидѣла, какъ онъ былъ слабъ и въ тоже время какъ ужасенъ!

— Что будетъ со мною, когда они убьютъ тебя! вырвалось у нея, и, закрывъ глаза рукою, она откинула голову назадъ.

— Бѣдное дитя мое, моя голубка! воскликнулъ Андрей, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ. Я знаю, какъ тяжелъ твой крестъ, я знаю, что остающимся въ живыхъ хуже приходится, чѣмъ тѣмъ, которые идутъ на гибель. Но, повѣрь, и мнѣ не легко. Жизнь мнѣ дорога, особенно съ того дня, какъ ты меня полюбила. Горько бросать ее, разставаться съ тобою и идти на казнь, между тѣмъ какъ я могъ бы быть такъ счастливъ! Я дорого бы далъ, чтобы чаша сія миновала насъ. Но она не минуетъ. Ударъ долженъ быть нанесенъ. Отка-

заться отъ нападенія изъ-за любви къ тебѣ? Да я чувствовалъ бы себя трусомъ, лжецомъ, измѣнникомъ нашему дѣлу, нашей родинѣ. Лучше утопиться въ первой попавшейся грязной лужѣ, чѣмъ жить съ такимъ укоромъ совѣсти. Какъ могъ бы я это вынести и что̀ сталось бы съ нашей любовью? Прости, дорогая, за боль, которую я причиняю тебѣ. Но подумай только, что̀ значатъ всѣ наши страданія, если намъ удастся хоть на одинъ день ускорить конецъ всѣмъ ужасамъ, окружающимъ насъ?

Андрей говорилъ упавшимъ голосомъ, переходившимъ часто въ шопотъ. Онъ утомился въ неестественной борьбѣ и не могъ продолжать ея долѣе. Теперь онъ просилъ мира, пощады, и простыя слова его смягчили сердце Тани и произвели въ ней перемѣну, когда онъ меньше всего ея ожидалъ.

Въ любовь женщины, когда она дѣйствительно любитъ, какъ бы романтично и экзальтировано ни было это чувство, всегда входитъ элементъ жалости и материнской заботливости. Именно эту струну въ Танѣ задѣлъ Андрей своимъ утомленнымъ, обрывавшимся голосомъ. Онъ не убѣдилъ ея: вѣрнѣе, Таня хорошенько не знала, убѣдилъ онъ ее или нѣтъ, потому что она забыла всѣ его доводы. Но она сдалась. Она такъ глубоко его жалѣла, что не въ силахъ была отягчать его участь своимъ сопротивленіемъ.

Лицо ея смягчилось. Глаза снова засіяли любовью и нѣжностью, пока она дрожащей рукой ласкала его голову, лежавшую на ея колѣняхъ. Она успокоивала его кроткими, умиротворяющими рѣчами, а мысленно награждала самыми нѣжными, ласкающими именами.

Будущее представлялось ей мрачною бездною. Угадать, что послѣдуетъ за покушеніемъ, было ей также трудно, какъ узнать, что ждетъ ее за гробомъ. Но за то она ясно видѣла, что̀ ей слѣдуетъ дѣлать теперь. Она была ему женой, сестрой, товарищемъ, и она должна по мѣрѣ силъ своихъ поддержать его въ его тяжеломъ испытаніи. Она рѣшилась облегчить его участь, взявъ на свои молодыя плечи часть его бремени.

Теперь она была гораздо спокойнѣе, и въ ея грустныхъ большихъ глазахъ не видно было слезъ. Но внутренно сердце ея обливалось кровью, — не за себя уже. Скорбь о немъ заслонила ея собственныя муки.

ГЛАВА VIII

Два поколѣнія.

Андрей внесъ свое предложеніе. Оно было принято. Обширная и сложная машина заговора была пущена въ ходъ и уже значительно подвинулась въ своей таинственной работѣ.

Однажды вечеромъ, недѣли двѣ спустя послѣ его возвращенія въ Петербургъ, Андрей переходилъ Тучковъ мостъ, направляясь къ Дворцовой Площади. Онъ все еще проживалъ на старой квартирѣ, но коекакіе симптомы указывали, что она уже не совсѣмъ безопасна и что, слѣдовательно, пора переѣзжать. По этой же причинѣ Андрей теперь сдѣлалъ большой крюкъ, хотя могъ бы значительно сократить себѣ дорогу, спустившись къ Гагаринскому перевозу.

Онъ шелъ къ Рѣпину и принималъ всѣ мѣры предосторожности, чтобы не привести за собою шпіоновъ, которые могли вертѣться около его дома. Рѣпинъ просилъ его придти по важному дѣлу. Андрея не удивило такое приглашеніе, и онъ сообразилъ, что оно, вѣроятно, касается „дѣла" вообще, или его лично. Ему не разъ уже приходилось вести съ Рѣпинымъ дѣловые разговоры.

Рѣпинъ приготовился къ посѣщенію Андрея и ждалъ его въ своемъ кабинетѣ, предварительно распорядившись никого не принимать. Лицо его было озабочено и встревожено, когда, усѣвшись за столъ, освѣщенный двумя свѣчами въ кованыхъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, онъ разсѣянно сталъ перебирать бумаги. Онъ хотѣлъ сдѣлать Андрею одно предложеніе, которое горячо принималъ къ сердцу, и у него были вѣскія основанія, чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ.

Когда революціонеры затѣваютъ какое-нибудь серьезное дѣло, то обыкновенно даже не принимающіе участія въ конспираціяхъ догадываются, что готовится что-то. Волненіе и смутное предчувствіе опасности охватываютъ всѣхъ и каждаго. Со стороны конспираторовъ, въ такое время замѣчается необыкновенная осторожность по отношенію къ полиціи. Они съ особенной заботливостью предупреждаютъ сочувствующихъ и всякаго рода случайныхъ пособниковъ, совѣтуя быть наготовѣ въ виду неожиданнаго обыска. Они вывозятъ компрометирующія бумаги и подпольную литературу изъ квартиръ, гдѣ въ другое время онѣ валялись почти на виду. Случается, что наиболѣе впечатлительные изъ конспираторовъ принимаютъ даже удрученный видъ, когда именно слѣдовало бы представляться спокойными и веселыми. Вотъ почему, даже когда тайна предстоящаго факта сохранена самымъ тщательнымъ образомъ, тѣ, которые умѣютъ читать знаменія времени, часто предвидятъ, что что-то должно случиться.

Рѣпинъ принадлежалъ къ тому большому и разнообразному классу сочувствующихъ, среди которыхъ вращаются революціонеры. Съ жгучимъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за зловѣщими признаками и многозначительными симптомами и былъ почти увѣренъ, что Россія — наканунѣ новаго революціоннаго взрыва. Онъ давно не видалъ никого изъ активныхъ революціонеровъ, но встрѣтился съ Таней нѣсколько дней тому назадъ въ домѣ одного изъ своихъ друзей. Имъ не удалось поговорить наединѣ, но ея разстроенный и сосредоточенный видъ болѣе чѣмъ подтвердилъ его мрачныя опасенія. Тревоги подпольной жизни, очевидно, усилились, потому что никогда еще не видалъ онъ ея въ такомъ состояніи. Онъ зналъ, что ему не удастся вырвать ее изъ этой жизни, но ему пришло въ голову, хотя на время укрыть ее и Андрея отъ огня. Онъ рѣшилъ попытаться.

Послѣ дочери, больше всего приходился ему по сердцу его необыкновенный зять. Еслибы ему довелось выбирать мужа Танѣ, то онъ, конечно, искалъ бы его не въ рядахъ конспираторовъ. Но разъ сама Таня присоедини-

лась къ революціонной партіи, Рѣпину пришлось помириться съ ея выборомъ, и въ концѣ концовъ онъ искренно полюбилъ своего зятя. Еслибы Андрей принадлежалъ къ менѣе крайней фракціи революціонной партіи, то Рѣпинъ былъ бы вполнѣ доволенъ выборомъ своей дочери. Они были въ очень хорошихъ отношеніяхъ, и Андрей навѣщалъ старика, насколько то позволяли осторожность и его собственная усиленная работа. Рѣпинъ зналъ о многомъ, что касалось самого Андрея, который былъ съ нимъ очень откровененъ, — поскольку откровенность возможна между конспираторомъ и его надежнымъ другомъ. Таня держала себя съ отцомъ нѣсколько сдержаннѣе.

Приключенія Андрея въ Дубравникѣ и опасность его положенія не были тайной для Рѣпина. Онъ, поэтому разсудилъ, что теперь, какъ разъ, пора Андрею на время сойти со сцены. Вотъ почему онъ думалъ, что его предложеніе будетъ принято и имъ, и Таней.

Онъ радушно привѣтствовалъ Андрея, котораго не видалъ со дня его возвращенія, и освѣдомился о Танѣ.

Андрей отвѣтилъ, что Таня совершенно здорова.

— Намъ также трудно заболѣть, какъ саламандрѣ схватить насморкъ, прибавилъ онъ. Въ нашемъ подпольномъ мірѣ стоитъ такая высокая температура, что, пожалуй, никакіе микробы не выдержатъ.

Онъ улыбнулся, но только губами. Глаза его смотрѣли серьезно.

— Вамъ, пожалуй, жарче всѣхъ приходится? Мнѣ сообщили, что полиціи достался большой нагоняй, спеціально изъ-за васъ, и что она теперь жаждетъ отместки. Полицмейстеръ сказалъ, что перевернетъ весь городъ вверхъ дномъ, а раздобудетъ васъ — живымъ или мертвымъ.

— Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать, замѣтилъ спокойно Андрей. Они не разъ также хвастали и въ другихъ случаяхъ.

— Однако, начать хоть съ того, что имъ извѣстно, что вы въ Петербургѣ, — чего вы, вѣроятно, не ожидали. Они могутъ сдѣлать еще шагъ впередъ. Лучше

не играть съ огнемъ. Не думаете-ли вы, что вамъ слѣдовало бы поуняться и съѣздить на время заграницу? Собственно объ этомъ я и хотѣлъ съ вами поговорить...

Андрей отрицательно покачалъ головой.

— Не торопитесь съ отказомъ! воскликнулъ Рѣпинъ. Дайте мнѣ сказать свое... Вы ничего не потеряете, отдохнувши нѣсколько мѣсяцевъ. А для Тани поѣздка была бы особенно благотворна. Она можетъ позаняться, почитать на свободѣ. Надѣюсь, вы не станете отрицать, что знаніе полезно и для вашей братіи революціонеровъ.

— Нѣтъ, не стану.

— Видите, значитъ, въ моемъ предложеніи есть коекакой смыслъ. Она наберется знаній для будущаго, вы сотрете съ себя кое-что изъ прошлаго, и оба вернетесь въ болѣе спокойное время. Чѣмъ позже, тѣмъ лучше, если меня послушаетесь. Если васъ останавливаютъ денежныя соображенія, то объ этомъ не думайте. Я обязуюсь посылать вамъ, сколько нужно. Что вы скажете на это?

Андрей думалъ, не о планѣ цѣликомъ, какъ полагалъ Рѣпинъ, потому что его лично онъ не могъ касаться; но у него мелькнула мысль, что Танѣ недурно было бы уѣхать... Впрочемъ, нѣтъ! И для нея не можетъ быть рѣчи объ отъѣздѣ. Она ни за что не согласится уѣхать изъ Россіи, именно теперь, даже на короткое время.

— Вы очень добры, сказалъ онъ, но мнѣ невозможно воспользоваться вашимъ предложеніемъ, и я сомнѣваюсь, приметъ-ли его Таня. Но вотъ что вы можете сдѣлать для насъ. Скажите, когда вы думаете перебраться на дачу?

— Черезъ мѣсяцъ. Можетъ быть, немного раньше. Но что вамъ до этого, или ей?

— Было бы недурно, сказалъ Андрей, еслибъ вы уѣхали пораньше и взяли Таню съ собою мѣсяца на три или на четыре.

Зная, какъ Таня любитъ своего отца, онъ думалъ, что ей, можетъ быть, легче будетъ пережить это время

въ его обществѣ. Она уже заранѣе согласилась, — чтобы доставить удовольствіе Андрею: сама же она не видѣла въ этомъ никакого облегченія.

Рѣпинъ возразилъ, что всегда радъ Танѣ, и что она можетъ оставаться у него, сколько угодно. Укрыть ее на цѣлыхъ четыре мѣсяца, дѣло хорошее. Но такое рѣшеніе — жалкій компромисъ. Онъ продолжалъ настаивать на ихъ поѣздкѣ заграницу, указывая на всѣ преимущества такого плана передъ укрывательствомъ одного изъ нихъ — именно того, который наименѣе подвергался риску.

— Нѣтъ, сказалъ Андрей рѣшительнымъ тономъ. Я не могу теперь оставить Петербургъ ни подъ какимъ предлогомъ. Безполезно дольше спорить. Оставимъ этотъ разговоръ.

Лицо Рѣпина потемнѣло. Этотъ тонъ, это упрямство и притомъ желаніе укрыть Таню на время, ясно указывали, что готовится что-то громадное, и что Андрей будетъ однимъ изъ главныхъ участниковъ.

— Опять какое-нибудь адское предпріятіе? спросилъ онъ тихо.

— Да, нѣчто въ этомъ родѣ, уклончиво отвѣтилъ Андрей.

Съ минуту оба помолчали.

— А все-таки я думаю, что вамъ не къ чему такъ торопиться ломать себѣ шею. Вы достаточно рисковали жизнью за послѣднее время. Какъ разъ теперь не дурно бы отдохнуть, произнесъ, наконецъ, Рѣпинъ.

— Невозможно, возразилъ Андрей. Солдатамъ не полагается уходить со службы во время войны изъ-за того, что они раньше подвергались многимъ опасностямъ.

— Да, но отъ времени до времени ихъ увольняютъ въ отпускъ, — если уже продолжать ваше сравненіе.

— Иногда — да, иногда и нѣтъ, и вотъ мы теперь именно въ такомъ положеніи, когда отпускъ невозможенъ, отвѣтилъ Андрей.

Такая несокрушимая энергія и мужество, собственно говоря, и располагали Рѣпина въ пользу революціонеровъ вообще и Андрея въ особенности. Самъ онъ былъ

такъ пропитанъ скептицизмомъ и видѣлъ вокругъ себя такъ много трусости и эгоизма, что не могъ не восхищаться цѣльностью ихъ натуръ. Не будучи въ состояніи раздѣлять ихъ энтузіазма къ дѣлу, онъ чувствовалъ къ нимъ горячую личную симпатію.

Но теперь, когда его проектъ окончательно разрушался, раздраженіе взяло верхъ надъ всѣмъ остальнымъ. Онъ разсердился на Андрея за его, какъ онъ подумалъ, нелѣпое упрямство.

— И это ваше послѣднее слово? спросилъ онъ.

— Да. Не будемъ больше говорить объ этомъ.

— Положимъ, я знаю по опыту, какой вы несговорчивый народъ. У васъ положительная страсть къ самоистребленію, и вы будете идти на проломъ до тѣхъ поръ, пока у васъ останется хоть капля крови. Фанатиковъ аргументами не проберешь. Они неизлѣчимы.

— „И ты, Брутъ, туда же?“ воскликнулъ Андрей съ горькой усмѣшкой. Я думалъ, что вы насъ лучше знаете. Фанатики, вы говорите! Я сомнѣваюсь, существуетъ ли такая порода во плоти и крови. Я, по крайней мѣрѣ, не встрѣчался съ ними на своемъ вѣку, а опыта, и еще какого разнообразнаго, у меня, кажется, достаточно. Нѣтъ, мы не фанатики, если уже допустить, что есть какой-нибудь смыслъ въ этомъ словѣ. Мы — благоразумные дѣловые люди, и жить хотимъ, увѣряю васъ, и вполнѣ способны оцѣнить всѣ радости жизни, если только при этомъ не приходится подавлять въ самомъ себѣ наше лучшее *я*.

— Да, протянулъ Рѣпинъ, но ваше лучшее *я* требуетъ такъ много для своего удовлетворенія. И если вы не можете этого получить, вы приходите въ неистовство, какъ дѣти, которыя требуютъ луны.

Онъ продолжалъ въ томъ же духѣ. Разсердившись на Андрея, онъ далъ волю накопившейся досадѣ и съ особеннымъ ожесточеніемъ напалъ на революціонеровъ.

Онъ говорилъ о безплодности ихъ усилій, о безразсудности вызововъ правительству, усиливающихъ деспотизмъ, противъ котораго они направлены, о томъ, что революціонеры дѣлаютъ совершенно невыносимой жизнь

всей образованной Россіи, которая, утверждалъ Рѣпинъ, тоже имѣетъ право на существованіе.

Вначалѣ Андрей защищался полушутя. Онъ привыкъ къ нападкамъ Рѣпина, но предметъ разговора былъ слишкомъ близокъ, чтобы не волновать его, и послѣднее обвиненіе его взорвало.

— Я знаю, сказалъ онъ, что ваша образованная, либеральная Россія очень заботится о своемъ правѣ на существованіе, а также и о своемъ комфортѣ. Было бы гораздо лучше для страны, если бы она поменьше объ этомъ заботилась.

— Такъ вы бы хотѣли, чтобы мы всѣ вышли на улицу и начали бросать бомбы во всѣхъ проходящихъ полицейскихъ? спросилъ иронически Рѣпинъ.

— Что за безсмыслица! горячился Андрей. Вамъ нѣтъ надобности бросать бомбы; боритесь своимъ собственнымъ оружіемъ. Но боритесь же, если вы люди! Будемъ бороться сообща. Тогда мы будемъ достаточно сильны, чтобы дать конечную битву самодержавію и низвергнуть его. Но пока вы ползаете и хныкаете, вы не имѣете права упрекать насъ за то, что мы не лижемъ бьющей насъ руки. Если, въ своемъ слѣпомъ бѣшенствѣ, правительство распространяетъ и на васъ преслѣдованія, вы можете разодрать свои одежды и посыпать головы пепломъ, но помните, что вамъ достается по заслугамъ. Нечего жаловаться, — это недостойно и совершенно безполезно; хотя бы вы охрипли отъ проклятій, упрековъ и просьбъ, мы не обратимъ на нихъ никакого вниманія.

— Кто говоритъ объ упрекахъ? сказалъ Рѣпинъ, нетерпѣливо махнувъ рукой. Лично, вы, можетъ быть, и правы, теряя разсудокъ вслѣдствіе исключительныхъ преслѣдованій. Но это могло бы служить оправданіемъ для отдѣльнаго преступника передъ судомъ присяжныхъ, а не для политической партіи передъ общественнымъ мнѣніемъ. Если вы хотите служить своей странѣ, вы должны умѣть сдерживать свои страстные порывы, когда они не могутъ привести ни къ чему, кромѣ пораженій и бѣдствій.

— Пораженій и бѣдствій! воскликнулъ Андрей. Увѣрены-ли вы въ этомъ? Отъ копѣечной свѣчи Москва сгорѣла, а мы бросили въ сердце матушки Россіи цѣлую головню. Никто не можетъ предвидѣть будущаго, или быть отвѣтственнымъ за то, что въ немъ скрывается. Мы дѣлаемъ, что можемъ, въ настоящемъ; мы показали примѣръ мужественнаго возстанія, которое никогда не пропадетъ для порабощенной страны. Скажу даже, что мы возвратили русскимъ самоуваженіе, спасли честь русскаго имени, которое перестало быть синонимомъ раба.

— Тѣмъ, что показали отсутствіе въ русскихъ способности къ чему бы то ни было, кромѣ мелкихъ нападеній на отдѣльныя личности? Этимъ, что-ли?

— А кто виноватъ? отпарировалъ Андрей, раздраженный тономъ Рѣпина. Никакъ не мы, а либеральная Россія, которая держится въ сторонѣ отъ борьбы за свободу, тогда какъ мы, ваши собственныя дѣти, боремся и погибаемъ тысячами.

Андрей не относилъ своихъ словъ лично къ Рѣпину, который скорѣе составлялъ исключеніе. Но по той или другой причинѣ, Рѣпинъ живо почувствовалъ упрекъ. Онъ молчалъ нѣсколько времени. Когда онъ снова заговорилъ, его голосъ и тонъ совершенно измѣнились.

— Допустимъ, что это такъ, сказалъ онъ — Мы, такъ называемое общество, всѣ трусы. Но такъ какъ вамъ насъ не передѣлать, вы должны признать это за фактъ русской жизни. Тѣмъ болѣе для васъ причинъ не биться головой объ стѣну.

— Наше положеніе не такъ еще безнадежно, отвѣчалъ смягчившійся Андрей. Мы разсчитываемъ не на одно общество и надѣемся, что оно тоже исправится современемъ, когда въ него вольется новая кровь. Не даромъ какой-то великій философъ сказалъ, что чѣмъ выше вы цѣните людей, тѣмъ меньше вы рискуете ошибиться въ своихъ ожиданіяхъ.

На это Рѣпинъ замѣтилъ, что, насколько онъ знакомъ съ философами, никто изъ нихъ не говорилъ ни-

чего подобнаго, а одинъ даже выразился въ совершенно противоположномъ смыслѣ.

— Въ такомъ случаѣ, имъ слѣдовало это сказать, отвѣтилъ Андрей. А если они не сказали, то они всѣ мѣднаго гроша не стоятъ.

Онъ взялъ шляпу и сталъ натягивать перчатки.

— Прощайте, Григорій Александровичъ, сказалъ онъ, не знаю, когда свидимся еще разъ.

Онъ ничего не могъ прибавить изъ опасенія выдать свою тайну.

Они попрощались сердечно, какъ и встрѣтились, и Рѣпинъ повторилъ Андрею, что его домъ и связи всегда къ его услугамъ, какъ только ему что-нибудь понадобится.

Андрей только кивнулъ головой, какъ бы давая знать, что понимаетъ и благодаренъ. Но на лицѣ у него промелькнуло странное выраженіе, смыслъ котораго Рѣпинъ разгадалъ только впослѣдствіи.

ГЛАВА IX.

Сонъ Андрея.

Андрей пошелъ не прямо домой. Ему нужно было зайти на конспиративную квартиру, гдѣ его ожидали не совсѣмъ пріятныя вѣсти. Сообщенія Рѣпина оказались совершенно вѣрны. Полиція рѣшила начать настоящую облаву на Андрея, и ей удалось узнать, что онъ скрывается гдѣ-то по другую сторону Невы. Это было очень досадно. Товарищи посовѣтовали ему не возвращаться домой и только дать знать Танѣ. Было бы очень обидно попасться въ руки полиціи именно теперь. Андрей понималъ это очень хорошо, но Танѣ нельзя было оставить квартиру внезапно въ его отсутствіе. Это показалось бы подозрительнымъ. Онъ предпочелъ сейчасъ же вернуться домой, съ тѣмъ чтобы завтра, рано утромъ, переѣхать обоимъ. Близкой опасности еще не было, а отъ нѣсколькихъ шпіоновъ всегда можно отдѣлаться.

Онъ взялъ извощика къ Гагаринскому перевозу, чтобы не заставлять ждать Таню. Была половина одиннадцатаго, когда онъ добрался до набережной. Прохожихъ оказалось мало въ такой часъ. Андрей взялъ лодку, и ему не трудно было убѣдиться, что онъ достигъ другого берега широкой рѣки, раньше чѣмъ кто-либо сталъ переправляться вслѣдъ за нимъ.

На другомъ берегу ему взяло больше времени, чѣмъ слѣдовало, чтобы подойти къ дому съ той стороны, гдѣ его не могли караулить. Изъ-за этого вышла задержка, и такъ какъ онъ обыкновенно былъ очень аккуратенъ, то Таня уже начала тревожиться. Когда онъ пришелъ, наконецъ, она ему такъ обрадовалась,

точно его возвращеніе означало для нея что-нибудь существенное и реальное.

— Зачѣмъ звалъ тебя отецъ? спросила Таня.

Андрей сообщилъ ей о предупрежденіи отца и друзей на конспиративной квартирѣ, вслѣдствіе чего слѣдовало немедленно переѣзжать. Они тотчасъ же принялись за укладку вещей, и на слѣдующее утро съ успѣхомъ совершили двойную операцію исчезновенія изъ числа живыхъ и возрожденія, подобно фениксу, изъ пепла на другомъ мѣстѣ.

Ихъ новое убѣжище было безопасно, насколько этого можно было добиться цѣлымъ рядомъ мельчайшихъ предосторожностей. Однако, Андрею и тутъ нельзя было долго оставаться. Полиція ничего не подозрѣвала о готовившемся покушеніи на царя; но охота, предпринятая на Андрея изъ-за его прежнихъ провинностей, не унималась. Это было очень скверно. Множество шпіоновъ знали его въ лицо. Онъ рисковалъ быть узнаннымъ и арестованнымъ на улицѣ, лишь только выйдетъ изъ дому. Съ другой стороны, оставаться безвыходно въ квартирѣ было тоже неосторожно, потому что тотчасъ же возбудило бы подозрѣнія.

Конспиративная квартира была самымъ лучшимъ мѣстомъ для такого драгоцѣннаго конспираторамъ человѣка, какъ Андрей. Его въ ней и водворили. Тамъ онъ былъ внѣ опасности со стороны полиціи и могъ сидѣть дома по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ, никѣмъ не замѣченный.

Такой переѣздъ означалъ, однако, немедленную разлуку съ Таней, и она ею страшно огорчилась, такъ какъ заговоръ далеко еще не былъ готовъ, и передъ ними оставалось еще нѣсколько дней или, можетъ быть, даже недѣль. Послѣдніе дни съ Андреемъ были ея сокровищемъ, которымъ она тѣмъ болѣе дорожила, чѣмъ меньше его оставалось въ запасѣ. Андрей, наоборотъ, скорѣе радовался такой перемѣнѣ.

Таня съ буквальною точностью выполняла обѣтъ, наложенный ею на себя въ то утро, когда онъ открылъ ей свою тайну. Ея бодрость и самоотверженіе не поки-

дали ея впродолженіе тяжелаго испытанія. Но она была такъ молода, такъ непривычна къ страданіямъ, и Андрей ясно видѣлъ, чего стоитъ ей этотъ нѣмой героизмъ. Видъ ея терзалъ ему душу, и онъ думалъ, что имъ обоимъ будетъ легче разстаться.

Онъ, поэтому, охотно принялъ приглашеніе перебраться на конспиративную квартиру на остальныя двѣ или три недѣли. Суровая, закаленная атмосфера этого мѣста была самая подходящая для него. Тутъ все было поглощено „дѣлами“. Въ качествѣ постояннаго обитателя, Андрею поручили нѣкоторыя обязанности, и онъ почувствовалъ себя на полѣ битвы, кипѣвшей кругомъ неустанно, безпрерывно. Онъ находился въ самомъ центрѣ, куда стекались свѣдѣнія со всѣхъ концовъ Россіи, — изъ тюремныхъ казематовъ, изъ крѣпостей, изъ сибирскихъ рудниковъ и изъ снѣжныхъ тундръ, — каждая почта приносила десятками исторіи разбитыхъ жизней, сумасшествій, самоубійствъ, смертей въ разныхъ видахъ, семейныхъ трагедій и жертвъ.

Мало было утѣшительнаго во всемъ этомъ, но оно, по крайней мѣрѣ, сводило его собственную трагедію къ ея истиннымъ размѣрамъ. Подобныя картины, безпрерывно проходившія передъ его глазами, не давали ему сосредоточиться на своемъ собственномъ и Танинимъ горѣ, какъ онъ это дѣлалъ прежде, когда оставался съ Танею вдвоемъ. Нервы его окрѣпли, онъ сталъ гораздо спокойнѣе. Онъ часто думалъ о Танѣ, но не съ такою болью, какъ прежде. Онъ даже увѣрилъ себя, что и ей стало легче.

Однажды, во время пребыванія Андрея на конспиративной квартирѣ, тамъ происходило дѣловое собраніе, на которомъ и онъ, и Таня присутствовали. Обсуждались обыкновенныя текущія дѣла. Спеціальное дѣло Андрея было въ рукахъ особой группы, собиравшейся въ другомъ мѣстѣ.

Таня принимала участіе въ собраніи, какъ и всѣ остальные, выслушивая пренія съ наружнымъ спокойствіемъ и подавая свой голосъ, когда нужно было. Увидѣвъ ее такой спокойной и сдержанной, Андрей обра-

довался, но не удивился. Онъ находилъ ея поведеніе вполнѣ разумнымъ съ точки зрѣнія конспиратора.

Когда собраніе кончилось, всѣ стали понемногу расходиться. Таня осталась. Она хотѣла провести вечеръ съ Андреемъ. Въ квартирѣ было много комнатъ, и имъ нетрудно было уединиться въ одной изъ нихъ. Но въ сосѣдней комнатѣ раздавались голоса и смѣхъ, ясно слышные сквозь запертую дверь. Они чувствовали себя неловко, и разговоръ не клеился. Они заговорили объ общихъ дѣлахъ, по поводу только-что кончившагося собранія, какъ будто ничего особеннаго не ждало ихъ лично въ близкомъ будущемъ. Иногда приходилось придумывать сюжетъ для разговора, чтобы не сидѣть молча, точно они были чужіе другъ другу. Не прошло и получаса, какъ это сдѣлалось до того нестерпимымъ Танѣ, что она поднялась и, задыхаясь, сказала, что ей нужно тотчасъ же уходить.

Андрей не удерживалъ ея.

— Скоро будетъ? спросила она передъ самымъ уходомъ.

— Да, сказалъ Андрей.

— Когда? переспросила она едва слышно, опуская глаза.

— Черезъ недѣлю, отвѣчалъ Андрей.

Еслибъ не было уже темно въ комнатѣ, онъ замѣтилъ бы, какъ ея лицо измѣнилось при этихъ словахъ. Она не думала, что такъ скоро! Но она не проронила ни слова, ничѣмъ не обнаружила, что она почувствовала и продолжала стоять въ дверяхъ, съ шляпой на головѣ. Потомъ она приблизилась къ нему, глаза ея сверкнули въ темнотѣ и, схвативъ его за руку, произнесла страстнымъ, взволнованнымъ шопотомъ:

— Я должна тебя увидѣть передъ.... Не какъ сегодня; не здѣсь, но тамъ, у насъ.... Приходи. Я не могу разстаться съ тобою такъ....

Онъ обѣщалъ придти, и она убѣжала, не сказавъ ни слова.

Андрей остался одинъ — взволнованный и встревоженный. Ея горячій шопотъ, ея горящіе глаза сразу

вышибли его изъ колеи и пробудили въ немъ жажду жизни, любви, счастья, которую, онъ думалъ, ему удалось подавить.... Онъ непремѣнно повидаетъ ее еще разъ! Онъ не можетъ не попрощаться съ нею, — теперь, менѣе чѣмъ когда-либо. Но ему хотѣлось бы скорѣе пережить это свиданіе, или еще лучше, чтобы актъ его самоуничтоженія совершился бы завтра, а не черезъ недѣлю.

Онъ не былъ рожденъ мученикомъ, — онъ слишкомъ хорошо это зналъ; тѣмъ менѣе былъ онъ способенъ причинить страданія даже нѣмой твари. Но страшная необходимость, надъ которой онъ былъ не властенъ, заставляла его теперь топтать свои собственныя чувства и свою жизнь приносить въ жертву.

Жоржъ тоже оставался на конспиративной квартирѣ послѣ собранія, — намѣреваясь тамъ переночевать. Когда, часъ спустя послѣ ухода Тани, онъ вошелъ со свѣчей въ комнату Андрея, чтобы звать его ужинать, то засталъ его лежащимъ въ раздумьѣ на кушеткѣ, съ закинутыми за голову руками.

Ночью Андрею привидѣлся странный сонъ — вѣроятно, вскорѣ послѣ того, какъ онъ легъ спать, а легъ онъ очень поздно. Онъ помнилъ, какъ мысли его становились все легче и легче, улетая вверхъ, какъ птицы, взвивавшіяся все выше и выше, пока онъ пересталъ ихъ ясно различать. Онъ смутно еще улавливалъ ихъ очертанія въ желтоватомъ туманѣ, носившемся надъ его головой. Затѣмъ онѣ вовсе исчезли, и онъ уже не видѣлъ ничего, кромѣ широкаго, обширнаго свода желтаго неба надъ безконечной песчаной равниной, по которой онъ шелъ. Ему тотчасъ же припомнилось, какъ непріятно человѣку лежать, когда его мысли разстроены, и онъ сказалъ самому себѣ, что очень радъ, что можетъ спать прогуливаясь. Люди говорятъ, что это невозможно, но они несомнѣнно ошибаются. Онъ сознавалъ очень хорошо, что спитъ и въ тоже время ходитъ.

Кругомъ виднѣлся лишь сѣрый песокъ съ разбросанными тамъ и сямъ скалами и каменьями, придававшими картинѣ еще болѣе печальный и дикій видъ. Темныя

и низкія облака быстро неслись по небу, хотя не было вѣтра. Нигдѣ не было видно признаковъ жизни; однако, дорога, тянувшаяся по печальной пустынѣ, была покрыта многочисленными людскими слѣдами. Андрей удивился, почему это онъ оказался одинъ на такой торной дорогѣ. Но вдругъ онъ почувствовалъ, что онъ не одинъ, — что онъ окруженъ толпой товарищей. Большинство было ему незнакомо, и ихъ лица представлялись въ блѣдныхъ, неясныхъ очертаніяхъ, какими люди обыкновенно кажутся, если глядѣть на нихъ съ платформы. Но онъ тотчасъ же различилъ между ними Бориса, Василія, а также Бочарова. Лица Бочарова нельзя было видѣть, потому что онъ былъ окутанъ саваномъ, съ длинными рукавами, связанными на спинѣ, и съ опущеннымъ капюшономъ. Но Андрей зналъ, что это былъ онъ. Другіе же двое были въ обыкновенной одеждѣ и строго на него смотрѣли.

— Наконецъ-то мы свидѣлись, дружище, сказалъ Борисъ. Небось, ты не ожидалъ такой встрѣчи? и онъ иронически усмѣхнулся.

„Онъ знаетъ все", подумалъ смущенный Андрей.

— Нѣтъ, я не разсчитывалъ увидѣть тебя, отвѣчалъ онъ громко, потому что я считалъ васъ всѣхъ умершими.

— Да, мы умерли, сказалъ Борисъ, только пришли къ тебѣ въ гости, и Зина шлетъ тебѣ письмо. Узнаешь Бочарова? Онъ нарядился для шутки въ саванъ. Но его узнать не трудно.

Съ этими словами онъ поднялъ капюшонъ савана, и Андрей увидѣлъ подъ нимъ свое собственное, страшно искаженное лицо. Кровь застыла въ немъ, и сердце замолкло отъ невыразимаго ужаса. Но пока онъ глядѣлъ на это лицо, оно превратилось опять въ лицо Бочарова, который сказалъ ему, весело подмигивая однимъ глазомъ: „Я пошутилъ!"

Андрей хотѣлъ замѣтить, что это не остроумная шутка, но не осмѣлился, потому что былъ напуганъ всѣми ими, и помнилъ, что возставшіе мертвецы — мстительный народъ. Онъ ограничился тѣмъ, что спросилъ Бориса: „Куда мы идемъ?"

— Къ молочнымъ рѣкамъ съ кисельными берегами, по ту сторону холма, отвѣчалъ Борисъ. Если ты сомнѣваешься, то вотъ этотъ старикашка объяснитъ тебѣ, какъ туда добраться, не нарушая законовъ россійской имперіи.

Андрей увидѣлъ старика Рѣпина, котораго онъ, къ своему удивленію, до того не замѣчалъ, одѣтаго въ черную мантію и касторовую шляпу съ широкими полями, какую носятъ факельщики на похоронныхъ процессіяхъ. Подъ мышкой у него было нѣчто вродѣ портфеля. Онъ шелъ прямо, впереди всѣхъ, не поворачивая головы, какъ человѣкъ, указывающій дорогу. Но въ слѣдующую минуту Андрей убѣдился, что это вовсе не Рѣпинъ, а царь Александръ Второй, собственной персоной.

Въ ту же минуту онъ вспомнилъ, что въ виду такого удобнаго случая, онъ обязанъ убить его, сейчасъ же, хотя и не въ назначенный срокъ.

— Заслуга останется за мной, а риску никакого, шепнулъ ему коварный голосъ.

Но у него не хватало мужества, и рука не слушалась. Онъ пробовалъ еще, и еще, съ страшными усиліями, но рука не двигалась съ мѣста. Онъ страдалъ невыносимо. Потомъ онъ сообразилъ, что вѣдь это сонъ и, слѣдовательно, никакого значенія не имѣетъ, убьетъ-ли онъ теперь царя или нѣтъ, потому что все равно придется опять это сдѣлать, когда онъ проснется. Онъ успокоился и, подойдя къ царю, сказалъ шопотомъ, такъ, чтобы другіе его не разслышали:

— Вы погибли, если васъ узнаютъ. Зачѣмъ вы, будучи въ живыхъ, явились сюда?

— Я? отвѣчалъ тотъ тоже шопотомъ. А зачѣмъ вы сами сюда пришли?

„Онъ правъ, подумалъ Андрей. Но намъ нужно замедлить шаги, чтобы дать тѣмъ опередить насъ“.

Не успѣла эта мысль сформулироваться въ его головѣ, какъ вдругъ вся толпа бросилась на него съ поднятыми руками, со скрежетомъ зубовъ и съ воплями:

„Предатель!“ А царь, оказавшійся Тарасомъ Костровымъ, схватилъ его за плечо.

Андрей вскрикнулъ и проснулся.

Въ сѣромъ полумракѣ ранняго утра Жоржъ склонился надъ нимъ и, съ безпокойствомъ всматриваясь ему въ лицо, толкалъ его въ плечо.

— Что случилось? Чего вамъ отъ меня нужно, бормоталъ Андрей, все еще подъ вліяніемъ своего сна.

— Тебѣ было очень скверно. Ты стоналъ, скрежеталъ зубами и кричалъ во снѣ. Я подумалъ, что лучше всего тебя разбудить.

— Мнѣ приснился отвратительный сонъ, сказалъ Андрей, придя въ себя. Я видѣлъ Бориса и Василія, и они обзывали меня предателемъ. Но хуже всего то, что я этого заслуживалъ.

— Вотъ это самое слово ты и выкрикивалъ, когда я сталъ тебя будить! воскликнулъ Жоржъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, такъ оно еще такъ еще не такъ обидно, замѣтилъ Андрей и разсказалъ ему про свой сонъ.

ГЛАВА X.

Прощаніе.

Приготовленія были почти кончены, и роковой день приближался. Заговорщики собирались ежедневно. Съ Андреемъ, въ качествѣ главнаго дѣятеля въ предстоящей драмѣ, надо было совѣтоваться обо всемъ. Но онъ только разъ пришелъ на собраніе и почти все время промолчалъ, весь погруженный въ свои думы, а затѣмъ онъ больше не показывался. Ему тяжело было выслушивать и обсуждать всевозможныя мелочи и соображенія, и онъ рѣшилъ, что не стóитъ изъ-за этого показываться на улицѣ и рисковать собою.

Онъ зналъ очень хорошо, что сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы покушеніе удалось. Ударъ деспотизму будетъ тѣмъ сильнѣе, если царь будетъ убитъ, или по крайней мѣрѣ раненъ. Оно было важно для партіи. Для революціонеровъ, покушеніе составляло самое главное, его же неизбѣжный арестъ и казнь уходили на задній планъ. Но въ его собственномъ мозгу вопросъ ставился совершенно иначе. Для него, самымъ существеннымъ было то, что онъ долженъ умереть. Покушеніе было дѣломъ второстепеннымъ, о которомъ онъ будетъ думать, когда очутится на мѣстѣ. А покамѣстъ онъ не могъ заставить себя интересоваться имъ. Онъ думалъ о своемъ; онъ готовился умереть. Остальное, какъ будто, его не касалось.

Странная вещь случилась съ нимъ на другой день послѣ собранія, на которомъ онъ видѣлся съ Таней. Вычищая и приготовляя револьверъ, которымъ онъ собирался стрѣлять въ царя, Андрей сломалъ пружину. Отдавать его въ починку было некогда, тѣмъ болѣе,

что подоспѣлъ какой-то праздникъ. Тогда одинъ изъ товарищей предложилъ ему свой револьверъ, аттестуя его необыкновенно мѣткимъ, и Андрей согласился на обмѣнъ, довѣрившись на слово; онъ ни разу не попробовалъ своего новаго оружія въ тирѣ или въ полѣ. Прежде онъ никогда бы не сдѣлалъ такой оплошности. Но теперь, всѣ его умственныя и нравственныя силы были такъ поглощены предстоявшею личною развязкою, что онъ слишкомъ мало обращалъ вниманія на все остальное.

Съ приближеніемъ рокового момента, этотъ эгоизмъ самопожертвованія становился все-поглощающимъ и все болѣе и болѣе повелительнымъ. Отвращеніе къ смерти такъ сильно коренится въ каждомъ человѣкѣ, что лишь немногіе могутъ преодолѣть его, даже въ моменты самаго сильнаго нравственнаго возбужденія; но никто не въ силахъ жить долгое время въ такомъ напряженіи. Чтобы бороться хладнокровно противъ такого могучаго инстинкта, чтобы подавлять его дни за днями въ самыхъ разнообразныхъ настроеніяхъ и противъ всѣхъ искушеній, необходимо, чтобы огонь энтузіазма поддерживался желѣзною силою разума.

Андрей, трезвый по натурѣ и сравнительно не легко воспламенявшійся, инстинктивно избѣгалъ всего, что̀ могло бы раздвоить или ослабить его энергію и помѣшало бы ему держать себя въ рукахъ. Онъ предвидѣлъ, чего ему будетъ стоить разставаніе съ Таней, и одно время хотѣлъ даже дать ей знать, что вовсе не придетъ. Лучше было бы для обоихъ, еслибы они избѣгли прощальнаго свиданія. Онъ не сомнѣвался, что она пойметъ его и проститъ. Но въ послѣднюю минуту онъ не выдержалъ. Онъ живо представилъ себѣ, какъ самъ будетъ раскаиваться потомъ, когда уже не будетъ возможности увидать ее. Она просила его придти! Къ чему же эти колебанія? Да, онъ долженъ, онъ хочетъ увидѣть еще разъ ея лицо, услышать еще разъ ея голосъ. Они оба знали очень хорошо, что неизбѣжнаго не миновать. Они не будутъ напрасно терзать другъ

друга. Съ своей стороны, онъ рѣшился перенести свиданіе какъ можно спокойнѣе.

Это рѣшеніе, вѣроятно, было причиной нѣкоторой сдержанности и неподвижнаго выраженія лица, съ какимъ онъ черезъ три дня явился къ Танѣ.

Было утро.

Особенность ея новаго жилища состояла въ томъ, что Андрей могъ навѣщать ее либо утромъ, либо вечеромъ, когда смеркнется. Онъ выбралъ утро.

Таня бросилась къ нему на встрѣчу, но остановилась, пораженная и испуганная каменнымъ выраженіемъ его лица, котораго она прежде никогда не замѣчала. Но что до того! Она бросилась къ нему на шею, ласкала его, заглядывала съ любовью въ его глаза, рѣшившись разсѣять нависшее надъ нимъ черное облако.

— Отчего ты не пришелъ вчера и третьяго дня? сказала она съ нѣжностью. Я ждала тебя. Ты бы могъ хоть разъ отложить предосторожность въ сторону для меня... не могла она удержаться отъ легкаго упрека.

Но она поспѣшила ослабить его дѣйствіе улыбкой. Слова эти вырвались невольно. Ей было такъ обидно, что Андрей, какъ ей казалось, небрежно отнесся къ ея послѣдней просьбѣ.

Андрей покачалъ головой и сказалъ, что не избытокъ осторожности помѣшалъ ему.

Онъ огорчился, что Таня такимъ мотивомъ объясняла его поведеніе. Но къ чему доказывать, разъяснять? Зачѣмъ говорить ей о своей внутренней борьбѣ!

— Твое дѣло? догадалась Таня.

Онъ молча кивнулъ головой.

Тутъ она поняла, что все близится къ концу и что это уже, навѣрно, ихъ послѣднее свиданіе. Она опустила голову. Но ея короткій вопросъ былъ для Андрея толчкомъ, отъ котораго вагонъ самъ катится по рельсамъ. Онъ заговорилъ о покушеніи.

— Все рѣшено, наконецъ, и все устроено, какъ нельзя лучше, сказалъ онъ; успѣхъ обезпеченъ.

Онъ продолжалъ въ томъ же родѣ, какъ будто это было самымъ пріятнымъ сюжетомъ для ихъ бесѣды.

Онъ пустился въ описаніе мельчайшихъ подробностей плана, объясняя ей, какъ онъ постарается прорваться сквозь цѣпь шпіоновъ, окружающихъ царя со всѣхъ сторонъ во время его утренней прогулки вокругъ дворца; какъ онъ будетъ держаться въ сторонѣ до послѣдней минуты, и къ какимъ уловкамъ прибѣгнетъ, чтобы его не арестовали раньше появленія царя.

Таня отодвинулась немного и смотрѣла на него съ широко раскрытыми глазами. Она не слушала его, — она только наблюдала за нимъ съ удивленіемъ. Чѣмъ дальше Андрей распространялся, тѣмъ сильнѣе росло ея изумленіе. Зачѣмъ онъ разсказываетъ ей все это? Казалось, и ему самому оно неинтересно, потому что говорилъ онъ сухо и монотонно. Лицо его хранило тоже каменное выраженіе, которымъ она такъ была поражена, когда онъ вошелъ; только оно еще рѣзче обозначилось. Она не узнавала своего Андрея. Этотъ человѣкъ былъ чужимъ для нея.

„Они его тамъ подмѣнили!“, внутренно говорила она себѣ, между тѣмъ какъ его разсказъ непріятно рѣзалъ ея слухъ. Ни слова любви, симпатіи, ни ласкового взгляда! И это — въ ихъ послѣднее свиданіе, передъ тѣмъ, какъ разстаться навсегда, — послѣ той любви, какою они жили!

„Да, да, они его подмѣнили! Это не мой Андрей... Мой былъ другимъ человѣкомъ...“ повторяла она, кусая засохшія губы и глотая слезы, чтобы окончательно не потерять самообладанія.

Его разсказъ и объясненія раздражали ее. Наконецъ, она не выдержала.

— Да ну его, вашего царя, со всѣми вашими хитростями и вашими часовыми! вскрикнула она въ негодованіи.

— Таня! произнесъ онъ съ огорченіемъ.

Въ своемъ отчаяніи она схватилась за голову. Ужасно было, такъ обращаться съ нимъ въ такую минуту.

— Прости меня! промолвила она и, схвативъ его руку, припала къ ней головой. — Я сама не знаю, что говорю.

Она оставалась все въ томъ же положеніи, склонясь надъ его стуломъ. Волосы упали ей на лицо, ея губы были раскрыты, она тяжело дышала.

Андрей думалъ, что она плачетъ, и сердце его разрывалось на части. Но — какъ могъ онъ ее утѣшить? Что могъ онъ ей сказать, что̀ не было бы блѣдно и мелко, что́ не вышло бы профанаціей ея великаго горя? Онъ съ нѣжностью гладилъ ее по головѣ и старался привести въ порядокъ ея волосы.

Когда она подняла голову, онъ увидалъ, что она не плакала. Глаза ея были сухи и горѣли лихорадочнымъ огнемъ. Она пристально посмотрѣла на него и отвернула голову, ломая руки.

Она знала, что онъ сейчасъ уйдетъ, и что умри она тутъ же на мѣстѣ отъ разрыва сердца или разбей себѣ голову объ стѣну, все равно — ничѣмъ его не удержишь; не удержишь его даже на оставшіеся три дня, которые онъ могъ бы ей подарить! Въ камнѣ оказалось бы больше состраданія, чѣмъ въ немъ. Онъ только почувствовалъ бы къ ней презрѣніе за ея слабость, еслибъ она обмолвилась хоть однимъ словомъ объ этомъ! Зачѣмъ же онъ и вовсе пришелъ?

Андрей всталъ.

— Прощай, моя дорогая! прошепталъ онъ, протягивая къ ней руки.

Она вздрогнула, какъ будто услышала нѣчто совершенно неожиданное.

— Нѣтъ, нѣтъ, погоди! воскликнула она съ испугомъ. Погоди! повторила она громче, умоляющимъ голосомъ.

Онъ притянулъ ее къ себѣ и сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Прощай! повторилъ онъ. Пора... Таня, моя голубка, моя родная, вырвалось изъ самыхъ нѣдръ его души. — Какъ бы мы могли быть счастливы съ тобою!

Она посмотрѣла ему въ глаза и узнала, наконецъ, своего Андрея, любимаго, котораго она такъ обидѣла въ своихъ мысляхъ! Она вернула его себѣ, чтобы еще

мучительнѣе почувствовать, что сейчасъ же и безповоротно его потеряетъ.

Она почти лишилась сознанія отъ боли. Неужели это правда?.. Это невозможно... Любить, какъ они любили другъ-друга, и вдругъ — отпустить его, прямо на смерть... Но жить безъ него она не можетъ. Онъ — ея жизнь, онъ — свѣтъ ея души. Не ея вина, что онъ сталъ для нея всѣмъ на свѣтѣ...

— Послушай, Андрей, вскричала она. Ты — мой. Ты самъ мнѣ это говорилъ, и я не пущу тебя. Не пущу! Слышишь?

Слова ея представлялись ея разстроенному уму вполнѣ логичными, неопровержимыми.

Но тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ, пальцы, вцѣпившіеся въ его руку, разжались. Она наклонила голову и опустилась въ кресло, блѣдная, истомленная, съ закрытыми глазами и махнула ему рукой, чтобъ онъ уходилъ.

Было на свѣтѣ нѣчто болѣе великое, для котораго они дали обѣтъ пожертвовать всѣмъ: жизнью, сердцемъ, помыслами, счастьемъ.

Она отдавала его и только просила, чтобы онъ ушелъ поскорѣе, и чтобы она не видѣла, какъ онъ выйдетъ.

Но теперь ему было труднѣе разстаться съ нею, чѣмъ еслибы она ухватилась за него руками. Онъ упалъ къ ея ногамъ, цѣловалъ ей руки, лицо, глаза, въ припадкѣ дикаго, страстнаго порыва.

— Уходи! Не могу выносить долѣе... Мнѣ лучше теперь. Уходи скорѣе!

Онъ черезъ силу оторвался отъ нея и побѣжалъ, точно всѣ фуріи гнались за нимъ вслѣдъ. Глаза его затуманились, и онъ съ трудомъ видѣлъ передъ собою; голова его шла кругомъ, улица кружилась передъ нимъ.

Таня не слыхала, какъ онъ вышелъ. Но звукъ хлопнувшей выходной двери долетѣлъ до нея. Какъ человѣкъ, оглушенный ударомъ въ голову, приходитъ въ себя отъ прикосновенія раскаленнаго желѣза, такъ Таня встрепенулась при этомъ звукѣ и рванулась къ окну, въ надеждѣ еще разъ увидать Андрея.

Но онъ уже скрылся за воротами. Ушелъ, ушелъ на-

всегда! Онъ былъ живъ еще, но для нея онъ погибъ, и все, казалось, рухнуло для нея въ этой страшной, неестественной, непостижимой потерѣ. Она не могла долѣе бороться со своимъ горемъ. Побѣжденная, она закрыла лицо руками, упала на кушетку и залилась горячими, неудержимыми слезами. Ей казалось, что она жизнь свою выплачетъ слезами. Она бы не повѣрила, что у нея такой запасъ слезъ. Онѣ лились между пальцами, обливая ей руки, покрывая мокрыми пятнами подушку, между тѣмъ какъ все ея тѣло дрожало, и грудь разрывалась отъ конвульсивныхъ, безумныхъ рыданій. Ея любовь, ея молодость, ея жизнь, все было разбито и погружено въ черную пустоту, обрушившуюся на нее.

Дѣло! Россія! Они не существовали для нея въ эту минуту. Она думала только о себѣ, о своемъ несчастіи! — безконечномъ, безмѣрномъ, которое будетъ длиться до послѣдняго ея издыханія...

Оставимъ ее съ ея горемъ. Ея припадокъ отчаянія пройдетъ — не сегодня и не завтра — но со временемъ, и сдѣлаетъ изъ нея другую женщину. Она не была бы такъ подавлена, еслибъ ей пришлось пройти черезъ это испытаніе нѣсколькими годами позже. Но ей выпало на долю начать съ самаго тяжелаго.

———

ГЛАВА XI.

Послѣдняя прогулка по городу.

Великій день насталъ. Съ самаго разсвѣта Андрей уже не спалъ, а только дремалъ, просыпаясь каждые четверть часа изъ боязни опоздать.

Полоса яркаго свѣта, врывавшаяся въ прорѣху шторы, играла на стѣнѣ противъ кушетки, предвѣщая великолѣпную погоду. По его разсчетамъ, ему слѣдовало встать, когда свѣтлая полоса достигнетъ угла коммода. Но онъ предпочелъ подняться раньше.

Онъ снялъ постельныя принадлежности съ кожаной кушетки, служившей ему вмѣсто кровати за время его пребыванія въ конспиративной квартирѣ, аккуратно сложилъ ихъ и спряталъ въ желтый коммодъ, стоявшій у стѣны.

„Сегодня я буду почевать въ крѣпости, если меня не убьютъ на мѣстѣ", сказалъ онъ самому себѣ.

Слова эти онъ произнесъ самымъ простымъ, обыкновеннымъ голосомъ, какъ будто рѣчь шла о погодѣ.

Задвинувъ ящикъ коммода, онъ поднялъ обѣ шторы оконъ.

Онъ былъ въ это утро въ какомъ-то особенномъ настроеніи, столь же далекомъ отъ унылой покорности, какъ и отъ экзальтированности, и вообще отъ какой бы то ни было страстности. Онъ впалъ въ равнодушно-холодное состояніе души человѣка, покончившаго всѣ счеты съ жизнью, — которому нечего болѣе ждать впереди, нечего бояться и нечѣмъ подѣлиться съ другими. Правда, ему предстояло еще совершить свой подвигъ. Но, такъ много препятствій уже удалось преодолѣть на пути, что то немногое, что оставалось сдѣ-

лать, казалось ему до такой степени несомнѣннымъ и неизбѣжнымъ, что онъ считалъ его почти совершившимся.

Будучи еще въ живыхъ и въ полномъ обладанiи нравственныхъ и физическихъ силъ, онъ въ тоже время испытывалъ странное, но совершенно реальное ощущенiе, что онъ уже умеръ, и смотритъ на себя, на всѣхъ близкихъ и на весь мiръ съ ровнымъ, нѣсколько сострадательнымъ спокойствiемъ посторонняго наблюдателя.

Вся его жизнь ясно представилась ему въ мельчайшихъ подробностяхъ — каждая изъ нихъ въ соотвѣтственной перспективѣ. Онъ подумалъ о Танѣ, о друзьяхъ, оставляемыхъ за собою, о партiи, о Россiи, но съ такимъ спокойнымъ, безстрастнымъ чувствомъ, какъ будто все, связывавшее его съ жизнью, отошло на громадное разстоянiе. Теперь въ немъ не было и слѣда тѣхъ горячихъ, волнующихъ порывовъ, какими душа его была полна въ Дубравникѣ, и онъ радовался этому. Онъ зналъ, что, когда все кончится для него и когда, безъ страха и злобы, онъ завершитъ дѣло своей жизни и станетъ, наконецъ, лицомъ къ лицу съ великою торжественностью смерти, то снова переживетъ тѣ прекрасныя, возвышающiя духъ чувства, и онѣ поддержатъ его въ послѣднемъ испытанiи. Но покуда, онъ подавлялъ въ себѣ горячiе порывы, какъ только они загорались. Ему необходимо было сохранить все свое хладнокровiе и самообладанiе. Холодная, несокрушимая воля, выкованная желѣзной необходимостью, больше всего нужна была ему въ данную минуту.

Онъ былъ одѣтъ и совершенно готовъ, когда дверь тихонько отворилась и вошелъ Ватажко. Онъ прiѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ партiи и, между прочимъ, принялъ на себя небольшую функцiю въ предстоявшемъ дѣлѣ. Какъ временный посѣтитель, Ватажко тоже поселился въ конспиративной квартирѣ и спалъ въ сосѣдней комнатѣ. Онъ давно былъ уже на ногахъ, и ждалъ часа, когда нужно будетъ разбудить Андрея, на случай, еслибы онъ проспалъ.

— Вы уже встали! воскликнулъ онъ вмѣсто привѣтствiя.

Ватажко имѣлъ серьезный видъ, но въ то же время казался смущеннымъ. Ему очень хотѣлось провести лишніе полчаса въ обществѣ Андрея, но онъ боялся, что ему, можетъ быть, непріятно его присутствіе.

Андрей, не произнося ни слова, дружески кивнулъ ему головой. Онъ почти не замѣчалъ впившагося въ него глазами молодого человѣка. Ватажко представлялся ему какой-то тѣнью.

— Одинъ изъ вашихъ часовыхъ, нерѣшительно заговорилъ Ватажко, спрашиваетъ, можно-ли ему придти проститься съ вами теперь, такъ какъ этого не удастся, когда вы оба будете на мѣстѣ дѣйствія. Онъ говоритъ, что знакомъ съ вами и надѣется, что не потревожитъ васъ.

— Нисколько. Я очень радъ съ нимъ повидаться, отвѣчалъ Андрей по товарищескому чувству, хотя лично онъ оставался такъ безучастенъ, что даже не спросилъ, какъ зовутъ часового. Лишь послѣ нѣкоторой паузы онъ замѣтилъ свою оплошность, и спросилъ, кто онъ такой.

— Зацѣпинъ, отвѣчалъ Ватажко. Вы съ нимъ познакомились, когда онъ уѣзжалъ заграницу, а вы возвращались въ Россію.

— Ахъ, да! сказалъ Андрей.

Онъ вспомнилъ переправу черезъ границу, нѣмецкую гостинницу, шумные споры; но — какъ далеко все это отошло теперь!

Зацѣпинъ явился немного спустя. Сначала онъ велъ себя сдержанно подъ впечатлѣніемъ необыкновенныхъ обстоятельствъ ихъ встрѣчи. Но къ нему скоро вернулась его обычная живость, громкая рѣчь и жестикуляція стараго вояки. Въ наружности и обхожденіи Андрея не было ничего, внушающаго сдержанность и торжественность; онъ только имѣлъ болѣе задумчивый и разсѣянный видъ, чѣмъ обыкновенно.

Они вспомнили про свою встрѣчу на границѣ, заговорили про Вуличъ, Давида и даже Острогорскаго. Зацѣпинъ вернулся въ отечество три мѣсяца тому назадъ черезъ южную границу. Такъ какъ бóльшую часть

времени онъ провелъ въ Одессѣ, то Андрей сталъ разспрашивать его про тамошнихъ революціонеровъ — Левшина, Клейна и другихъ. Что ему было до нихъ теперь? и онъ мысленно улыбался своему собственному любопытству. Но онъ испытывалъ какое-то странное удовольствіе отъ совершенно безполезныхъ ему свѣдѣній; оно походило на бросаніе камней въ глубокую пропасть, откуда не отдаются назадъ даже звуки паденія.

Они говорили обо всемъ, но ни разу не коснулись дѣла, на которое имъ всѣмъ нужно было двинуться черезъ нѣсколько минутъ. Неминуемость чего-то необыкновеннаго проявлялась лишь нѣкоторыми остановками и перерывами въ разговорѣ. За чаемъ Зацѣпинъ разсказалъ Ватажко, какъ дворникъ принялъ его за полицейское начальство, изъ-за его военной выправки и повелительнаго голоса. Оба разсмѣялись. Андрей слабо улыбнулся. Онъ выпилъ чаю и съѣлъ кусочекъ хлѣба, „по принципу", памятуя связь между духомъ и тѣломъ.

По поводу Зацѣпинской исторіи, Ватажко въ свою очередь сталъ несвязно разсказывать какъ-разъ нѣчто подобное, случившееся съ нимъ.

— Пора! прервалъ его Андрей на полусловѣ, взглянувъ на часы. Они тотчасъ же замолкли и съ серьезными лицами поднялись со своихъ мѣстъ. Они попрощались скоро и просто. Имъ всѣмъ было не до словъ. Оба товарища расцѣловались съ Андреемъ.

— Желаю тебѣ успѣха, братъ! сказалъ Зацѣпинъ, обращаясь къ нему на *ты* въ первый и послѣдній разъ.

Ватажко съ Зацѣпинымъ вышли на черную лѣстницу, по которой они могли спуститься незамѣченными. Андрей оставался еще дома, такъ какъ ему нужно было прождать еще минутъ двадцать. По условленному плану, ему предстояло явиться послѣднимъ на поле дѣйствія, чтобы по возможности не подвергаться риску: его могли бы замѣтить и постыдно схватить, прежде чѣмъ онъ успѣетъ что-нибудь сдѣлать.

Оставшись одинъ, Андрей почувствовалъ себя легче, чѣмъ на глазахъ у товарищей. Его не огорчало, что никто больше не являлся съ нимъ прощаться. Но онъ

все еще не въ состояніи былъ сосредоточиться. Несвязные обрывки мыслей и безпорядочныя воспоминанія кружились въ его головѣ съ такой лихорадочной быстротой, что у него окончательно пропала способность считать время. Каждыя двѣ минуты онъ смотрѣлъ на часы, вполнѣ убѣжденный, что ему уже пора двигаться, и каждый разъ приходилъ въ изумленіе, что время такъ медленно идетъ. Еслибы не движеніе секундной стрѣлки, онъ бы подумалъ, что его часы остановились.

Когда стрѣлка достигла, наконецъ, назначеннаго предѣла, онъ надѣлъ шляпу и вышелъ на улицу изъ дома на свою послѣднюю прогулку по городу. Ему, еще разъ, придется прогуляться по улицамъ... Но не пѣшкомъ, а на колесницѣ.

Онъ быстро повернулъ за уголъ Екатерининской площади, гдѣ находилась конспиративная квартира, чтобы какъ можно скорѣе отрѣзать всякое сообщеніе съ домомъ, въ которомъ онъ жилъ. Потомъ онъ замедлилъ шаги и пошелъ обыкновенной походкой, разглядывая широкую полосу неба, простиравшуюся вдоль улицы, надъ его головой.

Вѣчно-спокойное, безсмертное солнце ярко свѣтило на своемъ пути къ зениту, разливая потоки благодатнаго свѣта на хлопотливый, дѣловой городъ, на плодоносную землю и на глупыхъ драчливыхъ людей. Неизмѣнное, непорочное, оно смотрѣло, какъ любящее, широко раскрытое око, удивляясь неспособности своихъ любимыхъ дѣтей сдѣлать лучшее употребленіе изъ теплоты, радости и жизни, проливаемыхъ имъ.

Тонкія бѣлыя облака, похожія на расчесанную шерсть, плыли въ глубинѣ лазурнаго свода. Воздухъ былъ неподвиженъ и прозраченъ. Выпалъ одинъ изъ немногихъ прекрасныхъ весеннихъ дней, такъ скупо удѣляемыхъ природой сѣверной столицѣ, и которыми такъ дорожатъ ея обитатели. Андрею тоже было пріятно созерцаніе чуднаго яснаго неба: онъ зналъ теперь, что прогулка царя не будетъ отложена изъ-за дурной погоды.

Для него, это обстоятельство имѣло большое значеніе, такъ какъ за нѣсколько дней конспираторы были

извѣщены, что въ предполагавшихся передвиженіяхъ двора произошла неожиданная перемѣна. Царь собирался въ свое лѣтнее путешествіе раньше обыкновеннаго и могъ выѣхать изъ города черезъ два или три дня. Въ данномъ случаѣ, подобный день былъ чистая находка.

Разстояніе до Дворцовой Площади, на которой должно было совершиться нападеніе на царя, было довольно значительное. Но Андрей предпочелъ пройти его пѣшкомъ, такъ какъ это давало ему больше независимости отъ разныхъ случайностей. Онъ легко могъ разсчитать свои шаги такъ, чтобы не придти ни одной минутой раньше, ни одной минутой позже. Кромѣ того, какъ пѣшеходъ, онъ меньше обратилъ бы вниманія, при приближеніи къ мѣсту царской прогулки, которое обыкновенно охранялось множествомъ шпіоновъ.

Андрей прошелъ Лафонскую улицу, Преображенскій плацъ и конецъ Таврической улицы, частью съ людскимъ потокомъ прохожихъ, частью противъ него. Равнодушно воспринималъ онъ впечатлѣнія лицъ, — молодыхъ, старыхъ, веселыхъ, угрюмыхъ; лошадей, каретъ, лавокъ, полицейскихъ — и все моментально забывалъ, какъ только проходилъ мимо, стараясь лишь идти извѣстнымъ размѣреннымъ шагомъ. Такимъ образомъ онъ достигъ угла Таврическаго сада, гдѣ случайная встрѣча съ двумя совершенно незнакомыми ему лицами окончательно нарушила его душевное равновѣсіе и внесла цѣлую бурю въ его сердце, которое, казалось ему, было застраховано отъ подобныхъ треволненій.

Эти чужіе ему люди, такъ некстати попавшіеся на встрѣчу, были молодая дѣвушка и юноша, изъ учащейся молодежи, — по всему судя, влюбленные. Они вышли изъ Греческой улицы и, бесѣдуя, шли рука объ руку вдоль рѣшетки Таврическаго сада. Они улыбались и съ любовью смотрѣли другъ-другу въ глаза. Молодой человѣкъ, тихимъ голосомъ, говорилъ дѣвушкѣ, очевидно, что-то очень нѣжное, судя по ея сіяющему лицу. Они шли медленно, почти нехотя, подъ бременемъ счастья, не обращая вниманія ни на что окружающее.

Но Андрей не могъ оторвать глазъ отъ этой дѣвушки: она была такъ поразительно похожа на его Таню. Ростомъ она была немного выше, и нижняя часть ея лица была нѣсколько тяжелѣе; но цвѣтъ лица и особенно посадка головы, продолговатыя брови, напоминавшія расправленныя крылья птицы, и нѣчто такое, что придаетъ индивидуальность лицу и всей фигурѣ, были Танины. Она была даже одѣта въ темно-синее, любимый цвѣтъ Тани.

Андрей дорого бы далъ, чтобы заглянуть ей въ глаза! Онъ былъ увѣренъ, что они будутъ точь въ точь тѣ глаза, которыхъ ему не суждено больше увидѣть. Но лицо дѣвушки было обращено къ нему въ профиль, и она ни разу не взглянула въ его сторону. Она, тѣмъ не менѣе, очаровала его и растопила его сердце, пробудивъ въ немъ чувства и воспоминанія, которыя, думалъ онъ, заснули въ немъ вѣчнымъ сномъ. Суровое настроеніе человѣка, идущаго на встрѣчу роковой судьбѣ, не устояло противъ этого видѣнія. Его застывшее сердце снова забилось горячей человѣческой любовью, когда онъ мысленно посылалъ вослѣдъ милой дѣвушкѣ пожеланія счастья въ жизни и избавленія отъ ударовъ, которые выпали на долю ея сестрѣ.

Дѣвушка шла, улыбаясь, и краснѣя и вовсе не подозрѣвая, какія ощущенія она вызвала въ незнакомомъ, мимо котораго она промелькнула. Оба повернули за уголъ и исчезли. Но Андрей не такъ скоро совладалъ съ собою. Ледяная кора, которою ему удалось, благодаря усиліямъ воли, покрыть всѣ свои чувства, взломалась, и цѣлое море горечи и озлобленія вырвалось наружу. Онъ не въ силахъ былъ одолѣть его и снова заковать его льдомъ. Образъ Тани стоялъ передъ нимъ, уже не въ видѣ далекой тѣни, но полный тепла и жизни, страданій, любви и красоты — также близко и также реально, какъ и та дѣвушка, которая только-что прошла мимо него.

Что съ нею, бѣдною, теперь? Что будетъ съ нею сегодня ночью, когда то, на что онъ идетъ, станетъ совершившимся фактомъ? Какъ перенесетъ она ударъ,

когда онъ погибнетъ? Мысли, одна другой печальнѣе, овладѣли имъ, и онъ чувствовалъ себя беззащитнымъ.

Зачѣмъ они полюбили другъ-друга? Зачѣмъ они встрѣтились?... Поплатиться такъ жестоко за нѣсколько мѣсяцевъ счастья!... Картины прошлаго, одна за другой, выростали въ его воображеніи во всей своей прелести, во всей своей мучительности. Ихъ любовь; это лицо, эти глаза, горящіе, казалось, безконечнымъ счастьемъ.... А потомъ — то же лицо, искаженное мукой послѣдняго свиданія!

Андрей механически шелъ своей настоящей дорогой, но мысли его были далеко. Поглощенный ими, онъ не замѣтилъ, что пѣшеходы, которыхъ онъ до того опережалъ своимъ скорымъ, хотя и не торопливымъ шагомъ, теперь обгоняли его. Безсознательно онъ замедлилъ ходъ. Онъ миновалъ Таврическій садъ, прошелъ длинную Кирочную и часть Литейной, и только у Пантелеймоновской церкви у него мелькнула мысль, что онъ какъ будто идетъ медленнѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Онъ посмотрѣлъ на часы, и кровь застыла въ его жилахъ; сердце перестало биться на секунду отъ ужаснаго открытія: онъ опоздалъ! — Оставалось всего три минуты, а ему еще предстояло пройти съ версту! Царь можетъ назначить выѣздъ па завтра, и тогда онъ уже не выйдетъ на прогулку!

Любовь, жалость, мечты, печали — все было сразу отброшено и исчезло во мгновеніе ока, какъ стая воробьевъ исчезаетъ съ хлѣбнаго поля, когда въ нихъ кинутъ камнемъ. Весь блѣдный, Андрей бросился впередъ, толкаемый и мучимый ужасною мыслью, что онъ все погубилъ своею глупою сентиментальностью. Онъ предпочелъ бы бѣжать, но это обратило бы на него вниманіе полиціи. Впередъ, впередъ! — Онъ продолжалъ идти, но зашагалъ съ такой быстротой, что опережалъ извощиковъ, проѣзжавшихъ по мостовой. Онъ пронесся стрѣлой по Пантелеймоновской улицѣ, черезъ мостъ, мимо Лѣтняго сада, не чувствуя ни малѣйшей усталости. Страхъ, казалось, удвоилъ его силы; но это была только иллюзія; ужасъ, терзавшій его и

заставившій усиленно биться его сердце, на короткое время поднялъ было его силы; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подкашивалъ ихъ. Когда Андрей проходилъ Марсово Поле, то почувствовалъ, что у него захватываетъ духъ. Но — впередъ, впередъ! Онъ можетъ еще поспѣть, царь иногда опаздываетъ на нѣсколько минутъ. И онъ снова ринулся, удвоивая усилія, чтобы идти тѣмъ же скорымъ шагомъ....

Онъ задыхался. Въ груди у него кололо, какъ будто она была пронизана сотнею иголъ. Каждые нѣсколько шаговъ стоили ему все бо̀льшихъ и бо̀льшихъ усилій.

Физическое ощущеніе, испытываемое имъ въ этомъ бѣшеномъ бѣгѣ, сразу напомнило ему другой случай изъ его юныхъ дней, когда онъ мчался, преслѣдуемый по пятамъ, черезъ лѣса и болота, и лошадь пала подъ нимъ, а его спасеніе зависѣло отъ того, достигнетъ-ли онъ города раньше своихъ преслѣдователей. Но и тогда, въ погонѣ за свободою и жизнью, онъ на-половину не такъ стремился достичь своей цѣли, какъ теперь, въ бѣшеной погонѣ за смертью. Но ему некогда было заниматься сравненіями и контрастами. — Впередъ, впередъ! — Онъ быстро перешелъ Марсово Поле, насколько позволяли ему падавшія силы. Онъ не смотрѣлъ уже болѣе на часы, чтобы не терять ни секунды драгоцѣннаго времени, но онъ слишкомъ хорошо зналъ, что онъ опоздалъ. И все-таки, онъ мчался съ нечеловѣческой энергіей. — Впередъ, впередъ! — Всего оставалось пройти еще двѣ улицы. Но уже земля уплывала подъ нимъ, и ноги его дрожали. Ему оставалось одно: либо замедлить шаги, либо грохнуться о-земь и быть подобраннымъ полиціей, какъ пьяный. Да и какой смыслъ имѣло бы ворваться въ цѣпь шпіоновъ, напоминая собою человѣка, только-что сбѣжавшаго изъ сумасшедшаго дома?

Онъ пошелъ медленнѣе. Когда онъ свернулъ въ узкій переулокъ около дворца, гдѣ Ватажко поджидалъ его, онъ имѣлъ уже сдержанный и приличный видъ, хотя въ душѣ его были смерть и отчаяніе. Онъ не сомнѣ-

вался долѣе, что все дѣло пропало изъ-за него — онъ прочелъ это на разстроенномъ лицѣ своего часового.

— Что? Опоздалъ? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ, заранѣе предвидя отвѣтъ.

— Нѣтъ, но я этого опасался, сказалъ Ватажко. Царь дѣлаетъ сегодня болѣе длинную прогулку по случаю хорошей погоды.

Андрей вздохнулъ съ облегченіемъ. Слова Ватажко привели его въ себя и почти уничтожили усталость, вызванную скорѣе нравственнымъ напряженіемъ, чѣмъ физическимъ.

— Ничего такого не случилось, что́ васъ задержало? справился Ватажко.

— Ничего рѣшительно, сказалъ Андрей. Я буду ждать здѣсь на скамьѣ, прибавилъ онъ, указывая на каменное сидѣнье возлѣ тротуара. Ступайте и пустите въ ходъ часовыхъ.

Оставшись одинъ, Андрей поднялъ вверхъ правую руку. Онъ хотѣлъ убѣдиться въ ея твердости. „Не совсѣмъ!“ Пальцы немного дрожали. Онъ подождалъ немного и, нѣсколько минутъ спустя, поднялъ ее снова. Онъ убѣдился теперь, что рука больше не дрожитъ.

Онъ былъ совершенно готовъ и спокойно ждалъ.

Еще нѣсколько минутъ прошло, и онъ увидѣлъ высокую фигуру Зацѣпина, медленно направлявшагося къ нему. Андрей поднялся ему на встрѣчу. Зацѣпинъ долженъ былъ сообщить окончательный сигналъ къ дѣйствію.

Лицо Зацѣпина было торжественно и даже печально. Когда они очутились совсѣмъ близко другъ къ другу, онъ устремилъ на Андрея многозначительный и въ то же время почтительный взглядъ, сдѣлавъ головою утвердительный кивокъ, похожій на поклонъ.

— Говорите! произнесъ Андрей.

Онъ понялъ, что сообщеніе было благопріятное, но въ такую серьезную минуту ему захотѣлось услышать что-нибудь еще болѣе утвердительное.

— Царь вышелъ на свою обычную прогулку, прошепталъ Зацѣпинъ.

Андрей кивнулъ головой и двинулся впередъ, сдѣлавъ едва замѣтное движенiе рукой Зацѣпину, чтобъ онъ проходилъ.

Теперь насталъ его чередъ!

Онъ находился еще на разстоянiи трехъ-сотъ шаговъ отъ Дворцовой площади, когда попалъ въ самый рой царскихъ шпiоновъ и охранителей. Нѣкоторые изъ нихъ стояли неподвижно на своихъ мѣстахъ, другiе слѣдили за всѣми улицами, ведущими къ мѣсту царской прогулки, чтобы не пускать туда постороннихъ, и заарестовывали всѣхъ мало-мальски подозрительныхъ прохожихъ, мужчинъ и женщинъ. Одинъ изъ охранителей, сѣдовласый, почтенный господинъ, котораго Андрей никогда бы не принялъ за шпiона, подошелъ къ нему.

— Потрудитесь, сказалъ онъ вѣжливымъ, но рѣшительнымъ голосомъ, пройти другой дорогой.

— Почему это? спросилъ Андрей, подвигаясь, однако, на нѣсколько шаговъ впередъ,

— Здѣсь строго воспрещается проходить кому бы то ни было, продолжалъ пожилой господинъ, идя съ нимъ рядомъ. Вернитесь тотчасъ же, если не хотите нарваться на непрiятности.

Андрей пожалъ плечами.

— Но я ничего не вижу въ улицѣ, что мѣшало бы людямъ идти по ней, сказалъ онъ, напуская на себя удивленный видъ и все болѣе подвигаясь впередъ.

Почтенный господинъ сдѣлалъ знакъ рукой, и два молодца въ штатскомъ платьѣ, стоявшiе шагахъ въ тридцати, бросились къ Андрею, очевидно, съ намѣренiемъ задержать его. Положенiе Андрея становилось критическимъ. Онъ остановился, намѣреваясь вступить въ препирательство со шпiонами и надѣясь выиграть еще нѣсколько минутъ.

Но конспираторы хорошо разсчитали свои движенiя. Въ этотъ самый моментъ царская собака показалась въ концѣ улицы, и шпiоны мгновенно исчезли. Царь долженъ былъ проходить черезъ минуту, и къ этому времени дорога должна была быть свободной.

Андрей шелъ медленно и безпрепятственно достигъ угла улицы.

Царь появился въ эту минуту въ нѣсколькихъ шагахъ позади памятника Александра I, стоящаго противъ дворца.

Изъ окна одного дома, выходящаго на площадь, два молодыхъ человѣка, въ сильномъ волненіи, слѣдили за происходившимъ. Жоржъ былъ одинъ изъ нихъ. Онъ видѣлъ столкновеніе Андрея съ тремя шпіонами и уже считалъ дѣло пропавшимъ. Но вотъ показался всероссійскій самодержецъ, заворачивавшій за уголъ памятника, и, на встрѣчу ему двигался Андрей, спокойный, непоколебимый, какъ судьба. Завидѣвъ незнакомца, царь вздрогнулъ, но все-таки продолжалъ идти впередъ.

Съ замираніемъ сердца, Жоржъ слѣдилъ, какъ шагъ за шагомъ уменьшалось разстояніе между ними, до тѣхъ поръ, пока ему не показалось, что ихъ раздѣляло всего нѣсколько шаговъ.... и все-таки, ничего еще не произошло, и они продолжали сходиться.... Чего же онъ ждетъ? Что бы это могло значить? Но Жоржъ ошибался: разстояніе, казавшееся въ перспективѣ такимъ ничтожнымъ, на дѣлѣ было еще шаговъ двадцать.

Тутъ, по установленнымъ правиламъ, Андрей долженъ былъ снять шляпу и оставаться съ обнаженной головой, пока его государь и повелитель будетъ проходить. Но, вмѣсто того, чтобы выполнить этотъ актъ вѣрноподданничества, Андрей опустилъ руку въ карманъ, выхватилъ револьверъ, прицѣлился и выстрѣлилъ въ царя.

Пуля попала въ стѣну дома, саженяхъ въ двадцати позади царя, почти подъ самый карнизъ. Андрей далъ промахъ; револьверъ сильно отдавалъ, и имъ нужно было цѣлиться въ ноги, чтобы пуля не перелетѣла черезъ голову. Андрей открылъ это слишкомъ поздно. На секунду онъ стоялъ ошеломленный неудачею, опустивши руки. Но въ слѣдующій же моментъ онъ бросился впередъ, съ блѣднымъ лицомъ и сдвинутыми бровями, давая выстрѣлъ за выстрѣломъ. Царь, тоже блѣдный, подобралъ полы своей шинели и пустился бѣжать изъ всѣхъ силъ. Но онъ не потерялъ присутствія духа.

Вмѣсто того, чтобы бѣжать прямо, онъ дѣлалъ зигзаги и, такимъ образомъ, не давалъ своему преслѣдователю возможности цѣлиться. Одна только пуля пронизала капюшонъ его шинели, остальныя же пролетѣли мимо.

Меньше чѣмъ въ минуту Андрей израсходовалъ всѣ свои шесть зарядовъ. Между тѣмъ, куча шпіоновъ, которыхъ прежде не было видно, стала сбѣгаться со всѣхъ сторонъ и все увеличивалась. Жоржъ видѣлъ, какъ они, разъяренные, окружили Андрея. Сперва, они всѣ держались поодаль, боясь приблизиться къ нему. Но, видя, что онъ безоруженъ и не оказываетъ никакихъ признаковъ сопротивленія, они сразу набросились на него. Жоржъ только слышалъ ихъ яростные крики и возгласы; закрывъ лицо руками, онъ ничего больше не видѣлъ.

Андрея, полуживого, увезли въ тюрьму. Но онъ оправился понемногу, и въ свое время былъ преданъ суду, приговоренъ къ смерти и казненъ.

Онъ погибъ. Но дѣло, за которое онъ умеръ, не погибло. Оно идетъ впередъ, отъ пораженія къ пораженію и дойдетъ до конечной побѣды, которая въ этомъ печальномъ мірѣ, можетъ быть достигнута только страданіями и самопожертвованіемъ немногихъ избранныхъ.

КОНЕЦЪ.

DEC 24 1935

